

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Зубченко Виолетта Вадимовна

**ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ТЕКСТАХ БАСЕН И ЭПИГРАММ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX ВЕКА)**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Исаева Лидия Алексеевна

Краснодар – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СМЕХОВОЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	15
1.1 Языковая картина мира: типология и актуальный состав понятия	15
1.2 Смеховой дискурс и его разновидности в XX веке	26
1.2.1 Понятие сатирического дискурса	37
1.2.2 Понятие юмористического дискурса	46
1.2.3 Басня и эпиграмма как текстовые составляющие смехового дискурса	54
1.3 Зооморфные компоненты как элемент языковой картины мира и смехового дискурса.....	66
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	76
ГЛАВА 2. ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РУССКОЙ БАСНЕ XX ВЕКА	80
2.1 Зооморфизмы, актуальные для русской басни XX века: репрезентанты и особенности функционирования	80
2.2 Зооморфный образ собаки	85
2.3 Зооморфный образ волка	103
2.4 Зооморфный образ медведя	119
2.5 Зооморфный образ лисы	136
2.6 Зооморфный образ зайца	150
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	165
ГЛАВА 3. ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РУССКОЙ ЭПИГРАММЕ XX ВЕКА	170
3.1 Зооморфизмы, актуальные для русской эпиграммы XX века: репрезентанты и особенности функционирования	170
3.2 Зооморфный образ собаки	176
3.3 Зооморфный образ коня/лошади	187
3.4 Зооморфный образ льва	203

3.5 Зооморфный образ волка	215
3.6 Зооморфный образ змеи.....	220
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	238
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	245
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	268
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	289
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	329

ВВЕДЕНИЕ

Смеховые художественные тексты, представляющие обличительно-сатирическое направление в литературе, словесно изображают в комической манере отрицательные стороны действительности и вскрывают человеческие пороки. Писатели при помощи таких текстов создают особую «смеховую» языковую картину мира, нацеленную на то, чтобы методом «от противного» оттенять положительные явления жизни и утверждать истинные ценности. Эта смеховая языковая картина мира состоит из множества взаимосвязанных лингвокультурных фрагментов, одним из которых являются зооморфные образы. В настоящей работе рассматриваются зооморфизмы как элемент сатирико-юмористического дискурса и «смеховой» языковой картины мира, являющейся частью национальной языковой картины мира.

Центральными в предлагаемой работе являются следующие базовые понятия языкознания: языковая картина мира, смеховая картина мира, дискурс, смеховой дискурс, сатирический дискурс, юмористический дискурс, зооним, зооморфизм и зооморфный компонент, которые классифицируются учёными по-разному.

Актуальность темы исследования. Проблема отображения смехового дискурса в языковой картине мира до настоящего времени не была изучена в полном объёме и остаётся актуальной для антропоцентрических направлений современного языкознания. Изучение семантико-прагматической роли зооморфизмов в текстах басен и эпиграмм XX века требует детального анализа их текстовых употреблений, а выявление единиц зооморфной лексики, наиболее значимых в текстах этих жанров, позволяет дополнить языковую картину данной эпохи.

Степень разработанности проблемы. Слова, именующие животных (зоонимы), в своих прямых и переносных лексических значениях (зоонимические характеристики, зоометафоры), а также в текстовых употреблениях, наделяющих образ животного чертами человека (зооморфизмы, зооморфные образы), не раз становились объектом

лингвистических исследований (О.А. Рыжкина, 1979; Т.В. Писанова, 1989; Тон Куанг Кыонг, 1997; Т.В. Шведчикова, 1998; А.А. Киприянова, 1999; С.В. Свионтковская, 2000; И.В. Холманских, 2000; И.А. Курбанов, 2000; Ц.Ц. Огдонова, 2000; Н.В. Солнцева, 2004; И. Устуньер, 2004; Н.В. Землякова, 2005; А.А. Шарова, 2010; Р.А. Карам, 2010; Е.В. Дерюгина, 2011; О. Бичер, 2016; Ф.Ш. Бекмурзаева, 2021; Е.В. Болгова, 2021 и др.). Интерес исследователей к этой группе лексики объясняется универсальностью и вместе с тем национальным своеобразием зооморфизмов, их особой выразительностью и эмоциональной оценочностью.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём зооморфные образы впервые рассматриваются с позиции их семантико-прагматических реализаций в смеховом дискурсе предсовременного исторического периода, а именно в текстах басен и эпиграмм XX века. В диссертации раскрыт функционально-прагматический потенциал ключевых единиц, репрезентирующих образы животных, и определены механизмы формирования семантики зооморфизмов в сатирических текстах названного периода.

Материалом исследования являются зооморфные единицы, функционирующие в текстах басен и эпиграмм писателей XX века. Общее количество рассмотренных текстов составляет 1010 (680 басен и 330 эпиграмм), в них отмечено 1790 случаев употребления зооморфной лексики (в баснях – 1450, в эпиграммах – 340), проанализировано более 500 контекстов.

Источниками материала послужили тексты басен и эпиграмм, взятые из следующих сборников: **басни** – Д. Бедный «Избранные басни» (1926), «Сто басен» (1935), «Избранные басни и стихотворения» (1935), «Басни и сказки» (1945), «Избранные произведения» (1985), И. Батрак «Обручи и клепки» (1926), «По следам жизни» (1935), «Избранное: стихи и басни» (1958), «Басни народов Советского Союза» (1959), Н. Альтшуллер «Хоть

верьте, хоть не верьте» (1960), «Мормышка» (1968), Е.И. Аникеев «Холодный душ» (1976), «Ход конём» (1982), «Тихая заводь» (1988), С.В. Смирнов «Сатирички. Сатира и юмор» (1979), Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль» (1980), Б.Н. Брайнин «Прошу высечь» (1983), С.В. Михалков «Басни» (1984), В.Ф. Матвеев «Озорная перемена» (1985) и журнал «Зритель» (1905); **эпиграммы** – С.В. Смирнов «Добро пожаловать. Пародии, шаржи, эпиграммы» (1962), И.И. Игин, А.Я. Рейжевский «В дружеском ключе» (1964), А.А. Иванов, А.Б. Раскин «Это Я?.. Шаржи – Кукрыниксы. А. Раскин – эпиграммы» (1968), А.Я. Рейжевский «...О двух концах» (1969), В.Н. Суслов «Лично известны» (1986), А.Я. Рейжевский «Из записных книжек: эпиграммы и миниатюры разных лет» (1986), А.Г. Архангельский «Пародии. Эпиграммы» (1988), С.Я. Маршак «Лирические эпиграммы» (1970), А.А. Иванов «Птичку жалко» (2000), «Русская эпиграмма» (2000, 2005), «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» (2002), «Антология Сатиры и Юмора XX века» (2005) и журналы «Весёлый листок» (1947, №1), «Крокодил» (1984, №18); **басни и эпиграммы** – А.Б. Раскин «Очерки и почерки» (1959), Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать» (1977), Б.Н. Брайнин «Прошу высечь» (1983), С.Е. Ванетик «Крутой диалог» (1999), «"Крокодил" всех времён и народов» (2007).

Обоснованность и достоверность результатов исследования обуславливаются собранным и проанализированным материалом, который, как было сказано, включает более тысячи текстов басен и эпиграмм XX века, содержащих зооморфную лексику. При первичном анализе материала использовались данные лексикографических источников, в частности, толковых и фразеологических словарей. Для описания собирательных лингвокультурных зооморфных образов привлекались наиболее авторитетные словари, представляющие лексику русского языка как систему, дающие в словарных статьях необходимые стилистические пометы и отражающие переносные значения слов. Привлекались словари, фиксирующие устойчивые словосочетания и пословичные речения с

зооморфными образами, сборники устойчивых народных сравнений. Кроме того, были задействованы лингвокультурологические словари, в которых отражено традиционное отношение носителей языка к описываемым зооморфным образам. Использовались также сборники мифологии и русских народных сказок.

Объектом исследования послужили контексты из басен и эпиграмм писателей XX века, в которых содержатся зооморфные образы.

Предметом исследования явились контекстная семантика и функционально-прагматические особенности зооморфизмов в текстах басен и эпиграмм сатириков XX века.

Цель исследования заключается в выявлении семантических и прагматических особенностей функционирования зооморфной лексики в баснях и эпиграммах XX века и в определении её роли в формировании сатирико-юмористического литературного дискурса этого периода и национальной языковой картины мира.

Заявленная цель предопределила постановку и решение следующих **задач**:

1) описать и уточнить следующие понятия: «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «фольклорная картина мира», «комическая картина мира» и «смеховая картина мира»; «дискурс», «смеховой дискурс», «сатирический дискурс» и «юмористический дискурс»; «зооним», «зооморфизм» и «зооморфный компонент»;

2) определить место и роль смехового дискурса, а именно басен и эпиграмм XX века, в формировании смеховой языковой картины мира;

3) выявить семантические и функционально-прагматические особенности наиболее частотных зооморфных образов в текстах басен (*собака, волк, медведь, лиса и заяц*) и эпиграмм (*собака, конь/лошадь, лев, волк и змея*) XX века разных авторов;

4) на основании выбранной методики исследования рассмотреть отобранные зооморфизмы путём соотнесения их индивидуально-авторских

(текстовых) реализаций с интерпретациями в традиционных культурных источниках;

5) охарактеризовать лингвокультурную специфику зооморфизмов как элемента национальной языковой картины мира.

Для достижения цели и решения поставленных задач в работе предлагается собственная методика анализа текстового материала: выделяются наиболее частотные зооморфные образы, наименования которых, в первую очередь, верифицируются по толковым словарям и словарям устойчивых речений; затем для выявления новых смысловых элементов, относящихся к характеристике человека, изучается описание выбранных зооморфизмов в лингвокультурных словарях и справочниках, в мифологии, а также в фольклорных текстах (русских народных сказках). Такой подход даёт возможность с наибольшей полнотой осветить общекультурную и индивидуально-авторскую семантику зооморфных образов, которые используются в баснях и эпитаграммах XX века.

Исследовательская гипотеза состоит в признании зооморфных единиц, обладающих образностью, оценочностью (эмоциональной и/или социальной) и экспрессивностью, активным прагматическим средством в изобразительном арсенале сатирического дискурса XX века: как и в традиционной русской сатире, в зооморфных образах даются метафорические характеристики личности, преимущественно по негативным качествам, при этом в рассматриваемый период текстовая семантика зооморфизмов насыщается новыми смыслами, что позволяет считать эти единицы значимым фрагментом национальной языковой картины мира в её карикатурно-смеховой составляющей.

Методологической, теоретической и эмпирической основой исследования явились научные труды ведущих учёных, посвящённые проблемным лингвистическим объектам:

– когнитивной базе текстового пространства (Й.Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.);

– лингвокультурным аспектам бытования языка (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и т.д.);

– категории интертекстуальности, отражающей диалогическое взаимодействие текстов (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.С. Степанов и др.);

– дискурсу, представляющему текст в действенном ракурсе (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Войткова, С.А. Громько, Т.М. Грушевская, Е.К. Гурова, Т.А. ван Дейк, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, О.Л. Михалёва, Т.Г. Скребцова и проч.);

– языковой картине мира как форме мировидения, отражённого в языке (Ю.Д. Апресян, В.В. Верещагин, А.А. Зализняк, О.А. Корнилов, Н.И. Костомаров, И.Б. Левонтина, М.В. Пименова, И.В. Попченко, В.И. Постовалова, А.А. Потебня, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелёв, Н.Н. Шпильная, Е.С. Яковлева и др.);

– комическому и его проявлению (М.М. Бахтин, В.Г. Белинский, Ю.Б. Борев, И.В. Виноградова, А.З. Вулис, Б. Дземидок, Н.А. Добролюбов, Л.Ф. Ершов, А.Г. Козинцев, А.Н. Лук, Д.П. Николаев, Е.К. Озмитель, В.Я. Пропп, В.З. Санников, П.И. Ткачёв, Н.Г. Чернышевский, Я.Е. Эльсберг и т.п.);

– зооморфизмам, являющимся метафорическими характеристиками свойств человека (О. Бичер, Е.В. Болгова, Н.В. Землякова, А.А. Киприянова, О.В. Кондрашова, Тон Куанг Кыонг, Ц.Ц. Огдонова, О.А. Рыжкина, С.В. Свионтковская, Н.В. Солнцева, И. Устуньер, И.В. Холманских и др.);

– басням и эпиграммам как смеховым текстам (Ю.В. Воложанина, С.У. Керимова, О.Б. Кушлина, И.С. Леонов, С.С. Микова, А.В. Несмеянов, А.А. Потебня, А.О. Путило, А.А. Рыбакова, В.А. Тихомирова, В.А. Шипилов, Ю.В. Щурина и т.д.).

Теоретическую значимость работы определяет то, что проведённый анализ текстового материала расширяет представление о роли зооморфных образов в русской языковой картине мира. В диссертации создаётся база для дальнейшего изучения зооморфных единиц в сатирических текстах других

жанров и иных исторических периодов. Кроме того, проделанный лингвистический анализ басенных и эпиграммных текстов может явиться основой для доказательной филологической характеристики этих произведений.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов при чтении вузовских лекций и проведении семинарских занятий по курсам современного русского языка, стилистики, риторики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; в организации спецкурсов и спецсеминаров по семантике и прагматике, филологическому анализу текста; в преподавании русского языка как иностранного; при подготовке дипломных и курсовых работ; в лексикографической деятельности, в частности при подготовке словаря зооморфных образов в русской смеховой картине мира. Отдельные положения и выводы данной работы могут быть полезны в журналистской практике.

В качестве справочных лексикографических источников работы привлекались следующие словари: «Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева); «Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов); «Новый словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова); «Толковый словарь современного русского языка» (Д.Н. Ушаков); «Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (А.И. Фёдоров); «Большой словарь русских народных сравнений» (В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина) и др.

В работе использованы следующие **методы и исследовательские приёмы**: *метод наблюдения* (для выявления зооморфных образов в текстах басен и эпиграмм исследуемого периода); *метод семантического анализа* (при изучении словарной и текстовой семантики зооморфизмов); *интерпретационный метод* (при характеристике семантических и прагматических особенностей использования наименований животных в

смеховых текстах, включающих зооморфные образы); *метод сопоставления* (для обнаружения авторских особенностей семантической интерпретации определённого зооморфизма); *метод обобщения* (при воссоздании того или иного собирательного зооморфного образа в русской языковой картине мира); *описательный метод* (для изложения результатов исследования); *метод контент-анализа* (для установления образно-ассоциативных смыслов, содержащихся в зооморфизмах).

Положения, выносимые на защиту:

1. В национальной языковой картине мира, которая в значительной своей части формируется смеховым дискурсом, зооморфные компоненты сатирических текстов играют существенную смысло- и образформирующую роль. Лингвокультурная значимость зооморфизмов может быть выявлена путём соотнесения их индивидуально-авторских (текстовых) реализаций с интерпретациями в традиционных культурных источниках.

2. Смеховой текст отражает ситуации или объекты, ставшие предметом насмешки автора и призванные вызвать у читателя смеховую реакцию. Смеховой дискурс с включёнными в него текстами – это фрагмент культуры, меняющийся в разные эпохи и неодинаковый у разных народов. Тексты такого вида отражают менталитет и национальную культуру носителей языка.

3. Зооморфизмы в русской басне XX века демонстрируют определённую иерархию, наиболее частотными среди них являются образы *собаки, волка, медведя лисы и зайца*, которые развивают новую контекстуальную семантику (*собака* – сторож, *волк* – премьер-министр, *медведь* – начальник, *лиса* – корреспондент, *заяц* – секретарь), сохраняя при этом традиционные смыслы (*лиса* – хитрость, *волк* – кровожадность, *заяц* – трусость); совокупное общеизвестное и индивидуально-авторское «прочтение» образов этих животных дополняет их национально-культурную семантику, отражённую в языковой картине мира.

4. Зооморфные компоненты в русской эпиграмме XX века встречаются значительно реже, чем в баснях данного периода (330 против 680 текстов), и они более персонифицированы и индивидуализированы. Наиболее частотными в эпиграммах являются образы *собаки, коня/лошади, льва, волка* и *змеи*. Их семантические характеристики и прагматические функции, в отличие от басен, фрагментарны и ассоциативны, они нередко создаются посредством языковой игры (ассоциации по созвучию зоонима с личным именем адресата, по внешнему облику, по характерным чертам поведения и проч.), что объясняется жанровыми особенностями эпиграмм: требующие максимально краткой формы изложения, они нередко передают авторскую интенцию при помощи намёков.

5. Зооморфные образы в рассмотренных баснях XX века репрезентируют языковые формы, среди которых наиболее информативными являются следующие: синонимические ряды / частные названия наименований животных (*шавка, пёс, щенок / волк, волчонок, волчище*); имена собственные / клички (*Полкан, Анфиса, Топтыгин*); наименование породы (*бульдог, овчарка, болонка*); обозначения социального статуса, должности персонажей (*сторож, ревизор, начальник, секретарь*); именованья по принадлежности к общественно-политическому течению (*либерал, революционер, оппозиционер*); прилагательные или субстантивы, характеризующие животных по характерному внешнему признаку, например по масти (*серый, рыжая*); соматизмы (*пасть, лапа, хвост*); слова, в семантической структуре которых содержится зооморфный компонент (*лаять, выть, по-щенячьи*); относящиеся к зооморфизмам устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*вилять хвостом, рыльце в пушку, как кошка с собакой*); прецедентные имена (*Моська*) и др.

6. Зооморфные образы в эпиграммах рассматриваемого периода реализуют следующие репрезентанты: синонимичные ряды / частные названия наименований животных (*конь, лошадь, мерин / волк, волчонок, волчица*); наименование породы (*бульдог, пудель, фокстерьер*);

прилагательные, обычно употребляемые для характеристики животного по отличительным признакам (*густопсов, чистопороден*); соматизмы (*лапа, хвост*); слова, называющие место обитания животных (*псарня, конюшня*); слова, в семантической структуре которых содержится зооморфный компонент (*шипеть, рычать, по-собачьи*); относящиеся к зооморфизмам устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*тroyанский конь, морской волк, съел собаку, как бульдог*); клички животного, отсылающие к прецедентному тексту (*Бим, Муму*) либо пародирование клички животного (*Облай Облаич*) и т.д.

7. Зооморфизмы в смеховых текстах рассматриваемого периода реализуют разные прагматические функции, зависящие от целеполагания жанра: в баснях они выполняют в первую очередь социально-обличительную функцию, а в эпиграммах передают целый спектр смеховых оттенков личностного отношения автора к объекту изображения (юмор, ирония, издёвка, сарказм и т.д.).

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были изложены автором на конференциях различного уровня. На международных научно-практических конференциях: «Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований» (Махачкала, 18 октября 2015 г.); «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире» (Санкт-Петербург, 15 декабря 2015 г.); «Актуальные вопросы филологических исследований» (Краснодар, 26 октября 2016 г.), «Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании» (Санкт-Петербург, 22 марта 2017 г.); «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 28 апреля 2016 г., 26 мая 2017 г., 24 мая 2018 г.); «Вопросы современных научных исследований» (Омск, 19 октября 2018 г.); «Интеграционные процессы современной научной мысли» (Казань, 30 августа 2018 г., 31 августа 2019 г.) «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 18 ноября 2021 г.); на международных научных конференциях: «The Strategies of

Modern Science Development» in the section «Philology» (США, Чарлстон (Южная Каролина), 24 октября 2018 г.); «Актуальные проблемы филологии и дидактики: междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках» (Душанбе, 26 декабря 2018 г.).

Автор является призёром научно-практической конференции-конкурса «Интеграционные процессы современной научной мысли» с присуждением третьего места в номинации «Лучшее научное решение» за конкурсную работу «Изменения оценочной экспрессии в эпиграммах советской эпохи» (Казань, 30 августа 2018 г.) и призёром научно-практической конференции-конкурса «Интеграционные процессы современной научной мысли» с присуждением третьего места в номинации «Креативность научного обоснования» за конкурсную работу «Особенности советского сатирического дискурса (на примере басен и эпиграмм 20-30-ых годов XX века)» (Казань, 31 августа 2019 г.). Также автор награждён дипломом лауреата за высокий уровень практико-ориентированной деятельности, продемонстрированный в рамках Международного конкурса «Научная перспектива – 2020» в конкурсной работе «Семантика зоонимов в русских баснях и эпиграммах советского периода» (Казань, 29 августа 2020 г.).

По теме научно-квалификационной работы опубликовано 17 научных статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура и объём диссертационной работы определяются логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы и приложений. В основной части работы приводится 27 таблиц. Общий объём работы составляет 339 страниц.

ГЛАВА 1. СМЕХОВОЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1 Языковая картина мира: типология и актуальный состав понятия

Понимание того, что язык формирует основу восприятия людьми окружающей их действительности, утвердилось в языкознании с середины XIX века благодаря развитию антропоцентрического направления науки, одним из основателей которого называют В. фон Гумбольдта, считавшего язык важнейшим средством общения и указывавшего на другие его социальные роли [Гумбольдт, 1985а, с. 370-381]. В работах основоположника учения об органичной связи языка и культуры В. фон Гумбольдта и в трудах его последователя, немецкого учёного Л. Вайсгербера, впервые в мировой лингвистике выстроилась целостная теория языковой картины мира. Развивая идеи своего учителя, Л. Вайсгербер писал, что «словарный запас конкретного языка включает в себя совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество» [Вайсгербер, 2009].

В отечественном языкознании концепция В. фон Гумбольдта о связи языка и мышления, языка и сознания, языка и мировосприятия народа была творчески воспринята и новаторски разработана в трудах А.А. Потебни [Потебня, 2007]. В его учении о внутренней форме слова и языка был раскрыт диалектический механизм осознания человеком объективного мира посредством языка (см. также работы Безлепкина Н.И. *Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии*, 2002 и Виноградова В.В. *История русских лингвистических учений*, 2005, с. 94-95).

Современные исследователи, углубляя и конкретизируя идеи предшественников, рассматривают все разнообразие общественных функций языка как народного и культурного достояния. Так, О.А. Корнилов утверждает, что «любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что <...> особенно

важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [Корнилов, 2000, с. 21]. Это значит, что именно в национальном языке выражается тот образ мира, который формируется в коллективном сознании его носителей.

Применительно к слову как основной единице языка сказанное означает, что его содержательная сторона шире собственно лексического значения, зафиксированного в словарях. Это давно замеченное свойство слова получило разработку в самых разных семантических теориях: в идее А.А. Потебни о внутренней форме [2007], ближайшем и дальнейшем значении слова; в учении Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова о фоновых смыслах в рамках лингвострановедческой теории слова [2005]; в таком обширном направлении лексической семантики, как прагматика слова с выделяемыми в ней, по Н.Д. Апресяну, коннотациями [1995]; наконец, в многочисленных трудах, представляющих активно развивающуюся сегодня лингвистическую концептологию. Примечательно, что именно на слова, обозначающие животных (зоонимы) и служащие объектом данного исследования, в первую очередь обращается внимание в плане их «дальнейшего значения», «фоновых или приращённых смыслов», «коннотаций» или «концептуализации» (ср. у Ю.Д. Апресяна ставший уже хрестоматийным пример отличия коннотаций слова *осёл* ('упрямство, тупость') от коннотаций слова *ишак* ('способность к тяжелому труду') [Апресян, 1995].

Всем носителям русского языка с детства известно, что *заяц* в народных сказках ассоциируется с трусостью, *лиса* – с хитростью и льстивостью, *медведь* – с неуклюжестью и добродушием. Откуда же появились эти лингвокультурные ассоциации, наслаивающиеся на основное «зоологическое» значение наименований животных? Причём известно, что они не универсальны и в каждом языке есть свои особенности восприятия того или иного животного. Например, в азиатских странах заяц символизирует мудрость, у африканцев – ум и сообразительность, о чём

свидетельствуют легенды и сказки этих народов. Именно разноязычные тексты фольклорных произведений сохраняют для народов старинные обычаи, исконные представления и традиционную культуру их стран, а эти представления и традиционная культура, с точки зрения современной лингвистики, лежат в основе такого глобального понятия, как языковая картина мира (далее ЯКМ).

В коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» указано: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005, с. 9]. По мнению учёных, «овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [Там же, с. 9]. В этой характеристике ЯКМ ценно указание на одновременность освоения человеком языка и основанной на нём культуры, а также на «растворённость», репрезентативность культуры в системе и отдельных единицах языка.

Язык при этом понимается как зеркало культуры, в котором отображаются все имеющиеся представления (мифологические, фольклорные, религиозные) народа о мире, в котором он живёт, т.е. при помощи языка формируется мировидение народа, закладываются основы его культуры. По словам В.И. Постоваловой, «язык <...> есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [Постовалова, 1988, с. 30]. Автор утверждает здесь познавательную и

структурирующую роли языка в развитии коллективного «языкового» сознания (когнитивная функция), а также очень важную его роль как хранителя исторической памяти народа (меморативная функция).

Язык содержит то, что хранится народом на протяжении всей его истории. Как считает В.В. Колесов, «мы должны понять, что и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира и объяснить себе эти достижения как успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах – потому что любая культура <...> рождается и развивается в национальных формах» [Колесов, 2000, с. 8]. Высказывание выдающегося исследователя истории языка дополняет представление о ЯКМ как о динамическом явлении, развивающемся в историческом пространстве определённой языковой культуры, то есть в том или ином культурном хронотопе.

Инструмент отображения окружающего мира и культуры в языке показан в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление», где Б.А. Серебренников пишет, что язык связан с действительностью и отображает её знаковым способом [Серебренников, 1988, с. 6]. Это, в частности, значит, что, закладывая в систему языка определённые знаки, носители этого языка формируют тем самым основу для дальнейшего его развития.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, ЯКМ отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков [Апресян, 2006, с. 35]. Этими словами подчеркивается уникальность и специфичность различных национальных ЯКМ. В то же время картина, «составленная общепризнанными словами», по мнению автора, отражает «опыт интроспекции десятков поколений» [Там же, с. 35]. В этом замечании акцентировано такое качество ЯКМ, как относительная стабильность и преемственность в её развитии.

В настоящее время изучение ЯКМ стало особенно значимым для всех сфер научного знания, в связи с чем термин «картина мира» нередко конкретизируется дополнительными определениями: *научная, языковая, концептуальная, национальная, наивная* и др., однако особое, центральное место среди всех картин мира занимает *языковая*, поскольку именно она освещает все сферы человеческого знания.

Характеризуя сущность рассматриваемого понятия, исследователи обращают также внимание на субъективно-объективную природу ЯКМ: под «картиной мира» обычно понимается совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности (см.: Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов, 1995, с. 47). В научной литературе в качестве близких по значению используются также менее распространённые терминологические словосочетания – «образ мира» и «модель мира», которые при некоторой специфичности их значений (понятие 'образ мира' отличается, по всей видимости, большей целостностью и вместе с тем метафоричностью, а понятие 'модель мира' – большей отвлечённостью, логичностью и схематичностью), в определенных научных контекстах могут, тем не менее, использоваться как взаимозаменяемые.

Со второй половины XX века осмысление понятия «языковая картина мира» было продолжено отечественными учёными: Ю.Д. Апресяном, Ю.Н. Карауловым, Е.С. Кубряковой, Е.С. Яковлевой, В.А. Масловой, В.И. Постоваловой, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Шмелёвым, И.Б. Левонтиной, А.А. Зализняком и др. Так, в русле когнитивной лингвистики изучается отражение ЯКМ в лексической семантике единиц языка [Апресян 1985; Яковлева 1994; Телия 1988; Вежбицкая 1999; Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005, 2012 и др.], в свойственных языку морфологических категориях и синтаксических моделях [Вежбицкая 1996; Серебренников 1988], в прагматике как воздействующей силе языка [Апресян 1985, 1986, 2005; Булыгина, Шмелёв 1997; Яковлева 1994 и др.]. Примечательно, что в этом направлении антропоцентрической лингвистической парадигмы понятие

«языковая картина мира» тесно смыкается с ещё более широким понятием «концептуальная картина мира» (ККМ). При этом исследователи указывают, что еще Аристотель усматривал «в языковых формах проекцию основных бытийных концептов» [Кубрякова, 2004, с. 116], и утверждают, что «...связь языковой картины мира с концептуальной осуществляется именно через посредство слова», являющегося именем концепта [Там же, с. 69]. Концепт же как «сгусток культуры в сознании человека» представляет собой, по мнению Ю.С. Степанова, значимое понятие, погружённое в контекст культуры и выраженное словесно [Степанов, 2004, с. 43-44].

Обобщая многочисленные труды в области научной разработки категории ЯКМ, можно сказать, что современные исследования этого явления ведутся в двух направлениях. Первое предполагает системный семантический анализ лексики определённого языка, при котором производится реконструкция общей системы представлений, отражённой в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.А. Маслова и т.д.). Конечной целью исследований этого типа становится построение полного и целостного понятийно-семантического поля языка (континуальный аспект воссоздания ЯКМ). Во втором направлении исследуются отдельные лингвоспецифичные концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры, и одновременно слова, их репрезентирующие, трудно переводятся или не переводятся вовсе на другие языки (А. Вежбицкая, В.В. Колесов, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, А.Д. Шмелёв, Е.С. Яковлева и др.). Работы этого плана нацелены на создание «словесно-семантических портретов» отдельных культурно значимых понятий, свойственных той или иной картине мира (дискретный аспект представления ЯКМ). В данном исследовании представлена попытка сочетания двух названных аспектов: зооморфизмы рассматриваются в контексте общеязыковых значений зоонимов, народных представлений о зооморфных образах и авторских

интерпретаций этих зооморфизмов в таких популярных сатирических жанрах, как басня и эпиграмма. Избранный подход к материалу предполагает демонстрацию неоднородности базового понятия исследования – языковая картина мира, о чём уже говорилось выше и, в первую очередь, выделение в нём областей под условными названиями «фольклорная картина мира» и «смеховая картина мира».

Мифологическая и фольклорная картины мира в совокупности могут быть признаны важной и даже основополагающей частью ЯКМ этноса. Исследователи-фольклористы отмечают, что фольклор содержит народные стереотипы сознания, выработанные традиционной культурой. Фольклорная картина мира рассматривается ими как «одна из ипостасей, одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [Артеменко, 2003, с. 11]. В фольклоре ЯКМ реализуется своеобразно, преломляясь через призму мифологического, наивного, а затем и религиозного мышления, таким образом, в фольклорной картине мира закладывается довольно древний взгляд на мир, «воплотившийся в многочисленных условностях, которыми изобилует сказка» [Алещенко, 2008, с. 25].

Несмотря на древность и наивность фольклорных представлений, эта особая картина мира не утратила до настоящих дней ни своей значимости, ни связи с ЯКМ. По мнению В.А. Черваневой и Е.Б. Артеменко, фольклорная картина мира представляет собой «фрагмент концептуальной картины мира этноса» (ККМ – В.3.) [Черванева, Артеменко, 2004, с. 5]. Е.И. Алещенко в своей работе пишет, что «фольклорный текст в силу своей специфики не может давать зеркального отражения жизненных реалий. Однако многие черты бытия древнего славянина запечатлелись в нём» [Алещенко, 2008, с. 26].

В русских народных сказках общечеловеческие темы и идеи получают своеобразное национальное воплощение: показан быт народа, изображены типичные социальные отношения, затрагиваются нравственные понятия, отражается национальный взгляд на вещи, передана также специфика

русского языка. Это и делает сказку неповторимой, содержащей в себе культурно значимые для русского народа характеристики.

По словам А.Т. Хроленко, «для фольклорного слова характерна коннотативность, в которую включается, помимо индивидуально-эмоционального комплекса, <...>, так называемый ассоциативный тезаурус, обусловленный всей системой фольклорного мира и его языка» [Хроленко, 1992, с. 107]. Напомним, что индивидуально-эмоциональный комплекс коннотативности в семантике слова включает в себя, во-первых, оценочность, то есть положительное (позитивное, мелиоративное) или отрицательное (негативное, пейоративное) отношение говорящего к называемому явлению; во-вторых, эмоциональность – чувства субъекта речи к её предмету (например, восхищение, умиление, раздражение, негодование и проч.); в-третьих, экспрессивность – выразительность, интенсивность, силу, с которой проявляются оценка, эмоции; в-четвёртых, образность – механизм которой в семантике слова является метафора [Кондрашова, 1985, с. 35-36]. Если же иметь в виду коннотацию как лингвокультурный элемент в семантике языка в целом или в семантике фольклорных текстов, то она включает также строй образного народного мышления и оценочность, основанную на народных представлениях о нравственности, а также эмоциональность связанную со смеховыми национальными предпочтениями. Носитель фольклора усваивает не только круг сюжетов, специфику жанров, но и весь комплекс коннотативных черт, обусловленных национальным фольклорным миром, а значит и накопленные наблюдения по образной символике традиционной культуры. Поэтому фольклорные коннотации всегда национально обусловлены. Например, русские вкладывают в образ *лисы* собственное представление о хитрости, плутовстве и, перенося эти свойства на человека, чаще всего оценивают их отрицательно, хотя и отмечают успешность действий обладателя этих качеств. Исследователь традиционных фольклорных образов русских сказок М.В. Пименова отмечает, что яркая семантическая специфика «сказочных» слов проявляется

именно в сфере их коннотаций, поскольку «многие денотативные периферийные признаки в силу своего конкретного содержания тесно связаны с эмоцией и оценкой» [Пименова, 2019, с. 10].

Другой областью ЯКМ, имеющей непосредственное отношение к исследуемому в данной работе материалу, является так называемая *смеховая картина мира*. Поясним, что этот термин является условным и в разных работах, так или иначе относящиеся к смеховым жанрам, он может варьироваться: *комическая картина мира* [Попченко 2005], *ироническая* [Палкевич 2003], *смеховая* [Слышкин 2007], *сатирическая* [Истомина 2008].

По мнению Г.Г. Слышкина, смеховая картина мира (иначе у него же – *карнавальная, профанная*) – одна из двух равноправных мировоззренческих концепций, сосуществующих в человеческом сознании. Ей противопоставляется серьезная (официальная) картина мира. Как указывает автор, «смеховые тексты играют важнейшую роль в существовании социума и каждого индивида». Смеховое вторично по отношению к серьезному и направлено на его искажение. По словам исследователя, это искажение носит конструктивный характер и является формой рефлексии – деятельности человека, ориентированной на самопознание [Слышкин, 2004, с. 167, 172]. Возможно, в этом плане смеховое искажение действительности можно сравнить с кривым зеркалом, усиливающим изображаемые недостатки и делаая их смешными, а значит, не пугающими и легче поддающимися исправлению.

Г.Г. Слышкин выделяет следующие базовые характеристики смеховой (комической) картины мира: 1) комическое вторично по отношению к серьезному и направлено на его искажение; 2) поскольку комическая картина мира является средоточием базовых элементов концептосферы социума, то представленность того или иного концепта в комической картине мира является высоким показателем его значимости [Слышкин, 2007].

Изучению комической картины мира посвящено исследование И.В. Попченко. Комическая картина мира понимается автором как «фрагмент

общей эмоциональной картины мира, <...>, сущностную основу которого составляет совокупность образов комического (предметов, явлений, свойств, ситуаций и т.п.), отклоняющихся от стереотипного восприятия окружающего мира, от нормальных жизненных ценностей и вызывающих комический эффект» [Попченко, 2005, с. 53]. Можно сделать вывод, что именно эмоции вызывающие смех, помогают человеку бороться с обнаруженными недостатками.

О.Я. Палкевич рассматривает ироническую картину мира, формируемую в результате интерпретаций действительности посредством иронического высказывания. Автор определяет ироническую картину мира как «фрагмент наивной картины мира, обобщённый субъективный образ объективной реальности, сложившийся в результате восприятия, осмысления и интерпретации мира в жизнеутверждающем ключе» [Палкевич, 2003, с. 172].

Сатирическая картина мира задаёт модальность и тональность другой интерпретации действительности. Сатирическое представление политических действий, морали и идей концентрируется на негативных сторонах жизни путём усиления их недостатков. В сатирической картине мира, по утверждению А.Е. Истоминой, обнаруживается несоответствие между социально-политической и нравственной реальностью, что заставляет её быть всегда критической и изобличающей, комической и гротескной [Истомина, 2008, с. 85].

Произведения смеховых жанров являются одним из немногочисленных сохранившихся до наших дней воплощений карнавального сознания, описанного М.М. Бахтиным [Бахтин, 1997]. Автором выделено три линии традиций народно-праздничного смеха, одним из которых является карнавальный. Выражая свою точку зрения, С.Н. Тяпков пишет, что учёный «исследуя празднества карнавального типа и связанные с ним смеховые действия, указывал на оппозицию смеха и серьёзных официальных церемониалов» [Тяпков, 1987, с. 29-30]. М.М. Бахтин неоднократно

подчёркивал амбивалентность народного смеха: «он весёлый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» [Бахтин, 1990, с. 17]. Многообразие коннотативных красок в смеховой картине мира в целом и в фольклорной её сфере в частности ещё раз убеждает в сложности, обширности и многослойности включающего их глобального понятия, именуемого термином «языковая картина мира».

Таким образом, языковой картиной мира, вслед за ведущими лингвокультурологами, мы считаем совокупное по своей природе материально-идеальное образование, содержащее выраженные средствами национального языка впечатления, представления и знания народа о мире, которые принадлежат как всем носителям языка (общенародная ЯКМ, представленная в словарях, энциклопедиях, различного рода текстах), так и отдельным представителям языкового сообщества (индивидуальные ЯКМ, запечатлённые в языковой деятельности отдельных личностей). Формируемая в лоне той или иной национальной культуры, ЯКМ исторически меняется в породившем её культурном пространстве и реализуется в нём средствами также исторически изменчивого национального языка, что связывает понятие ЯКМ с понятием культурного хронотопа.

Как всякое сложное образование, ЯКМ может быть типологизирована по разным основаниям (по структуре, составу, содержанию и проч.). Центральным понятием настоящего исследования явилась та часть ЯКМ, которая отражает общий «несерьёзный» взгляд на действительность и может быть обозначена условным термином «смеховая картина мира». Это особое мировидение в языковой практике реализуется во множестве разнообразных «смеховых дискурсов», сущность и виды которых будут рассмотрены далее.

1.2 Смеховой дискурс и его разновидности в XX веке

Человечество пыталось осмыслить и оценить собственный смех ещё в ранние периоды своей осознанной жизни. Известно, что история изучения общественных функций смеха в европейской цивилизации восходит к временам древнегреческого философа Аристотеля. Учёному принадлежит целостная концепция комического, с которой начинается формирование этого понятия как самостоятельной эстетической категории (подробнее см.: Сычёв А.А. Природа смеха или философия комического, 2003). Л.В. Карасёв в книге «Философия смеха» указывал, что «всё видимое и устрашающее многообразие теорий комизма имеет на поверку единый корень – формулу Аристотеля», которая звучит так: «Из всех существ только человеку свойственен смех». В этой формуле заключается важнейшая, на наш взгляд, социальная функция смеха: он рассматривается как высшая духовная составляющая человека, которая недоступна другим живым существам. Вместе с тем автор указывает и на другую эмоционально-эстетическую характеристику смеха, введённую в историю мировой классической философии трудами Т. Гоббса, И. Канта, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Г. Спенсера. Все эти мыслители, обратившиеся к человеку как социальному существу и порождению культуры, говорили, хотя и по-разному, о том, что смех каким-то образом связан со злом [Карасёв, 1996, с. 14].

На русской почве гуманистические эстетические воззрения европейских философов были наиболее полно восприняты и творчески переосмыслены Н.Г. Чернышевским, который в магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», напротив, писал о возвышающей роли смеха. Он утверждал, что, смеясь над безобразным, «мы становимся выше его». Так, «смеясь над глупцом, я чувствую, что понимаю его глупость, понимаю, почему он глуп, и понимаю, каким бы он должен был быть, чтобы не быть глупцом, – следовательно, я в это время кажусь себе много выше его. Комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства...» [Чернышевский, 1949, т. 2, с. 191].

Гносеологическое назначение смеха как средства познания отмечалось В.Г. Белинским: поскольку смех рассчитан на то, чтобы быть услышанным, он «часто бывает великим посредником в деле отличения истины от лжи» [Белинский, 1948, т. 3, с. 727]. Это значит, что, находя комическое и смеясь над ним, мы постигаем истинное значение тех или иных явлений окружающей нас действительности или обнаруживаем пороки и недостатки того или иного человека.

На изобличающую функцию смеха в борьбе с негативными явлениями жизни указывал и великий русский сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин. По мнению писателя, «смех – оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» [Салтыков-Щедрин, 1974, т. 16, с. 270].

На современном этапе развития научного знания проблема смеха находится в центре внимания исследователей различных областей науки: философии, психологии, филологии и др. В работах многих учёных XX века смех и комическое изучаются как неотъемлемая часть эстетического восприятия мира человеческим сознанием. Глубокие научные труды были посвящены народному смеху и его формам [М.М. Бахтин 1990, 1997, 2008], природе и философии смеха [А.З. Вулис 1966, Л.В. Карасёв 1986], формам комического [Ю.Б. Борев 1957, 1970; Б. Дземидок 1967; С.Н. Тяпков 1987], восприятию смешного в его связи с категорией комического [А.Н. Лук 1968, 1977], сатире как оружию смеха [Я.Е. Эльсберг 1957; Д.П. Николаев 1962; П.И. Ткачёв 1980], литературным жанрам сатиры и юмора [Л.Ф. Ершов 1966, 1973, 1977, 1978; Е.К. Озмитель 1964, 1973], проблемам комизма и смеха в их эстетических проявлениях [В.Я. Пропп 1997] и т.д. И во всех этих исследованиях учёные были единодушны в признании комического одной из самых сложных и разноплановых категорий эстетики. Смех же как психофизиологическая реакция человека считается наиболее распространённым и естественным сигналом воздействия комического и вместе с тем видимым его результатом [Дземидок, 1974, с. 7].

Из всех многочисленных трактовок комического этого периода особого внимания в плане проводимого нами исследования заслуживает учение М.М. Бахтина, который сумел раскрыть противоречивую и сложную социальную природу смеха в искусстве. С одной стороны, он писал, что «смех – это или лёгкое развлечение или род общественно полезного наказания для людей порочных и низких» [Бахтин, 2008, с. 59]. Но, с другой стороны, видел в смехе «универсальное, миросозерцательное начало, исцеляющее и возрождающее» [Там же, с. 62].

Всё многообразие проявления и выражения народной смеховой культуры, по мнению М.М. Бахтина, можно подразделить на три основные вида форм выражения смеха: обрядово-зрелищные (празднества карнавального типа, различные площадные смеховые действия и проч.), словесно смеховые (в том числе пародийные), различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства и др.) [Бахтин, 1965, с. 9]. Все три вида форм отражают единый смеховой аспект мира, они тесно связаны и многообразно переплетаются друг с другом.

Учёный отмечал, что смех как бы фиксирует момент смерти старого и одновременно рождения нового. Праздничный смех, по его мнению, является и насмешливым, бранным, посрамляющим и в то же время смехом радостным, ликующим, приветственным [Бахтин, 2008, с. 16].

Сопоставляя смеховую и серьёзную формы образного отрицания, М.М. Бахтин подчёркивал, что в первой – отрицательное явление изображается как смешное, а во второй – отрицательное явление изображается как отвратительное, злое и т.д. В этих размышлениях философа отражено многообразие форм смешного и комического. По мнению учёного, основной и самой распространённой смеховой формой является сатира, она также относится к важнейшим видам комического [Бахтин, 1997, с. 35].

Именно общественная значимость смеха как орудия, способного уничтожать зло и творить добро, акцентировалась современниками мыслителя. Так, например, И.Ф. Виноградова в диссертационной работе

«Языковые средства сатиры» отмечает, что «на всех этапах развития человеческого общества смех имел общественный характер. Всё то, что отживало, утрачивало перспективу, боялось и боится смеха» [Виноградова, 1956, с. 1].

Широкое толкование термина «смех» как одной из форм культуры находим в Литературной энциклопедии терминов и понятий. Здесь смех понимается как «поведенческая, мимическая и словесная реакция на жизненные явления и ситуации» и противопоставляется страху и серьёзности, утверждающим «всевозможные нормы и запреты в качестве необходимого условия существования культуры» [Николюкин, 2001, стб. 1002-1003].

Е.М. Евнина определяет четыре формы смеха: бессмысленный, юмористический, сатирический, торжествующий, среди которых основополагающими для нашего исследования, безусловно, являются юмористический и сатирический. Первый из них, по словам исследователя, склонен к рассуждению и обобщению, он универсализирующий и возникает как результат понимания неоднородности мира и его контрастов. Второй – обличительный, обнажающий контрасты, менее обобщающий и философский, чем смех юмористический, зато более активный и целенаправленный [Евнина, 1948, с. 251-252]. Именно эти две формы смеха составляют, по нашему мнению, основу комического как особой категории эстетики.

Комическое, будучи, по мнению исследователей, частным случаем проявления эстетического (наряду с прекрасным, возвышенным, трагическим и драматическим) [Борев, 1957, с. 14, 23], в свою очередь имеет богатый спектр эмоционально-оценочных окрасок, среди которых выделяют острóту, шутку, юмор, сатиру, иронию, сарказм [Там же, с. 84]. Разнообразие этих эмоционально-оценочных окрасок широко используется как выразительное средство не только в художественной литературе, фольклоре, публицистике, но и в изобразительном искусстве, в театре, кино, даже в музыке, то есть оно

охватывает всё пространство культуры и в совокупности формирует смеховую или комическую картину мира, противостоящую «серьёзному» мировидению и дополняющему его.

Большинство определений комического, принадлежащих теоретикам, занимающим самые различные позиции, состоит в том, что оно основано на ощущаемой нами внутренней противоречивости явления, на несоответствии его внешних и внутренних возможностей, и наоборот [Тимофеев, 1976, с. 385-386]. В частности, смех может быть вызван несоответствием формы и содержания явления, что разоблачает его внутреннюю неполноценность. Как чувство комического смех возникает тогда, когда данное явление оказывается не тем, чем его считали и чем оно казалось, причём оно оказывается чем-то меньшим, чем должно было быть. Принимая явление в целом, мы смеёмся над мелкими его недостатками, поскольку видим, что эти недостатки неопасны и безвредны [Тимофеев, 1976, с. 386-387].

Понимание того, что в основе комического содержится противоречие, отражено и в толковании этого явления в «Словаре литературоведческих терминов»: «Комическое – общественно значимое жизненное противоречие (цели – средствам, формы – содержанию, действия – обстоятельствам, сущности – её проявлению), которое в искусстве является объектом особой эмоционально насыщенной эстетической критики – осмеяния» [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 145]. Здесь же говорится о смехе как особой, эмоционально окрашенной критике, эстетической форме критики. Особый характер идейно-эмоциональной критики в смехе, по мнению авторов, «состоит в первую очередь в том, что эта критика заведомо требует сознательно-активного восприятия и активного отношения со стороны аудитории» [Там же, с. 146].

Рассматривая комическое с философской точки зрения и признавая таковым явление, отклоняющееся от нормы и, в связи с этим, вызывающее смех, Д. Дземидок выделяет основные приёмы создания комического, среди которых отмечает видоизменение и деформацию явления, строящиеся на преувеличении (обыкновенном, карикатурном, гротесковом), на

пародировании (в том числе и на травестировке как форме пародирования) и др. [Дземидок, 1974, с. 66-71]. Именно целеустановка автора произведения и выбор им изобразительных средств и приёмов обуславливает разновидность комического и вызываемый им смеховой эффект.

У В.Я. Проппа в фундаментальной работе «Проблемы комизма и смеха» это положение разворачивается при характеристике изобразительного приёма сопоставления: «...в юмористической и сатирической литературе, а также в изобразительном искусстве человек сопоставляется либо с животными, либо с предметами, и такое сопоставление вызывает смех» [Пропп, 1976].

Убедительным представляется мнение В.Я. Проппа, что высшим видом комизма считается комизм сатирический и связанный с ним смех. Смех, вызванный этим видом, – смех идейный, ценный и нужный. Учёный также выделяет и другой вид комизма – комизм юмористический, не связанный с сатирой. Смех, вызванный таким видом комизма, по его мнению, не имеет социальной направленности, это смех безыдейный, внешний, природный, балаганный, смех низшего порядка. По этой теории сатира и юмор – явления разные, и часто они противопоставляются [Пропп, 1976].

Внимание исследователей к природе смешного и комического в разных его проявлениях не ослабевает и в самое последнее время. Усиление интереса к смеху на рубеже XX-XXI веков связано, видимо, со сменой эпох и предчувствием глобальных перемен, которые вызваны, по словам М.Т. Рюминой, с «духом времени» и выражаются в постмодернистской «переоценке ценностей» [Рюмина, 2010, с. 12]. Уже в XXI веке появились работы философов, социологов, культурологов, филологов, журналистов, обращенные к категории комического как особой форме смешного [см., например, Е.К. Гурова 2000; М.Р. Желтухина 2000; А.Н. Тепляшина 2000, 2007; А.А. Сычёв 2003; А.В. Дмитриев 2005; И.В. Попченко 2005; С.Г. Коншина 2006; С.А. Троцкий 2006; В.И. Зазыкин 2007; А.Г. Козинцев 2007; А.Д. Кошелев 2007; Н.Ю. Степанова 2009; А.Н. Войткова 2010;

М.Т. Рюмина 2010; И.В. Цикушева 2010; В.В. Викулова 2011; М.В. Мусийчук 2012; Д.В. Казакова 2013; И.О. Никулин 2013; С.М. Макаров 2017 и др.].

Многие из названных исследователей обращают внимание на то, что смех может быть не только ответом на зло, но и просто выражением радости, доброжелательности. По утверждению Л.В. Карасёва, «смех – ответ на зло» и «смех – выражение чистой радости» не противоречат друг другу. Наоборот, на обилие масок смеха, с его точки зрения, мы начинаем смотреть взглядом, ищущим единственного, но решающего различия. Итак, в сущности, есть только два вида смеха – это смех, идущий как ответ на зло, и смех, со злом никак не связанный [Карасёв, 1996, с. 18]. Люди смеются не потому, что они осознали смешное, а потому что смех присутствует в ситуации и вынуждает человека смеяться. Смех «амбивалентен, он может включать в себя как добро, так и зло, хотя не всё зло может смешить» [Там же, с. 40].

В статье «Заметки об истоках комического» К.Г. Красухин отмечает, что «смех комический возникает от резкого несоответствия смешной ситуации нашими нормами и представлениями» и что «смех, юмор, комизм – это необходимый фон человеческой жизни, оттеняющий её серьёзность. Ещё более увеличивает общественную значимость смеха утверждение, что «...смех – двигатель прогресса, именно такова его роль в человеческом обществе» [Красухин, 2007, с. 51-54].

Итак, задача комического как категории эстетики, искусства состоит в том, чтобы создать произведение, которое вызвало бы действенный смех. При этом комическое имеет множество форм художественной реализации: сатиру, иронию, юмор, сарказм и др., и выбор одной из них зависит от замысла и установок автора.

В связи с тем, что оптимальным средством выражения комического являются вербальные смеховые тексты, которые, как полагает Г.Г. Слышкин, «играют важнейшую роль в существовании социума и каждого индивида» [Слышкин, 2004, с. 167], то в свете задач данного исследования правомерно

рассмотреть понятия «текст» и «дискурс», а также «смеховой текст» и «смеховой дискурс» в их отношении к смеховой составляющей языковой картины мира.

Противопоставление таких понятий, как текст и дискурс, стало традиционным в современной лингвистике. Тенденция к их размежеванию началась ещё в конце 70-х – начале 80-х годов XX столетия. С когнитивной и языковой точек зрения понятия «текст» и «дискурс» связаны между собой: текст создаётся в дискурсе и является его «детисцем» [Агапова, 2009, с. 152].

Тем не менее понятие «дискурс» трактуется в лингвистике неоднозначно. Так, в 60–70-е годы прошлого века дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов. Позже под дискурсом стали понимать сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Дейк, 1989, с. 8].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указано, что под текстом понимают преимущественно абстрактную конструкцию, под дискурсом – различные виды её актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и связи с экстралингвистическими факторами [ЛЭС, 2002, с. 137].

И.Р. Гальперин трактовал текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981, с. 18]. Текст же, который влияет на социальные и индивидуальные представления, а также погружает читателя в культуру, получил название дискурса.

Как полагает французский философ Р. Барт, «текст познаётся,

постигается через отношение к знаку», он «всецело символичен; произведение, понятное, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы, – это и есть текст» [Барт, 1989, с. 416-417]. В отношении дискурса автор отмечал, что он «не несёт никакой ответственности перед реальным», и «выражает всеобщую волю, формулирует требования общества и придаёт своим утверждениям характер неотвратимости и неизгладимости» [Там же, с. 92, 107]. В этих словах, подчеркивающих ментальную природу текста и социальную – дискурса, взаимосвязанные понятия противопоставлены с целью их различения.

Однако в большинстве работ при освещении этого вопроса акцентируется единство в названных сущностях ментального и социального: «Текст и дискурс представляют собой результаты ментальной деятельности людей, живущих в определённом месте и в определённой среде, в определённую эпоху и в определённых исторических условиях, а значит, проявляющих зависимость от всех разнообразных социально-культурологических факторов» [Кубрякова, 2004, с. 505].

Согласно Т.А. ван Дейку, текст по отношению к дискурсу является более частным понятием и представляет собой «абстрактный теоретический конструкт, реализуемый в дискурсе». Автор также утверждает, что «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Дейк, 1989, с. 8]. Это мнение находит подтверждение в работах и других учёных: «Дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и её результат (= текст)» [Кибрик, Плунгян, 1997, с. 307].

Ещё больший круг вопросов затрагивается при лингвокультурологическом исследовании текста и дискурса (направление, заданное В. Гумбольдтом и его последователями). Под текстом понимается феномен человеческой культуры, он направлен на освещение особенностей

менталитета народа, обусловленных его историей и отражённых в языке, в так называемых прецедентных текстах (Ю.Н. Караулов, Г.Г. Слышкин), в культурных концептах (Ю.С. Степанов), в концептосфере (Д.С. Лихачёв). По мнению В.И. Карасика, «важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки» [Карасик, 2002, с. 189]. Как справедливо отмечает М.А. Алефиренко: «Дискурс в широком его понимании – это субъективное речемыслительное отражение в нашем сознании картины мира» [Алефиренко, 2019, с. 5].

Следовательно, текст и дискурс, являясь по природе духовно-материальными сущностями, нацеленными на решение разнообразных задач, в совокупности отражают в сознании личности и социума картину мира и позволяют выявлять культурно значимые концепты. Ю.С. Степанов даёт по этому поводу следующее объяснение: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир» [Степанов, 1995, с. 41].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объёму предложение; 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс интерактивен, т.е. диалогичен [Stubbs, 1983, с. 1].

В диссертационной работе Е.К. Гуровой отмечена динамичность как отличительный признак дискурса, который, по словам исследователя, представляет собой «речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение». Автор также утверждает, что в дискурсе отражается менталитет и культура народа как национальная, так и индивидуальная [Гурова, 2000, с. 16].

Даже краткий обзор существующих научных работ по проблемам дискурса позволяет заметить, что этот термин по-разному интерпретируется авторами и применяется к продуктам речевой деятельности в самых разных коммуникативных сферах: художественной, политической, научной, спортивной, развлекательной, смеховой и т.д. (см., например, диссертационные исследования и монографии Т.М. Грушевой [2002], О.Л. Михалёвой [2004, 2009], С.А. Громыко [2007], А.С. Калашовой [2011], А.Е. Истоминой [2008], посвященные политическому дискурсу, М.И. Барсуковой [2007], Э.В. Акаевой [2007] – медицинскому, Л.А. Осадчей [2003], Н.В. Фёдоровой [2004], Н.А. Фатеевой [2017] – художественному, В.И. Карасика [2002] – юмористическому, Е.К. Гуровой [2000] – сатирическому, А.Н. Войтковой [2010] – комическому, Г.Г. Слышкина [2004] – смеховому и др.).

Среди многочисленных трактовок термина «дискурс» наиболее общими и ёмкими остаются характеристики, данные явлению Н.Д. Арутюновой, утверждавшей, что дискурс – это не просто текст, а «текст, взятый в событийном аспекте», «дискурс – это речь, "погружённая в жизнь"» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. В этих замечаниях особо ценным, на наш взгляд, является соположение понятий 'речь – текст – дискурс' в их отношении к понятию иного ряда – 'событие'. Именно как особого рода речевой отклик на значимое событие рождается, по нашему мнению, и в смеховом тексте.

Термин «смеховой дискурс» может быть определён по аналогии с толкованием понятия «юмористический дискурс», данным В.И. Карасиком [Карасик, 2002, с. 252]. По нашему мнению, смеховым дискурсом можно считать дискурс, в котором текст отражает ситуацию или объект, ставшие предметом насмешки автора и призванные вызвать у читателя смеховую реакцию. Смеховой дискурс с включёнными в него текстами – это фрагмент культуры, меняющийся в разные эпохи и неодинаковый у разных народов.

Тексты такого вида отражают менталитет и национальную культуру носителей языка.

Смеховой дискурс содержит многочисленные окраски смеха, поскольку он эмоционально разнообразен. Он включает в себя сатиру, юмор, иронию, сарказм и т.д. Одним из основных его составляющих признается сатирический дискурс. В XX веке в нашей стране активно печатаются тексты различных сатирических жанров: памфлет, фельетон, басня, эпиграмма, пародия, сатирические рассказы, стихотворения и др. Отмечается также взаимообогащение и слияние двух жанров в один: роман-фельетон, повесть-памфлет, басня-пародия и басня-эпиграмма и т.д. Процесс этот связан с необходимостью сатирического изображения с новых идеологических позиций тех жизненных явлений, которые представляются писателю отжившими и мешают движению общества вперед, к новым идеалам. При этом содержание предопределяет изменение сложившихся художественных форм, в том числе и объединения нескольких жанров в целях усиления их сатирической действенности.

В качестве жанровых форм реализации смехового дискурса в данной работе рассматриваются басня и эпиграмма, занимающие особое место в сатирической литературе России XX века. Поэтому для дальнейшего развития темы считаем необходимым подробнее рассмотреть понятие «сатира» и дать определение сатирическому дискурсу.

1.2.1 Понятие сатирического дискурса

Глобальные изменения и потрясения в истории страны XX века способствовали развитию в российском искусстве различных форм комического, в частности, – разнообразных форм сатиры и юмора, которые нашли своё место в художественной литературе таких жанров, как памфлет, фельетон, эпиграмма, басня, пародия и др., а в изобразительном искусстве – в жанрах шаржа, карикатуры, политического плаката и т.д. Отличительной чертой литературной и изобразительной сатиры является высмеивание с

помощью слова всего злого, вредного, неприглядного, того, что мешает обществу двигаться вперёд.

В этом смысле сатира XX века вполне оправдала своё общественное предназначение, она нашла воплощение в политических стихотворениях, сатирических пьесах и окнах РОСТА В.В. Маяковского, рассказах и повестях М.М. Зощенко, романах И.Г. Эренбурга, И. Ильфа и Е. Петрова, М.А. Булгакова, в баснях Д. Бедного, И. Батрака, С.В. Михалкова, С.В. Смирнова, в пародиях и эпиграммах А.Г. Архангельского, А.Б. Раскина, в эпиграммах А.А. Иванова, Б.Н. Брайнина, А.Я. Рейжевского, В.Н. Сулова. В изобразительном искусстве появились карикатуры и шаржи Кукрыниксов (псевдоним М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова), М.М. Черемных, И.И. Игина, Н.М. Лисогорского, сопровождающие публикации журнала «Зритель», «Крокодил», «Весёлый листок»; в период Великой Отечественной войны широко распространилась газетная сатира, в мирные годы стали популярными сюжеты видеофельетонов киножурнала «Фитиль» и т.д.

Традиционное сочетание словесных и изобразительных средств искусства значительно усиливало действенность сатиры как орудия борьбы с отрицательными сторонами действительности в разные годы XX века. Это отмечалось и когда выставлялись политические плакаты окна сатиры РОСТА (1919-1921 гг.) со стихами В.В. Маяковского и др., и при публикации окон ТАСС (1941-1945 гг.), главными художниками которых были Кукрыниксы, М.М. Черемных, и в следующие периоды.

Как замечает И.С. Эвентов, «карикатурность и преувеличения относятся уже к сфере искусства, отражающего жизнь» [Эвентов, 1973, с. 116]. Такие сатирические жанры, как басня и эпиграмма, тоже нередко сочетались с изобразительными формами – шаржем, карикатурой и др. В этих креолизованных текстах персонажи получали художественную оценку при помощи слова, а известные художники придавали образам графически завершённый вид, сводя «изображение к минимализму черт» и «добиваясь

максимума выразительности» [З.С. Паперный «К чему предисловия?», 1964, с. 4]. Благодаря иллюстрациям художников Кукрыниксов эпиграммы таких писателей, как А.Г. Архангельский, А.Я. Рейжевский, А.Б. Раскин, В.Н. Суслов и др., приобретают завершённый вид и максимум выразительности. Читатель, знакомясь с эпиграммой, воссоздаёт цельную картину, приближённую к образу адресата, которого описывает сатирик в своих текстах. Вместе с тем, по словам И.С. Эвентова, «никто из художников не отступает так часто от внешнего правдоподобия в обрисовке жизненных явлений, не прибегает так часто к самым крайним видам преувеличения и деформации, как сатирик» [Эвентов, 1973]. Это значит, что кривое зеркало сатиры, оставляя облик изображаемого объекта узнаваемым, карикатурно выпячивает в нём высмеиваемые недостатки.

Поскольку сатира всегда считалась делом «людей зорких и мужественных "до боли сердечной" любящих своё отечество» [Феноменология власти в сатире, 2008, с. 8], писатели-сатирики затрагивали в своих произведениях острые политические темы, а также высмеивали недостатки людей и порочные общественные явления. В.А. Алексеев отмечал, что советская сатира остро реагировала на злободневные события, а главное предназначение политической сатиры – борьба с антикоммунизмом и антисоветизмом, изобличение идеологии, стратегии и тактики реакционных сил [Алексеев, 1979, с. 20-21].

В исследования данного периода отмечалось, что истинное умение сатирика состоит в том, чтобы уловить в «многообразной, пёстрой жизненной картине <...>, несоответствие содержания внешности, цели – средствам, нового – старому, возвышенного – убогому, подлинного – иллюзорному и т.д.» [Эвентов, 1973] и при помощи таких изобразительных средств, как шарж, гипербола, аллегория или других приёмов художественного творчества, обнажить это несоответствие, противоречие, сделав его основой изображаемых явлений. В этом смысле сатира более других видов искусства отвечала новому общественному строю, ведь, как

отмечала в своей научной работе Е.М. Бруевой, «острая критика, вскрытие и разоблачение недостатков – один из главных законов развития советского общества» [Бруева, 1952, с. 3]. Именно сатира могла показать все изъяны окружающей действительности, поскольку обладает способностью делать дурное смешным [Русская сатира XIX – начала XX веков, с. 8].

По мнению И.О. Никулина, сатирики советского периода, в частности работающие в журнале «Крокодил», устремляли своё внимание «прежде всего на недостатки хозяйственной жизни страны, которые определяли в конечном итоге исход борьбы советского народа с разрухой, голодом, за новую, социалистическую Россию» [Никулин, 2016, с. 109]. На успешное развитие сатирических жанров в советской литературе указывал и В. Бойчевский в статье «Пути советской сатиры», автор отмечал разнообразие форм и стилей сатирических произведений. По его мнению, наибольший вклад в советскую литературу первых трёх десятилетий XX века внесли Д. Бедный, В.В. Маяковский, А.И. Безыменский, И. Батрак и некоторые другие писатели [Бойчевский, 1931, с. 143-149].

Действительно, многие изданные материалы дают основание полагать, что в 20–90-е годы XX века, то есть в советский период истории России, сатира была нацелена исключительно на решение идеологических, политических, злободневных социальных проблем и отличалась масштабностью тематики. В то же время следует заметить, что выбор темы, объекта и художественных средств сатирического изображения зависел не только от общественных установок эпохи и указаний правящей партии, но во многом от личности писателя-сатирика, его убеждений, нравственных принципов и эстетических воззрений.

В «Большой российской энциклопедии» сатира представлена как вид комического в искусстве, подразумевающий осуждение тех явлений действительности, которые воспринимаются автором как порочные. Сатире свойственно резко критическое отношение к нарушению должного порядка вещей об идеале, поэтому смех в сатире амбивалентен: обличая и отрицая

недолжное, он утверждает иное и лучшее, в отличие от весёлого юмористического смеха, который допускает сочувственное отношение к объекту осмеяния. Среди приёмов, к которым прибегает сатира, – гротеск, ирония, гипербола, сарказм, пародия, аллегория и др. [БРЭ, 2015, с. 453]. На это же свойство сатиры указывает и А.Н. Тепляшина, по мнению которой «... в сатирическом произведении всегда неизменным остаётся одно: безоговорочное отрицание описываемого явления» [Тепляшина, 2000, с. 41]. Отрицательное, в эстетическом смысле, – это не просто дурное, это те явления, которые противоречат объективному ходу социального развития [Эвентов, 1973]. Это значит, что текст любого сатирического произведения нацелен на то, чтобы «вызвать у читателя отвращение к уродливым сторонам действительности» [Гурова, 2005, с. 32], в этом и состоит основная задача сатирика.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» сатира показана как вид комического, отличающийся от других видов (юмора, иронии) не только резкостью обличения объекта: «Специфика сатиры не в том, что она вскрывает отрицательные, вредные или позорные явления, но в том, что она всегда осуществляет это средствами особого комического закона, где негодование составляет единство с комическим изобличением, изобличаемое показывается как нормальное, чтобы обнаружить через смешное, что это норма – только видимость, заслоняющая зло» [Николюкин, 2001, стб. 935-936].

Из этого следует, что сатирический текст, чтобы достигнуть своей уничтожающей и уничижающей цели, должен быть заряжен мощной энергией отрицания, которая создается такими изобразительными средствами, как различные виды преувеличения (например, гипербола, гротеск) и образного сравнения (в том числе метафора, аллегория). В.Я. Пропп так высказывался по этому поводу: «Сатирическое обличение – цель, арсенал приёмов достижения комизма – представляет собой средство, орудие, при помощи которого эта цель достигается» [Пропп, 1976, с. 156].

Выбор же приёмов сатирического изображения действительности, как отмечают многие исследователи, во многом зависит от жанра сатирического текста.

Традиции осмысления сатиры как особого вида текстов сложились в российском социуме ещё в XVIII-XIX веках, начиная с социальных комедий Д.И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль». По определению Н.А. Добролюбова, сатира борется против «главного существенного зла», она должна явиться «грозным обличением против того, от чего происходят и развиваются общие народные недостатки и бедствия», против «всего порочного, бесчестного» [Добролюбов, 1934, с. 138, 694]. С точки зрения М.Е. Салтыкова-Щедрина, сатиру характеризует «свободное отношение к форме» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 83].

Наджанровый характер сатирического изображения действительности отмечается и в классических трудах по филологии. Так, по словам М.М. Бахтина, сатира может пользоваться любым жанром – эпическим, драматическим, лирическим. По мнению автора, мы находим сатирическое изображение действительности в различных жанрах от народных до литературных, например, в пословицах и поговорках, песенной лирике, эпических поэмах, в народных анекдотах, эпосе, лирике, новеллах, повестях, романах и т.д. [Бахтин, 1997, с. 11-12]. И хотя ни один род литературы – ни эпос, ни лирика, ни драма – не отрицает сатиры как художественного средства осмеяния пороков, некоторые литературные жанры считаются наиболее к ней расположенными. В первую очередь это касается басни, пародии, эпиграммы, фельетона и памфлета, которые, согласно авторитетному мнению, «могут существовать только как произведения сатирические» [Русская сатира XIX – начала XX веков, с. 4]. Т.Б. Любимова, на наш взгляд, убедительно говорит о том, каким образом сатира, как принцип изображения действительности, соотносится с жанром: «... когда мы называем произведение сатирой, то мы этим определяем не его жанр, а

лишь силу его негативности по отношению к какой-либо конкретной личности или социальному явлению в целом» [Любимова, 1990, с. 53].

Предмет сатиры рассматривался во многих диссертационных работах и монографиях современных отечественных лингвистов [см., например, работы Н.С. Степанова 1999; Е.К. Гуровой 2000; М.Р. Желтухиной 2000; А.Н. Тепляшиной 2000, 2007; Н.Ю. Степановой 2009; А.Н. Войтковой 2010; И.О. Никулина 2013 и др.].

В монографии Н.С. Степанов утверждает, что сатира – это особая критическая направленность всякого комического, негативно ориентированное комическое, получившее небывалое разнообразие и расцвет в XX веке [Степанов, 1999, с. 8]. По определению М.Р. Желтухиной, под сатирой понимают вид комического, объектом которого являются социальные пороки, имеющие широкую общественную значимость, нарушение нравов и норм морали [Желтухина, 2000, с. 54]. А.Н. Тепляшина отмечает, что сатира всегда была и будет средством осмеяния зла. Цель сатирических жанров – пробудить у читателя чувство превосходства над злом [Тепляшина, 2000, с. 2].

Традиционно считается, что роль сатиры состоит в том, чтобы выявить социальные недостатки и заставить людей смеяться над тем, что на самом деле является смешным [Николаев, 1962, с. 25]. Поскольку смех, как было показано ранее, включает в себе два начала – разрушительное и созидательное, то при помощи смеха мы «не только отрицаем что-то, но и утверждаем что-то. <...> Одним словом, отступление от нормы (несоответствие формы и идеи) и является истинно смешным» [Ткачѳв, 1980, с. 11]. Именно эта функциональная двунаправленность сатирического изображения обуславливает ту общественную значимость сатиры, о которой писал ещё А.В. Луначарский: «Своѳ значение сатира в прошлом в России получила оттого, что она снизу вверх, не боясь насилия, обходя цензурные рогатки, раскрывала язвы существующего строя» [Луначарский, 1967, т. 8, с. 185].

Известный советский литературовед и критик Я.И. Эльсберг также подчёркивал общественную направленность сатирического изображения действительности, которое «обусловлено прежде всего объективными особенностями тех отрицательных явлений, на которые обращён огонь сатирика». По его мнению, «сила сатиры зависит от социальной значимости занимаемой сатириком позиции, от эффективности комических средств», при помощи которых сатирический текст достигает своей уничтожающей цели и заряжается мощной энергией отрицания [Эльсберг, 1957, с. 9].

Одним из самых ярких средств создания комического в литературных сатирических жанрах является языковая игра. Сатира, как правило, благоприятствует языковой игре, благодаря которой часто нарушается бытовая достоверность при создании сатирических образов, при этом сохраняется жизненная правда. В отечественной традиции работы по языковой игре посвящены преимущественно изучению каламбура как её разновидности. Проблему дифференциаций понятий «языковая игра», «игра слов», «каламбур» рассматривает в своём диссертационном исследовании Е.Ф. Болдарева. Под каламбуром автор понимает комическую игру слов, а термином «игра слов», по мнению исследователя, обозначаются игры, построенные на языковом материале, в частности, «на уровне многозначности языковых единиц» [Болдарева, 2002, с. 25].

Е.М. Александрова в монографии «Языковая игра по правилам и без» изучает языковую игру, являющуюся основой комического эффекта анекдотов на русском, английском и французском языках. По определению автора, языковая игра является лингвистическим феноменом, основой которого служит двусмысленность или неконгруэнтность знаков. Под игрой слов и каламбуром Е.М. Александрова понимает разновидность языковой игры, основанной на двусмысленности [Александрова, 2018, с. 13]. Основными механизмами создания семантической двусмысленности в анекдотах является полисемия, омонимия, паронимия, а также буквальное понимание фразеологических единиц, тропов, случаи обыгрывания

некоторых графических средств и т.д. [Там же, с. 44]. Эти приёмы активно используются писателями-сатириками и при создании сатирических текстов, являющихся объектом данного исследования, а именно басен и эпиграмм.

Е.К. Гурова в диссертационной работе «Особенности сатирического дискурса» отмечает, что «любое сатирическое произведение базируется на противоречии между должным и сущим, между тем, каким стремится предстать в глазах окружающих тот или иной персонаж, явление, и тем, каков(о) он(о) есть на самом деле» [Гурова, 2005, с. 26]. Это значит, что исследователь усматривает дискурсивность литературных текстов в их взаимоотношениях с действительностью (как изображаемой в произведении, так и той, в которой текст бытует) и приходит к выводу, что цель любого сатирического произведения сводится к одному – «вызвать у читателя отвращение к уродливым сторонам действительности» [Там же, с. 32], к чему должен стремиться сатирик.

А.Н. Войткова характеризует сатирический дискурс как закрытую форму комического дискурса, где комическое отнологизируется (то есть объективируется, овеществляется) на базе целого текста (произведения) и где автор текста «выражает враждебное отношение к объекту смеха, который представляет собой социальные явления, а не индивидуальные характеристики объекта» [Войткова, 2010, с. 59]. Тем самым дискурсивность признаётся формой существования сатирического художественного текста, действующей силой которого является смех.

Будучи, по известным словам Н.Д. Арутюновой, текстом, «погруженным в жизнь», дискурс, в том числе и сатирический, связан с действительностью и посредством основных категорий хронотопа – пространства и времени. В.Я. Пропп, неоднократно обращавшийся к проблемам смеха, отмечал в статье «Ритуальный смех в фольклоре»: «Мы смеёмся не так, как смеялись когда-то» [Пропп, 1976а, с. 178-179]. Это значит, в частности, что со временем сатирические тексты могут утрачивать

свою силу, ведь то, что когда-то было смешным, на сегодняшний день может перестать быть актуальным и больше не вызывать смех у читателя.

Обобщая сказанное, ещё раз подчеркнём, что сатирический дискурс, являясь неотъемлемой составляющей национальной смеховой картины мира, высмеивает и бичует общественный строй, его пережитки и его представителей, которые уже обнаружили своё бессилие и слабость перед ходом исторических судеб. По нашему мнению, под сатирическим дискурсом понимается тот смеховой дискурс, который включает в себя текст, где объект, изображённый в общественно значимой ситуации, становится предметом жёсткой, обличительной насмешки, и цель автора текста состоит в том, чтобы вызвать у читателя смеховую реакцию. Однако стоит отметить, что рассмотренные нами тексты представляют различные формы смехового дискурса, они могут включать в себя как меткую сатиру, так и дружелюбный юмор, колкую иронию, язвительный сарказм и т.д. Несмотря на то, что многие исследователи выделяют в комическом разные его формы, мы будем использовать термин «смеховой дискурс» как обобщающий, а сатирический и юмористический дискурсы как частные понятия.

Таким образом, можно сделать вывод, что сатирический дискурс является неотъемлемой частью смехового дискурса, в который включается также и юмористический дискурс.

1.2.2 Понятие юмористического дискурса

Другой важнейшей разновидностью комического является юмор. Генетически юмор, по свидетельству специалистов, восходит к известному с незапамятных времён у всех народов обрядово-игровому, народно-праздничному, собственно «комическому» смеху, в котором потенциально заложены все основные виды комического (подробнее см. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле, М., 1990, с. 9).

В научной литературе народный смех «истолковывают либо как чисто отрицающий сатирический смех, либо как чисто развлекательный, бездумно

весёлый смех, лишённый всякой мирозерцательной глубины и силы» [Бахтин, 1965, с. 18]. В целях разграничения понятий «сатира» и «юмор» попытаемся уточнить содержание смехового дискурса, именуемого сатирой, в отношении к смежной форме комического, называемой юмором.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова даются следующие толкования значений данных слов: «Сатира – 1. Обличающая, бичующая ирония. 2. Литературное произведение, обличающее отрицательные явления действительности» [Ожегов, 2004, с. 686]; «Юмор – 1. Беззлобно-насмешливое отношение к чему-нибудь. 2. В искусстве: изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде» [Там же, с. 891]. Как видим, оба слова в их исходных значениях называют разную степень эмоционально-оценочного, а именно насмешливого, отношения субъекта к объекту, тогда как в своих производных значениях они именуют формы произведений искусства, главным образом литературные, т.е. речевые, нацеленные на художественное изображение объекта, заслуживающего такое отношение.

Представляется, что слова «сатира» и «юмор» обретают дискурсивную семантику именно в этих вторичных значениях, обозначающих эмоционально-оценочные тексты, обусловленные актуальной жизненной ситуацией и призванные определенным образом воздействовать на изображаемый объект и на читателя. Причём характер этого воздействия различен: в юмористических текстах – это беззлобная шутка, лёгкая насмешка, не пытающаяся задеть или обидеть собеседника, а в сатирических – хлёсткое, «бичующее» высмеивание, стремящееся выявить и обличить недостатки, задеть за живое изображаемый объект, возможно даже унижить или оскорбить носителя пороков. Понятно, что более или менее сильная степень осмеяния явления действительности, в первую очередь, определяется самим этим явлением и тем, как оно оценивается обществом на том или ином этапе его развития. Меняется окружающий мир, меняется человеческое общество и его отношение к миру, и то, что в одну эпоху представляется

неприемлемым и уродливым, в другие времена вызывает лишь лёгкую усмешку.

По мнению А.Н. Тепляшиной, в сатире комическое всегда предстаёт осложнённым моментом отрицания в той или иной форме, тогда как в юморе проявляются более простые разновидности комизма, без дополнительных эмоциональных оттенков [Тепляшина, 2007, с. 18]. Л.Н. Тимофеев отмечает, что юмор по существу направлен против частного, второстепенного в явлении, а сатира – против общего, основного. Изображение явления в юмористическом свете предполагает принятие его в целом, симпатизирование этому явлению и при этом выявление частных недостатков; сатира же отрицает явления и подчёркивает их неполноценность при помощи преувеличения [Тимофеев, 1976, с. 388]. Юмор, по мнению Г.Н. Пospelова, – это смех над безобидными комическими противоречиями, соединённый с жалостью к людям, которая «вытекает из сознания глубокого несоответствия между комическими свойствами наблюдаемых характеров и высоким нравственным идеалом юмориста» [Пospelов, 1978, с. 113].

В своём диссертационном исследовании М.Р. Желтухина приводит шкалу комического, где соотносит его виды по характеру выражаемой эмоции: «Юмор выражает положительное отношение к объекту осмеяния, реализующееся в симпатии. Ирония может быть как положительной, так и отрицательной и отражаться в неодобрении объекта осмеяния. Сатира и сарказм оценивают предметы и явления действительности только отрицательно, выражая пренебрежение, уничижение и презрение» [Желтухина, 2000, с. 225].

В.З. Санников в монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» также указывает на неоднородность словесных форм комического в их отношении к изображаемому и сравнивает совокупность этих форм с семьёй, где «брат (юмор) добродушно, иногда даже со стыдливой любовью подтрунивает над частным, второстепенным, сёстры же – ирония и сатира –

злые насмешницы, отрицающие общее, основное; при этом если в иронии обидный оттенок ещё несколько скрыт, то сатира бескомпромиссно враждебна к объекту» [Санников, 2002, с. 23]. Автор отмечает континуальность общего пространства комического и вместе с тем дискретность его проявления в отдельных речевых произведениях, поскольку «каждая шутка имеет юмористическую, ироническую или сатирическую направленность» [Там же, с. 23].

Н.Ю. Степанова относит иронию к промежуточной форме между комизмом сатирическим и юмористическим. По мнению исследователя, юмор в противоположность сатире и иронии не преследует целей обличения, он обычно сочетает насмешку и сочувствие, внешнюю комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным [Степанова, 2009: 28, 35]. Л.И. Тимофеев определяет к промежуточным формам иронию и сарказм, при этом уточняя, что юмор – это шутка, а ирония – уже насмешка [Тимофеев, 1976, с. 387]. Сопоставляя иронию и сатиру, Т.И. Шатрова отмечает, что ирония близка к сатире в том, что её объекты чаще всего негативны и заслуживают разоблачения. Основная особенность иронии заключается в выражении насмешки, негодования, презрения, осуждения через похвалу, в «скрытности» насмешки под маской серьёзности, при этом иронический смысл создаётся разноуровневыми языковыми средствами [Шатрова, 2006, с. 15].

Существует мнение, что юмористический текст отображает главным образом элементарно-комическое, а в сатирическом тексте предметом отображения становится социально-комическое, являющееся объективной сущностью данного явления или типа. В отличие от элементарно-комического социально-комическое по природе своей отражает те явления и поступки, которые встречаются в каждом из нас, однако они зачастую скрыты и различить их бывает непросто [Николаев, 1962, с. 24-25].

Кроме того, юмористический смех, в отличие от сатирического, не ставит перед собой задачу уничтожить жертву осмеяния, напротив, он

окрашен в мягкие тона, а объект осмеяния в основе своей положителен и свойственные ему недостатки не представляют общественной опасности. Нередко юмор направлен на такие характеристики человека, которые не унижают, а возвышают его. Юмористический смех часто бывает следствием любования автора своим героем, его остроумием, жизнеспособностью [Гуляев, 1985, с. 170]. Согласно авторитетному мнению, «юмор может выражаться и в добродушной насмешке» [Русская сатира XIX – начала XX веков, с. 6]. Таким образом, юмор направлен, прежде всего, на то, чтобы вызвать положительные эмоции у реципиента относительно предмета вышучивания, он настраивает на добродушный смех.

В статье А.М. Аулова «Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое» при разграничении смежных понятий отмечается, что «у сатиры и юмора разные предметы: у первой пороки, у второго достоинства» [Аулов, 2019, с. 51]. Справедливо, на наш взгляд, также утверждение, данное в монографии Д. Лукач, что предметом сатиры служат пороки, негативное, юмор же, по этой теории, «исходит из истины, что наши недостатки и слабости – это чаще всего продолжение, утрировка или изнанка наших достоинств» [Лукач, 1991, с. 350]. Из этого следует, что юмор, в отличие от сатиры, представляет безобидную форму благодушного смеха, которому подвержен адресат, тогда как сатира старается высмеять пороки, причём чаще всего не отдельного человека, а общества в целом.

Следует добавить, что юмор, являясь неотъемлемой частью комического, выполняет особую социальную функцию. По словам М.А. Кулинич, юмор – это «способность индивидуума чувствовать и выражать смешное, определяемое особенностями национального характера, культурными традициями, социальным устройством. Одним из показателей принадлежности к социальной группе <...> является понимание шуток, острот, каламбуров, принятых в данной группе» [Кулинич, 2000, с. 10].

Л.Е. Пинский под юмором понимает особый вид комического, сложное отношение сознания к объекту, к отдельным явлениям и к миру в целом,

сочетающее внешне комическую трактовку с внутренней серьёзностью. Юмор «настраивает аудиторию на более вдумчивое отношение к предмету смеха, на постижение его "правды", его, несмотря на смешные странности, правоты» [Пинский, 1975, стб. 1012]. В зависимости от эмоционального тона и культурного уровня юмор может быть добродушным, жестоким, дружеским, любовным, тонким, грубым, язвительным, трогательным, грустным и т.п. При помощи юмора мастерам комического удаётся вызвать едва заметную улыбку, в этом и проявляется отличие юмора от насмешливых видов комического, от «смеха превосходства» (ирония, сатира и др.), хотя эта особая тональность юмора не всегда сразу улавливается восприятием [Там же, стб. 1012-1013].

А.З. Вулис в своей книге «В лаборатории смеха» отмечает: «Термин юмор незаменим, когда автор на стороне объекта смеха» [Вулис, 1966, с. 19]. Е.В. Черкасова и М.Е. Макарова под юмором понимают один из способов эмоционального восприятия действительности – преобразование отрицательных чувств в нечто прямо противоположное – источник смеха [Черкасова, 2017, с. 148]. По мнению авторов, юмор является неотъемлемой частью социума и выполняет социализирующую функцию [Там же, с. 149].

Д.П. Николаев, изучающий природу смеха в литературе, приводит следующее определение: «юмор – это такое сопоставление вещей, деталей, предметов, при котором обнаруживается комизм изображаемого». Учёный отмечает, что автор юмористического произведения «не мечет в адрес изображаемого явления» [Николаев, 1962, с. 181], но факты, детали подобраны так, что присущий им комизм выявляется безо всякого усилия со стороны повествователя при помощи эпитетов, метафор, сравнений и т.п.

Стоит отметить также, что юмор способен принимать любые формы и тональности, он может сочетаться с любыми видами смеха: переходные разновидности юмора иронического, сатирического, забавного и т.д. [Пинский, 1975, стб. 1013]. Если сатира, в отличие от близкой ей по существу иронии, открыто разоблачая объект, прямо «обличая» (указывая его «лицо»),

откровенна в своих целях, тенденциозна, то серьёзная цель юмора, в соответствии с более сложным отношением к предмету, глубже залегает в структуре образа, более или менее скрыта за смеховым аспектом. «Юмору свойственно принимать безобидную форму благодушно забавного смеха» [Там же, стб. 1014-1015].

Обращает на себя внимание определение М.Р. Желтухиной, которая понимает под юмором вид комического, выражающий мягкое отношение к объекту осмеяния (к недостаткам жизненных явлений, поведению людей), сочетающее внешне комическую трактовку с внутренней серьёзностью, способное вызвать лишь незлобивую улыбку и лёгкий насмешливый, весёлый смех [Желтухина, 2000, с. 225]. Здесь показаны интенции автора и реакция реципиента юмористического высказывания, а также эмоциональное противопоставление в нём формы и содержания.

В.Я. Пропп в ставшем уже классическим труде «Проблемы комизма и смеха» тоже писал о необходимости вскрывать тайны смешного, ведь только таким образом юмористическая и сатирическая литература способна показать неизжитые недостатки нашей жизни и нашего быта, а искусство помогает с ними бороться [Пропп, 1976].

Показывая способы дешифровки смеховых текстов, В.И. Карасик утверждает, что «игровая символика в поэтическом тексте состоит в юмористическом и ироническом осмыслении человеческой природы, критической оценке социальных условностей, карнавальном переворачивании норм поведения и характеризуется бесконечным развёртыванием смыслов, парадоксальностью несовместимых смыслов сочетаний, оценочной амбивалентностью, соединением возможного и невозможного» [Карасик, 2013, с. 261]. Развивая в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» мысль Н.Д. Арутюновой применительно к юмористическому дискурсу, автор определяет его как «текст, погружённый в ситуацию смехового общения» [Карасик, 2002, с. 252]. По мнению автора, мотивом для такого вида дискурса является «спонтанное юмористическое

действие», поскольку юмор понимается им как настроенность участников шутить и смеяться [Там же, с. 253]. При этом учёный различает степень и формы комического и отмечает, что по мере нарастания в дискурсе отрицательной оценочности возрастает и вероятность перехода беззлобного юмора в недружелюбное общение, в сатиру, сарказм, издёвку или розыгрыш [Там же, с. 254].

А.Н. Войткова воспринимает юмористический дискурс как открытую форму комического дискурса, где автор комического высказывания выражает добродушное отношение к объекту смеха [Войткова, 2010, с. 50].

Обобщение представленных характеристик юмористического дискурса позволяет сформулировать следующее рабочее определение этого понятия: под юмористическим дискурсом понимается разновидность смехового дискурса, включающего в себя текст, в котором автор выражает в целом положительное отношение к объекту осмеяния, причём мотивом для такого смеха служит игровое, часто спонтанное речевое действие.

Из сказанного следует, что чувство юмора и восприятие комического являются безусловным показателем творческого потенциала человека. Словесный юмор рассматривается как речевое действие, вызывающее положительные эмоции и добродушный смех, тогда как сатира обуславливается внутренним отрицанием и является порождением негодования. Авторам сатирических текстов представляется возможным вскрыть изъяны общества, «показать то, что скрыто», в юморе же объект осмеяния не подвергается жесткой критике, автор стремится вызвать, в первую очередь, добродушный смех у читателей. Однако данная модальность, заложенная в авторской интенции, впрочем, часто имплицитна и потому может неоднозначно интерпретироваться.

Представляется, что тексты таких сатирических жанров, как басня и эпиграмма, следует отнести к текстам-репрезентантам смеховой картины мира, хотя и к разным типам комического, включающего и меткую сатиру, и дружелюбный юмор, и колкую иронию, и язвительный сарказм и т.д. Видя в

комическом дискурсе разнообразие его форм, мы будем применительно к басням использовать термин «сатирический дискурс», а применительно к эпиграммам – как «сатирический», так и «юмористический дискурс», противопоставляя рассматриваемые тексты по степени обличительности смехового дискурса.

1.2.3 Басня и эпиграмма как текстовые составляющие смехового дискурса

Известно, что тексты басен и эпиграмм являются жанровыми формами комической разновидности литературного дискурса. В «Словаре литературоведческих терминов» приводятся следующие определения этих двух понятий: «басня – малый повествовательный (эпический) жанр: короткий рассказ в стихах или прозе с чётко сформулированной моралью, сатирический по направленности, имеющий поучительный смысл»; «эпиграмма – короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо или содержащее отклик на злободневные события общественной жизни» [Белокурова, 2006]. Приведенные дефиниции позволяют отнести басню и эпиграмму к смеховому дискурсу и сатирическим литературным жанрам, каждый из которых реализует собственные эстетические цели, имеет особые жанровые характеристики и текстовые особенности, обладает своей гаммой оттенков комического.

На это многообразие форм смехового дискурса обращает внимание Н.Ю. Степанова. В своей диссертации она отмечает, что в основе таких жанров, как эпиграмма, пародия, памфлет и т.п. лежат разные грани комического. Их градация передаётся через следующие приёмы: улыбка, шутка, ирония, юмор, карикатура, гротеск, сарказм и др., которые могут лежать в основе соответствующих жанровых структур, стилистических фигур или тропов [Степанова, 2009, с. 35].

Исследователи солидарны в том, что смех определяет характер многих литературных жанров. Так, в комедии, басне, сатирическом романе и

эпиграмме смех писателя – это его идейная позиция, выраженная в конкретно-образной и эмоциональной форме. Однако смех может быть разным и меняться в зависимости от того, каким объектом и какими средствами он вызван [Вулис, 1966, с. 5]. П.И. Ткачѳв тоже считает, что смех связан не только с изображаемым объектом, но и с жанром. Связь эта взаимообразная: жанр влияет на характер смеха, последний, в свою очередь, предопределяет жанровое своеобразие произведения [Ткачѳв, 1980, с. 31].

Наибольшего расцвета среди текстов смехового дискурса в процессе его развития достигли жанры басни и эпиграммы. Известно, что басня является одним из древнейших литературных сатирических жанров, её истоки уходят в глубокую старину народного творчества. Литературной басне так же, как фольклорной, свойственен сюжет, мораль, народный колорит. В «Словаре литературоведческих терминов» указано, что басня: 1) краткий рассказ, чаще всего стихотворный, в котором имеется иносказательный смысл; 2) в поучительном басенном сюжете действующими лицами чаще всего являются условные басенные звери [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 28]. Примечательно, что приведѳнная дефиниция акцентирует внимание на таких характеристиках басни, как небольшой объѳм, стихотворная форма, аллегоричный способ изображения, назидательность содержания и частотность использования зооморфизмов.

В «Большой российской энциклопедии» отмечено, что «басня – жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» [БРЭ, 2005, т. 3, с.90]. В силу дидактичности басни основная суть этого произведения и тот идеал, которому писатель призывает следовать, формируется прямо и непосредственно в традиционной концовке (морали). Как правило, в назидательных концовках баснописцы пишут о том, чего делать не следует, каким не следует быть, т.е. оставляют читателям возможность сделать самостоятельные положительные выводы и прийти к идеалам самому [Борев, 1957, с. 79].

Помимо морали, в басне выделяются следующие относительно устойчивые жанрово-композиционные компоненты: зачин или посылка, беседа, рассказ или сцена-диалог (чаще всего аллегорического содержания) [Озмитель, 1973, с. 27]. По свидетельству исследователя этого жанра, сам басенный сказ обычно отличается энергичностью, динамизмом, остротой конфликта, содержащего в себе элемент комизма в ситуациях и обстоятельствах или характерах действующих лиц, в роли которых могут выступать люди, животные, вещи, растения, однако рассказ о тех или иных героях ведётся не ради того, чтобы познакомить читателя с их нравами и повадками, а для того, чтобы через них, словно сквозь призму, показать человеческие характеры, изобразить общественные и социальные конфликты, происходящие в данной эпохе [Там же, с. 28].

В русской литературе наивысшего расцвета басня достигает в творчестве И.А. Крылова, в основу многих произведений которого были положены сюжеты родоначальника басни, древнегреческого писателя Эзопа (VI–V вв. до н. э.). Легендарный баснописец, как известно, «применяя иносказание, в баснях на сюжеты из жизни животных изображал людей» [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 460], в связи с чем иносказательную речь стали называть «эзоповым языком». Басни Эзопа весьма коротки – это предельно лаконичные иносказательные притчи, содержащие определённый комический элемент [Николаев, 1962, с. 8].

В творчестве Крылова басня достигла новых высот, и это позволило В.Г. Белинскому прийти к важному выводу о том, что «басня не есть аллегория и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькою повестью, драмою с лицами и характерами, поэтически очеркнутыми» [Белинский, 1953, т. 4, с. 149]. Критик справедливо замечает, что крыловские басни отличаются народностью, в них, как в зеркале, отражается русский практический ум, они содержат всю житейскую мудрость [Там же, с. 150-151]. Н.В. Гоголь даже утверждал, что басни Крылова ведут своё происхождение от русских пословиц, в которых

«всё есть: издёвка, насмешка, попрёк, словом – всё шевелящееся и задирающее за живое» [Гоголь, 1952, с. 190]. В этих оценках выдающегося литературного критика и великого писателя подчёркивается «русская природа», крыловских басен.

Если в XIX веке сатирическая басня, вслед за В.Г. Белинским, признавалась истинным родом поэзии, то в XX веке относительно советской басни было принято считать, что, по сравнению с баснями Крылова, её сатирическая сила становится «глубже, разностороннее, социально острее», поскольку «в ней даже темы борьбы с так называемыми общечеловеческими недостатками приобретают общественный характер в плане борьбы с пережитками капитализма и воспитания коммунистической морали» [Бруева, 1952, с. 8].

Действительно, басни XX века откликались на многие важные события того времени, часть из которых сегодня уже трудно восстановить. В связи с утратой привязки к конкретному историческому факту басенные тексты и использованные в них образы обретают более обобщённый аллегорический смысл, тем более что писатели нередко прибегали к использованию традиционных басенных сюжетов, восходящих к творчеству Эзопа. В то же время эти басни и при новом общественном строе сохраняют свою актуальность, поскольку авторы поднимают в них «вечные проблемы» добра и зла на новом, современном им социальном материале.

Обновление содержания басенных текстов требовало от художников слова поисков новых басенных форм. На протяжении многих веков своего существования басня сохраняла основные жанровые особенности: иносказательность, аллегорическую обобщённость образов и сюжетную новеллистичность повествования [Степанов, 1956, с. 37]. И это утверждение справедливо по отношению к классической басне, авторами которой являются А.Д. Кантемир, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, И.И. Хемницер, Д.И. Фонвизин, И.И. Дмитриев, И.А. Крылов и т.д. Однако творчество таких писателей, как Д. Бедный, И. Батрак, С.В. Михалков,

С.В. Смирнов и других советских сатириков показывает, что в то время и в жанровой форме басни происходят значительные изменения, это касается фельетонизации басни, слияния её с эпиграммой, пародией, частушкой и др., сокращения басни до четырёх строк и проч. Мораль басенных текстов советского времени нередко превращается в агитационный призыв лозунгового характера. Например, в лучших баснях С.В. Михалкова шутливо окрашенная характеристика басенных героев зачастую ведёт к политически острой и существенно весомой сатирической концовке. Д. Бедный в своих баснях постепенно обнажает суть изображаемых им социальных явлений и приводит читателей к важным политическим выводам [Эльсберг, 1957, с. 177, 309].

Таким образом, басенное творчество XX века ознаменовалось содержательным и формальным обновлением текстов басни, обусловленным её наполнением актуальным для того времени конкретным общественным и бытовым содержанием. Однако основополагающие характеристики текстов басенного жанра при этом были сохранены.

На сегодняшний день существует множество диссертационных работ, посвящённых изучению существенных характеристик басенного текста [В.А. Шипилов 1992; В.А. Тихомирова 2007; С.С. Микова 2011; Н.А. Артемьева 2012; А.О. Путило 2018 и др.]. Так, С.С. Микова, характеризуя жанр басни, пишет, что она отражает национально-культурную информацию, прежде всего, средствами своего языка. В басенном жанре, по мнению исследователя, функционируют языковые средства, передающие культурную информацию, культурные знания [Микова, 2011, с. 38]. В.А. Шипилов обращает внимание на экспрессивно-оценочную двуплановость текста басни как жанровой формы художественной речи. Он отмечает, что в самой структуре басни заложена установка на выражение двух оценочных позиций, противопоставление которых создаёт басенный подтекст. Экспрессивно-оценочная двуплановость наиболее наглядно проявляется в тех случаях, когда басня строится в форме диалога двух

субъектов речи с краткими авторскими ремарками [Шипилов, 1992, с. 12-14]. Действительно, басенные образы должны быть одновременно и рельефными, конкретными и «прозрачными», двуплановыми в том смысле, чтобы сквозь образ басенного героя просвечивал тот человеческий характер, тот тип, который баснописец имеет в виду. Такой эффект может быть достигнут лишь в том случае, если между изображаемым и подразумеваемым существует крепкая связь, которая позволяет читателю мыслить и находить догадку [Эльсберг, 1957, с. 368].

Итак, басенный текст относится к собственно-сатирическому жанру и представляет собой аллегорический сказ с нравоучительным сюжетом, который обличает человеческие пороки и недостатки общества. Действующими лицами басен зачастую являются животные, растения или предметы, реже люди. В конце произведения, как правило, содержится мораль, помогающая читателю сделать определённые выводы. Басня описывает как типичные ситуации, которые могут происходить с людьми вне зависимости от времени, так и события, привязанные к определенному периоду истории общества, т.е. этот жанр всегда остаётся актуальным.

Эпиграмма, другой популярный в истории литературы смеховой жанр, зародилась ещё в античной поэзии и сначала представляла собой элегический дистих – древнегреческое «двустистишь», вариативного содержания: посвятительный (обращение к богам), назидательно-дидактический, застольный, любовный, надгробный, сатирический [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 466].

Позднее эпиграмма стала определяться как один из видов сатирической поэзии, небольшое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление [Там же, с. 467]. Современное понимание эпиграммы как насмешливого стихотворения восходит к наследию Марциала (I век н. э.), основной композиционный приём произведений которого заключался в противоположности экспозиции и заключительной краткой остроты. У этого древнеримского поэта впервые ведущей становится сатирическая тема.

В «Словаре актуальных терминов и понятий» приводится, на наш взгляд, наиболее полное определение эпиграммы: «жанр лирической поэзии, небольшое по объёму стихотворение, выдержанное в сатирическом, саркастическом или юмористическом модусах художественности, характеризующееся использованием приёмов субъективного остроумия и, как правило, неожиданной финальной остротой» [Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий, 2008, с. 305].

В русской литературе эпиграмма получила широкое распространение в XVIII–XIX вв. в творчестве А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, С.И. Соболевского, Е.А. Баратынского, В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, Д.Д. Минаева, В.С. Курочкина и др. В эпиграммах, написанных «на злобу дня», эти авторы поднимали актуальные для своего времени темы социального и гражданского неравенства, критиковали также отдельных литературных и политических деятелей. В творчестве талантливых писателей жанр эпиграммы стал разящим оружием в острой общественно-литературной и политической борьбе.

Эпиграмма продолжала активно использоваться и в XX веке. В это время она брала на прицел такие явления действительности, которые раскрывали не только процессы общественно-литературной борьбы, но и развитие эстетических знаний и представлений эпохи, являя собой как бы специфическую форму критического осмысления истории литературы и искусства [Ершов, 1978, с. 83]. Благодаря таким особенностям, как близость с фельетоном и басней, эпиграммы поэтов обретают мобильность и публицистическую остроту, становятся удобной формой для сатирических текстов. Как правило, в эпиграмме запечатлевается лишь один момент столкновения социально-этических сил, при этом строится такая ситуация, с помощью которой авторы комически освещают исторические явления, создавая при этом сатирическую типизацию жизненных фактов [Там же, с. 67]. Отмечалось, что эпиграмма как явление сатирического дискурса сочетает в себе остроту мышления с мимолётным эмоциональным откликом

на конкретные события эпохи. Главный признак этого жанра – краткость и острота.

Исследователи указывают, что начиная с 1917 года область эпиграмматической поэзии расширяется за счёт её обращения к злободневной социально-классовой тематике. Эпиграмма выходит на новый печатный уровень и предаётся огласке благодаря широкому распространению массовых газет и популярных сатирических изданий, в число которых входили окна РОСТА, журнал «Крокодил», «Литературная газета» и др. [Никулин, 2013]. Объектом разящей эпиграммы становятся события общественно-политической тематики, хозяйственно-бытовой жизни и лично-направленные (лично-ориентированные) [Ершов, 1978, с. 61].

На протяжении всего советского периода развития этого жанра исследователи отмечают эволюцию эпиграммы: на первых порах она взаимодействовала с частушкой и фельетоном, позднее становится заметным частичное слияние её с басней и пародией. Данная переориентация была обусловлена изменением тематики сатирической миниатюры, избиравшей то область политики, то сферу литературы и искусства [Ершов, 1978, с. 84].

Согласно образной характеристике Л.Ф. Ершова, «эпиграмма – это социально-политическое или литературно-критическое эссе, <...> из которого рождаются впоследствии целые миры. В эпиграмме порой вся писательская биография сжимается в миг, чтобы в таком виде уйти в вечность» [Ершов, 1978, с. 118]. Можно сказать, что эпиграмма выявляет тонкое мастерство писателя, который затрагивает момент из жизни и сатирически запечатлевает его в своих строках. Поэтому эпиграмматический текст становится важным фактором формирования национальной смеховой картины мира и, благодаря мастерству писателей, сохраняется в ней на века. Искусство эпиграммы зависит от исторического момента, от социальной зоркости автора и от его умения подчинить особому протеканию художественного времени композицию, сюжет и стилистику произведения.

Как было отмечено выше, эпиграмма XX века служила не только для социально-политической, но и для литературно-общественной борьбы: «она запечатлевает и передаёт накал литературно-общественной борьбы, насмешливой улыбкой отмечает претенциозное, внешне современное, горделиво рассчитывающее на то, чтобы стать определяющим, главным» [Ершов, 1978, с. 86].

Действенность эпиграммы возрастала тогда, когда она брала на прицел такие явления, которые на первых порах пользовались успехом и выглядели вполне современными, уважаемыми, если не передовыми. Обладая краткой, лаконичной и остроумной формой, она воплощала те идеи, которые содержали в себе абсолютно новые для данной эпохи сюжеты. Эпиграммисты посвящали свои строки малоизвестным писателям, поэтам, критикам, художникам, скульпторам, артистам и др., в творчестве которых были видны изъяны, «издержки социально-эстетического свойства» [Ершов, 1978, с. 86]. Важно и то, что эпиграмма часто сопровождалась в печати карикатурным рисунком – шаржем, составляя с ним единый креолизованный текст. Художник, следуя идее автора словесного текста, изображал портрет героя эпиграммы, подчёркивая и заостряя при этом те или иные черты внешности адресата.

К настоящему времени опубликовано значительное количество работ, посвящённых изучению этого короткого смехового жанра [см. диссертационные исследования О.Б. Кушлиной 1983; Ю.Г. Перлиной 1996; Ю.В. Щуриной 1997; И.С. Леонова 2006; А.В. Несмеянова 2007; А.А. Рыбаковой 2009; Ю.В. Воложаниной 2014; С.У. Керимовой 2020 и др.].

Ю.В. Щурина указывает, что эпиграмма является одним из наиболее распространённых современных вторичных комических речевых жанров [Щурина, 1997, с. 139]. Её цели (высмеять, дать отпор, достойно ответить) выполняются путём материализации в стихотворной форме остроумных, т.е. большей частью неожиданных, идей и наблюдений, которые отражают конфликты и противоречия действительности [Там же, с. 139]. О.Б. Кушлина

утверждает, что «законы жанра диктуют эпиграмме остроумие как обязательное и основное её свойство; но остроумие следует понимать более широко, не смешивая его с комическим» [Кушлина, 1983, с. 100]. С разным стихотворным размером эпиграмм связана и неодинаковая экспрессивно-семантическая структура её текста: большая краткость предполагает и большую силу выражения негативной оценочности, что в свою очередь, требует использования ярких выразительных средств языка. А.А. Рыбакова считает, что основу жанровой сатирико-юмористической стилистики эпиграмм составляет общелитературная лексика с негативной экспрессивной оценкой [Рыбакова, 2009, с. 120].

Многие литературоведы отмечают в качестве важнейшего жанрового признака эпиграммы остроумную концовку, которая, в зависимости от таланта автора, проявляется по-разному. У некоторых эпиграммистов она имеет характер острой экспрессивной оценочности. Так, например, Т.В. Матвеева в монографии «Экспрессивность русского слова» даёт убедительное обоснование того, как меняется значение текста при помощи экспрессии: «...именно слова, окрашенные в цвета определённого функционального стиля, лучше и чаще, чем нейтральные общеупотребительные, привлекаются носителями языка для создания экспрессивного эффекта, и чем дальше друг от друга трансформируемая единица и её контекстный фон, тем сильнее впечатление» [Матвеева, 2013, с. 50].

Смеховая природа эпиграммы, по мнению ряда исследователей, далеко не однозначна. С.У. Керимова в диссертационном исследовании относит эпиграмму не столько к сатирическому, сколько к юмористическому типу текста [Керимова, 2020, с. 61]. По мнению автора, «для эпиграммы неизменным остаётся одно – наличие комического эффекта и оценочного компонента, которые являются облигаторными» [Там же, с. 48], комический эффект, а именно средства его создания в тех или иных разновидностях (юмор/сатира) помогают автору достичь желаемого эффекта [Там же, с. 171].

Ю.Г. Перлина выделяет следующие семантические типы эпиграмм:

1) сатирические эпиграммы – ярко выраженная сатиричная тональность текста возникает в результате резкого расхождения преимущественно положительной (в общепринятом понимании) эстетической ценности объекта и преувеличенно отрицательной (субъективной) оценки его эпиграмматистом; в них употребляются лексемы, которые содержат негативную эмотивную оценку; 2) юмористические эпиграммы – это «дружеский шарж» на отдельный несущественный недостаток объекта, который в целом воспринимается положительно; 3) медитативные эпиграммы – это серьезные рефлексии морально-философской тематики со сглаженным пуантом [Перлина, 1994, с. 7-8].

Характеризуя эпиграммы, следует иметь в виду, что они представляют собой индивидуально ориентированные произведения. Эпиграмма – это личностный текст, содержащий разные формы комического. Человек, которому адресуется данное произведение, зачастую выступает в роли мишени, и автор, создавая его, даёт негативную оценку адресату, чтобы высмеять его или задеть. Авторы эпиграмм в своих произведениях создают картину, которая предельно кратко и вместе с тем остро описывает личность адресуемого. В связи с этим эпиграмма является таким жанром, который в смеховом дискурсе может иметь разную окраску, оттенки: она может быть сатирической, шутливой и юмористической и т.д. Так, В.Я. Эльсберг подчёркивает, что эпиграмма может быть как истинным юмором, так и истинной сатирой [Эльсберг, 1957, с. 200]. В нашей работе мы условно отнесли эпиграмму к юмористическому дискурсу, т.к. в собранном материале большинство текстов выражает именно такой тип комического.

Обобщая сказанное, определим эпиграмму как короткое произведение, направленное на выявление смешных черт конкретных лиц или событий, дающее им оценочную характеристику, нередко обличительную, и содержащее скрытый смысл (сарказм, иронию, насмешку и т.п.). Этот жанр, относящийся к лирике, имеет стихотворную форму, рифмическая

организация текста служит средством создания смехового эффекта, для полного выявления которого используются различные приёмы, такие как сравнение, метафора, олицетворение, игра слов, каламбур, аббревиация, созвучие, паронимия и др.

Таким образом, традиционно басни и эпиграммы относятся к сатирическим произведениям. Однако стоит отметить, что рассматриваемые разными авторами тексты представляют различные формы смехового дискурса, они могут включать в себя как меткую сатиру, так и дружелюбный юмор, колкую иронию, язвительный сарказм и т.д., т.е. жёсткую дифференциацию между подтипами смехового дискурса (юмористический и сатирический) провести достаточно сложно. Именно поэтому проанализированные нами эпиграммы демонстрируют случай, когда смеховая прагматика не всегда является резко обличительной, а скорее мягкой, юмористической. Поскольку тексты эпиграмм имплицитны, интерпретация их субъективная и авторские намерения в них трудно трактовать, особенно без учёта внетекстовых информативных структур (отношение между автором и объектом, конкретная цель написания эпиграммы, условия произнесения и т.д.). Поэтому мы исходим из того, что эпиграмма может быть составной частью как сатирического, так и дружеского юмористического дискурса, т.е. входит в общий смеховой дискурс.

Благодаря юмористической и/или сатирической установке писатели обнаруживают в окружающем мире те вызывающие смех явления, которые для обычного взгляда скрыты в глубинах действительности. Сатирики и юмористы подвергают эти явления художественному перевоплощению и создают образы и характеры, важным элементом изображения которых становится комическое как инструмент искусства.

1.3 Зооморфные компоненты как элемент языковой картины мира и смехового дискурса

Давно замечено, что во многих языках мира названия животных употребляются как образные характеристики людей, причём, чаще отрицательные [Огдонова, 2000, с. 18; Бичер, 2016, с. 25]. С конца XX века такого рода лексика активно привлекает внимание лингвистов, рассматривающих механизм переноса наименований животных на человека как универсальное для всех языков проявление антропоцентризма, изучение которого остаётся актуальным и в настоящее время.

Реализация «человеческого фактора» в языке, т.е. его антропоцентричность, заключается, в частности, в том, что язык описывает действительность, прибегая к свойствам самого человека. Известный учёный Е.С. Кубрякова в своей работе «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)» отмечает, что антропоцентризм знаменует тенденцию «поставить человека во главу угла» [Кубрякова, 1995, с. 212].

Принципы антропоцентризма свойственны и другим областям науки, поскольку интерес к человеку, как к центру вселенной, находит отражение во многих сферах знаний и видах человеческой деятельности. По нашему мнению, принцип антропоцентризма проявляется в человеческих начинаниях и в языке именно потому, что человеческая деятельность, в том числе языковая, направлена большей частью на обеспечение интересов самого человека.

Человеческое мышление, как известно, имеет свойство отражать окружающий мир в двух ипостасях: антропоморфной и зооморфной [Телия, 1977, с. 209]. Антропоморфизм понимается как наделение человеческими свойствами окружающие нас реалии (*нос корабля, подошва горы, улыбка солнца*), а зооморфизм – как наделение людей свойствами животных (*хитер как лиса, волком воет, «Не человек – змея!»*) [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 67-68]. Хотя некоторые учёные склонны употреблять данные

термины в качестве синонимов [Бабкин, 1979, с. 16], имея в виду, видимо, единый семантический механизм возникновения таких образов, а именно, метафорический перенос имени одного предмета на другой на основании замеченного их сходства.

На разных этапах развития лингвистической науки использование зооморфной лексики в текстах различных языков изучалось такими исследователями, как О.А. Рыжкина [1979]; Т.В. Писанова [1989]; Тон Куанг Кыонг [1997]; Т.В. Шведчикова [1998]; А.А. Киприянова [1999]; С.В. Свионтковская [2000]; Ц.Ц. Огдонова [2000]; И.В. Холманских [2000]; И.А. Курбанов [2000]; Н.В. Солнцева [2004]; И. Устуньер [2004]; Н.В. Землякова [2005]; Р.А. Карам [2010]; Е.В. Дерюгина [2011]; О. Бичер [2016]; Ф.Ш. Бекмурзаева [2021]; Е.В. Болгова [2021] и др.

В современной лингвистике существует целый ряд терминов для обозначения наименований животных в разных их значениях – «зооним», «зооморфизм», «зооморфная метафора», «зоолексика», «зоологизм», «зоосемизм», «зоокомполит» и т.д. В данной работе при описании предмета исследования дифференцированно используются соотносительные термины «зооним», «зооморфизм», «зооморфный образ» и «зооморфный компонент», значение которых следует оговорить.

Наиболее распространенный термин «зооним» различными учёными используется по-разному: применительно к слову-наименованию животного во всех его значениях (прямом и переносном) или в отношении только основного, прямого значения этой лексемы – собственно имени животного.

По словам Е.В. Болговой, данный термин, как правило, употребляется по отношению к нарицательным именам существительным, обозначающим как название животного (прямое значение), так и его употребление в метафорической функции (переносное значение – «о человеке») [Болгова, 2021, с. 5]. Автор отмечает, что «зоонимы отражают культурные смыслы, понимаемые как идеациональные конструкты, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, т.е. являющиеся их

информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением)» [Там же, с. 22].

О.В. Кондрашова рассматривает такие существительные как метафорические характеристики лица по зоонимическому образу, являющемуся в национальном языковом сознании традиционным носителем оцениваемого признака, и отмечает, что их основной семантико-прагматической функцией является функция воздействия на адресата, обусловленная яркой образностью единиц [Кондрашова, 1985, с. 8].

В современных толковых словарях наименования многих животных представлены как многозначные, имеющие производные переносные значения, предназначенные для характеристики человека. Так, А.М. Бабкин пишет, что «в некоторых из современных словарей проявляется своего рода антропоморфизм, т.е. уподобление человека животному» [Бабкин, 1977, с. 16]. Такие зоонимы в словарях отмечаются разнообразными лексикографическими пометами, отмечающими переносный характер производного значения (*перен.*), его стилистическую ограниченность (*разг.*, *прост.*), эмоциональную окраску (*бран.*, *шутл.*), а также синтаксическую обусловленность, то есть способность реализоваться в предикативной и полупредикативной функциях существительного в составе предложения (*в знач. сказ.*; толкование по формуле «о ком-либо») [Кондрашова, 1985]. Например, «Лиса – 2. *перен.* Лысец, хитрый обманщик» [Ушаков, 1935, т. 2, стб. 68]; «Лиса – 2. *перен.* Хитрый, льстивый человек (разг.)» [Ожегов, 2006, с. 328]; «Лиса – 2. О хитром, льстивом человеке» [Евгеньева, 1986, т. 2, с. 186]. Выделяемые в зоонимах признаки характеристики человека устойчиво закреплены за соответствующими словами, что и отражено в словарях в выделении переносных значений, они вызваны теми или иными обстоятельствами и ассоциациями, которые диктуются сложившейся семантикой слов [Шмелёв, 2002, с. 160-161]. Как отмечает Е.Э. Биржакова, в определение значения слова «обычно вводятся наиболее важные и существенные признаки. Эти сведения помогают читателю получить

известное представление о животном, обозначаемом данным словом» [Биржакова, 1957, с. 78]. В.Н. Сергеев в статье «Зооморфизмы в языке и словаре» указывает, что «во всех словарях русского языка толкованию зооморфизма всегда предшествует определение основного значения данного слова, послужившего источником переноса наименования» [Сергеев, 1981, с. 65-66]. Здесь, как видим, по отношению к производному переносному и характеризующему человека значению слова-зоонима используется термин «зооморфизм».

Этот термин становится регулярным для метафорических обозначений человека посредством лексических единиц с животной семантикой [О.А. Рыжкина 1979; С.В. Свионтковская 2000; Ц.Ц. Огдонова 2000; Н.В. Солнцева 2004 и др.]. Под зооморфизмом в научной литературе понимается слово-зооним в его переносном, характеризующем значении. Такие единицы, по мнению исследователей, «относятся к оценочно-экспрессивной метафоре, т.е. к прагматически маркированной лексике, основными функциями которой являются оценочная и воздействующая» [Свионтковская, 2000, с. 5].

Лингвокультурологическая роль зооморфизмов в формировании языковой картины мира определенного социума заключается в том, что, составляя значительный пласт оценочной лексики любого языка, они «отражают особенности разных систем ценностей, значимых для определённого национально-культурного коллектива» [Свионтковская, 2000, с. 6]. Рассматриваемые в коммуникативно-прагматическом аспекте, такие единицы, «будучи направленными на человека, именуют всевозможные признаки, свойства и качества людей с одновременным указанием на лицо» [Там же, с. 34], и эта семантическая функция делает зооморфизмы благодатным материалом для сатирической и юмористической литературы, в частности, для басен и эпиграмм.

Большинство исследователей выделяет четыре источника происхождения зооморфизмов:

1. Наблюдение человека за свойствами и особенностями поведения животных.

2. Библейские сюжеты.

3. Античная мифология и история.

4. Художественные произведения [Колмакова, 2017, с. 195-196].

Н.В. Солнцева считает зооморфизмы семантическими вариантами зоонима, составляющими в смысловой структуре наименования животного признаки качественности и оценки (положительной или отрицательной). Исследователь определяет зооморфный образ как национально-культурное представление, связанное с конкретным животным и облечённое в форму оценочного стереотипа (квазистереотипа) [Солнцева, 2004]. По мнению О. Бичера, «зооморфизмы обычно служат в качестве оценочного определения человека, которые в разных языках могут иметь сходства и различия» [Бичер, 2016, с. 25].

О.А. Рыжкина характеризует зооморфизмы как «лексико-семантические варианты названий животных (включая названия птиц и насекомых), проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения. Исследователь утверждает, что в отличие от метафор зооморфизмы способны фиксировать не только наличие или отсутствие какого-либо свойства, но и выражать совокупность и единство разнообразных свойств [Рыжкина, 1979]. По мнению Г.Н. Скляревской, «с помощью зооморфизмов язык изобретает самые разнообразные характеристики человека, в подавляющем большинстве случаев пейоративные» [Скляревская, 1993, с. 90].

В своей научной работе Ц.Ц. Огдонова доказала, что «языковая картина мира состоит из множества фрагментов, среди которых и зооморфная лексика» [Огдонова, 2000, с. 4]. На примере сатирических текстов мы попытаемся доказать, что зооморфная лексика с её национально-культурными приращениями входит в смеховую картину мира как важная её часть.

Следует отметить, что, помимо собственно зоонимов (наименований животных), а иногда и при их отсутствии, в создании зооморфных образов в сатирических текстах участвуют глаголы с зооморфным компонентом: *щебетать, шипеть, выть, выпорхнуть* и т.д. По мнению О.С. Брагарник-Станкевич, «глаголы-зоонимы широко распространены в художественной литературе. Это связано с желанием выразить свою мысль образно, эмоционально» [Брагарник-Станкевич, 2016, с. 41]. Глаголы с зооморфным компонентом обозначают действие не названного в тексте животного. Таким способом создаётся намёк на образное сравнение, поскольку они представляют не только «сам глагольный признак, но и сопутствующие ему обстоятельства способа, цели, интенсивности действия и т.д.» [Миرونюк, 1988, с. 41], а это значит, что «такие глаголы связывают между собой две сферы – человека и животного, живую природу и людей» [Брагарник-Станкевич, 2016, с. 41].

Такие глаголы с зооморфным компонентом, по общему мнению, придают речи выразительность и красочность, однако стоит отметить, что чаще всего их употребление в текстах сопровождается негативными коннотациями.

Помимо глаголов зооморфный компонент в текстах разных жанров может создаваться словами и других частей речи. Если зооним *осёл* становится зооморфизмом, характеризующим упрямого человека, то определение *ослиное* в сочетании с существительным *упрямство* представляет собой зооморфный компонент. То же касается и наречия в сочетании *резвиться по-щенячьи*.

Заметим, что зооморфные компоненты, являясь атрибутами представителей животного мира, символизируют в то же время те или иные черты характера самого человека. По мнению Д.Б. Гудкова, животный мир оказывается «зеркалом» мира людей, соответственно, животные обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека [Гудков, 2020, с. 8].

По мнению Н.Д. Арутюновой, образы стихийно складываются в сознании, в котором они относительно независимы от воли человека, образ – модель действительного объекта, взятого в его целостности, но он не может совпадать с ним в точности [Арутюнова, 1999, с. 316, 322]. Учёный отмечает, что «оценка представляет Человека как цель, на которую обращён мир» [Там же, с. 181].

В сатирических текстах черты характера и поступки человека изображаются посредством образов животных, наделённых типологическими характеристиками, приписанными им самим человеческим сознанием. Видя себя центром вселенной, наше антропоцентрическое сознание проецирует собственные недостатки на окружающий мир, в первую очередь на «братьев наших меньших». В данной работе зооморфизмами называются употребляемые в русских баснях и эпиграммах лексические единицы, в прямом своем значении именующие животных, а в переносном – характеризующие человека по свойственному ему яркому отличительному признаку, по мнению автора, сближающему его с национальным образом-представлением об этом животном.

По мнению исследователей, образ в лексических значениях слов может быть выражен по-разному. М.И. Черемисина выделяет три типа образных слов: 1) слова с яркой внутренней формой: *тунеядец, мироед, крохобор* и т.д.; 2) слова с метафорической образностью, к которым относятся зооморфизмы и другие проекции на человека: *медведь, клоун, жердь*; метафорические предметные образы: *хлев, конура*; 3) так называемые «изобразительные» слова, не имеющие иной первичной номинативной базы: *мымра, фифа, хмырь*. Если слова первых двух типов характеризуются «проекцией определенных признаков, принадлежащих или приписанных одному денотативному классу, на предмет или явление, принадлежащее другому денотативному классу», то образность слов третьего типа обусловлена тем, что данные слова вызывают у носителей языка «типовые», узуальные целостные наглядные представления о называемых предметах за счёт

необычной звуковой оболочки и экспрессивности значения [Черемисина, 1979, с. 9-10].

В работе О.В. Кондрашовой такие единицы по выполняемой ими коммуникативной функции, отличной от свойственной существительным номинации, названы характеризующими. По способу выражения в них признака характеристики объекта речи (образа) они делятся автором на словообразовательные (*бездельник, плакса, глупец, слабак*) и метафорические (*змея, петух, пень* – о человеке; *конура, берлога, муравейник* – о жилище человека). Единицы, отнесённые М.И. Черемисиной к третьему типу, О.В. Кондрашова считает утратившими производность и потому лишёнными образного компонента, эмоционально оценочными, но не характеризующими средствами с размытым признаком характеристики [Кондрашова, 1985, с. 6-9]. Отметим, что образ часто бывает оценочным и экспрессивным, в нём выражается видение мира конкретным человеком, что, по мнению учёных, не всегда является объективной истиной [Арутюнова, 1999; Телия, 1996].

О.А. Рыжкина под образом понимает систему ассоциаций и коннотаций, связанную у носителей языка с представлением о данном виде животного. Эта система коннотаций реализуется различными способами: в метафорическом употреблении зоонима, в составе сравнений, в морфологических производных от основной лексемы [Рыжкина, 2009, с. 19]. А формируются эти ассоциации и коннотации всем контекстом национальной культуры и, в первую очередь, литературы.

О влиянии культурных предпочтений на развитие зооморфных образов пишет В.Я. Пропп. Он утверждает, что сближение человека с животными происходит «далеко не всегда, а только при известных условиях» [Пропп, 1976]. Например, есть животные, наружность которых напоминает о некоторых отрицательных качествах людей. Так, изображение человека в виде свиньи, обезьяны, вороны, медведя, по мнению автора, указывает на отрицательные качества человека, а уподобление животным, которым не приписываются отрицательные качества (к примеру, орёл, сокол, лебедь)

смеха не вызывают. В.Я. Пропп приходит к выводу, что сопоставление с животными комично только тогда, когда оно должно вскрывать какие-то недостатки, если этого нет, то такое сопоставление может служить выражением похвалы или ласки. В народной поэзии ясный *сокол* – символ доброго молодца, *кукушка* – тоскующей девушки. В быту такие обращения, как «кошечка», «зайчик» и другие, служат выражением ласкового отношения [Там же].

По мнению Ю. Борева, животные в баснях являются комичными лишь тогда, «когда через их природную форму просматривается социальное – человеческие недостатки: суетливость, хитрость, тугодумие» [Борев, 1957, 115-116]. А.О. Кубасова отмечает, что посредством сравнений человека с животными и при переносе признаков животного на человека говорящий выражает своё отношение к адресату (объекту) речи и даёт ему субъективную оценку [Кубасова, 2008, с. 29]. Исследователь также указывает, что при изучении образной речи, в частности той, которая связана с миром анималистических ассоциаций, должна приниматься во внимание не только семантика сравнений и метафор, но и прагматика их использования в речи [Там же, с. 29].

Басенные тексты, содержащие в себе истину, «скрытую в образах и мотивах» [Скребцова, 2020, с. 179], имеют особую задачу – на примере персонажей текста (образов животных) раскрыть характеры, присущие людям. В басенном мире животные очеловечиваются и, тем самым, этот мир занимает промежуточное положение между миром человека и миром животных. Это сказывается и на языке: многие лексические единицы, принятые лишь при описании людей, становятся в баснях и сказках допустимыми при описании животных. В баснях и сказках возможны многие типично «человеческие» фраземы, иногда соответствующим образом переделанные (ср.: *копыта об копыта не ударишь, лапы отсохнут, труд в поте морды*) [Санников, 2002, с. 335]. В своё время ещё В.Г. Белинский отмечал, что у Крылова всякое животное имеет свой индивидуальный

характер – «и лисица везде у него хитрая, уклончивая, бессовестная и больше похожа на человека, чем на лисицу *с пушком на рыльце*; и косолапый мишка везде – добродушно честный, неповоротливо сильный; лев – грозно могучий, величественно страшный» [Белинский, 1953, с. 149].

Баснописцы XX века, такие как Д. Бедный, И. Батрак, С.В. Михалков, тоже использовали в своих баснях зооморфные образы, хотя и с разной степенью частотности. Отмечено, что в басенном творчестве Д. Бедного они встречаются значительно реже (всего 53 басни), чем в басенном творчестве С.В. Михалкова (91 басня). Примечательно, что большинство зооморфных образов в баснях имеет отношение к мифам и фольклорным текстам, но приобретает в них в то же время и некоторые новые черты. Например, образ волка в русских сказках о животных рисуется как «дурень», который всегда попадает впросак, а в мифологии, по мнению исследователей, «определяющим в символике волка является признак "чужой"» [Славянская мифология, 1995, с. 103]. В авторских же баснях волк обычно изображается как отрицательный персонаж, он кровожаден, агрессивен и безжалостен по отношению к другим.

В авторском жанре эпиграммы роль зооморфных образов менее связана с культурной традицией и более индивидуализирована. Зооморфные образы выполняют здесь скорее функцию шаржей-иллюстраций, что будет показано в соответствующих разделах работы.

Таким образом, зооморфизмы являются важной частью языковой картины мира и её смеховой составляющей. Зооморфные образы формируются общекультурным контекстом, мифологией, фольклором, авторскими литературными произведениями, нередко сатирическими. Лингвистическим механизмом создания зооморфизма является метафорический перенос имени животного на человека в результате замеченного или приписываемого им сходства по какому-либо внешнему или внутреннему признаку. В смеховом дискурсе, в частности в таких литературных текстах, как басня и эпиграмма, зооморфизмы служат

средством создания комической характеристики персонажей. Изучение особенностей использования зооморфизмов в баснях и эпиграммах определенного периода даёт возможность лучше понять как культурно-историческую эволюцию зооморфных образов, так и специфику языковой картины мира конкретного периода.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Языковая картина мира – действительность, отражённая в языковых значениях и воплощённая в словах и текстах, содержащих информацию о мире. Она хранит в себе всё, что есть в сознании народа, а значит, по ней можно проследить представление этноса о мире, быте, культуре и традициях. Основное содержание языковой картины мира формируется системой ключевых концептов, которые дают возможность её понять.

Смеховая картина мира является частью языковой картины мира, а тексты, её формирующие, направлены на достижение комического эффекта при помощи выявления смешных сторон окружающей действительности. Сатирические и юмористические произведения играют важнейшую роль в формировании смеховой картины мира.

Дискурс как реализованный текст существует одновременно в языке и жизни, напрямую взаимодействуя с ними. Он отражает всё многообразие породившей его исторической эпохи, а также её культурного развития и социальных особенностей. В дискурсе отражается сознание народа, его традиции и ценности. По отношению к картине мира дискурс выступает как материальный реализатор этой ментальной сущности, как её воплощение.

Поскольку смех всегда социален, то комическое не может существовать вне человеческого общества. Смех часто отзывается на события, которые подлежат отрицанию или осуждению. Сущность смеха заключается в эмоциональной реакции человека на явления, которые кажутся ему парадоксальными, не соответствующими норме, и потому вызывают у него реакцию веселья. Поскольку степень и характер смешного могут быть

разными, то выделяют оттенки смеха (в искусстве – комического): сатира, юмор, ирония, сарказм и др. Это значит, что смеховой дискурс, обладая разнообразными свойствами комического, нацелен на то, чтобы вызвать смеховую реакцию у читателя. Он содержит фрагмент культуры народа и также отражает менталитет носителей языка.

Сатира, в первую очередь, осуждает всё отрицательное и вредное, по мнению авторов, для жизни общества. Она не только показывает комическую нелепость осуждаемых явлений, но и разоблачает их. Так, например, главной задачей российской сатиры XX века на пути к искоренению «вредителей» было сатирическое обличение «врагов народа». Сатирический дискурс этого периода нацелен на то, чтобы выявить в новом обществе пережитки прошлого, устранить недостатки, мешающие двигаться вперёд, показать скрытые пороки.

Юмор, в отличие от сатиры, не ставит перед собой задачу, высмеивая, обличить или унижить; он незаменим, когда автор на стороне объекта смеха. Юмористический текст выражает положительное шутливо-ироничное отношение писателя к предмету осмеяния и реализует определённую симпатию к нему, позволяя по-доброму осветить смешные стороны действительности. В юмористическом дискурсе обычно менее ощутимы направленность и агрессия.

XX век в русской литературе является расцветом таких сатирических жанров, как басня, эпиграмма, памфлет, фельетон, пародия и т.д. При этом советская сатира, нередко обходя «цензурные рогатки», старалась не ограничивать себя узкими идеологическими рамками.

Такие тексты, как басня и эпиграмма, являются острым оружием в борьбе за правду: первый направлен на высмеивание пороков общества, а второй – личных недостатков адресата. Иначе говоря, басня является остро сатирическим текстом, обличающим отрицательные стороны действительности и человеческие характеры, а эпиграмма – сатирико-юмористическим текстом, затрагивающим личность адресуемого или

негативно освещаемые события. Хотя оба этих жанра ориентированы на искоренение человеческих пороков при помощи смеха, они весьма разнообразны в выборе красок смехового дискурса и могут включать в себя как дружелюбный юмор, так и меткую сатиру, колкую иронию, язвительный сарказм, издёвку и др. В этом смысле отнесение басен и эпиграмм однозначно к сатирическому или юмористическому дискурсам всегда можно считать условным, что связано и с регулярной имплицитностью их смысловой структуры, предопределённой особенностями данных текстов. В исследуемой работе мы рассматриваем данные тексты, цель которых вызвать смеховую реакцию у читателя, как компоненты смехового дискурса.

Как показывают исследования последних десятилетий, басни XX века подверглись некоторым изменениям. Этот исконный жанр литературного сатирического дискурса в советский период сохраняет свойственную ему острую социальную направленность и нацеленность на осмеяние общественных недостатков и пороков личности. Учёные-литературоведы отмечают, что многие традиционные образы в баснях XX века ушли на второй план, теперь нередко в них воплощается новое содержание. Кроме того, во многих баснях советского периода отсутствует традиционная для этого сатирического жанра мораль-поучение, поскольку основной инносказательный смысл заложен в тексте, он проявляется в поступках и речи самих персонажей, в которых «читается» авторская оценка описанной ситуации. В басне XX века начинают появляться социально-нравственные лозунги, что прежде не было столь характерно для данного жанра.

Эпиграмма XX века не только описывает процессы общественно-литературной борьбы, но и отражает развитие эстетических знаний рассматриваемой эпохи. Отмечаются такие особенности эпиграммы этого периода, как близость с фельетоном и басней, а также взаимодействие с пародией и частушкой. Этот текст содержит в себе остроту оценок с «мимолётным» откликом на события эпохи. Эпиграмма с начала XX века регулярно тиражируется благодаря широкому распространению в газетах и

журналах, а также позднее в устном медийном дискурсе. В неё постоянно входят темы политики, литературы и искусства.

В рассмотренных текстах эпиграмм XX века превалирует, по нашему мнению, не сатира, а юмор. Эпиграммы в собранном материале в основном представлены дружески-ироничными текстами. Их авторы в большинстве случаев не ставили перед собой задачу жёстко высмеять недостатки адресата. Написанные по поводу юбилеев и других знаменательных событий в жизни адресатов, эти тексты содержат мягкую иронию, шуточную похвалу, обличённую в юмористическую стихотворную форму, которая по прагматике близка к изобразительному жанру дружеского шаржа.

Зооморфные образы играют важную роль в языковой картине мира в целом и в смеховой картине мира в частности. Отражение в баснях и эпиграммах натуры и характера человека при помощи образов животных несёт в себе оценку описываемой «части Вселенной». Зооморфизмы в рассматриваемых смеховых текстах чаще носят отрицательные коннотации, реже – положительные. В целом же следует отметить, что советские басни и эпиграммы отличаются использованием в них значительного количества зооморфизмов, как традиционных, так и авторских, текстовая семантика которых, отражающая часть образной картины мира носителей языка, нуждается в детальном изучении.

ГЛАВА 2. ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РУССКОЙ БАСНЕ XX ВЕКА

Во второй главе рассматриваются наиболее частотные зооморфные образы, функционирующие в русских баснях XX века. Отмечается особая прагматическая специфика зооморфизмов в проанализированных текстах. Её суть – с помощью образов животных сатирически описать характерную ситуацию, в которой люди могут узнать себя или окружающих. Чаще всего обличаются бытующие в мире пороки, проецируемые на животных; отражается культурный феномен, закреплённый в сознании носителей языка.

2.1 Зооморфизмы, актуальные для русской басни XX века: репрезентанты и особенности функционирования

Русская басня XX века сохранила традиции организации классических басенных текстов с принятыми в них средствами языковой выразительности, к числу которых относятся разнообразные зоонимы, семантически вырастающие в контекстном окружении басни в цельные зооморфные образы, направленные в соответствии с замыслом баснописца на высмеивание тех или иных недостатков личности или общества.

В рассмотренных сборниках (см. Список используемых источников) было выявлено 680 текстов басен XX века, в которых функционируют зооморфные образы. Всего в картотеке исследования насчитывается 214 наименований различных животных. Отмечено 1448 случаев функционирования зооморфной лексики в текстах басен исследуемого периода. Представим частотность зооморфизмов, функционирующих в русской басне XX века, в таблице 1, которая разделена на 7 тематических групп в соответствии с родовидовой классификацией животных: млекопитающие – 94, птицы – 61, рыбы – 19, насекомые – 20, пресмыкающиеся – 7, земноводные – 3, прочие – 10. Общее число названий млекопитающих составляет 922, птиц – 336, рыб – 40, насекомых – 86, пресмыкающихся – 30, земноводных – 10, прочих – 34.

Таблица 1. Зооморфизмы, функционирующие в русской басне XX века

Млекопитающие (94)	Птицы (61)	Рыбы (19)	Насекомые (20)	Пресмыкающиеся (7)	Земноводные (3)	Прочие (10) Всего 34
Собака (84), Волк (79), Медведь (58), Лиса (57), Заяц (45), Кот (44), Осёл (44), Лев (39), Конь (30), Мышь (29), Свинья (25), Баран (22), Слон (22), Бобр (21), Ёж (20), Овца (18), Крот (17), Бык (15), Корова (14), Шакал (11), Белка (10), Енот (10), Козёл (10), Барсук (8), Вол (8), Коза (8), Лошадь (8), Хорёк (8), Кошка (7), Крыса (7), Львица (6), Мартышка (6), Щенок (6), Кабан (5), Козлёнок (5), Телёнок (5), Тигр (5), Хомяк (5), Ягнёнок (5), Рысь (5), Гиена (4), Жираф (4), Зайчиха (4), Ишак (4), Кобыла (4), Волчонок (4), Кит (3), Олень (3), Барс (2), Волчица (2), Жеребёнок (2), Жеребец (2), Зубр (2), Кулан (2), Лань (2), Макака (2), Сурок (2), Тюлень (2), Мерин (2), Овечка (2), Орангутанг (2), Пантера (2), Поросянок (2), Росомаха (2), Антилопа (1), Бегемот (1), Боров (1), Бурундук (1), Верблюжонок (1), Волкодав (1), Выдра (1), Горилла (1), Дельфин (1), Джейран (1), Дикобраз (1), Зебра (1), Котёнок (1), Кролик (1), Куница (1), Ласка (1), Лось (1), Слонёнок (1), Слониха (1), Соболь (1), Суслик (1), Тапир (1), Тушканчик (1), Медвежонок (1), Морж (1), Морская свинка (1), Мул (1), Муравьед (1), Обезьяна (1), Полёвка (1).	Петух (35), Воробей (26), Соловей (26), Орёл (18), Скворец (17), Курица (16), Сорока (13), Ворона (12), Кукушка (12), Гусь (11), Индюк (11), Попугай (10), Синица (10), Дрозд (8), Павлин (7), Сова (6), Чиж (6), Гусак (5), Ворон (4), Голубь (4), Грач (4), Канарейка (4), Утка (4), Гусыня (3), Дятел (3), Жаворонок (3), Журавль (3), Ласточка (3), Филин (3), Цыпленок (3), Щегол (3), Гусёнок (2), Кулик (2), Лебедь (2), Бекас (1), Беркут (1), Галка (1), Голубушка (1), Индюшка (1), Клест (1), Коршун (1), Снегирь (1), Сойка (1), Сокол (1), Стриж (1), Сыч (1), Тетеря (1), Удод (1), Утёнок (1), Цапля (1), Чайка (1), Чечётка (1), Чирка (1), Ястреб (1), Овсянка (1), Орлица (1), Пеночка (1), Пингвин (1), Поползень (1), Свиристель (1), Сизоворонка (1).	Щука (9), Ёрш (5), Карась (4), Лещ (3), Вобла (2), Судак (2), Налим (2), Пескарь (2), Акула (1), Бьюн (1), Голавль (1), Камбала (1), Малёк (1), Сом (1), Таймень (1), Окунь (1), Осётр (1), Пескарь (1), Плотва (1).	Муха (20), Муравей (11), Пчела (11), Жук (10), Комар (7), Блоха (4), Клоп (4), Бабочка (2), Стрекоза (2), Тля (2), Шмель (2), Мотылёк (2), Оса (2), Гусеница (1), Жучок (1), Козявка (1), Трутень (1), Муравей (1), Мушка (1), Светлячок (1).	Змея (15), Крокодил (8), Хамелеон (2), Черепаха (2), Гадюка (1), Кайман (1), Крокодилчик (1).	Лягушка (6), Жаба (3), Головастики (1).	Червь (8), Паук (7), Рак (7), Улитка (3), Сороконожка (2), Осьминог (2), Пегас (2), Моллюск (1), Пиявка (1), Рачица (1).
Всего в текстах басен						
922	326	40	86	30	10	34

Как видно из таблицы, наименования высокоорганизованных животных значительно чаще используются в текстах басен, поскольку позволяют авторам посредством приёма развёрнутого олицетворения создавать многоплановые зооморфные образы.

Среди наименований млекопитающих зафиксированы следующие виды домашних животных: *собака, осёл, конь, свинья, баран, овца, бык, корова, козёл, вол, коза, лошадь, кошка, ишак, кролик* и некоторые др.; к диким животным, встретившихся в баснях XX века, относятся: *волк, медведь, лиса, заяц, лев, слон, бобр, ёж, крот, шакал, белка, енот, барсук, хорёк, мартышка, кабан, тигр, рысь, гиена, жираф, олень, барс, зубр, обезьяна* и проч. Из названий домашней птицы в баснях встречаются слова: *петух, курица, гусь, гусыня, гусак, индюк, индюшка, утка*; и их птенцы: *цыплёнок, утёнок, гусёнок*; большинство наименований птиц относится к диким: *воробей, соловей, орёл, скворец, сорока, ворона, кукушка, синица, дрозд, сова, чиж* и др.

Из группы наименований рыб наиболее употребительными в баснях оказались следующие: *щука, ёрш, карась, лец*, в двух текстах встретились слова *вобла, судак, налим*, по одному разу использовались названия *акула, вьюн, голавль, камбала* и т.д.

В группу наименований разнообразных насекомых вошли *муха, муравей, пчела, жук, комар, блоха, клоп, бабочка* и т.п. В число пресмыкающихся – *змея, крокодил, хамелеон, черепаха, кайман* и проч. А среди земноводных встретилось три слова: *лягушка, жаба, головастик*.

В группу «прочих» включены различные виды животных, не вошедшие в предыдущие группы: *червь, паук, рак, улитка, сороконожка, осьминог* и др. В двух текстах употреблено мифическое наименование животного – *Пегас*.

Наиболее частотными в рассмотренном материале оказались пять зооморфных образов: *собака* – 84 текста басен, *волк* – 79, *медведь* – 58, *лиса* – 57, *заяц* – 45. Общее число проанализированных текстов составило 323, контекстов – 422. В данной главе представлен системный анализ

исследуемых зооморфизмов по мере убывания. В специальных параграфах анализируется семантико-прагматическая структура данных зооморфных образов.

Следует особо пояснить прагматические механизмы, выражающие авторское отношение к изображаемому в русских баснях XX века с зооморфными образами.

1. Главным прагматическим средством в баснях является развитие сюжета и в нём – зооморфного образа, посредством чего выражается отношение автора к персонажам, событиям и т.д. Рассмотрим это положение на примерах басен С.В. Михалкова. В басне «Заяц во хмелю» Заяц сначала проявляет хвастовство: «Да что мне Лев! – кричит. – Да мне ль его бояться! / Я как бы сам его не съел! / Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!». А после встречи со Львом, чтобы избежать гибели, Заяц ищет пути спасения, одним из которых является подхалимство: «Я был в гостях сейчас. / Там лишнего хватил. Но все за Вас! / За Ваших львят! За Вашу Львицу! / Ну, как тут было не напиться?!». Так, хвастливому зверю удалось остаться в живых. Герой басни «Наглый заяц» Заяц сочетает в себе трусость и в то же время хвастовство и наглость: «*Зайчишка* в страхе по лесу петляя, / В нору к Лисе с разбегу вдруг попал», «"Опять не повезло!" – вздохнул наглец *Косой*. – / А я-то шёл сюда расправиться с Лисой!..». В басне «Заяц и Черепаха» заболевший заяц находит того, кто мог бы ему помочь. Однако в лице Черепахи эта помощь оказывается слишком медленной, из-за чего неблагодарный Заяц был разъярён: «Вот чёртов гребешок! Вот костяная дочь! / Попутал бес просить тебя помочь! / Куда же ты запропастилась? / Глоток воды, поди, уж сутки жду...», «Ну, наконец, пришла, – вздохнул больной. – Явилась!».

Зооморфный образ *волка* также получает сюжетное развитие. Рассмотрим его на примере басен И. Батрака. В басне «Ёж и Волк» голодный и кровожадный Волк, ища себе добычу, встречает Ежа и пытается завести с ним дружбу: «Дай лапку мне, / И мы скрепим союз». Однако Ёж оказывается

хитрее его: «Дать лапу и в твоей вдруг очутиться пасти, / Чтоб стал ты рвать меня на части, – / Себя глупее поищи». Так Волк испытал неудачу, ему не удалось обмануть Ежа, чтобы съесть его. В другой басне писателя «Вол и Волк» складывается похожая ситуация. Коварный Волк решает подкараулить Вола и напасть на него исподтишка: «Попортил хвост и у виска / Кровавых вырвал два куска». От неминуемой гибели Вола спасает рабочий. Тогда хитрый Волк, переодевшись в баранью шкуру, приходит к ним вновь, чтобы «записаться в артель». Однако сплотившиеся Волы, руководимые рабочим, дают отпор злодею ответом: «Принять согласны мы вполне, / Хотя баранов и волков на рынке шкуры не в цене».

2. Другим типичным для басни прагматическим механизмом является оппозиция образов, то есть художественное противопоставление зооморфных образов по принципу антитезы. Образы животных в одном и том же басенном тексте нередко символизируют противоположные качества: *лиса* – хитрая, *волк* – простодушный, *сова* – мудрая, – *осёл* – глупый и проч. Эти качества зооморфизмов раскрываются в контексте басни, в частности оценочными эпитетами: *верный, храбрый, отважный пёс, негодница, хищница, плутовка, злодейка, разбойница* лиса.

Примечательно, что образную оппозицию в басне не обязательно составляют животные разных видов. Ярким примером противопоставления образов может служить басня С.В. Михалкова «Полкан и Шавка», в которой Полкан во время встречи со стаей волков проявляет смелость и самоотверженность – «я на себя возьму того, что покрупнее», «вцепился храбрый пёс зубами в волчью шею», а Шавка, напротив, символизирует трусость и предательство – «от страха Шавка вся дрожит», «я показать вам рада, где у реки пасётся стадо». Конец басни весьма трагичен, Полкан «растерзан был», а Шавка, которая повела волков к овечьему стаду, за своё предательство была съедена волчьей стаей. В басне «Руслан и Трезор» приводится ещё одно противопоставление двух персонажей – собак. Образ Трезора символизирует мудрость, смелость и справедливость – «За службу

верную ты получил сполна, На выставке медаль, гляди, тебе дана – и не одна!». А Руслан в басне проявляет высокомерие, недовольство, грубость и чванство: «прорычал в ответ», «осточертел мне белый свет».

3. Мораль как жанрообразующая форма басенного текста специально предназначена для выражения прагматики автора, его интенции. Если в основном сюжетном тексте отношение баснописца проявляется имплицитно (развитие сюжета, оппозиция образов), то в морали басни голос её автора звучит открыто, его позиция выражается эксплицитно. Как правило, в конце текста баснописец даёт свою оценку происходящих в сюжете событий. Например, в басне И. Батрака «Сова, осёл и солнце» автор приходит к умозаключению: «Из басенки, надеюсь, ясно стало – / Чтоб солнце потушить, / Ушей ослиных мало». Д. Бедный в басне «Добряк» даёт назидательный совет читателю: «Смысл этой басенки не нов / Для лицемеров и лгунов: / Прочтут, поймут... и не покажут вида, / Что их касается обида!».

Басня С.В. Михалкова «Соловей и ворона» имеет ироническую мораль: «Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых, / А попадаешь всё в знакомых...». Другую басню «Без вины пострадавшие» автор так же, как и Д. Бедный, заключает назидательной моралью: «Я басню написал тем людям в назиданье, / Что вокруг начальства выются без конца, / Готовые уже за указанье / Считать обычное чиханье / Вышестоящего лица».

Таким образом, в проанализированных сатирических текстах, целью которых является обличение пороков, искоренение недостатков общества и т.д., зооморфные образы, составляющие основу сюжета, содержат вполне определённые характеристики, иносказательно представляющие людские пороки и достоинства.

2.2 Зооморфный образ собаки

Поскольку любое авторское словоупотребление, каждая литературная метафора, наращивание новых смыслов всякого слова в художественном тексте всегда опирается на языковую семантику лексической единицы, то изучение

басенных зооморфных образов необходимо предварить анализом лексических значений соответствующих зоонимов. Обратимся к данным толковых словарей для изучения семантики лексемы «собака» (см. Приложение 1).

В «Словаре русского языка» номинативная и оценочная семантика в лексической структуре зоонимов «собака» и «пёс» уравновешены, причем во втором значении представлена только пейоративная оценочность "употребляется как бранное слово", "о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками", в третьем значении лексемы «собака» используется положительная характеристика с пометой *прост.* – "употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо" [Евгеньева, 1988, т. 4, с. 168; Там же, 1987, т. 3, с. 113].

В «Большом толковом словаре русского языка» из четырех значений многозначного зоонима «собака» два являются переносными метафорическими характеристиками человека с разнонаправленной эмоциональной оценочностью: отрицательной в третьем значении и положительной в четвертом [Кузнецов, 2000, с. 1224].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» лексема «собака» представлена в двух семантико-грамматических вариантах. В своём первичном лексико-семантическом варианте (ЛСВ) слово является существительным женского рода и обозначает домашнее животное. Это прямое номинативное значение зоонима. Производная семантика развивается у слова по двум направлениям: во-первых, по метонимическому типу (перенос наименования по смежности), а точнее как синекдоха (перенос имени с целого на часть); во-вторых, в результате метафорического переноса имени животного на человека по некоторому сходству. Причем в метафорическом значении существительное получает способность относиться к лицам как мужского, так и женского пола, характеризуя их по отношению к делу (положительная характеристика, хотя и со стилистически сниженной оценочностью) или по отношению к окружающим

(отрицательная характеристика и сниженная эмоциональная оценочность – пейоратив) [Ефремова, 2001, т. 2, с. 648].

В «Толковом словаре современного русского языка» первое значение зоонима «собака» определяет биологический класс животного, второе показывает его отношение к человеку, а третье указывает на перенос имени животного на человека с целью выражения крайне негативного к нему отношения, то есть является отрицательной его оценкой [Ушаков, 2013, с. 636].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод, что русским языковым сознанием из всех элементов семантики исходного значения лексемы «собака» (домашнее животное, преданное хозяину; охранник дома, защитник, помощник в охоте и др.) для метафорического переноса имени на человека была выбрана преимущественно негативная оценочная сема 'злой, жестокий'.

Эта избирательность в развитии коллективным языковым сознанием семантики зооморфного образа отмечается в монографии Е.В. Дерюгиной: «Собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности, однако эти общеизвестные качества не нашли языкового воплощения – ни один говорящий на русском языке не назовёт верного, преданного человека собакой, как называют хитрого лисой, упрямого ослон, коварного змеёй и т.п.» [Дерюгина, 2011, с. 107].

Дальнейшее пополнение общезыковой семантики метафорического образа собаки происходит, как показывает Е.В. Дерюгина, за счёт различной лексической сочетаемости производного прилагательного *собачий*:

- 1) 'подлый, презренный, низкий': (*собачья измена, собачья должность*);
- 2) 'очень трудный, тяжёлый, невыносимый' (*собачья жизнь, собачьи условия*);
- 3) 'очень сильный, крайний в своём проявлении' (*собачий холод, собачья усталость*);

4) 'употребляется в бранных выражениях' (*к чертям собачьим, какое твоё собачье дело*) [Дерюгина, 2011, с. 107].

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаются фразеологические словари, в которых активно представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *собака*.

Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» представлен ряд устойчивых словосочетаний, содержащих зооморфный образ *собаки*. Всего их насчитывается 20 единиц, что также свидетельствует о том, что люди всегда обращали внимание на живущее с ними рядом животное, наблюдали за его поведением и сравнивали его с человеком. При этом сравнении образ собаки чаще оказывался носителем негативных качеств, получающих пейоративную оценку: *вот где собака зарыта; каждая собака; как собака; как собака на сене; как собака палку; ни одна собака; каждую собаку; как собаку; как собак; как (что) собак нерезаных; спускать (спустить) собаку; собаку съел; собаке под хвост; вешать (навешать) собак; вешать собак на шею; гонять собак; как кошка с собакой жить; как собаке пятая нога нужен; писать собаку через ять; и реже – положительную: заживает как на собаке* [Фёдоров, 2008].

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается свыше 300 употреблений с этим словом или единицами, близкими по значению [Мокиенко, Никитина, 2008].

Представим зооморфный образ собаки в русских народных сравнениях по материалам данного словаря, систематизировав эти устойчивые единицы в таблице 2 по признаку оценочности: положительная, отрицательная, неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 2. Образ собаки в устойчивых сравнениях

Положительная (11)	Отрицательная (67)	Неопределённая (16)
как верная собака; служить как верный	как бешеная собака; худой как борзой; голоден (голодный) как собака; умереть	собака умнее бабы; на хозяина не лает;

<p>пёс; послушный как собака; верный как собака; преданный (верный) как собака; чуткий как собака; бежать как собачонка; ищи как собака блох ищет; (снег) в стоячую собаку; обрадоваться что собака блину.</p>	<p>как бродячая собака; сажать с воронки точно бродячих собак; как побитая собака; прожорлив как собака; ругаться как собаки; прятаться как собака; собака злей жены лютой; худой как бездомный пёс; брехать как кобель хвостом махает; как бездомный кобель; охрипнуть от крика как цепной кобель; обглодать словно голодная собака мозговую кость; есть, набрасываться на еду как голодный пёс; деревья впереди, что борзые кобели; свекрова на печи что сука на цепи; как кобель борзой; как собак нерезанных (недобитых); что кривая собака в кувшин; старый как собака; пахать как бобик; нажраться как собака; есть (жрать, лопать) как собака; бреши кобелём: продавать поведём; бить как кобеля; крутиться как собака в колесе; три дня собака лает; аркаться ровно кошка да собака; заглядывать, говорить как собака лаять; как собака на месяц лаять; выть как собака на луну; жаден как собака; как недобитая собака; брехать как собака в Пасху; выглядеть как побитый пёс; надоедать как пёс; бить как пса; лаять как собака из подворотни; жить как приبلудная собака (собака на привязи); брехлива как пустолайка; бранить как собак; прыгать как собака; пьян как собака; реветь как собака горчущна; ревнивый как собака; порвать как бобик грелку; ссориться как будто киска да собака; есть как собака; житьё как у поповой собаки; хоть ты на собаку лей; как собаке пятая нога (лапа); огрызаться/огрызнуться (отбрёхиваться/отбрехнуться) как собака; я вас люблю как собака палку; как кобель на цепи; как кобель; жить как собака с кошкой; толкаться что собака на кухне; как собака на сене лежит; как собака мух ловить; нужен как собаке припарка; биться как собака в мешке; ждать что собака палицу; обращаться как с собакой; задаваться как собака; выше серой собаки; как собаки на упадь.</p>	<p>стар что собака, а глуп что щенок; играть как с собачкой; наестся как Антипкин кобель; хоть собаку съест; прятаться как собака в подмостье в жаркий день; как собаке лет; крутить как пёс хвостом; мёрзнуть как бобик; любить как собака палку; нужен как собаке боковой карман; бегать от работы как собака от мух; скучать по решётке что собака по палке; хвататься как собака за палку; скряге деньги что собаке сено; нужен как рыбке собака.</p>
--	---	---

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *собака* или другими именованиями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные

или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию.

В русских пословицах образ собаки вполне реалистичен. Его наличие в текстах этого жанра устного народного творчества свидетельствует о том, что человек существовал в неразрывном единстве с миром животных. Примечательно, что и в этих устойчивых речениях образ собаки оценочно неоднороден. Покажем в таблице 3 пословицы, собранные в работе [Даниленко, 2017, с. 225], в которых собака и люди, уподобляемые ей, оцениваются по-разному: с положительной и отрицательной стороны.

Таблица 3. Образ собаки в пословицах и поговорках

Положительные характеристики (16)	Отрицательные характеристики (23)
<p>Собака – друг человека; Собака человеку – неизменный друг; Хорошая собака без хозяина не останется; При верной собаке сторож спит; Без собаки зайца не поймаешь; Старая собака на пустое дерево не лает; Собака собаку не ест; Хорошая собака три раза в ночь просыпается, чтобы за своим хозяином доглядеть; Хорошая собака лучше худого человека; Каков хозяин, таковы у него и собаки; Не дразни собаку, и лаять не станет; Недаром и собака кость гложет; И собака помнит, кто её кормит; И собака старое добро помнит; И собака ласковое слово знает; Ласковая собака и во сне хвостом виляет.</p>	<p>С жиру собака бесится; Собака и на свой хвост лает; Глупая собака громко лает; Глупая собака и на небо лает; От безделья собака на ветер лает; Собака лает – ветер носит; Собака лает, а караван идёт; Всю ночь собака пролаяла на месяц, а месяц того и не знал; Трусливая собака громко лает; На смелого собака лает, а трусливого кусает; У нас собака осердилась, так неделю не лаяла; Злую собаку на короткой привязи держат; Исподтишка собака скорее укусит; Молчун-собака – не слуга на дворе; Смирную собаку и кочет бьёт; Собака и в собольей шубе блох ищет; Чёрного кобеля не отмоешь добела; Сердитой собаке только кость кинь; Хвостом виляет, а зубы скалит; Собака хватает, а сыта не бывает; Сколько собака не лает, всё равно сыта не бывает; Собака на сене лежит – сама не ест и другим не даёт; Собаке – собачья смерть.</p>

Как можно заметить, образ собаки и в русских пословицах чаще представлен как носитель отрицательных характеристик, однако содержание этого образа здесь дополняется новыми смыслами и красками. В диссертационной работе О. Бичер отмечается: «В пословицах отражены более разнообразные свойства данного животного: «Собака – кусающееся,

лающее, прожорливое, неряшливое и преданное человеку существо, терпящее несправедливые притеснения от своего хозяина» [Бичер, 2016, с. 94].

В «Лингвокультурологическом словаре» даётся несколько противоречивая характеристика зооморфного образа собаки (см. Приложение 1). С одной стороны, отмечается, что собака «не относится к числу типичных русских мифологических образов»; с другой стороны, говорится, что этот образ «выступает как стереотипный» и «может употребляться для характеристики человека» [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 152]. Утверждается также, что слово *собака* (*нёс*) может употребляться как универсальное оскорбление; при этом слово *нёс* используется по отношению к мужчине и может предполагать характеристику человека, готового на любые низкие поступки, дела (*Ты чего, нёс?*) [Там же, с. 152-155]. Здесь для обозначения собаки используются, помимо слова *нёс*, также близкие по значению единицы – *собака, кобель, дворняжка (беспородная собака)*.

Истоки представлений о том или ином животном кроются в мифах и преданиях народа. В славянской мифологии выделяется образ крылатой собаки Симаргла. В Древней Руси Симаргла называли ещё Переплутом и считали охранителем посевов [Даниленко, 2017а, с. 93].

Богатейшим источником зооморфных образов для языковой картины мира являются также русские сказки, в особенности самый древний их жанр – сказки о животных. Так, в сказке «Заюшкина избушка» заяц оказывается выставлен из собственной избы лисой. Пробегавшие мимо собаки решили помочь зайцу. В образе собаки выражается сочувствие к слабому и готовность защитить обиженного.

Сказка «Волк и собака» отличается от других прежде всего тем, что в ней показан образ собаки, к которой «пришла тяжёлая старость», и она «брехать перестала». Тогда хозяин решил от неё избавиться и привёл в лес, привязал собаку к осине, а сам отправился домой. Волк, увидев собаку, захотел её съесть, но ей удалось его перехитрить, сказав, что у неё «старое и

худое пёсье мясо». Собака попросила принести ей добычу и после того, как она поправилась, смогла расправиться с серым волком. В данной сказке собака проявляет хитрость и смекалку, сохраняющие ей жизнь.

В более позднем жанре русских волшебных сказок образ собаки усложняется, она выступает то как носитель зла, то как проводник добра. Так, в сказке «Баба-яга» собаки – злые животные, готовые разорвать на куски несчастную падчерицу [Даниленко, 2017а, с. 93].

Но всё-таки положительные характеристики в сказочной собаке преобладают над отрицательными. Например, в сказке «Волшебное кольцо» бедняк Мартынка, ставший обладателем чудесного кольца, спас от смерти собаку, которую мясники нещадно били, и кота, которого хотели утопить в реке. Скоро зверигодились Мартынке, они выручили его из беды, вернули волшебное кольцо. Так благодаря коту и собаке Мартынка снова стал владельцем могущественного волшебного средства [Аникин, 1977, с. 75, 76]. Собака Журка в сказке выглядит благороднее, чем кот Васька, которому приходит в голову мысль обмануть собаку и прийти к хозяину первым. Так собака проявляет благодарность, смекалку и благородство. В другой сказке «Финист – ясный сокол» собака поддерживает Марьюшку, когда та оказалась одна в страшном лесу [Аникин, 1977, с. 41-42].

Итак, в русских сказках образ собаки неоднозначен, но чаще всего оценивается с положительной стороны – в основном это верный пёс, способный прийти на помощь.

Таким образом, анализ материала из приведённых выше источников даёт основания полагать, что образ собаки является важным элементом национальной языковой картины мира, в том числе в её метафорической составляющей, где зооморфизм *собака* предстаёт как частотный концептуализированный образ, обладающий разнообразным набором семантических приращений и полярных оценочных характеристик.

В итоговой таблице 4 сведены все значения зооморфного образа *собаки*, выявленные при анализе указанных выше лексикографических

источников. Эти данные послужат основой при интерпретации басенных реализаций зооморфизма *собака*.

Таблица 4. Характеристика зооморфного образа *собака* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1988 [Т.4, с. 168]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 1224]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 2, с. 648]	«Толковый словарь современного русского языка», 2013 [с. 636]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 152-155]
1. Домашнее животное.	+	+	+	+	+
2. Хищное млекопитающее.	-	+	-	+	-
3. Мех, шкура животного.	-	-	+	-	-
4. О злом, жестоком, грубом человеке.	-	+	-	+	+
5. Употребляется как бранное слово.	+	-	+	+	-
6. Ловкий, знающий, с хорошим обонянием, чутьём и развитой интуицией человек.	-	+	-	-	+
7. При выражении одобрения, восхищения кем-либо.	+	+	-	-	-
8. Преданный, верный человек.	-	-	-	-	+
9. Человек с чрезмерной преданностью, граничащей с услужливостью, поклонением.	-	-	+	-	+
10. Покорный, готовый подчиняться человек.	-	-	-	-	+
11. Не сидящий на месте, занятый работой/делами человек.	-	-	-	-	+

С целью изучения зооморфизма *собака* в баснях XX века в материал исследования были включены тексты из следующих сборников сатирических произведений: Н. Альтшуллер [1960, 1968], Е.М. Афанасьев [1980], Д. Бедный [1926, 1935, 1935а, 1945], журнал «Зритель» [1905, №7, 9], С.Е. Ванетик [1999], В.Ф. Матвеев [1985], Н.И. Полотай [1977], С.В. Смирнов

[1979], С.В. Михалков [1984], И. Батрак [1935], Е.И. Аникеев [1976, 1982, 1988]. В этом материале обнаружено 84 текста с зооморфным образом *собаки*.

Репрезентанты зооморфизма *собака*, встретившиеся в данных сборниках, мы разделили на несколько групп. Здесь и далее мы указываем количество контекстных употреблений данного репрезентанта в круглых скобках. Проценты считаются от общего числа единиц каждой группы употреблений репрезентантов зооморфизма.

1. Синонимичные наименования собаки (72), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Синонимы основного номинанта образа собаки в басенных текстах дифференцируют именуемый объект по разным основаниям: количеству, возрасту, размеру, полу, особенностям поведения: *пёс/псы* – 43 (60%), *собака/собаки* – 10 (14%), *щенок* – 8 (11%), *шавка/шавочка* – 7 (10%), *собачка* – 1 (1,25%), *пёсик* – 1 (1,25%), *кобель* – 1 (1,25%), *псина* – 1 (1,25%).

Приём использования частных номинаций способствует конкретизации характеристик изображаемого животного и закладывает основы его образа в басне.

Так, образ *собаки* имеет разноплановые характеристики: *желание льстить, подхалимничать, прислуживать*: «ходить на задних лапках» (С.В. Михалков «Собака и Осёл»); *верность, служение, бескомпромиссность*: «сторожа такого неумолимого и злого» (И. Батрак «Лиса и Собака»); *неразумность, ябедничество*: «молодёжь пошла не та!», «вот мой *Щенок* – сопляк» (Е.И. Аникеев «Щенок и Собака»); *твёрдость, упрямство*: «в ответ залаяла упрямо» (Е.И. Аникеев «Федот, да не тот»). Данный зооморфизм наполняется контекстным смыслом в зависимости от замысла автора басни.

Зооним *Пёс* у Д. Бедного не наделяется определённым характером, а используется в качестве бранного слова, например в следующих баснях: «Кровное» – «Ах, *псы*, ах подлецы»; «Сладкие мечты» – «У, *псы!*»; «Пёс» –

«И как тебя на свет я породила, такого *пса?*»; «Макеев дар» – «Так вот ты, *пёс*, каков!». У других баснописцев *Пёс* может быть как положительным, так и отрицательным персонажем, например в баснях С.В. Михалкова «Пастух и Блоха» *Сторожевой Пёс* наделён таким качеством, как мужество: «Бесстрашный *Пёс* вступил с волками в драку / И, выполнив свой долг, в неравном пал бою...», а в басне «Бешеный *Пёс*» – *агрессивностью*, *наглостью* и *безнаказанностью* – «ядовитой брызгая слюной», «на смерть ранил пастушонка», «бандит в тюрьме окреп».

Образ *Шавки* – маленькой косматой дворовой собачки – в баснях имеет только негативные характеристики, в основном персонаж наделён такими отрицательными качествами, как *трусость* и *способность к предательству* – «от страха *Шавка* вся дрожит», «Я показать вам рада, где у реки пасётся стадо» (С.В. Михалков «Полкан и Шавка»); *высокомерие* и *надменность* – «Так и рвалась на всех напасть» (Е.М. Афанасьев «Судьба Шавки»); *завистливость* – «взяла труды старателя-Вола, / *Облаяла* / И – дрянью назвала» (С.В. Смирнов «Бродяга-Шавка»); *злость* – «мечет, изрыгая пламя» (С.В. Смирнов «Конь и Шавка»); *угодничество* – «перед Хозяйкой *вертит Шавочка хвостом*» (Е.И. Аникеев «Полкан и Шавка»), «свистнешь её <...> она уже бежит», «*виляет хвостом*, и от счастья визжит» (Е.И. Аникеев «Шавка»).

Образ *Щенка* в ряде текстов воплощает *доверчивость*, *неопытность*, *наивность*: «Так глупенький малыш бесславной смертью пал» (С.В. Михалков «Щенок и Гадюка»); «искал в любом мальчишке друга» (С.В. Михалков «Мираж»); *смелость*: «Растёт сынишка смелым» (Е.И. Аникеев «Федот, да не тот»); и лишь в некоторых баснях *Щенок* показан *наглым* и *невоспитанным*, проявляющим *неуважение к старшим*: «поливал *Полкана* злобной бранью» (Е.И. Аникеев «Полкан и Щенок»).

Зооморфный образ *Кобеля* употребляется лишь в одной басне и содержит негативные характеристики: *злость*, *свирепость*, *драчливость* – «Кошек гонял и с собаками дрался», «Чёрного *Пса* не отмыть добела!»

(Е.И. Аникеев «Чёрный Пёс»). В данной басне присутствует несколько искажённая русская пословица – «Чёрного кобеля не отмоешь добела», имеющая значение 'плохого человека не исправишь' и содержащая общеотрицательную оценочность.

Разговорное слово «псина», употребленное в басне И. Батрака «Воробей и кот», содержит отрицательную характеристику – *злое существо, способное убить*: «Загрыз ли псина-обормот».

2. Наименования породы собак (20): *бульдог* – 4 (20%), *овчарка* – 3 (15%), *дворняга* – 3 (15%), *пудель* – 3 (15%), *болонка* – 2 (10%), *боксёр* – 1 (5%), *волкодав* – 1 (5%), *дог* – 1 (5%), *мопс* – 1 (5%), *сеттер* – 1 (5%).

Кинологам и хозяевам собак известно, что каждая порода этих животных отличается особым характером: боксёр и бульдог считаются глупыми и злобными, волкодав – жестоким, дог – благородным, овчарка – умной, болонка – вздорной и т.д. В баснях писатели нередко обыгрывают эти общие представления и наделяют образ собаки либо положительными, либо отрицательными характеристиками, причём в зависимости от конкретного текста эти характеристики могут меняться у разных авторов исходя из замысла произведения.

Так, в басне Е.И. Аникеева «Болонка» *Дворняга* проявляет *миролюбие* – «жить в дружбе», «не лаять и не драться», а в его же басне «Бульдог и Дворняжка» беспородная собака показывает свою *раздражительность, вспыльчивость и придирчивость* – «ни дня без лая».

3. Имена собственные (клички собак) – 39: *Полкан* – 8 (20%), *Барбос* – 7 (18%), *Бобик* – 5 (13%), *Жучка* – 5 (13%), *Моська* – 5 (13%), *Трезор* – 3 (8%), *Волчок* – 1 (2,5%), *Жучок* – 1 (2,5%), *Руслан* – 1 (2,5%), *Джек* – 1 (2,5%), *Шарик* – 1 (2,5%), *Дружок* – 1 (2,5%).

В баснях XX века авторы, используя клички, индивидуализируют зооморфный образ. Однако характеристика собаки с определённой кличкой зачастую может меняться в зависимости от предпочтений автора. Нельзя сказать, что кличка – показатель лишь одного типичного образа, чаще всего

одноимённые персонажи получают в одних баснях у одних писателей отрицательные черты, у других – положительные, например в басне «Лищедеи» Д. Бедного пёс *Барбос* наделён такими положительными качествами, как *догадливость, сообразительность, прозорливость, смекалка*: «Врала ты, да не мне», «Где ж видано, <...> чтоб у сороки были зубы»; этими же качествами отличается *Барбос* и в басне С.Е. Ванетика «Ограбленный Трезор» – «Не сошел ли ты с ума ли?». Однако в баснях Н.И. Фалеева «Приятель» и С.В. Смирнова «Обмен любезностями» персонажи с кличкой *Барбос* наделяются такими отрицательными качествами, как *злость, агрессивность, высокомерие, критиканство*: «Преступный пёс», «Сам на цепи, а смотрит гордо» (Н.И. Фалеев); «Съязвил *Барбос*» (С.В. Смирнов).

Нетипичная для собаки кличка представлена в басне С.В. Михалкова «Руслан и Трезор». *Руслан* изображён *ворчливым, злым* и вечно всем *недовольным* псом – «*прорычал* в ответ», в отличие от *Трезора*, который проявляет *мудрость* и *справедливость* – «За службу верную ты получил сполна, / На выставке медаль, гляди, тебе дана – и не одна!».

Особый интерес в этой группе представляет кличка, отсылающая к прецедентному тексту – *Моська*. Данная прецедентная единица использована в пяти текстах – 6%. Образ знаменитой *Моськи* вдохновил нескольких авторов на создание басен-откликов на текст И.А. Крылова «Слон и Моська». В баснях писателей XX века этот образ в основном сохраняет присущие ему в исходном тексте черты (*показная смелость, ложная отвага*), но в то же время приобретает и новые сюжетно обоснованные характеристики. У В.Ф. Матвеева *Моська* «нового времени» по сути своей очень похожа на персонажа И.А. Крылова: тоже *мелочная* и *злая*, но в ней смелость, пусть даже показная, уступила место *подлости*: «её девиз – кусать исподтишка» (В.Ф. Матвеев «Современная Моська»).

По мнению С.В. Смирнова, новые «Моськи» предпочитают не замечать Слонов, применяя к ним метод «замалчивания» (С.В. Смирнов «Метод

замалчивания»). И ухитряются даже в посвящённых Слону мемуарах, как иронизирует Е.И. Аникеев, прославлять только свои подвиги, совсем забыв о Слоне (Е.И. Аникеев «Моська и Слон»). В басне «Слон и злая Моська» С.В. Смирнов предостерегает злобную собачонку, говоря, что будет «поздно обращаться к эскулапу, если Слон отдавит *Моське* лапу».

Столь многочисленные отклики на басню Крылова свидетельствуют, с одной стороны, о популярности исходного текста, а с другой – о том, что высмеивание ничтожества, которое пытается нападать на великое, не теряет актуальности и в новое время.

4. Слова с зооморфным семантическим компонентом (88) разнообразны по форме и включают глаголы, деепричастия, прилагательные, существительные, обозначающие действия, свойства, качества собаки: *лаять* – 13 (15%), *лай* – 5 (6%), *рычать* – 3 (3,4%), *кусать* – 3 (3,4%), *собачий* – 3 (3,4%), *лохматый* – 3 (3,4%), *облаять* – 2 (2,3%), *залаять* – 2 (2,3%), *облаяв* – 2 (2,3%), *скулить/заскулить* – 2 (2,3%), *зарычать* – 1 (1,1%), *тявкнуть* – 1 (1,1%), *нагадить* – 1 (1,1%), *лизнуть* – 1 (1,1%), *завыть* – 1 (1,1%), *рычанье* – 1 (1,1%), *цапнуть* – 1 (1,1%), *по-щенячьи* – 1 (1,1%), *породистый* – 1 (1,1%), *нюх* – 1 (1,1%), *выть* – 1 (1,1%), *порода* – 1 (1,1%), *кличка* – 1 (1,1%), *цепной* – 1 (1,1%), *дворовый* – 1 (1,1%), *бездомный* – 1 (1,1%), *подзаборник* – 1 (1,1%), *сторожевой* – 1 (1,1%), *породистый* – 1 (1,1%), *гончий* – 1 (1,1%).

К этой группе относятся **обозначения частей тела собаки, её волосяного покрова и окраса**: *шерсть* – 2 (2,3%), *собачья морда* – 2 (2,3%), *пасть* – 1 (1,1%), *лапа* – 1 (1,1%), *хвост* – 1 (1,1%), *шерсти клочок* – 1 (1,1%), *масть* – 1 (1,1%). А также **слова, называющие жилище собаки и её атрибуты**: *будка* – 3 (3,4%), *конура* – 1 (1,1%), *цепь* – 1 (1,1%), *поводок* – 1 (1,1%), *намордник* – 1 (1,1%), *ошейник* – 1 (1,1%).

Особое место в этой группе занимают единичные **звукоподражательные слова**: *гав-гав* – 1 (1,1%), а также немногочисленные **устойчивые словосочетания, фразеологизмы, сравнительные обороты**: *вилять хвостом* – 4 (5%), *на задних лапках* – 2 (2,3%), *как кошка с собакой* –

1 (1,1%), *поджать хвост* – 1 (1,1%) и **искажённая русская пословица Чёрного Пса не отмыть добела** – 1 (1,1%). Встречаются, кроме того, **наименования этого животного по выполняемой им роли, функции:** *сторож* – 2 (2,3%), *ревизор* – 1 (1,1%).

Итак, в 84 текстах басен встречается 81 разноплановый репрезентант, номинирующий зооморфный образ *собаки*. Эта совокупность единств разделена нами на следующие тематические группы: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «*собака*», породы и клички этого животного, слова с зооморфным компонентом. Наиболее частотной является группа с зооморфными компонентами (*лаять, рычать, собачий* и т.д.), видимо, потому, что они отражают в обобщённой форме характеристики и/или особенности поведения базового зооморфизма.

Рассмотрим семантическое развитие зооморфного образа *собаки*, представленного различными репрезентантами в исследуемых басенных текстах (см. Приложение 2). Обобщённый зооморфный образ *собака* дополняется в баснях писателей следующими семантическими характеристиками, в большинстве своём имеющими отрицательную оценочность, – 72 контекста. Процентное соотношение высчитывается по отношению ко всем выявленным контекстам.

1. Злость, свирепость, агрессивность, сварливость, подлость (явная и скрытая), драчливость – 20 (27,8%): С.В. Михалков «Жучок и блоха» – «Стал грозно лаять, злиться, бросаться на людей» [Михалков, 1984, с. 157]; С.В. Михалков «Бешеный пёс» – «взбесился *Пёс* цепной», «ядовитой брызгая слюной» [Там же, с. 32-33]; Е.М. Афанасьев «Растущий Бобик» – «*Вилял хвостом* при всём народе, / Кусал – исподтишка» [Афанасьев, 1980, 39] и т.д.

2. Высокомерие, тщеславие, надменность, хвастовство, наглость – 15 (21%): С.В. Михалков «Сомнительное бахвальство» – «Ты угонись за мной», «Я нынче семерых под утро принесла» [Михалков, 1984, с. 147]; Е.М. Афанасьев «Самомнение» – «Лезет *Пудель* вон из кожи: / «Я не Лев,

но... / Мы похожи» [Афанасьев, 1980, с. 19]; Е.И. Аникеев «Полкан и Щенок» – «мы почему должны всё время ждать, пока его обслужат?!» [Аникеев, 1988, с. 90] и др.

3. Угодничество, подхалимство, услужливость, лицемерие – 8 (11%): Е.И. Аникеев «Шавка» – «Лишь свистнешь ей, <...> она уж бежит, / *Виляет хвостом*, и от счастья визжит, / И пялит нахально бесстыдные глазки / В надежде сорвать угощение и ласки» [Аникеев, 1982, с. 76-77]; Е.М. Афанасьев «Жучкин талант» – «За себя *на задних лапах* может постоять» [Афанасьев, 1980, с. 25]; С.В. Смирнов «Бобик-подлиза» – «стал превыше всех *собак*», «чихает, когда хозяин нюхает табак» [Смирнов, 1979, с. 22] и проч.

4. Наивность, доверчивость, неопытность, недалёковидность, глупость, невнимательность, рассеянность – 7 (9,7%): С.В. Михалков «Щенок и гадюка» – «к ней несмышлёный подбежал *Щенок*», «так глупенький малыш бесславной смертью пал» [Михалков, 1984, с. 167]; С.Е. Ванетик «Ограбленный Трезор» – «Караул, – завыл *Трезор*, – обокрали!», «Утащили *поводок* и *намордник*» [Ванетик, 1999, с. 40]; С.В. Михалков «Мираж» – «он грезил об *ошейнике, цепи, собачьей конуре*», «когда ж его мечта сбылась, он тихо стал *скулить* с утра и до утра» [Михалков, 1984, с. 156] и т.п.

5. Трусость, предательство – 5 (7%): Е.И. Аникеев «Полкан» – «*хвост* в страхе *поджал* правдолюбец и – в будку» [Аникеев, 1976, с. 36]; В.Ф. Матвеев «Современная Моська» – «*поджала хвост* и на Слона не лает», «её девиз – *кусать исподтишка*» [Матвеев, 1985, с. 98]; Е.И. Аникеев «Лохматый Пёс» – «Опешил *Пёс* и в страхе хвост поджал / И *по-щенячьи* завизжал» [Аникеев, 1976, с. 39] и др.

6. Тунеядство, попрошайничество, лень – 3 (4,1%): Е.И. Аникеев «Полкан и Осёл» – «Так крепко спала, хоть ходи по хвосту!», «она *заскулила* и сразу – к Ослу», «Назавтра же *Жучка* вновь сладко спала» [Аникеев, 1982, с. 58-59] и т.д.

7. Пустозвонство, клевета, ябедничество – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Породистый брехун» – «только *лает* и *лает* на ветер» [Смирнов, 1979, с. 203]; Е.И. Аникеев «Щенок и Собака» – «молодёжь пошла не та!», «Вот мой *Щенок* – сопляк» [Аникеев, 1988, с. 63-64] и т.п.

8. Завистливость (связанная с лицемерием) – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Бродяга-Шавка» – «взяла труды старателя-Вола, / *Облаяла* / И – дрянью назвала», «Боюсь – его испортит... похвала» [Смирнов, 1979, с. 24] и проч.

9. Расчётливость, меркантильность, мелочность – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Джек и Жучка» – «лобызал ей трепетные ручки», «женился не на Жучке, / А на её удобной конуре» [Смирнов, 1979, с. 64] и др.

10. Общеотрицательная оценочность – 5 (7%): Д. Бедный «Макеев дар» – «Так вот ты, *нёс*, каков!» [Бедный, 1926, с. 18-19] и т.п.

Среди общего числа басен, включающих зооморфный образ *собаки*, меньшая часть – 26 контекстов – реализует положительные характеристики, которые содержат следующие семантические компоненты:

1. Храбрость, самоотверженность, решительность, преданность – 14 (54%): С.В. Михалков «Пастух и блоха» – «Бесстрашный *нёс* вступил с волками в драку / И, выполнив свой долг, в неравном пал бою...» [Михалков, 1984, с. 113-114]; Е.И. Аникеев «Бульдог и Дворняжка» – «от хулиганов спас Дворняжку» [Аникеев, 1988, с. 84]; Е.И. Аникеев «Полкан и Щенок» – «когда-то рану он получил с волками в схватках боевых» [Аникеев, 1988, с. 90] и др.

2. Мудрость, сообразительность, благоразумие, опыт – 9 (34,5%): Е.И. Аникеев «Болонка» – «Считаю, что пора / Пьянчужек не пускать на территорию двора! – / *Овчарка* пробасила звонко» [Аникеев, 1988, с. 111-112]; С.В. Михалков «Руслан и Трезор» – «Ты мог бы опытом с молодняком делиться», «поставил точку смелый *нёс Трезор*» [Михалков, 1984, с. 153-154] и т.п.

3. Доброта, дружелюбие, влюбчивость, восторженность – 3 (11,5%): Е.И. Аникеев «Болонка» – «жить в дружбе», «не лаяться, не драться» [Аникеев, 1988, с. 111-112] и проч.

Выделим также басни, в которых не было выявлено чётких оценочных характеристик зооморфного образа *собаки* – 7 контекстов: Е.М. Афанасьев «Тень» – «На гитаре грохоча, / Псов сбивая с толку» [Афанасьев, 1980, с. 35]; Е.И. Аникеев «Осёл и Волкодав» – «Овчарка-то уволилась в субботу» [Аникеев, 1988, с. 56-57] и др.

Как видно из представленных примеров, текстовая семантика зооморфного образа *собаки* неравномерно развивается по линиям разнонаправленной оценочности:

1) отрицательной оценочностью подчёркивается злость, высокомерие, угодничество, наивность, трусость и др. – 72 контекста;

2) положительная оценочность соответствует семантике доброты, храбрости, мудрости – 27 контекстов;

3) некоторые семантические составляющие зооморфизма не имеют определенной оценочности – 7 контекстов.

Таким образом, тексты басен писателей XX века, содержащие зооморфный образ *собаки*, наполнены разноплановыми приращёнными смыслами. Этот зооморфизм, сохраняя в целом присущие ему в русской языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические характеристики человека (чаще негативно-оценочные), в то же время приобретает новые характеризующие семы:

1) отрицательные – предательство, подлость, трусость, лицемерие, наивность, доверчивость, глупость, рассеянность, высокомерие, тщеславие, надменность, хвастовство, наглость, тунеядство, попрошайничество, лень, клевета, ябедничество, зависть, расчётливость, критиканство;

2) положительные – храбрость, решительность, мудрость, сообразительность, любознательность, смекалка, благоразумие, доброта, дружелюбие, влюбчивость, восторженность.

Это значит, что в сознании и отдельных авторов художественных сатирических текстов, и в коллективном языковом сознании образ собаки символизирует как злое, так и доброе начало в человеке, однако с преобладанием негативных коннотаций, связанных с агрессивностью по отношению к другим, чрезмерной услужливостью, преклонением перед сильными, покорностью. Даже в тех случаях, когда подчёркивается преданность и верность хозяину, эта положительная характеристика приобретает несколько ироническое звучание: *предан как собака*.

2.3 Зооморфный образ волка

Волк в славянских преданиях является одним из мифологизированных животных. Специалисты считают, что по своим мифологическим функциям он близок другим хищникам (ворону, рыси и особенно медведю) и тесно связан с собакой [Славянская мифология, 1995, с. 103]. Стоит отметить также, что волк является одним из главных персонажей волшебных сказок и сказок о животных. В авторских баснях образ волка тоже встречается издавна, повсеместно и довольно часто (Эзоп, Лафонтен, И.А. Крылов и др.).

Прежде чем перейти к анализу концептуализации образа волка в баснях XX века, рассмотрим значения лексемы «*волк*» в толковых словарях и других лексикографических изданиях (см. Приложение 1).

В «Словаре русского языка» в 4-х томах даётся только прямое значение слова. Переносные же значения представлены во фразеологическом отделе словарной статьи: *морской волк, травленный волк, волк в овечьей шкуре, волком смотреть, хоть волком вой, отольются волку овечьи слёзки*. Обилие фразеологизированных метафор свидетельствует о востребованности зоонима для характеристики свойств, качеств человека, реже – положительных (опытный), чаще – отрицательных (лицемерный, угрюмый, недружелюбный, враждебный) [Евгеньева, 1986, т. 1, с. 204].

В «Большом толковом словаре русского языка» лексическая семантика зоонима представлена во всем многообразии его собственно языковых значений и лингвокультурных приращений [Кузнецов, 2000, с. 146].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» приводятся толкования прямого общеупотребительного и переносного стилистически окрашенного значений [Ефремова, 2001, т. 1, с. 204].

В «Толковом словаре современного русского языка» слово «волк» представлено как многозначное. Метафорический перенос значения зафиксировал семантические компоненты 'образ жизни хищника', 'его стремление не встречаться с людьми' [Ушаков, 2013, с. 69].

Обобщая данные толковых словарей, можно сделать вывод, что русским языковым сознанием из всех элементов семантики исходного значения лексемы «волк» (хищное животное семейства псовых) для метафорического переноса имени на человека были выбраны семы с противоположной эмоциональной оценочностью: отрицательные семы – 'угрюмый, недоброжелательный', 'враждебный' и положительная – 'искушённый в каком-либо деле'.

В монографии Е.В. Дерюгиной образ волка представлен так: «Хищный зверь пёсего рода, положительными признаками едва отличаемый от собаки» [Дерюгина, 2011, с. 64]. Исследователь на примере контекстов с компонентом «волк», взятых из словаря В.И. Даля, утверждает, что «приведённые примеры свидетельствуют о том, что в точках бифуркации формируется новое знание, ассоциирующееся у русского этноса с образом волка и выраженное в семах: 'жестокость', 'одиночество', 'неудача' [Там же, с. 65]. Автор приходит к обоснованному выводу, что данный образ вызывает у русских однозначно негативные ассоциации.

Изучение материалов фразеологических словарей подтвердило предположение о более широкой антропоцентрической метафоризации зооморфного компонента *волк* в составе устойчивых народных выражений.

Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» насчитывается 12 фразеологических единиц, развивающих семантику этого зооморфного образа, из которых 3 содержат положительные характеристики, остальные 9 – отрицательные: *хоть волком вой, волк в овечьей шкуре, волк тебя (вас и т.п.) ешь, травленный волк, волком выть, по-волчьи выть, волком завывать, смотреть волком, глядеть бирюком*; и с положительной: *морской волк, обстрелянный волк, старый волк*. При этом соотношение позитивно и негативно оцениваемых качеств личности, соотносимых с зооморфизмом, остаётся примерно тем же: положительно характеризуется опытность, полученная в опасных условиях (морской службы, войны и пр.), а отрицательно – нелюдимость, озлобленность, лицемерие.

В «Большом словаре русских народных сравнений» [Мокиенко, Никитина, 2008] насчитывается более 150 употреблений со словом «волк». Обобщим данные этого словаря и представим зооморфный образ *волка* в наиболее актуальных русских народных сравнениях в сводной таблице 5, где выделены отрицательные характеристики и характеристики с неопределённой оценочностью, которая уточняется ситуацией употребления сравнения. Заметим, что между этими двумя группами не всегда можно провести чёткую границу.

Таблица 5. Образ волка в устойчивых сравнениях

Отрицательные характеристики (76)	Неопределённая оценочность (20)
<p>голодный как волк; глотать жадно как волк; жадный (алчный) как волк; жаден как волк, а труслив как заяц; живодёрствовать как волк; завывать как волк; как голодный волк; сердитый как волк; суровый как волк; скрытый как волк; хищный как волк; злее волка; выть как волки; оскал как у волка; аппетит как у волка; волком выть; смотреть как волк на зайца (на теля); выть волком; реветь как голодный волк; бесится как босый волк; ворваться как волк в кошару; волк волком; выть как волк на заре; глядеть как волк; как волк на привязи; добратся как волк до овчарни; дорваться как волк до падали; жить как волк; жрать как волк; зарезать как волк агнца; истощится как волк; ишачить как волк; работать как бурый волк; как волк на привязи; как затравленный волк; травленный волк; любить как</p>	<p>здоровый как волк; красться как волк; наедаться как волк; бежать как босый волк; работа не волк, в лес не уйдёт; жить как волк по хлевам; как волк хвостом мелькнуть (вильнуть); оглядываться что волк на свой хвост; хоть волков гоняй; как волк в ботинках (в лаптях); сказать как волк в лужу</p>

<p>волк овцу; напусклив как волк, а робок как заяц; напусклив что волк, пакостлив что кот; настырен как волк; ободрать как волк овцу; оглядываться (озираться) как волк; огрызаться как волк; один что волк; поджать хвост как волк на псарне; присмиреть как волк под рогатиной; психованный как шалёный волк; рыскать как волк; солдат как волк: где попало там и рвёт; счастье что волк: обманет, да в лес уйдёт; тосковать как волк; займы деньги давать – что волка накормить; гавкать как на волка; глаза прядут как у волка; глядеть как на волка; идти как на волка; как волка в хлев пустить; не глядел бы как на волка; опутать как волка тенетами; как волка съевши; как будто волки гонятся; грызться как волки; жагать как волки; идти/пойти наростычь как волки; обхватать как волки; робить как волки; словно волки гонятся; жена поёт, а муж волком воет; жить волком; накидываться матёрым волком; огрызаться волком; рыскать волком; тянуть как волк; хоть волком вой; лодырю в колхозе что волку на морозе; нужен как волку сено.</p>	<p>прыгнет; топтать словно кованный волк; как волка грамоте учить; киптёры как у волка; кости как у волка; спать как волка съевши; хоть волков морозь; захохотать волком; родиться волком, лисицей не бывать; наестся как волк курёнком.</p>
--	--

Примечательно, что большинство обнаруженных устойчивых сравнений с зооморфным образом *волк* отличается отрицательной оценочностью и употребляется в негативных ситуациях, положительные же характеристики с этим образом в данном словаре практически не встречаются.

В русских пословицах волк изображён в первую очередь как страшный и опасный зверь. Рассмотрим в таблице 6 пословицы, взятые из книги [В.П. Даниленко, 2017], в которых сохраняется народное представление о волке как об отрицательном персонаже.

Таблица 6. Образ волка в пословицах и поговорках

Конкретные отрицательные характеристики (кровожадность, жестокость, хитрость и др.) (16)	Обобщённые отрицательные характеристики (11)
<p>Волку в зубы попало: считай пропало; Волк, так волчью хватку и знает; Волк по-волчьи и рвёт; Волк шерсть меняет, а зубы никогда; Волка кормят зубы, а зайца спасают ноги; Волки рыщут – добычу ищут; Волки чувят, где овцы ночуют; Волк и больной с овцой управится; Волк, где живёт, овец не крадёт; Волк коню не</p>	<p>Волков бояться – в лес не ходить; Бояться волков – быть без грибок; Волка бояться – и от белки бежать; Дружный табун и волков не боится; Волков ловят не гонкой, а уловкой; Волк овцу стережёт, а волка стрелок сторожит; Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; За то волка бьют, чтоб не ходил в курятник; Отольются волку</p>

товарищ; Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву; Волки чувят, где овцы ночуют; Плохо овцам, где волк воевода; Один волк гоняет овец и полк; Кабы волк заодно с собакой, так человеку и житья бы не было; Волк по утробе вор, а человек по зависти.	овечьи слёзы; Голод и волка из лесу выгонит; Пуганый волк и кочки боится.
--	---

Приведённый материал свидетельствует о том, что волк в русских пословицах и поговорках является носителем только отрицательных характеристик, не имеющим чётко сформулированных положительных качеств. К этому выводу приходят и другие исследователи. Так, О. Бичер отмечает, что в «пословицах волк представлен как коварное, хитрое, нечестное животное» [Бичер, 2016, с. 79].

В лингвистической литературе образ волка подвергался всестороннему исследованию. Так, в «Лингвокультурологическом словаре» [И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004] (см. Приложение 1) авторы отмечают, что волк «относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 64].

В древних мифах славян волк предстаёт как посредник между миром живых и мёртвых. В книге «Славянская мифология» автор статьи А.В. Гура пишет, что волку присущи функции посредника между "этим" и "тем" светом, между людьми и нечистой силой, между людьми и силами иного мира. Задирая скотину, он действует не по своей, а по Божьей воле. Существует предание: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». Образ Волка близок по своим мифологическим функциям другим хищникам (ворону, рыси и особенно медведю), а также тесно связан с собакой. Согласно легендам, чёрт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживлённый Богом волк бросается на чёрта и хватает его за ногу [Славянская мифология, 1995, с. 103].

Опасным считается даже упоминать волка, чтобы тем самым не накликал его («Про волка речь, а он навстречь»), поэтому в речи для обозначения этого животного используются эвфемизмы: «зверь», «серый», «кузьма», «бирюк», «лыкус» и др. [Там же, с. 104]. Воспринимаемый как существо враждебное и опасное, волк тем не менее вызывал у людей не только страх, но и почтение: в честь него устраивали даже праздники [Аникин, 1977, с. 25].

Э.В. Померанцева отмечает, что в русских сказках о животных бесхитростный волк является прямой противоположностью плутовке лисе и рисуется как «дурень», «серый дурак» [Померанцева, 1963, с. 78]. Автор указывает на то, что, имея дело не только с хитрой лисой, но и с другими персонажами сказки, волк всё время попадает впросак.

«Феноменальная глупость порочит волка, – замечает В.П. Аникин, – в таком изображении выразились не столько реальные особенности того человеческого типа, которые собой олицетворяет волк, сколько отношение к нему» [Аникин, 1977, с. 64-65]. Автор размышляет над тем, что «нет, кажется, такой беды, в какую бы ни попал этот незадачливый, вечно голодный, вечно избиваемый зверь» [Там же, с. 25].

В сказке «Волк и Собака» собаке удалось перехитрить волка, который поверил ей, что нужно сначала её откормить, а потом уже съесть. Удалось обмануть волка и козлу, который, пообещав прыгнуть зверю в рот, «ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился». Свинья тоже сумела защитить своих поросят и проучить наглого волка, она сначала предложила ему стать кумом, а потом вместо этого спустила на него воду.

В.Я. Пропп считает, что «шуточный характер сказок о животных и необходимость в <...> глупом и одураченном, каким у нас обычно является волк», тем или иным образом соотносится с человеческой жизнью, несмотря на фантастичность сюжетов [Пропп, 2000, с. 365]. Эти сказки давали людям возможность почувствовать себя могущественнее злых сил и, хотя бы в воображении, наказать того, кто творит зло, и посмеяться над ним.

В сказке «Волк-дурень» Козёл обманывает Волка, пообещав прыгнуть к нему в пасть, а вместо этого убегает. Лиса заставляет Волка целовать приманку, засунув голову в капкан. Так Волк из-за своей глупости подвергается всяческим ухищрениям со стороны других персонажей и олицетворяет в сказках о животных обманутое и наказанное зло.

Однако в волшебных сказках амплуа этого героя меняется. Волк здесь совсем не неудачник и далеко не глупый. Так, в сказке «Иван-царевич и серый волк» он – чудесный помощник, дающий дельные советы главному герою Ивану-царевичу: «Всезнающий волк делает умные наказания царевичу, а тот их до конца не выполняет» [Даниленко, 2017а, с. 78].

В сказке «Финист – ясный сокол» Серый Волк помогает Марьюшке добраться до Финиста, оказавшегося в тридевятом государстве [Там же, с. 79].

Сказанное позволяет заключить, что во всех рассмотренных источниках волк часто является отрицательным для носителей русской культуры образом. Волк преимущественно обладает негативными характеристиками и крайне редко – нейтральными или положительными качествами.

В итоговой таблице 7 покажем, как охарактеризован образ волка во всех указанных выше словарях. Эти данные послужат основой для дальнейшего рассмотрения басенных реализаций зооморфизма *волк*.

Таблица 7. Характеристика зооморфного образа *волк* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1985 [Т.1, с. 204]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 146]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 204]	«Толковый словарь современного русского языка», 2013 [с. 69]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 64-66]
1. Хищное животное семейства псовых.	+	+	+	+	–
2. Жестокий и беспощадный хищник, признающий только	–	–	–	–	+

силу.					
3. О человеке, в искущённом в каком-либо деле, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям.	-	+	+	-	+
4. Очень голодный, способный поглотить большое количество еды человек.	-	-	-	-	+
5. Злой, жестокий, кровожадный человек.	-	-	-	-	+
6. Гордый, независимый и свободолюбивый человек, отказывающийся подчиняться чьей-либо власти (ср. собака).	-	-	-	-	+
7. Человек, в поведении которого проявляются черты, характерные для волка.	-	-	-	-	+

Обратимся к исследованию зооморфизма *волк* в баснях XX века.

В проанализированных нами текстах было выявлено 79 зооморфных образов *волка*. Тексты извлечены из следующих сборников: «Басни народов Советского Союза» [1959], Б.Н. Брайнин [1983], Н. Альтшуллер [1960, 1968], Е.М. Афанасьев [1980], Д. Бедный [1926, 1935, 1935а, 1945, 1985], С.Е. Ванетик [1999], В.Ф. Матвеев [1985], Н.И. Полотай [1977], С.В. Смирнов [1979], С.В. Михалков [1984], И. Батрак [1926, 1935, 1958], Е.И. Аникеев [1976, 1982, 1988].

Среди репрезентантов зооморфного образа *волк*, встретившихся в данных сборниках, могут быть выделены следующие тематические группы.

1. Синонимичные наименования волка (78), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Наименования основного номинанта образа волка в басенных текстах дифференцируют

именуемый объект по разным основаниям: возрасту, размерам, полу: *волк/волки* – 69 (88,5%), *волчонок/волчата* – 3 (4%), *волчище* – 2 (2,5%), *волчица* – 2 (2,5%), *бирюк* – 2 (2,5%).

Этот синонимический ряд включает собственно номинативные единицы, соотносящиеся как идеографические синонимы, поскольку все слова называют одного и того же зверя в разных его ипостасях и различаются денотативными оттенками значения: *самец*, *самка*, *детёныш*, *матёрый самец*. Качественные характеристики такие единицы обретают в тексте. Здесь образ *волка* получает хотя и разноплановые, но отрицательно оцениваемые черты, основными среди которых являются *кроважадность*: «Зубастый *Волк* Ягнёнка поберег: / Схватил его не вдоль, а поперёк» (С.В. Смирнов «Волчья милость»); *безжалостность*, *подавление слабых*: «Сказал Козёл, что в *Волке* – корень зла... / Начальник *Волк* немедля съел Козла» (С.В. Смирнов «Козёл отпущения»); *хвастовство*, *заносчивость*: «Теперь всему я голова. / Решать все буду споры, и ссоры, и раздоры» (Н.И. Полотай «Волк-хвастун»); *свирепость*: «Докладчика сожрали *волки*» (Н. Альтшуллер «Козёл-филантроп»); *хитрость*: «тих и светел», «к овцам в завы стада метил» (Е.М. Афанасьев «Кроткий Волк»); *коварство*: «Привычно для *Волков* свою добычу рвать, / И Зайца им легко виновником назвать...» («Басни народов Советского Союза», «Кто съел овцу») и т.д.

Волчата у С.В. Смирнова в басне «Мать-волчица» наделяются таким качеством, как *ворчливость* – «малютки, но уже ворчат», сама *Волчица* испытывает *умиление*, когда смотрит на своих деток. В басне Д. Бедного «Слепой» *волчонок* показан как потенциальное зло, серьёзная угроза в будущем – «он мал ещё», «этого зверька на след пускать в овчарню».

Волчище в басне «Волк и Заяц» Е.И. Аникеева отличается *высокомерием* и *надменностью*: «На Зайца глядя свысока, / Он ждал привычных знаков уваженья, / Положенных ему по положенью», «*Волчище* аж присел: / – Ты что, Косой, вчистую окосел?! / Не видишь разве, кто идёт навстречу?».

Таким образом, перечисленные репрезентанты позволяют авторам наделять зооморфный образ *волка* различными качествами, подходящими по сюжету басни.

К этой же группе можно отнести **диалектное слово** *бирюк*, которое в словаре С.А. Кузнецова имеет следующее значение: 1. *Нар.-разг.* Волк (обычно волк-одиночка). 2. *Разг.* Об одиноком, нелюдимом, угрюмом человеке [Кузнецов, 2000, с. 79]. Так, в басне «Нахлебники» И. Батрак счёл необходимым употребить данное слово. Баснописец, однако, индивидуализирует образ *волка*, репрезентируемый диалектизмом, совершенно в ином ключе, наделяя его таким качеством, как *подхалимство*: «– А ты, *бирюк!* Тож, видно, за друзьями? / – Угу, к нему управделами!».

В другой басне автор использует репрезентант «бирюк» для номинации хитрого зверя, который пытается склонить селькора к преступному сговору: «не лучше ль нам поладить», «во всём твоя была бы половина», «жрать надо и тебе». Однако ни смирение, ни хитрость не помогли серому разбойнику добраться до колхозных угодий. Он струсил после того, как узнал, что в селе давно ждут его появления надёжные псы и строгие мужики, что подтверждается последней строчкой басни: «И *волк* назад скорей попёр».

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (32) разнообразны по форме и включают прилагательные, существительные, глаголы, обозначающие характерные повадки волка: *волчий/волчьих* – 9 (28,1%), *вой* – 4 (12,5%), *рычит/зарычит* – 2 (6,25%), *ворчат* – 1 (3,1%).

Данные характерные поведенческие особенности, а именно слова разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), содержащие в себе зооморфные семантические компоненты, используются авторами для описания особенностей поведения волка. В басне Д. Бедного «Волк и Лев» Волк «поднял вой» из-за того, что Лев отбил у него овцу, на что тот презрительно ему отвечает: «Всё это без тебя мне хорошо известно, / Как не в секрет и *волчий нрав*», – намекая на то, что сам Волк добыл овцу нечестным путём.

К этой группе относятся обозначения **частей тела волка**: *волчья пасть* – 2 (6,25%), *зубастый* – 1 (3,1%), а также **прилагательные или субстантивы, характеризующие окрас животного**: *серый* – 8 (25%), *серенький* – 1 (3,1%).

В двух баснях в качестве репрезентанта образа используется синекдоха – именование целого по характерной его части – *волчья пасть*. Этим приёмом авторы текстов актуализируют традиционное представление о волке как о *кровожадном* животном, способном съесть других: «Сообразили "на троих"... / С голодной *Волчьей пастью*» (Е.М. Афанасьев «Неразумные зайцы»), и при этом *безнаказанным*: «*волчья* всё ж осталась *пасть*» (Н.И. Полотай «Волчья жалоба»).

В басне Н.И. Полотая «Волчья жалоба» автор придаёт образу волка такие черты, как *лицемерие* и *притворство*, называя его по окраске шерсти – *серым*: «назовём его по масти "*Серый*"», «На охоту ходит, как ходил, / овец всё так же душит...». С.В. Смирнов в басне «Бобёр и Волк» изображает *Серого Волка* в роли *хищного* и *кровожадного* зверя: «Не жди добра, / Коль *Серый Волк* сказал: – Люблю Бобра!». Н. Альтшуллер в басне «По рассказу Волка» создаёт «текст в тексте». Волк у него просит самого автора написать басню, в которой он будет жертвой безжалостного зайца: «А *волка серенького* нет / Сожрал его зайчище». В конце басни писатель иронически высмеивает корыстные намерения хитрого волка: «Ну вот, я басню написал. / Да басням, жаль, не верят». А *лицемерный* волк сохраняет свойственную ему *хищность*: «И с басней выскочив за дверь, / Как *зарычит*: / – Ну, пусть теперь мне зайцы попадутся!».

Особое место в этой группе занимает **устойчивое словосочетание в трансформированной форме**: *речной волк* – 1 (3,1%). Е.И. Аникеев в басне «Речной волк» для номинации героя употребляет словосочетание, образованное от фразеологизма «морской волк», который во фразеологическом словаре А.И. Фёдорова имеет значение «бывалый,

опытный моряк» [Фёдоров, 2008, с. 88]. Сам зооморфный образ *волка* в тексте отсутствует.

Встречаются, кроме того, **наименования этого животного по выполняемой им роли, функции**: *премьер-министр* – 1 (3,1%), а также **наименования родственных отношений с лисой**: *кум/куманёк* – 2 (6,25%).

В басне Д. Бедного «Рыболовы» Лиса, встретившая Волка на рыбалке, называет его своим кумом: «И куму шлёт привет», однако в битве за карася она, браня Волка, разрывает с ним родственные связи: «А, *серый чёрт!*.. Так знай, ты больше мне не *кум*». А в другой басне писателя «Опекуны» Лиса упрекает Волка за то, что он, получив высокую должность, перестал интересоваться её делами: «...милый *кум*, ты в сане столь высоком / Стал плохо помнить о куме».

3. Слова и словосочетания, характеризующие нрав и отличительные качества волка (16): *живодёр* – 2 (12,5%), *матёрый* – 2 (12,5%), *чёрт* – 2 (12,5%), *зубами щёлк* – 2 (12,5%), *душегуб* – 1 (6,25%), *мясолюб* – 1 (6,25%), *вор* – 1 (6,25%), *бандиты-волки* – 1 (6,25%), *страшенный* – 1 (6,25%), *свирепых правил* – 1 (6,25%), *обжора* – 1 (6,25%), *лют* – 1 (6,25%).

В басне Д. Бедного «Лев, Лиса и Олень» Лиса указывает на характерные особенности Волка: «*Волк, дескать, лют*» и т.д.

Показанные группы слов в текстах баснописцев характеризуют волка по его собственным и приписанным ему отрицательным качествам. Всего в 79 текстах басен встречается 28 разноплановых репрезентантов, номинирующих зооморфный образ *волка* и разделённых нами на следующие тематические группы: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «волк», слова с зооморфным компонентом, а также слова и словосочетания, характеризующие нрав и отличительные качества зооморфизма. Наиболее частотной является группа частных наименований волка (*волк, волчище, волчонок* и т.д.), поскольку они имеют свойство конкретизировать базовый зооморфизм.

Зооморфный образ *волка* в разнообразных его репрезентантах реализует в баснях различные семантические особенности (см. Приложение 2). Представим в обобщенном виде отрицательные характеристики образа *волка* в рассмотренных басенных текстах – 92 контекста.

1. Кроважадность, хищность, злость, свирепость, лютость, жестокость – 30 (32,6%): Е.И. Аникеев «Жалоба» – «*Бандиты-волки* нам совсем житья не дали, / Мы гибнем, что ни день от их клыков» [Аникеев, 1988, с. 15]; Е.И. Аникеев «Волк и Добряк» – «*Матёрый Волк* повадился в село: / То Пса утащит, то зарежет Тёлку» [Там же, с. 53-54]; С.В. Михалков «Волк-травоед» – «Зарезал здесь овцу, задрал телёнка тут, / А там свалить коня не посчитал за труд» [Михалков, 1984, с. 26-27]; И. Батрак «Ёж и Волк» – «Голодный *волк* / Искал себе добычу, / И мог бы уплети / Он сразу тушу бычью» [Батрак, 1935, с. 11-12] и т.д.

2. Хитрость (явная и скрытая), притворство, коварство, тактика, ухищрение, продуманность – 21 (22,8%): И. Батрак «Ёж и Волк» – «Вдруг мягким сделавшись, как шёлк, / Беседу мирную с ежом заводит *волк*», «Дай лапку мне, / И мы скрепим союз» [Батрак, 1935, с. 11-12]; И. Батрак «Вол и Волк» – «Узнав о том, коварный *волк* / Решил, что выйдет, верно, толк», «В бараньей шкуре наконец / Он к ним пожаловал, стервец» [Там же, с. 41-42]; И. Батрак «Лига зверей» – «*Волк* на овцу / Глазами луп да луп. / – Что вижу я, сестра? / Мой на тебе тулуп!», «– И точно: одолжил / Отец твой или дед» [Батрак, 1958: с. 77-78]; С.В. Михалков «Волк-травоед» – «Ягнёнка одного-другого задерут, / Так только с целью самообороны» [Михалков, 1984, с. 26-27] и др.

3. Подхалимство, угодничество, услужливость, лицемерие, лживость, ханжество, лукавость, льстивость – 5 (5,4%): И. Батрак «Нахлебники» – «– А ты, *бирюк!* Тож, видно, за друзьями? / – Угу, к нему управделами!» [Батрак, 1935, с. 12-13]; Д. Бедный «Волк и Лев» – «В своих упрёках ты, конечно, был бы прав, / Когда бы сам овцу добыл ты честно!» [Бедный, 1985, с. 91]; Д. Бедный «Опекуны» – «А ты меня утешила когда? /

За все последние года / Хоть пару ты промолвила словечек / Насчёт моих овечек?!» [Бедный, 1945, с. 3-4] и т.п.

4. Неудачливость, глупость, доверчивость, – 5 (5,4%): Д. Бедный «Волк правитель» – «Собаки первыми накинулись на *Волка*», «И впрямь, начальства нет: весь люд перебесился», «Да будь вы прокляты, чтоб я когда-нибудь деревней править согласился!!» [Бедный, 1926, с. 31-34]; И. Батрак «Козёл и Волк» – «Как с неудачной ловли / *Волк* мимо проходил» [Батрак, 1935, с. 33] и проч.

5. Безнаказанность, беззаконье – 4 (4,3%): Е.И. Аникеев «Жалоба» – «Раз *Волк* ответственен за эти штуки <...>, ему и карты в руки», «И жалобой стал заниматься *Волк*, вот то-то вышел толк!» [Аникеев, 1988, с. 15]; Н.И. Полотай «Волчья жалоба» – «На охоту ходит, как ходил, / овец всё так же душит...», «*волчья* всё ж осталась *пасть*» [Полотай, 1977, с. 8] и др.

6. Трусость – 3 (3,2%): С.Е. Ванетик «Набрался духу» – «Ногою дрыгнул и – с копыт долой», «Вот что с *Волками* делает испуг!» [Ванетик, 1999, с. 27]; И. Батрак «Селькор и Волк» – «Как жалко, что с тобой не по дороге мне», «И *волк* назад скорей попёр» [Батрак, 1935, с. 14-15] и т.д.

7. Высокомерие, тщеславие, надменность, хвастовство, наглость, важность – 2 (2,2%): Н.И. Полотай «Волк-хвастун» – «навсегда закреплены мои права. / Теперь всему я голова. / Решать все буду споры, и ссоры, и раздоры», «как судья над всеми и над всем, – хочу – помилую, хочу – и съем» [Полотай, 1977, с. 10] и т.п.

8. Воровство – 2 (2,2%): С.В. Михалков «Волк-травоед» – «Вожак воров и сам матёрый *вор*», «*Волк-живодёр* как избежать облавы ни старался, / А всё ж попался» [Михалков, 1984, с. 26-27]; Е.И. Аникеев «Медведь и Крот» – «*Волк*<...> он *мясолюб* и *вор*» [Аникеев, 1988, с. 57-58].

9. Общеотрицательная оценочность – 11 (12%): Е.И. Аникеев «Савва» – «На *Волке* вся дурная слава» [Аникеев, 1982, с. 16]; Н. Альтшуллер «Бузотёры» – «*Волк* – он и впрямь свирепых правил» [Альтшуллер, 1968, с. 32-33]; И. Батрак «Осёл» – «Наверно, *Волк* его слимонил» [Батрак, 1926, с.

16-17]; Е.И. Аникеев «Наводнение» – «Ведь запросто может лишить головы!» [Аникеев, 1988, с. 110-111] и др.

Особая отрицательная характеристика, получаемая волком в баснях, основана на его силе и значимости по отношению к другим животным: **Волк-начальник (авторитет, сила, значимость, власть, тунеядство, неумение руководить подчинёнными или работать) – 9 (9,8%):** Н. Альтшуллер «Самоотвод» – «Кому стеречь доверить мёд <...> волку это дело поручили», «эта должность мне не подойдёт – не ем я мёда» [Альтшуллер, 1968, с. 9]; Е.М. Афанасьев «Волк и Бобёр» – «вызвал «на ковёр» Бобра. / С тех пор у Волка – два ковра» [Афанасьев, 1980, с. 31]; Е.И. Аникеев «Волк-строитель» – А чтобы надёжнее двигалось дело, / Прислали директором в «Бобростройтрест» / Бывалого, старого Волка» [Аникеев, 1982, с. 46-47] и др.

Среди общего числа басен с зооморфным образом *волк* меньшая часть – 2 – реализует положительные характеристики, которые имеют следующие семантические особенности:

1. Честность – 1 (50%): Е.И. Аникеев «Осторожная Лиса» – «старый друг и родич Волк / Её тихонько лапой толк: / – Сама ты что ж виновных не назвала?» [Аникеев, 1976, с. 42].

2. Прозорливость, рациональность – 1 (50%): И. Батрак «Козёл и Волк» – «Не ты меня бранишь, / А... место» [Батрак, 1935, с. 33].

Выделяются также басни, в которых не было выявлено чётких оценочных характеристик зооморфного образа *волка* – 9: И. Батрак «Съезд» – «О помощи нам некого просить, / Как только Волка пригласить» [Батрак, 1958, с. 57-58]; Д. Бедный «Притон» – «Судились овцы с волком...» [Бедный, 1935, с. 119-120] и др.

Показанные примеры подтверждают, что текстовая семантика зооморфного образа *волка* развивается по линиям разнонаправленной оценочности:

1) отрицательной оценочностью подчёркивается кровожадность, хитрость, подхалимство, доверчивость, безнаказанность, трусость, высокомерие и др. – 92 контекста;

2) положительная оценочность сопровождает семантику честности и прозорливости – 2 контекста;

3) некоторые семантические составляющие не имеют определённой оценочности – 9 контекстов.

Зооморфизм *волк* в баснях XX века получает особую отрицательную характеристику «волк-начальник»: этот персонаж при большом авторитете показывает своё неумение руководить или работать – 9 контекстов.

Таким образом, сюжеты басен писателей XX века, содержащие зооморфный образ *волка*, репрезентируют разноплановые его характеристики. С одной стороны, зооморфизм сохраняет присущие ему народные представления, а именно зафиксированные в различных словарях, пословицах, сказках и устойчивых сочетаниях отрицательные характеристики: "хищное животное", "жестокий и беспощадный хищник", "злой, жестокий, кровожадный человек", "угрюмый, недоброжелательный человек"; положительная же характеристика, содержащаяся в словарях, – "о человеке, искущённом в каком-либо деле, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям" – не нашла отражение в басенных текстах. С другой стороны, образ волка в баснях XX века развивает новые, не свойственные ему в общенациональной языковой картине мира характеристики:

1) отрицательные: хитрость, притворство, безнаказанность, высокомерие, хвастовство, подхалимство, угодничество, лицемерие, тщеславие, надменность, лживость, ханжество, тунеядство, неумение руководить подчинёнными или работать, трусость, наглость, важность и некоторые др.;

2) положительные: честность, прозорливость, рациональность.

Большинство репрезентантов обладают комплексной характеристикой, т.е. включают в себя несколько отрицательных качеств: кровожадность и хитрость; кровожадность и безнаказанность и т.д.

Это значит, что зооморфный образ *волка* в баснях писателей сохраняет типичные для него характеристики злобного, жестокого, кровожадного и вместе с тем глупого, тщеславного персонажа народных сказок о животных, часто попадающего в трудные ситуации. Вместе с тем в обобщенном характере этого собирательного зооморфизма в изученных текстах появляются новые «собственно басенные» и индивидуально-авторские элементы смысла.

2.4 Зооморфный образ медведя

Из всех зооморфизмов образ медведя является наиболее частотным в русских народных мифах и сказках о животных, встречается он также в пословицах, поговорках и устойчивых сравнениях.

Рассмотрим репрезентацию зоонима «медведь» в разных словарях (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре русского языка» в первом значении слова определяется биологический класс животного; второе, образованное в результате метафорического переноса наименования животного на человека, используется в качестве шуточной характеристики неловкого человека; третье же значение, представляющее собой синекдоху как разновидность метонимии (в данном случае перенос наименования с целого на часть) обозначает мех животного [Ушаков, 1935, т. 2, стб. 170].

В «Словаре русского языка» в 4-х томах слово «медведь» представлено как двузначное, причем и в прямом номинативном, и в переносном характеризующем значении выделяются семантические оттенки, последний из которых отличается выраженной отрицательной оценочностью [Евгеньева, 1988, т. 2, с. 242].

В «Большом толковом словаре русского языка» из двух значений представленного зоонима второе здесь также является переносной метафорической характеристикой человека с отрицательной оценочностью. Примечательно то, что в данном словаре в значении зоонима есть указание на то, что медведь является традиционным персонажем русского фольклора [Кузнецов, 2000, с. 528].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» в своём первичном значении слово является существительным мужского рода и обозначает крупного хищного зверя, а также его мех. Это прямое номинативное значение зоонима. Второе значение словаря свидетельствует о том, что медведь у русских может служить негативной характеристикой человека [Ефремова, 2001, т. 1, с. 846].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод, что из всех элементов семантики исходного значения лексемы «медведь» (крупный хищный зверь, мех, шкура такого животного и др.) русским языковым сознанием для метафорического переноса имени зверя на человека были использованы отрицательно оценочные семы 'неловкий, неуклюжий' и 'злобный, мстительный'. В то же время данные словаря С.А. Кузнецова показывают, что зооним имеет семантический потенциал для развития положительных метафорических характеристик человека на базе фольклорного представления о медведе как обычно простоватом, благодушном и способном помочь в каком-либо деле звере.

В монографии Е.В. Дерюгиной, посвящённой изучению концептов с зооморфной номинацией, обращается внимание на то, что словообразовательное значение зоонима-эвфемизма «медведь» (первонач. «ведающий мёд») обогащает табуируемый зооморфный образ семантикой многочисленных слов-заместителей исходного имени зверя, в частности, чёрный зверь, лапистый зверь, лесник, раменский (см. раменье), урманский (*татарск.*), ломанка, ломыга, костоправ, Михайло Иваныч, Топтыгин, косолапый, куцый, куцык, косматый, мохнатый, леший, лесной чёрт, чёрная

немочь, мишка, мишук, потапыч, лесной архимандрит и др. [Дерюгина, 2011, с. 80].

В результате приведённой систематизации делается заключение, что в диахронии концепт «медведь» образуется в языковом сознании носителей русской лингвокультуры при помощи словопреобразовательных, словообразовательных и комбинированных моделей. Причем, по мнению исследователя, при обращении к указанному концепту регулярными выступают такие сферы-мишени в словопреобразовательных моделях, как «продукты питания», «растения», «товар» и т.д. в словообразовательных моделях – «мясо животного», «детёныш животного», «шкура животного», «принадлежность к животному» и т.д., в комбинированных моделях «животное + суффиксация», «орудия труда + суффиксация», «болезнь + суффиксация» и т.д. Е.В. Дерюгина приходит к выводу, что данный концепт вызывает у русских «однозначно положительные ассоциации» [Там же, с. 82].

Рассмотренные автором примеры позволяют увидеть в концепте «медведь» семантические компоненты 'неуклюжесть', 'невоспитанность', 'отсутствие слуха'.

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаем фразеологические словари, в которых представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *медведь*.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова представлено несколько устойчивых словосочетаний, содержащих зооморфный образ *медведя*. Всего насчитывается 7 фразеологических единиц, значение которых либо содержит отрицательную оценочность (*делить шкуру неубитого медведя, медведь на ухо наступил, медведь ухо отдавил, медвежий угол, давить медведя*), либо является нейтральным (*большая медведица, малая медведица*) [Фёдоров, 2008].

В работе И.В. Холманских зооним *медведь* показан в 18 устойчивых единицах. Отмечается, что данные сравнения основаны на представлениях о диком медведе, лесном воеводе: *как медведь в лесу дуги гнёт, спит как медведь в берлоге, силён как медведь (диал. ирк.)* и др. Выделяются ассоциативные признаки, реализуемые в данных фразеологических единицах через следующие семы: 'сильный', 'неуклюжий', 'лохматый', 'грязный', 'ловкий', 'крепко спящий', 'неуживчивый', 'неповоротливый'. Структурно-семантическое разнообразие устойчивых единиц с зоонимом *медведь* автор объясняет, прежде всего, их месторазвитием. Особенно почитался медведь у восточных славян и угров. Основой употребления устойчивых единиц, во-первых, были представления о медведе, во-вторых, особенности поведения и действий которого напоминали человека, отсюда уважительные имена, обращения к медведю – *Медведушко, Михайло Потапыч, дядя Миша* и др. Жители Сибири были хорошо знакомы с повадками медведей (ср. *неуклюжий как медведь, ходит как мишка косолапый, лазают как медвежата*), поэтому сравнения с медведем в этой местности были весьма частотными [Холманских, 2000, с. 111].

Автор указывает на то, что в настоящее время образ медведя остаётся популярным в русском языке, особенно в разговорных сравнительных оборотах, построенных на алогизме: *нужен как медведю дрова, нужен как медведю жилетка с карманами*. Однако современные фразеологизмы создаются без учёта особенностей поведения, привычек и характерных свойств того или иного животного, поэтому зооним *медведь* может быть легко заменен на любой другой [Там же, с. 112].

В «Большом словаре русских народных сравнений» [Мокиенко, Никитина, 2008] насчитывается около 100 употреблений с этим словом или близкими по значению.

Представим зооморфный образ медведя в русских народных сравнениях из данного словаря, систематизировав их в таблице 8 по признаку

оценочности: положительная, отрицательная, неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 8. Образ медведя в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность(10)	Отрицательная оценочность (60)	Неопределённая (4)
<p>сильный/силён как/что медведь; залечь как медведь в берлогу (на зимовку); здоровый как медведь; смелый как медведь; сила (силища) как у медведя; брови что медведи лежат; забраться как медведь (на пасеку); работа не медведь, даёт и поглядеть; хозяин в дому что медведь в бору; хозяйюшка в дому что оладышек в меду: что как хочет, так и ворочит.</p>	<p>реветь медведем; ворчать как медведь; лезть/залезть (прятаться /спрятаться, забираться/забраться) как медведь в свою берлогу; лезть/полезть как медведь; ложиться как медведь в берлогу; неуклюж (неповоротлив) как медведь; переваливаться (идти вперевалку) как медведь; разъярённый как медведь; реветь/зареветь как медведь; рычать/зарычать как медведь (на рогатине); сидеть [дома] как медведь в [своей] берлоге; спать как медведь в берлоге; ходить [переваливаясь] как медведь; лапа (лапище) как у медведя; волосы медведем; переть (идти, лезть/залезть [напролом] медведем; с дураком что с медведем – мёду не сваришь; смотреть медведем (как медведь); смотрит медведем, а живёт лисой; аз, буки, ведеи страшат что медведи; баской как медведь; бесприютный как медведь-шатун; ворочать/ворочаться (поворачиваться/повернуться) что/как медведь [в берлоге]; гоняться как медведь за воробьями; ловить как медведь перепёлку; грязный как медведь; ехать как медведь в повозке; жить медведь в берлоге; заросший как медведь; идти как медведь на барщину; как (что) медведь, как медведь в берлоге; как медведь в лесу дуги гнёт: гнёт – не портит, переломит – не правит (как медведь в лесу дуги гнуть); ласков как медведь; переть как медведь; ленивый как медведь; ловить как медведь перепёлку; ломить прямьём словно медведь; лохматый как медведь; медведь медведем; на еду – как медведь, а на работу – как заяц; нареветь как медведь; нарядиться как медведь в ризе; обращаться как медведь с чурбаном; один как медведь-шатун; поворотлив что медведь; смотреть (глядеть) как медведь; смять как медведь лапами; страшный как медведь; ступать/ступить как медведь; танцевать (топтаться на месте) как медведь;</p>	<p>дело не медведь, в лес не уйдёт; дело не медведь, можно издали поглядеть; товар не медведь, всех денег не съест; как медведь, лапы сосать не станешь.</p>

	топать как медведь; тюхать как медведь; услужливый как медведь; ходить как медведь кухтолапый (косолапый); храпеть как медведь; человек в ярости безумен как медведь: сам на рогатину прёт; идти как на медведя; туфли ворочаются как у медведя; грязный как медведюга; сидеть как медведь на крыльцах; дело не медведь, в лес не уйдёт.	
--	--	--

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *медведь* или другими именованиями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию.

В русских пословицах медведь – это мощный, хищный и опасный зверь, которого боятся люди и другие животные [Даниленко, 2017, с. 225]. В таблице 9 покажем пословицы, взятые из книги В.П. Даниленко «Картина мира в пословицах русского народа», в которых образ медведя представлен сильным и властным с положительной оценочностью, агрессивным и опасным – с отрицательной и с неопределёнными характеристиками, без оценки.

Таблица 9. Образ медведя в русских пословицах и поговорках

Положительная оценочность (3)	Отрицательная оценочность (24)	Неопределённая (7)
Медведь в лесу – что боярин в городе; Медведь неуклюж, да дюж; И комар лошадь повалит, коли медведь подсобит.	Кого медведь в лесу драл, тот и пенька в лесу боится; Медведь дожидает того, как бы содрать кожу с кого; Медведь не умывается да все его боятся; Медведи – плохие соседи; Не балуйся с медведем – задавит; Раненый медведь – опасный зверь; Кобыла с медведем тягалась, да один хвост да грива осталась; Несподручно бабе с медведем бороться; того и гляди, юбка раздерётся; Медведь силён, да люди его ловят; Медведь силён, да его на цепи водят; Силён медведь, да воли ему нет; Силён медведь, да на его шкуре спят; Силён медведь, на не умён: сам лезет на рожон; Врасплох и медведь труслив; И медведя покоряют; И медведя бьют, да учат; И	Хорошо медведя в окно дразнить; Медведь корове не брат; Не дели шкуру не убитого медведя; И медведя плясать учат; Не дал бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы; Дело не

	медведя изневодишь, так в ноги кланяется; Медведь грозился, да в яму свалился; Медведя бояться, так ягод не видать; Где медведь, там и шкура; Медведь дуги гнул, да запрягать не во что; Отольются медведю коровьи слёзы; Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся); Волк режет скотину, медведь дерёт.	медведь, в лес не уйдёт; Медведь не умывается, да здоров живёт.
--	--	---

Из приведённых выше пословиц можно сделать вывод, что в основном медведь в них представлен как грозный зверь, который опасен как для животных, так и для людей, реже он выглядит глупым и неуклюжим.

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что зооморфизм *медведь* относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека (см. Приложение 1) [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 120]. В этом словаре говорится, что медведь постоянно встречается в русских сказках, упоминается в пословицах и поговорках, изображён на гербах многих русских городов и воспринимается как символ России (талисман Олимпиады, символ политического общественного движения «Единство» и партии «Единая Россия»). В то же время указывается, что в русских сказках и авторских баснях медведь может представляться жадным, недалёким, неловким, грубым и т.д. [Там же, с. 120].

А.В. Гура отмечает, что медведь занимает важное место в народных преданиях о животных и обладает в них разнообразными характеристиками. По своей силе, хищности и опасности медведь близок волку. Также автор указывает, что медведь долгожитель, в отличие от зайца. С чистотой медведя соотносят его сближение со священником, называют зверя в шутку «лесным архимандритом» [Гура, 1997, с. 159].

У русских существует легенда, что человек, который убил своих родителей, превращается в медведя. По другим рассказам, все жители деревни стали медведями из-за своего негостеприимства. Чаще всего в легендах медведь происходит от человека, который напугал Христа. На

Севере же рассказывают, что медведи произошли от Адама и Евы. Во многих поверьях отражено человеческое происхождение медведя. Считают, что если снять шкуру медведя, то он выглядит как человек. Также бытует убеждение, что у медведя человечесьи глаза, а ступни и лапы с пальцами, как руки человека [Там же, с. 160-162].

Отмечено также, что медведь, как человек, ходит на двух ногах, любит плясать под музыку, радуется и горюет, понимает человеческую речь и сам иногда говорит. К тому же, как и люди, он равнодушен к мёду и водке. Ум медведя часто сопоставляется с его силой, причём отмечается несоответствие его физических и умственных способностей. Русские охотники считают, что «медведь силен, да не умен, сам прёт на рожон» [Там же, с. 162-163].

Медведь может одолеть и изгнать водяного. С одной стороны, медведь подчинён лешему и связан с ним родственными отношениями. С другой стороны, он враждебен водяному: борется с ним и изгоняет его, водяной в пределах своих владений не терпит даже упоминания медведя [Там же, с. 164].

Случайная встреча с медведем в дороге служит у русских добрым предзнаменованием и сулит путнику удачу.

Медведя называют личными именами – Миша, Мишка, Мишук, Михайло Иваныч (господин), Топтыгин, Потапыч, Михайло Потапович, Медведица Акси́нья, Матрёна. Его образ воспринимают как символ здоровья и силы, что находит отражение в поверьях и народной лечебной практике.

Медведя и волка объединяют сходные демонические представления (волк – оборотень, медведь – оборотень), способность устрашать и изгонять нечистую силу. Помимо этого, медведь, как и волк, связан с подземными кладами: духи, охраняющие их, могут появляться в облике медведя [Там же, с. 171-175].

В русских сказках, так же как и в мифах и пословицах, медведь по своей силе находится на самом вершине звериной иерархии [Даниленко, 2017а, с. 81]. В.П. Аникин подчёркивает, что «это положение медведя <...> по-

своему объясняется связью с теми традиционными досказочными мифологическими преданиями, в которых медведь занимал самое важное место хозяина лесных угодий. Возможно, с течением времени в медведе стали видеть воплощение государя, владыки округа» [Аникин, 1977, с. 32].

Медведь в русских сказках всегда представлен огромным и сильным лесным зверем. Например, в сказке «Теремок» от неуклюжего и тяжелого медведя-косолапого пострадал хрупкий теремок, в котором жили лесные звери. Неповоротливый и глупый медведь сначала пытался влезть в терем, а затем и вовсе уселся на крышу теремка и раздавил его. Животные успели выскочить из терема – все остались целы и невредимы.

Глупым медведь изображён и в сказке «Мужик и медведь». Зверь хоть и угрожает мужику, но тот его угрозы не боится и, благодаря своей смекалке, легко обманывает медведя в договоре о разделе урожая на вершки и корешки.

В сказке «Маша и медведь» медведя обманывает девочка, которую он удерживал в лесной избушке. Ей удалось спастись от зверя, спрятавшись в короб с пирожками, который он отнёс её бабушке и дедушке. Так маленькая Маша перехитрила грубого и властного медведя.

Мстительным медведь предстаёт в сказке «Медведь на липовой ноге», где он съедает старика со старухой за то, что старик отрубил ему лапу в лесу [Даниленко, 2017а, с. 83].

Таким образом, проанализированный материал даёт основания полагать, что образ медведя является важным элементом национальной языковой картины мира, в том числе в её метафорической составляющей, где зооморфизм *медведь* предстаёт как популярный персонаж русского фольклора, обладающий перечисленными выше характеристиками с явным преобладанием отрицательно-оценочных.

В итоговой таблице 10 сведены все значения зооморфного образа *медведя*, выявленные при анализе указанных выше источников. Эти данные

послужат основой при рассмотрении басенных реализаций зооморфизма *медведь*.

Таблица 10. Характеристика зооморфного образа *медведь* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Толковый словарь русского языка», 1935 [Т. 2, стб. 170]	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1988 [Т.2, с. 242]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 528]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 846]	«Лингво-культурологический словарь», 2004 [с. 120-122]
1. Большой хищный всеядный зверь с длинной шерстью.	+	-	-	-	-
2. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами.	-	+	+	+	-
3. Крупный, неуклюжий зверь, чем-то похожий на огромного человека.	-	-	-	-	+
4. Неуклюжий, (как физически, так и нравственно), неповоротливый человек (непреднамеренно грубый и деликатный).	+	+	+	+	+
5. мех этого животного, а также изделие из такого меха.	+	+	+	+	-
6. О невоспитанном, малокультурном, грубом человеке.	-	+	-	+	-
7. Традиционный персонаж русского фольклора – обычно простоватый, благодушный, способный помочь в каком-либо деле зверь; реже злобный, мстительный.	-	-	+	-	-

8. Неотёсанный, не умеющий вести себя, идущий напролом.	-	-	-	-	+
9. Крупный, физически сильный человек.	-	-	-	-	+
10. Человек, отстраняющийся от какой-либо активной деятельности, не любящий покидать своё жилище.	-	-	-	-	+
11. В русских сказках и авторских баснях медведь может представлять как жадный и недалёкий, непреднамеренно неловким, грубым, разрушающим всё вокруг. При этом в волшебных сказках медведь, как правило, помощник главного героя.	-	-	-	-	+
12. Кофе или чай с ромом, водкой и т.п.	-	-	-	+	-
13. Напиток или смесь вин с пряностями.	-	-	-	+	-
14. Каток (дорожный, мельничный и т.п.).	-	-	-	+	-

С целью изучения зооморфного образа *медведя* в баснях XX века в материал исследования были включены тексты из следующих сборников: С.В. Михалков [1984], Е.И. Аникеев [1976, 1982, 1988], И. Батрак [1926, 1958], Е.М. Афанасьев [1980], С.В. Смирнов [1979], Н. Альтшуллер [1960, 1968], С.Е. Ванетик [1999], Д. Бедный [1935, 1985], Н.И. Полотай [1977], Б.Н. Брайнин [1983], «Басни народов Советского Союза» [1959]. В собранном материале обнаружено 58 текстов, эксплицирующих этот зооморфный образ.

Среди репрезентантов рассматриваемого зооморфного образа выделяются следующие группы:

1. Синонимичные/частные наименования медведя (54). Синонимы, номилирующие медведя в басенных текстах, можно считать денотативными, поскольку они называют один и тот же предмет действительности, а именно крупного лесного зверя, дифференцируя этот предмет по разным основаниям (возрасту, особенностям поведения и т.д.): *медведь/медведи* – 53 (98%), *медвежата* – 1 (2%).

2. Имена собственные, клички (30) представлены различными формами личного имени собственного Михаил (полное имя, неполное, уменьшительное, уменьшительно-ласкательное с разными суффиксами, уменьшительно-пренебрежительное), сочетанием имени и отчества, а также имитацией фамилии: *Топтыгин/Топтыгины* – 15 (50%), *Мишка* – 6 (20%), *Миша* – 3 (10%), *Мишенька* – 1 (3,33%), *Мишук* – 1 (3,33%), *Мишутка* – 1 (3,33%), *Михайло Иванович* – 1 (3,33%), *Михаил Иванович* – 1 (3,33%), *Потапыч* – 1 (3,33%).

3. Слова с зооморфным семантическим компонентом (35), характеризующие поведенческие повадки медведя (прилагательное, глаголы и деепричастие): *медвежий* – 4 (11,4%), *реветь* – 2 (6%), *взречь* – 1 (2,8%), *рычать* – 1 (2,8%), *загорчать* – 1 (2,8%), *облапив* – 1 (2,8%).

К этой группе относятся **обозначения частей тела медведя:** *лапа/лапы* – 7 (20%), **слова, называющие его жилище:** *берлога* – 4 (11,4%), а также **наименование родственных отношений с лисой:** *кум* – 2 (6%).

Особое место в этой группе занимают **слова, обозначающие социальный статус, должность зооморфизма и статусные обращения:** *начальник* – 4 (11,4%), *сатрап* – 1 (2,8%), *секретарь* – 1 (2,8%), *директор* – 1 (2,8%), *управляющий* – 1 (2,8%), *тюремщик* – 1 (2,8%), *закройщик* – 1 (2,8%), *Ваша Светлость* – 1 (2,8%), *Ваш Сясь* – 1 (2,8%).

4. Слова и словосочетания, характеризующие медведя по качествам/особенностям внешнего вида, характера, натуры (14): *косолапый* – 3 (21,4%), *косматый* – 1 (7,14%), *бесстыжий* – 1 (7,14%), *добряк* – 1 (7,14%), *тупоголовый* – 1 (7,14%), *медвежья порода* – 1 (7,14%),

медвежья воля – 1 (7,14%), *медвежий выбор* – 1 (7,14%), *медвежья бдительность* – 1 (7,14%), *топтыгинский рост* – 1 (7,14%), *седой медведь* – 1 (7,14%), *медведь-плутяга* – 1 (7,14%).

5. Отсылка к прецедентному тексту: И.А. Крылов «Трудолюбивый медведь» – 2.

В басне «Медведь и дуги» Н.И. Полотай использует сюжет известного баснописца, добавляя при этом новые актуальные для своего времени реалии: «Хотя *Медведю* и влетело от Крылова, / но дуги гнуть решил наш *Мишка* снова», «Уж не ошибся ль, *Миша*, ты? / Что это – дуги иль хомуты?», «Ни дать ни взять – капкан!», «– Гони монету! / До ваших шей мне дела нету!». Е.И. Аникеев в басне «Медведь и Дрозд» также отсылает читателя к прецедентному тексту: «Давно успели времена минуть, / Когда *медведи* не умели дуги гнуть».

Итак, в 58 текстах басен встречается 41 разноплановая единица, которая репрезентирует зооморфный образ *медведя*: это основное имя образа – зооним «медведь» и денотативные синонимы лексем, имена собственные / клички, слова с зооморфным компонентом, а также слова и словосочетания, характеризующие качества/особенности медведя и т.д. Наиболее частотной является группа синонимичных наименований; видимо, это связано с тем, что они отражают характеристики базового зооморфизма. Далее будет показано, какие семантические особенности приобретает зооморфный образ *медведя*, представленный различными репрезентантами, в исследуемых басенных текстах.

Обобщённый зооморфный образ *медведь* дополняется в баснях писателей следующими семантическими характеристиками (см. Приложение 2), в большинстве своём имеющими отрицательную оценочность – 63 контекста.

1. Плохой начальник (власть, сила, значимость, строгость, кровожадность, глупость, недальновидность, безграмотность, сердитость, взяточничество, корыстность, расчётливость, лень,

хитрость, изворотливость, обман, важность) – 25 (39,6%): Е.М. Афанасьев «Медведь и Бобры» – «Влез *Медведь* в директора», «...с той поры / Лапы там сосут бобры» [Афанасьев, 1980, с. 37]; Д. Бедный «Азбука» – «Назначен был *медведь* весной / Правителем одной лесной Округи», «*Медведю* впрок пошло довольство даровое», «Впрямь, так ли грамота хитра, / Коль знают все её теперя?», «Мне не осилить всей науки», «я-де грамоте не враг», «с сутью я знаком» [Бедный, 1935, с. 11-12]; Е.И. Аникеев «Протекция» – «*Топтыгин* уж разинув рот – Шакалу отказать», «Вздохнул *Медведь*: "Ну как не взять? / Хоть сам Шакал и дрянь, да Волку зять!"» [Аникеев, 1988, с. 57]; Е.И. Аникеев «Шакал на должности» – «Ну и *Топтыгина*, конечно, самого / Вписали в список наградной, как говорится с ходу!» [Там же, с. 38-39]; Е.И. Аникеев «Комар» – «*начальник косолапый* / Хватил наотмашь Комаришку *лапой*: / – Хоть ты и контролёр, да знай, кого кусать!» [Аникеев, 1982, с. 62-63]; Н.И. Полотай «Медовый случай» – «не Заяц просит, – сам *Медведь*» [Полотай, 1977, с. 35] и проч.

2. Любитель полакомиться (мёд, малина, петушок) – 9 (14,2%): Е.И. Аникеев «Малина» – «*Медведь* повадился в малину. / Известно: был он лакомкой всегда / И любит издавна и мёд пчелиный, / И ягоды» [Аникеев, 1976, с. 22]; С.В. Михалков «Медвежий зарок» – «Шмелиного отведал мёду. / Укусов бедному не счесть», «раскаялся и мёд зарёкся есть» [Михалков, 1984, с. 45-46]; Е.И. Аникеев «По заслугам» – «Был лакомкой *Медведь*, *начальник* леса», «Особенно любил бывать *Топтыгин* у Лисицы, / Ведь тут полакомиться можно было петушком!» [Аникеев, 1982, с. 57] и др.

3. Плохой работник (халатность, лень, алчность, нечестность) – 6 (9,5%): Н.И. Полотай «Вол и Конь» – «Ну до чего ж ленив *Медведь*. / Ох, за халатность надо Мишку взгреть!», «Мишке мимо уха тот наказ», «да толк какой, / коли *Медведь* в берлоге спит зимой!» [Полотай, 1977, с. 25]; Е.И. Аникеев «Медведь и Дрозд» – «Неужто ты не понимаешь, / Что матушку-природу убиваешь?!», «я за план несу ответ. / Мне до природы дела нет: / Не в нашем ведомстве природа!» [Аникеев, 1976, с. 58]; Е.И. Аникеев

«Жалоба» – «Раз Волк ответственен за эти штуки, <...> то ему и карты в руки» [Аникеев, 1988, с. 15] и т.д.

4. Глупость, недалёковидность (несмотря на физическую силу) – 5 (8,6%): Е.И. Аникеев «Жалоба» – «*Медведь* был хоть силён, / Да не умён» [Аникеев, 1988, с. 15]; Е.И. Аникеев «Медведь и Крот» – «*Медвежий* выбор был нелеп: / Хоть неподкупен Крот, да слеп» [Там же, с. 57-58] и др.

5. Подхалимство, хвастовство, лицемерие – 3 (4,7%): С.В. Михалков «Дутый авторитет» – «Тушканчика назвали вторым по силе зверем», «*Медведь* его зовёт на праздничный обед» [Михалков, 1984, с. 77]; Д. Бедный «Добряк» – «А вообще, сказать не лицемеря, / Добрей меня не сыщешь зверя» [Бедный, 1985, с. 94] и т.п.

6. Эгоистичность – 3 (4,7%): Е.И. Аникеев «Малина» – «Не только всю малину обдерёт, / Но весь малинник поломает!», «На наш ведь век малины хватит! / А после нас – так хоть потоп!» [Аникеев, 1976, с. 22] и проч.

7. Жестокость, злость, агрессия, свирепость, властность – 3 (4,7%): И. Батрак «Осёл» – «*Медведь* служил *тюремщиком* у Льва», «расправлялся круто он с волами и ослами», «известен был *Медведь* жестокими делами», «То правда, я дирал, но лошадей, / Да иногда людей» [Батрак, 1926, с. 17]; Е.И. Аникеев «Добрый Медведь» – «*Начальник леса* вмиг рассвирепел» [Аникеев, 1976, с. 54] и т.д.

8. Хитрость – 3 (4,7%): Е.И. Аникеев «Белка-заготовитель» – «И заблестели хитрецей глаза» [Аникеев, 1982, с. 43-44]; С.В. Смирнов «Супруги Топтыгины» – «рожают *медвежат*, / Чтоб не платить "Бездетного" налога» [Смирнов, 1979, с. 248] и т.п.

9. Болезненность, беспомощность – 2 (3,4%): С.В. Михалков «Осторожные птицы» – «*Топтыгин* занемог: вскочил чиряк на шее», «Глаз не сомкнул больной всю ночь» [Михалков, 1984, с. 62-63] и т.д.

10. Жадность – 1 (1,5%): С.В. Михалков «Медвежий зарок» – «...*Косолапый*, / Урча от жадности, залез в колоду *лапой* / И до тех пор

держал открытой *пасть*, / Пока, *бесстыжий*, не наелся всласть» [Михалков, 1984, с. 45-46].

11. Самоуверенность – 1 (1,5%): С.В. Михалков «Коза, Медведь и глухой Осёл» – «Видать, Рогатая души во мне не чаёт!» [Михалков, 1984, с. 37-38].

12. Воровство – 1 (1,5%): Н. Альтшуллер «Медведь и его недостатки» – «Все с недостатками... Так создана природа. / Вдохнул *Медведь*, похитив бочку мёда» [Альтшуллер, 1968, с. 26].

13. Любитель алкоголя – 1 (1,5%): С.В. Смирнов «Медвежье оправданье» – «Привлечён к суду *Медведь*», «Я – не я, / После возлияния» [Смирнов, 1979, с. 141].

Среди общего числа басен с зооморфным образом *медведь* меньшая часть – 7 – реализует положительные характеристики, которые имеют следующие семантические особенности:

1. Хороший начальник (разумность, справедливость, доброта) – 3 (42,8%): Е.И. Аникеев «Белка-заготовитель» – «*Медведь* взглянул в отчёт привычно», «всё, что собрано сверх плана, это, брат, / Тебе принадлежит по праву» [Аникеев, 1982, с. 43-44] и др.

2. Сила, мощь – 2 (28,5%): Н. Альтшуллер «Лисий вклад» – «для стройки брёвна бы таскал» [Альтшуллер, 1968, с. 12-13] и т.д.

3. Дальновидность, прозорливость, оправданная жёсткость – 1 (14,2%): С.В. Михалков «Медведь и Змея» – «Змеи немое пресмыканье / Не нравилось *Медведю* никогда», «...увидел ненароком, / Как, словно вор, тайком к ручью ползла Змея», «И вмиг разделавшись с пятнистым мерзким гадом, / *Медведь* расправил *лапой* труп Змеи», «Быть надо прямодушной!» [Михалков, 1984, с. 90-91].

4. Мудрость, рациональность – 1 (14,2%): С.В. Михалков «Мать...» – «Зачем ты своему зайчишке / Заткнула в уши по зелёной шишке, / Как это понимать?» «*Седой Медведь* спросил» [Михалков, 1984, с. 142].

Выделим также одну басню, в которой не было выявлено чёткой оценочной характеристики зооморфного образа *медведя*: Б.Н. Брайнин «Басня» – «А также *Мишка*, Мышка, Кошка... / Остались неохваченными басней... / Вот и напрасно» [Брайнин, 1983, с. 81].

Как видно из приведённых контекстов, текстовая семантика зооморфного образа *медведь* развивается по линиям разнонаправленной оценочности:

1) отрицательно оценивается глупость, подхалимство, эгоистичность, жестокость, хитрость, болезненность, жадность, самоуверенность и др. – 63 контекста;

2) положительно оценивается сила, дальновидность, мудрость – 7 контекстов.

Кроме того, следует отметить, что медведь в баснях исследуемого периода нередко занимает высокий пост среди других зверей: он изображается начальником, директором, управляющим и проч. И при этом может воплощать прямо противоположные характеристики: чаще отрицательные (глупость, недальновидность, безграмотность, строгость, сердитость, взяточничество, хитрость, изворотливость, корыстность, лень и др.), реже положительные (разумность, справедливость, доброта). Медведь также может быть изображён простым работником, но всегда плохим (халатным, ленивым).

Тексты басен писателей XX века, содержащие зооморфный образ *медведя*, наполнены разноплановыми приращёнными смыслами. Этот зооморфизм, сохраняя в целом присущие ему в русской языковой картине мира некоторые негативно-оценочные метафорические характеристики человека, отражённые в словарях, например неуклюжесть, в то же время приобретает и новые контекстные характеристики:

1) отрицательные – подхалимство, хвастовство, лицемерие, эгоистичность, болезненность, самоуверенность, глупость, жестокость, хитрость, халатность, лень, алчность и некоторые др.;

2) положительные – разумность, справедливость, доброта, сила, мощь, дальновидность, прозорливость, оправданная жёсткость, мудрость, рациональность.

Отмечено, что некоторые тексты содержат несколько качеств одновременно, среди которых или только отрицательные – жестокость и хитрость и т.д.; или сочетание положительных и отрицательных: дальновидность и жестокость; свирепость и справедливость и проч.

Таким образом, в сознании как отдельных авторов художественных сатирических текстов, так и в коллективном языковом сознании образ медведя символизирует, прежде всего, неуклюжесть, любовь к сладкому, свирепость и опасность для других, чаще всего медведь выступает в роли сильного, но неразумного, властного, но несправедливого правителя (начальник леса), которому подчиняются все звери, положительные же характеристики подчёркивают в этом образе то, что такое властное животное, как медведь, способно иногда поступать разумно и справедливо, быть прозорливым, а также правильно использовать свою силу во благо.

2.5 Зооморфный образ лисы

Зооморфизм *лиса* является важным образом в русской языковой картине мира. Этот образ часто встречается в русских народных сказках, где лиса изображается как хитрое животное, способное на обман ради собственной выгоды. Встречается, но реже образ лисы и в русских пословицах, устойчивых сравнениях, мифологии. Свидетельством лингвокультурной значимости зооморфизма является отражение его семантики в смысловой структуре зоонима *лиса*, представленной в лексикографических источниках.

Рассмотрим репрезентацию лексемы «лиса» в разных словарях (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре русского языка» слово «лиса» имеет три значения: первое называет животное определенного биологического класса,

второе, переносное, характеризует человека, отличающегося хитростью и склонного к лести и обману, третье же значение является метонимическим и обозначает шкуру (мех) этого животного [Ушаков, 1935, т. 2, стб. 68].

Подобное соотношение номинативного, метафорического и метонимического значений наблюдается у слова «лиса» в «Словаре русского языка» в 4-х томах. Примечательно, что переносное метафорическое значение лексемы здесь толкуется по формуле «О ком-, чём-либо» [Евгеньева, 1986, т. 2, с. 186], свидетельствующей, по словам составителей словаря, о синтаксической закреплённости значения (слово в данном значении «может выступать только в сказуемом, приложении, обращении») и о его характеризующей, оценочной функции в высказывании [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 8].

В «Большом толковом словаре русского языка» в целом повторяются значения выше указанных словарей. Однако здесь более отчётливо показана детерминированность переносного характеризующего значения (о хитром человеке) семантикой традиционного фольклорного зооморфного образа [Кузнецов, 2000, с. 498].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» зооним представлен в трёх семантико-грамматических вариантах. В своём первичном лексико-семантическом варианте (ЛСВ) слово является существительным женского рода и обозначает хищное млекопитающее. Это прямое номинативное значение зоонима. Во втором метонимическом значении обозначает мех, шкуру животного. Третье же значение, маркированное грамматическими пометами двух родов, употребляется для переносной характеристики человека как мужского, так и женского пола [Ефремова, 2001, т. 1, с. 792].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод, что русским языковым сознанием из всех элементов семантики исходного значения лексемы «лиса» (хищное млекопитающее семейства псовых; мех, шкура такого животного и др.) для метафорического переноса имени на человека

была выбрана оценочная сема 'хитрый, лукавый, лъстивый человек', в употреблении сопровождаемая, как правило, отрицательной эмоциональной оценочностью.

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаем фразеологические словари, в которых активно представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *лиса*. Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» представлено несколько устойчивых словосочетаний, содержащих этот зооморфный образ. Всего их насчитывается 6 единиц, среди которых 5 используются с негативной оценочностью: *хитрый как лиса*; *Лиса Патрикеевна*; *старая лиса (лисица)*; *старый лис*; *лисий хвост*; и одна с нейтральной: *лисья нора* [Фёдоров, 2008].

Как утверждает И.В. Холманских, «зооним *лиса (лисица)* не отличается высокой фразеобразовательной активностью, возможно потому, что образ лисы – достаточно цельный образ. В них (во фразеологизмах) отражено, в первую очередь, эталонизированное представление о хитрости» [Холманских, 2000, с. 113]. В работе автора представлено 4 фразеологических словосочетания: *хитрый как лиса*, *влиять умом как лисица хвостом*, *лъстивый как лиса*, *диал. язык <у кого-либо> масляной, как лисица*.

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается около 60 употреблений с этим словом или близкими по значению [Мокиенко, Никитина, 2008]. Представим зооморфный образ лисы в русских народных сравнениях по материалам данного словаря, систематизировав эти устойчивые единицы в таблице 11 по признаку оценочности: положительная, отрицательная, неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 11. Образ лисы в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (6)	Отрицательная оценочность (41)	Неопределённая оценочность (2)
осистый как лиса; пушистый как	вертеться (крутиться) как лиса (вертеться лисой); вильнуть умом как лиса хвостом; виться как лиса;	жёлтый как лиса; жёлтенькая как

<p>лиса; рыжий как лиса; хвост как у лисы; красный как лиса; ходить как лиса за белочкой.</p>	<p>жить как лиса (жить лисой); как лиса Патрикеевна; как лиса Патрикеевна: на гору хвостом и под гору хвостом; как лиса хвостом мелькнуть (вильнуть); лиса лисой; льстив как лиса; накрыться что лиса хвостом; обмануть как лиса ворону; обыгрываться как лиса хвостом; подружить (подружиться) как лиса с журавлём; хитрить как лиса; ходить как лиса круг курятника; вертеться (крутиться) лисой (как лиса); где лисой, где зайцем; где он лисой прошёл, там куры три года не несутся; глядеть лисой, а пахнуть волком; Кто в чин вошёл лисой, тот в чине станет волком; лисой листит: в одно ухо влезет, в другое вылезет; лисой пройти; лисой ухаживать, кошкой увиливать; подъезжать (подходить, подкапываться) лисой [Патрикеевной]; прикидываться/прикинуться лисой; смотрит медведем, а живёт лисой; хвост лисой подкидывать; выкуривать/выкурить как лису из норы; повадки (поведение, характер) как у лисы; как лисей; золотая жила что лисий хвост: вильнёт, поманит и снова уйдёт; вертеться (крутиться) как лисица; леслива как лисица; лукав как лисица; сидеть как лисица; (хитрый) как лисица; хитрить как лисица; как журавль лисицу потчевал; повадки (поведение, характер) как у лисы/лисицы; знакомистый как лисичка; смотреть как лиска.</p>	<p>лисичка.</p>
---	---	-----------------

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *лиса* или другими именованиями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию, связанную с этим животным.

В русских пословицах образ лисы сопоставим с аналогичным образом во фразеологии и фольклоре – «лиса хитростью и обманом своё берёт» [Даниленко, 2017, с. 231]. В пословичном образе лиса ассоциируется не только с хитростью, коварством и хищностью, но и с неудачей, которая ей

сопутствует. В таблице 12 покажем пословицы, взятые из книги В.П. Даниленко «Картина мира в пословицах русского народа».

Таблица 12. Образ лисы в русских пословицах и поговорках

Хитрость, коварство, хищность (38)	Неудача, сопутствующая лисе (5)
<p>Хитрее лисы нет зверя; Лиса живёт хитростью, а заяц прыткостью; Старую лису хитростям не учить; Старую лису дважды не проведёшь; Старую лису второй раз в капкан не заманишь; Лиса семерых волков проведёт; Когда ищешь лису впереди, то она назади; Лиса всё хвостом прикроет; У доброй лисы по три отнорка; Лисица от дождя и под бороной схоронится; старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает; Лиса в свидетели выставила свой хвост; Каждая лиса о своём хвосте заботится; Лиса своего хвоста не замазает; Старая лиса дважды поймать себя не даёт; Лиса сытнее волка живёт; Кабы лиса не подросла, то бы овца волка съела; У Лисы Патрикеевны ушки на макушке; Лисица – старая льстица; Лисичка – плутовка, лисица – льстица; Лисье племя только льстит да манит; Кто в чин вошёл лисой – править будет волком; Кабы лиса не подросла; Лиса и во сне кур считает; Лиса дорогу перебежала, быть беде; Лисий лай услышать – к несчастью; Не волчий зуб, так лисий хвост; Лиса всё хвостом прикроет; Лиса придёт, и куры раскудахчутся; Всякая лиса свой хвост хвалит; У лисицы хвост долог, а на свой не сядет; Близ норы лиса на промыслы не ходит; Нанималась лиса на птичий двор, беречь от коршуна, от ястреба; Кабы лиса не подросла, то бы овца волка не съела; У лисы Патрикеевны ушки на макушке; Лиса семерых волков проведёт; Когда ищешь лису впереди, то она назади; Назначили лису воеводой в лесу: пера много, а птицы нет.</p>	<p>И лисица хитра, да шкуру её продают; Лиса знает много, но тот, кто её ловит, знает больше; Угодила лиса в капкан: хоть и рано, а знать, ночевать; За то лису бьют, чтоб не ходила в курятник; Ходила лиса кур красть, да попала в пасть.</p>

Образ лисы в русских пословицах представлен только как носитель отрицательных характеристик. Не случайно в своей диссертационной работе О. Бичер замечает, что образ лисы и в переносном значении, и в пословицах имеет одинаковую смысловую доминанту – хитрость [Бичер, 2016, с. 87].

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что лиса «в русских сказках и в авторских баснях предстаёт хитрой, коварной и льстивой, постоянно обманывающей тех, кто сильнее её, так и тех, кто слабее» (см. Приложение 1) [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 114]. Утверждается также, что *Лис* в русском фольклоре не встречается,

используется только слово женского рода – *лиса*, которое может использоваться не только как нарицательное, но и как личное имя собственное и в этом случае сочетается с отчеством *Патрикеевна*. Примечательно также сведение о том, что под влиянием европейской культурной традиции у русских сложилось представление о лисе не только как о хитром, но и мудром животном [Там же, с. 114].

Лиса является традиционным символом хитрости и вероломства также в христианской традиции. В Библии, как считает В.В. Похлёбкин, «имеются в виду не лисы, а шакалы, но в силу отсутствия подобного зверя в странах Северной, Восточной и Центральной Европы при переводе Библии слово «шакал» было заменено на «лисица», и все отрицательные свойства шакалов были таким образом приписаны лисам» [Похлёбкин, 2001].

В славянской мифологии лиса – яркий женский образ, который связывают с Мокошью – богиней любви и рукоделия [Даниленко, 2017, с. 231]. Славяне почитали лису за её хитрость, изворотливость и смекалку, называли при этом кумой и сестрицей. Лису сравнивали с огнём из-за её окраса, а также с грозовой тучей из-за бурого оттенка шубы зимой.

В.П. Аникин пишет о существовании суеверий, связанных с лисой. Автор приводит в качестве примера произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором есть упоминание о лисицах, «лающих на красные щиты ратников полка Игорева, когда те вошли в половецкую степь» [Аникин, 1977, с. 23]. Однако ещё большую значимость эта примета получает благодаря археологическим данным, которые зафиксировали, что «в древних погребениях было найдено ожерелье из звериных зубов, среди которых и лисьи» [Там же]. В.П. Аникин указывает, что они имели определенный магический смысл.

В русских сказках о животных, по мнению В.П. Даниленко, лиса выдвинулась на первое место. Этому персонажу присуща чрезмерная хищность, сопровождаемая умом. Как утверждает Э.В. Померанцева, лиса является одним из основных действующих лиц в сказках. Образ лисы очень

стабилен, она рисуется в основном как льстивая, хитрая обманщица. Лису в сказках называют по-разному: лисичка-сестричка, кума-лиса, Лиса Патрикеевна, лиса-краса, лисица-масляная губица, лиса-ласковые словеса. Она обманывает волка, петуха, медведя и других животных, поскольку думает лишь о собственной выгоде. Лиса изворотлива и лжёт до тех пор, когда лгать уже нельзя, но и в этом случае она умудряется остаться безнаказанной, «однако в ряде сказок её побеждает человек» [Померанцева, 1963, с. 78].

В сказке «Лиса и волк» лиса проявляет свою хитрость, притворившись мёртвой на дороге, чтобы поживиться рыбкой, которую старик везёт в телеге, а затем обманывает волка, уговорив его ловить рыбу на собственный хвост, отчего серому не поздоровилось. Глупый волк решил наказать лису за обман, но плутовке вновь удаётся перехитрить его. Вымазавшись тестом, она жалуется, что ей разбили голову, и волк, поверив ей, повёз её на своей спине. Так лисе удалось обмануть всех и остаться невредимой.

В другой сказке «Кот и лиса» лиса обманывает медведя и волка, сказав им, что кот, за которого она вышла замуж, очень злой, и без подарков на него нельзя прийти посмотреть. Тогда волк принёс барана, а медведь – быка. По нелепой случайности они приняли кота за страшного прожорливого зверя и разбежались в разные стороны.

Лиса в сказке «Кот и петух» три раза утаскивала к себе петуха, который не слушал наказ кота не высовываться из окна и не разговаривать с лисой. Только благодаря спасителю-коту петух остался цел и не стал жертвой коварной лисы.

Поучительная сказка «Лиса и журавль» повествует о дружбе лисы и журавля, которые звали друг друга в гости. Лиса попыталась накормить журавля кашей, размазанной по тарелке, на такое гостеприимство журавль ответил тем же: он предложил гостье-лисе съесть крошку из кувшина, так и пошла лиса домой «несолоно хлебавши». Сказка говорит о том, что с друзьями надо быть честными.

В сказке «Как лиса шила волку шубу» волк попросил лису сшить ему шубу из овечек, которых он будет ей приносить. Лиса согласилась, а сама овечек съедала да шерсть на базаре продавала. Когда волк пришёл за шубой, она отправила его за лошадю, мол, нужны хвост и грива. Ударила волка лошадь и убила, так лисе удалось обмануть волка.

Лиса в сказке «Лиса и заяц» обманула зайца, оставив его без избы. Не смогли помочь зайцу ни собака, ни медведь, ни бык, и только петуху с косой удаётся прогнать лисицу из заячьей избы. Справедливость восторжествовала: казалось бы, тот, кто чаще всего становился жертвой лисы, оказался сильнее её.

Сказка «Девочка и лиса» отличается от других, прежде всего, тем, что в ней образ лисы представляется положительным. Она оказалась единственным животным, которому девочка, потерявшаяся в лесу, смогла довериться и сесть на спину. Лиса вернула девочку домой, за что получила благодарность от её бабушки и дедушки.

Итак, в русских сказках образ лисы чаще представлен в негативном плане – обычно это хитрое, коварное, хищное животное, способное любыми средствами добиться своей цели, даже если пострадают другие.

Таким образом, анализ материала из приведённых выше источников даёт основания полагать, что образ лисы является важным элементом национальной языковой картины мира, в том числе её метафорической составляющей, где зооморфизм *лиса* обладает разнообразным набором семантических приращений с явным преобладанием пейоративных.

В итоговой таблице 13 сведены все значения зооморфного образа лисы, закреплённые в русском языковом сознании. Эти данные послужат основой при интерпретации басенных реализаций зооморфизма *лиса*.

Таблица 13. Характеристика зооморфного образа *лиса* по данным словарей

Семантические компоненты (семя)	«Толковый словарь русского языка», 1935 [Т. 2,	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1986 [Т.2,	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с.	«Новый толково-словообразовательный словарь	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с.
---------------------------------	--	--	--	---	--

	стб. 68]	с. 186]	498]	русского языка», 2001 [Т. 1, с. 792]	114]
1. Хищное млекопитающее семейства псовых с острой мордой и длинным пушистым хвостом.	+	+	+	+	+
2. Хитрый, лукавый, льстивый человек.	+	+	+	+	+
3. мех, шкура этого животного; изделие из него.	+	+	+	+	-
4. Лиса Патрикеевна – название лисы в русских народных сказках.	+	+	-	-	+
5. Традиционный персонаж русского фольклора – хитрый, мстительный, льстивый, постоянно обманывающий тех, кто слабее других.	-	-	+	-	+
6. В русском фольклоре употребление мужской формы слова – Лис не встречается.	-	-	-	-	+
7. У русских сложилось представление о лисе не только как о хитром, но и как о мудром животном.	-	-	-	-	+

С целью изучения зооморфизма *лиса* в баснях XX века в материал исследования были включены тексты из следующих сборников сатирических произведений: Н. Альтшуллер [1960], Е.М. Афанасьев [1980], Д. Бедный [1935, 1935а, 1945, 1985] Н.И. Полотай [1977], С.В. Смирнов [1979], С.В. Михалков [1984], И. Батрак [1926, 1935, 1958], Е.И. Аникеев [1976, 1982, 1988], «Басни народов Советского Союза» [1959]. В этом материале обнаружено 57 текстов с зооморфным образом *лисы*.

Репрезентанты зооморфного образа *лисы*, встретившиеся в данных сборниках, мы разделили на следующие группы:

1. Синонимичные наименования лисы (78), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Синонимы, номинирующие лису в басенных текстах, дифференцируют именуемый предмет по разным основаниям: количеству, размеру, полу, особенностям поведения: *лиса/лисы* – 47 (60,25%), *лисица/лисицы* – 18 (23%), *лисонька/лисанька/лисаньки* – 6 (8%), *лис* – 4 (5,1%), *лисичка* – 1 (1,2%), *лиска* – 1 (1,2%), *лисята* – 1 (1,2%).

2. Имена собственные, клички: *Анфиса* – 1.

В басне И. Батрака «Нахлебники» используется имя собственное – *Анфиса*. Лиса наделяется таким отрицательным качеством, как *подхалимство*: «Куда ты, кумушка *Анфиса*?», «– Известно, милая, к нему секретарём».

3. Слова с зооморфным семантическим компонентом (50), обозначающие признаки, свойства, качества лисы (прилагательные): *лисий* – 2 (4%), *лисья* – 2 (4%), *лисьи (речи)* – 1 (2%), *лисье (место)* – 1 (2%), *лисицины* – 1 (2%), *лисьины* – 1 (2%).

К этой группе относятся **обозначения частей тела (соматизмы) лисы, её волосяного покрова и окраса**: *лапа* – 3 (6%), *рыжая* – 3 (6%), *хвост* – 2 (4%), *шкура* – 1 (2%), *чёрно-бурый наряд* – 1 (2%), *чёрно-бурая* – 1 (2%), *рыжуха* – 1 (2%), *рыжик* – 1 (2%). А также **слова, называющие жилище лисы**: *нора* – 2 (4%), *хата* – 1 (2%).

Особое место в этой группе занимает **использование устойчивого сочетания**: *рыльце в пушку* – 1 (2%). Встречаются, кроме того, **наименования этого животного по выполняемой им роли, функции**: *секретарь* – 3 (6%), *редактор* – 2 (4%), *советница сановная* – 1 (2%), *смотритель кустов* – 1 (2%), *леском* – 1 (2%), *корреспондент* – 1 (2%), *сотрудник* – 1 (2%), *председатель* – 1 (2%), *заведующая* – 1 (2%), а также **наименования родственных отношений с другими зооморфными**

образами: *кума* – 5 (10%), *кумушка* – 5 (10%), *милая сестрица* – 1 (2%), *голубушка* – 1 (2%), *кума-голубка* – 1 (2%).

4. Слова и словосочетания, характеризующие нрав и отличительные качества лисы (14): *плутовка* – 5 (36%), *вертит хвостом* – 2 (14,2%), *хищница* – 1 (7,1%), *негодница* – 1 (7,1%), *повиляла хвостом* – 1 (7,1%), *разбойница* – 1 (7,1%), *злодейка* – 1 (7,1%), *плут* – 1 (7,1%), *побирушка-лиса* – 1 (7,1%).

Итак, в 57 текстах басен встречается 49 разноплановых репрезентантов, номинирующих зооморфный образ *лисы* и разделённых нами на несколько тематических групп: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «лиса», слова с зооморфным компонентом, а также слова и словосочетания, характеризующие поведенческие повадки зооморфизма. Наиболее частотной является группа синонимичных наименований лисы (*лиса*, *лисица*, *лисонька* и т.д.), что, по нашему мнению, является отражением характеристик базового зооморфизма.

Зооморфный образ *лисы* в разнообразных его репрезентантах реализует в баснях различные семантические особенности (см. Приложение 2). Представим в обобщенном виде отрицательные характеристики образа лисы в рассмотренных басенных текстах – 71 контекст:

1. Хитрость, изворотливость, обман, плутовство, корыстолюбие, умение поживиться, нечестность (нечестный труд), притворство, клевета, умение устроиться, ловкость, лицемерие, лукавость, льстивость – 29 (40,8%): Е.И. Аникеев «Пятна» – «*Лиса* изобразила удивленье: – / Да что ты! Ведь известно всем, / Что я мясного не терплю совсем. / Я обожаю блюда травяные!» [Аникеев, 1976, с. 64]; Е.И. Аникеев «Травоядная Лиса» – «Вчера весь день косила / К зиме себе сенцо. / Так выбилась из силы», «Я травоядная лиса! – / *Плутовка* взвизгнула», «Слон крепко лапу ей пожал: / Он травоядных уважал» [Там же, с. 49-50]; С.В. Смирнов «Сознательный бобёр» – «*Лиса* решила окрутить Бобра» [Смирнов, 1979, с. 237]; С.В. Смирнов

«Лис-лисовин» – «*Плут*. / С неба звёзд он не хватает, – / Ему и тут / Всего хватает» [Там же, с. 131] и др.

2. Хищность, кровожадность – 12 (17%): Е.И. Аникеев «Протекция» – «Она работала в лесу, где жили куропатки», «*Лисаньки* на куру падки», «птичек стало больно уж не густо» [Аникеев, 1988, с. 57]; Е.И. Аникеев «Добрый Медведь» – «Известно, <...>, / Что *хищница* башку / Не одному свернула петушку» [Аникеев, 1976, с. 54-55]; Е.М. Афанасьев «Любовь Лисицы» – «Без ума от Петуха / За его... потроха» [Афанасьев, 1980, с. 23]; И. Батрак «Лига зверей» – «Пойдут затем на блюдо: / <...>, *Лисе* – петух» [Батрак, 1958, с. 77-79]; Я. Райнис «Лиса и Крот» – «*Лиса* сказала: «Милый крот, / Скажи мне откровенно, / Зачем, дружок, так узок вход / Норы твоей подземной?» [Басни народов Советского Союза, 1959, с. 20] и т.д.

3. Подхалимство, угодничество, услужливость – 12 (17%): Н.И. Полотай «Медовый случай» – «Медведь справляет юбилей. / Так вы по совести своей, / медку уж нацедите» [Полотай, 1977, с. 35]; И. Батрак «Нахлебники» – «За барсом двинулись / Гиена, волк, *лиса*, – Куда ты, *кумушка Анфиса?* – Известно, милая, к нему секретарём» [Батрак, 1926, с. 12-13]; Д. Бедный «Лев, Лиса и Олень» – «Веленье нашего священного владыки», «Но делать нечего: приказ!» [Бедный, 1985, с. 85-87] и проч.

4. Высокомерие, надменность, критиканство, хвастовство – 4 (5,6%): Д. Бедный «Ум» – «Нашёл ты с кем равняться, право!», «Твои достоинства... Я знаю их сама! / Когда бы к ним ещё немножечко ума...» [Бедный, 1985, с. 94-95]; Д. Бедный «Опекуны» – «Я польщена, я очень рада... / Подумать: навестил меня премьер-министр!», «Но право, милый кум, ты в сане столь высоком / Стал плохо помнить о *куме*», «Хоть раз бы ты спросил: / «Как курочки твои, *кума*, живут на свете?...» [Бедный, 1945, с. 3-4] и т.д.

5. Безнаказанность, беззаконье – 3 (4,2%): Е.И. Аникеев «По заслугам» – «*Лисе* дал выговор... за превышение власти» [Аникеев, 1982, с.

57]; Е.И. Аникеев «Нуль» – «К тому ж успехи *лисыны*, понятно, / Медведю тоже ведь в зачёт» [Там же, с. 42] и т.п.

6. Невыполнение обязанностей – 2 (2,8%): Е.И. Аникеев «Протекция» – «Лисе, конечно, тотчас же расчёт» [Аникеев, 1988, с. 57] и т.д.

7. Трусость, нежелание помочь – 2 (2,8%): Д. Бедный «Голь» – «Ох страх берёт» [Бедный, 1935, с. 15-16]; Д. Бедный «Ответ» – «Помочь вам, – был ответ. – Нам это слышать лестно. / Покинув тихий наш овраг, / Охотно с вами в бой пошли бы мы совместно, / Когда б нам не было известно, / Кто – вы и кто – ваш враг» [Бедный, 1985, с. 90].

8. Бессилие – 1 (1,4%): Е.И. Аникеев «Наводнение» – «Зайчишки и *лисы* метались в испуге» [Аникеев, 1988, с. 110-111].

9. Болезненность, слабость – 1 (1,4%): А. Салих «Тигр и Лисица» – «Была и худа, и всегда голодна», «Да что с тобой? Стала ты, видно, больной?», «Нигде пропитанья себе не найду», «Вконец исхудала, все рёбра видны!» [Басни народов Советского Союза, 1959, с. 42-43].

10. Расчётливость, меркантильность – 1 (1,4%): С.В. Михалков «Лисица и Бобёр» – «*Лиса* заметила Бобра: / И в шубе у него довольно серебра, / И он один из тех Бобров, / Что из семейства мастеров» [Михалков, 1984, с. 23-24].

11. Злость (соперничество, бессильная агрессивность) – 1 (1,4%): Д. Бедный «Рыболовы» – «*Лиса* от бешенства трясётся: – "А, серый чёрт!.. Так знай: ты больше мне не кум, / Подохнуть бы тебе от лихоманки!» [Бедный, 1935, с. 31-32].

12. Игровые трансформации традиционных качеств животных (трусливая лиса, кровожадный петух и т.д.) – 3 (4,2%): Н. Альтшуллер «Лиса и Петух» – «*Лисица* повстречала Петуха. / Уйти было хотела от греха, / Да в страхе за корягу зацепилась... / И очутилась / В брюхе Петуха» [Альтшуллер, 1968, с. 48]; Н. Альтшуллер «Козёл-филантроп» – «Пусть волк обнимется с ягнёнком, / Кот с мышкою, *лиса* с цыплёнком» [Там же, с. 42] и т.д.

Среди общего числа басен, включающих зооморфный образ *лисы*, меньшая часть – 4 басни – реализует положительные характеристики, которые содержат следующие семантические компоненты:

1. Ум, прозорливость – 2 (50%): Д. Бедный «Добряк» – «Ах, кум, – *Лиса* в ответ, – / Что мёртвые?! Я думаю другое: / Слух добрый о себе ты всюду б утвердил, / Когда б мертвецов ты менее щадил, / Но... Оставлял живых в покое!» [Бедный, 1985, с. 94] и др.

2. Осторожность, предусмотрительность – 2 (50%): Н.И. Полотай «Волк-хвостун» – «Хватило у тебя ума / бумагой похваляться. / Ты к пастухам не вздумай появляться, / у них на этот счёт короткий разговор, / я знаю их повадки: / пальнут!.. Забудешь показать и договор, – / скорей покажешь пятки» [Полотай, 1977, с. 10] и т.п.

Выделим также басни, в которых не было выявлено чётких оценочных характеристик зооморфного образа *лисы*. В собранном материале обнаружено три таких контекста: И. Батрак «Осёл» – «Но революция случилась в том лесу: / Льву голову снесли, повесили *Лису*, / Ну, словом, мужички устроили облаву / На славу» [Батрак, 1926, с. 16-17] и др.

Как видно из приведённых примеров, текстовая семантика зооморфного образа *лисы* развивается в рассмотренных баснях по линиям разнонаправленной оценочности:

1) отрицательная: хитрость, хищность, подхалимство, высокомерие, злость, безнаказанность, меркантильность, трусость и др. – 71 контекст;

2) положительная: ум, осторожность – 4 контекста.

Таким образом, тексты басен писателей XX века, содержащие зооморфный образ *лисы*, наполнены разноплановыми приращёнными смыслами. Этот зооморфизм, сохраняя в целом присущие ему в русской языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические характеристики ('о хитром, лукавом, льстивом человеке'), в то же время приобретает новые характеризующие семы:

1) отрицательные – подхалимство, угодничество, услужливость, клевета, злость, бессилие, болезненность, слабость, хвастовство, высокомерие, критиканство, нечестный труд, невыполнение обязанностей, меркантильность, расчётливость, лицемерие, беззаконье, трусость, соперничество и некоторые др.;

2) положительные – прозорливость, предусмотрительность и осторожность.

Отмечено, что в некоторых текстах содержится несколько качеств одновременно: только отрицательные (хитрость и хищность; хитрость и безнаказанность; услужливость и хитрость; критиканство и угодничество др.); либо одновременно положительные и отрицательные (предусмотрительность и хитрость).

Это значит, что в сознании как отдельных авторов басен XX века, так и в русскоязычной языковой картине мира в целом образ лисы устойчиво символизирует такие отрицательные характеристики, как хитрость, плутовство, коварство. Лиса может обмануть, воспользоваться слабостью и подчинить себе других зверей, при этом сама она прислуживает более сильным зверям, таким как медведь, лев, слон. Однако и по отношению к сильным ради собственных корыстных целей лиса проявляет свой ум, хитрость, изворотливость; она может, притворившись слабой, получить расположение того, кто имеет власть.

2.6 Зооморфный образ зайца

Свидетельством тому, что зооморфный образ *зайца* значим в русской языковой картине мира, является уже тот факт, что он часто встречается в сказках, пословицах, устойчивых сравнениях и мифологии.

Рассмотрим значения лексемы «заяц» в лексикографических изданиях современного русского языка (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре современного русского языка» первое значение слова определяет биологический класс животного, а его оттенки являются

результатом метонимического переноса имени целого на его часть (синекдоха). Второе же, по-видимому, образовалось в результате метафорического переноса наименования с животного на человека на основании замеченного сходства в их поведении: безбилетный пассажир, боясь контролёра, дрожит, как заяц в минуту опасности. Такое поведение воспринимается обычно как отрицательное, хотя оценочные пометы в словаре отсутствуют, также отсутствует и указание на переносный характер значения [Ушаков, 1935, т. 1, стб. 1080].

В «Словаре русского языка» в 4-х томах первичное номинативное значение многозначного слова содержит сему 'пугливый', мотивирующую третье производное значение слова «пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-либо», которое, однако, не отмечено как переносное [Евгеньева, 1988, т. 1, с. 599, 524].

В «Большом толковом словаре русского языка» слово представлено как четырёхзначное и содержит сему 'слабый, беззащитный, трусливый зверь'. Обращает на себя внимание указание на традиционно-фольклорную семантику зоонима, несомненно влияющую на формирование у слова переносного характеризующего значения [Кузнецов, 2000, с. 359].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» зооним «заяц» представлен в четырёх семантико-грамматических вариантах. В своём первичном лексико-семантическом варианте (ЛСВ) слово является существительным мужского рода и обозначает зверька. Это прямое номинативное значение зоонима. В третьем значении реализован перенос имени с животного на человека; это метафорическое значение в речевом употреблении обычно обладает негативной оценочностью [Ефремова, 2001, т. 1, с. 546].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод, что русским языковым сознанием из всех элементов семантики исходного значения лексемы «заяц» (небольшой пугливый зверёк отряда грызунов, мех, шкура такого зверька, жаркое из этого животного и др.) при метафорическом

переносе имени животного на человека была выделена признаковая сема 'пугливый', ставшая основой негативной оценочной характеристики безбилетного пассажира.

Эта избирательность в развитии коллективным языковым сознанием семантики зооморфного образа отмечается в монографии Е.В. Дерюгиной. Автор указывает, что данный зооморфный образ является «ядром концептуальной сети, выступая в качестве сферы-источника» [Дерюгина, 2011, с. 101]. Дальнейшую периферию автор делит на следующие семы: 'безбилетный пассажир', 'маленький размер', 'мех животного', 'мясо животного' и т.д., актуализируемые при словообразовательном моделировании [Там же, с. 101].

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаются фразеологические словари, в которых представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *заяц*.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» представлено четыре устойчивых словосочетания, содержащих зооморфный образ *зайца*: *земляной заяц*, *морской заяц*, *поймать двух зайцев*, *убить двух зайцев* [Фёдоров, 2008]. Первые два сочетания, являющиеся именными и атрибутивными, так же как исходная лексема, служат наименованиями животных. Два другие фразеологизма, грамматической основой которых служит глагольное управление, производны от устойчивого речения *Одним выстрелом убить двух зайцев* и ассоциативно связаны пословицей *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*. Глагольные фразеологизмы имеют значение «одновременно достичь сразу двух целей».

В диссертации И.В. Холманских приведено 19 устойчивых сравнений, основными семами значений которых являются 'трусость' и 'быстрота': *трусливый (боязливый) как заяц*, *мечется как затравленный заяц*, *мчатся (уплётывать) как заяц*, *убегает как заяц от борзых* и т.д. Автор также указывает, что в устойчивых сравнениях «отражено ещё одно символическое

значение зоонима *заяц*, а именно – «плодовитость»: *диал. яросл. плодятся «как зайцы»*, употребляемое также «со стержневым компонентом крольчиха: «*плодовита как крольчиха*» [Холманских, 2000, с. 115]. Данные обороты, по мнению автора, содержат отрицательную оценочность, несмотря на то, что с древнейших времён плодовитость зайца (кролика) связывали с удачей и процветанием.

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается около 100 употреблений единиц с этим словом или с близкими по значению [Мокиенко, Никитина, 2008].

Представим зооморфный образ *зайца* в русских народных сравнениях из данного словаря, систематизировав их в таблице 14 по признаку оценочности: положительная, отрицательная, неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 14. Образ зайца в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (15)	Отрицательная оценочность (52)	Неопределённая оценочность (6)
белый как беляк (заяц); бегать как заяц; грызть как заяц; прыгать как заяц; скакать как заяц; хрустеть как заяц; домиков как у зайцев холмиков; метнуться зайцем; скакать как заяц; скакать по небу словно зайцы; зубрить как заяц; метнуться зайцем; подрывкать как заяц; спать как заяц; беззащитный как заяц.	боязливый как заяц; дрожать как заяц; пуглив как заяц; труслив что заяц: и тени своей боится; труслив как заяц, блудлив как кошка; дрожать как заячий хвост; трус что заяц: и тени своей боится; не стучи как заяц на барабане; ходить как заяц драный; выжить как зайца из куста; гонять как солёного зайца; домов как у зайцев ломов; домов как у зайца теремов; память как у зайца; смотреть как волк на зайца; ездить зайцем; лучше биться орлом, чем жить зайцем; бегать как зайцу, приложив уши; как зайцу до китайской философии; надоесть как зайцу барабан (стоп-сигнал); нужен как зайцу звонок; разбежаться как зайцы; утекать как зайцы; Авось что заяц: в тенетах вязнет; бегать (метаться) как солёный заяц; вести себя как заяц; визжать (пищать) как заяц; вожжать как заяц в корзине; выглядывать как заяц из норы; жить как заяц на слуху; весной заяц на слуху; как заяц; лезть как заяц в петлю;	короткий как у зайца хвост; торчать как уши молодого зайца; глаза врозь как у зайца; петлять как заяц; как заяц на горе; прыгать как заяц в капусте.

	метаться как солёный заяц; напусклив как волк, а робок (труслив) как заяц; один (одна) как заяц на острове; пакостлив как кот, а роблив что заяц; петлять как заяц; как заяц в геометрии; работать как заяц; растерянный как заяц; роблив как заяц; робок как заяц; рысить как заяц; сбрындовать как заяц; сидеть как заяц на острове; скакать как заяц о легова; снулый как земляной заяц; ходить как заяц драный (ободраный); надоесть как зайцу барабан; не стучи как заяц на барабане.	
--	--	--

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *заяц* или другими именованиями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию.

В русских пословицах образ зайца вполне реалистичен. Его наличие в текстах этого жанра устного народного творчества свидетельствует о том, что человек издавна наблюдал за поведением зайца в различных ситуациях и делал некоторые обобщения, перенося свои наблюдения на мир людей. В большинстве русских пословиц и поговорок заяц выглядит как символ трусости и проворности. Покажем пословицы в таблице 15, представленные в работе [Даниленко, 2017, с. 225], в которых заяц и люди, уподобляемые ему, оцениваются по-разному: с положительной и отрицательной стороны, а также нейтральной.

Таблица 15. Образ зайца в пословицах и поговорках

Отрицательные характеристики	Положительные характеристики	Нейтральные характеристики
Заяц самого себя боится; Пуганый заяц и пенька боится; Труслив что заяц, блудлив, что кошка; Заяц – трус, да и тот охотиться любит; И заяц умён, да задним умом; Лучше биться	Зайца ноги кормят; Заяц глупый, а следы петляет.	Русак под камнем, беляк под кустом; Прытче зайца не будешь, да и того ловят; Без собаки зайца не поймать; Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем; За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; Заяц вилял-

орлом, чем зайцем жить.		вилял – да и к лисе на зуб попал; Заяц от лисы, а лягушка от зайца бежит; Зайца на барабан не выманишь.
-------------------------	--	---

Как можно заметить, заяц и в русских пословицах чаще представлен как носитель негативных качеств (трус, который всего боится).

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что зооморфизм *заяц* относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека (см. Приложение 1) [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 78]. Утверждается также, что слово *заяц* связывается у русских с представлением о трусливости, они могут назвать зайцем или обращаться к образу зайца для характеристики «трусливого человека, испытывающего непреодолимый страх в определённой ситуации [Там же, с. 78].

В народных поверьях зайцу приписываются самые разные символические значения, в том числе демонические свойства, относящие его к миру духов и нечистой силы и т.д. Так, например, существует представление, что лесные духи имеют свой скот, в число которого входят зайцы. Считается также, что леший может проиграть зайцев в карты другому лешему [Гура, 1997, с. 186].

В славянских народных представлениях заяц может оказаться оборотнем и посредником между миром человека и миром нечистой силы, или духов. Известны былички о чёрте, появляющемся в образе зайца [Там же, с. 188]. Заяц-оборотень предстаёт, как правило, существом, враждебным человеку, в частности, это связано с запретом на употребление в пищу заячьего мяса, отмеченным у южных и восточных славян [Там же, с. 190]. Об этом факте упоминает Н.Ф Сумцов, говоря, что именно демоническое значение зайца обусловило данное поверье [Сумцов, 1891, с. 70].

Существует примета о том, что если заяц перебежит путнику дорогу, тому следует вернуться назад. Это представление о зайце как о существе

нечистом и приносящем несчастья нашло отражение во фразеологизме *заяц перебежал ему дорогу* и др. [Гура, 1997, с. 191].

В народных поверьях заяц, который появился вблизи жилья, сулит пожар. А в песне из Пермской губернии упоминается жених – косые глаза, косою (ср. признаки, характеризующие зайца) и содержится намёк на косою взгляд как на причину пожара [Там же, с. 193]. Данный факт проясняет связь зайца с огненной символикой: всё дело в магической силе «косых» глаз зайца.

В отличие от мифологического образа в сказочном зайце нет ничего мистического – ему досталась роль жертвы. Главным врагом зайца в русских сказках является лиса. В сказке «Лиса и заяц» она просит зайца пустить её в лубяную избушку, поскольку её ледяная избёнка растаяла весной. Заяц дважды отказал ей, но на третий раз всё же согласился. Наглая лиса выгнала бедного зайчишку, и ни собака, ни медведь не смогли помочь её прогнать. Одному петуху с косою удалось испугать лису и заставить её бежать из заячьей избушки.

В роли жертвы рыжей плутовки заяц выступает и в сказке «Лиса-странница». Вместе с медведем и волком лиса отправила в яму и зайца: «Заяц пошёл – и бух в яму, убилися» [Даниленко, 2017а, с. 84-85].

Сказочному зайцу приходится жить в постоянном страхе. Так, в сказке «Зайцы и лягушки» зайцы горюют о том, что могут стать добычей и птиц, и крупных хищников, и человека; они решаются пойти утопиться, но, услышав, что лягушки при виде их прыгнули в воду, понимают: есть и те, кто боится их. Однако в этом привычном сказочном образе зайца-трусихи встречаются исключения. В сказке «Заяц-хваста», например, храбрый заяц смог отвлечь собак и спасти ворону, которую они поймали. Встретив зайца, спасённая ворона похвалила его за храбрость.

Как видим, в большинстве случаев сказочный образ зайца совпадает с пословичным. В основном этот образ является носителем такой

отрицательной характеристики, как трусость; из особых характеристик, присущих зайцу, можно отметить его проворность.

Таким образом, проанализированный материал даёт основания полагать, что образ зайца является важным элементом национальной языковой картины мира, в том числе её образной, метафорической составляющей, где зооморфизм *заяц* предстаёт как популярный персонаж русского фольклора, обладающий перечисленными выше характеристиками с явным преобладанием пейоративных.

В итоговой таблице 16 сведены все значения этого зооморфного образа, выявленные при анализе указанных источников. Эти данные послужат основой при рассмотрении басенных реализаций зооморфизма *заяц*.

Таблица 16. Характеристика зооморфного образа *заяц* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Толковый словарь русского языка», 1935 [Т. 1, стб. 1080]	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1985 [Т.1, с. 599]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 359]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 546]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 78-79]
1. Млекопитающее из отряда грызунов.	+	–	–	–	–
2. Небольшой (пугливый) зверёк отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами (и коротким хвостом).	–	+	+	+	+
3. мех (шкурка) этого животного.	+	+	+	+	–
4. Жаркое из этого животного.	+	+	+	+	–
5. Безбилетный пассажир или зритель, проникший куда-нибудь без билета.	+	+	+	+	–
6. То же, что и зайчик (светлое пятно от луча, отраженного блестящей поверхностью).	–	+	–	+	–

7. В составе названий животных.	-	-	+	-	-
8. Связан у русских с представлением о трусливости.	-	-	+	-	+
9. В народных представлениях связан с мужской эротической символикой, находящей отражение в игровом и свадебном обрядах.	-	-	-	-	+
10. Постоянный (традиционный) персонаж (детского) фольклора.	-	-	+	-	+
11. Связан с нечистой силой, наделяется демоническими свойствами, а также с приметами (народными поверьями).	-	-	-	-	+
12. В сказках и авторских баснях называют Косым.	-	-	-	-	+

При изучении семантики зооморфизма *заяц* в текстах басен XX века были использованы следующие сборники сатирических произведений: С.В. Михалков [1984], Е.И. Аникеев [1976, 1982, 1988], журнал «Зритель» [1905, №9], И. Батрак [1935, 1958], В.Ф. Матвеев [1985], Н.И. Полотай [1977], Е.М. Афанасьев [1980], С.В. Смирнов [1979], Н. Альтшуллер [1960, 1968], С.Е. Ванетик [1999], Д. Бедный [1935, 1985], «Басни народов Советского Союза» [1959]. В басенном материале обнаружено 45 употреблений репрезентантов зооморфизма *заяц*, среди которых были выделены следующие тематические группы:

1. Синонимичные наименования зайца (69), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Синонимы, номинирующие зайца в басенных текстах, дифференцируют именуемый

предмет по разным основаниям: полу, возрасту, размерам, особенностям внешности и поведения; в эту группу входят также уменьшительные, уменьшительно-ласкательные и увеличительные дериваты основного имени зооморфизма: *заяц/зайцы* – 37 (53,6%), *косой* – 11 (16%), *зайчишка/зайчишко/зайчишки* – 10 (14,5%), *зайчиха* – 3 (4,3%), *зайка* – 2 (2,9%), *русак* – 2 (2,9%), *заинька/заиньки* – 2 (2,9%), *зайчонок* – 1 (1,4%), *зайчище* – 1 (1,4%).

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (22) разнообразны по форме и включают прилагательные и глаголы, обозначающие действия, свойства, качества зайца: *заячий/заячьи* – 4 (18,2%), *окосел* – 1 (4,5%).

К этой группе относятся **обозначения частей тела (соматизмы) зайца, его окраса/масти**: *уши/ушки* – 4 (18,2%), *лапы/лапки* – 2 (9%), *хвост* – 1 (4,5%), *серый* – 1 (4,5%), а также **обозначения мяса зверька и блюд из него**: *заячье рагу* – 2 (9%), *зайчатинка* – 1 (4,5%).

Особое место в этой группе занимают **именования заячьего сообщества**: *братцы* – 1 (4,5%), *полк* – 1 (4,5%), *братия зайчишья* – 1 (4,5%). Встречаются, кроме того, **наименования этого животного по выполняемой им роли, функции (социального статуса, должности зооморфизма)**: *ревизор* – 1 (4,5%), *либерал* – 1 (4,5%), *корреспондент* – 1 (4,5%).

3. Слова и словосочетания, характеризующие отличительные качества/особенности зайца (10): *глаза косит* – 1 (10%), *лопоухий* – 1 (10%), *повеса* – 1 (10%), *смотришь косо* – 1 (10%), *ловчила* – 1 (10%), *страдалец* – 1 (10%), *растяпа* – 1 (10%), *герои серые* – 1 (10%), *наглец* – 1 (10%), *заячья отвага* – 1 (10%).

Итак, в 45 текстах басен встречается 33 разноплановых репрезентанта, номинирующие зооморфный образ *зайца*, которые разделены нами на несколько тематических групп: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «заяц», слова с зооморфным компонентом, а также слова и словосочетания, характеризующие качества/особенности зооморфизма. Наиболее многочисленной является группа синонимичных наименований

зайца (*заяц, зайчишка, зайка* и т.д.), что является показателем характеристик базового зооморфизма. Далее будет показано, какие семантические особенности приобретает этот зооморфный образ в исследуемых басенных текстах.

Зооморфный образ *зайца* в разнообразных его репрезентантах реализует в баснях различные семантические особенности (см. Приложение 2). Представим в обобщенном виде отрицательные характеристики образа зайца в рассмотренных басенных текстах – 61 контекст.

1. Жертва (разные обстоятельства: гибель зайцев, браконьерство, съедение, порицание, клевета, критиканство, несправедливость, перестройка, хмельное состояние, жестокость) – 18 (29,50%): С.В. Михалков «Преступление без наказания» – «Один я уцелел... Всех наших перебили...» [Михалков, 1984, с. 85-86]; С.В. Михалков «Дым без огня» – «Прошёл по лесу слух, что будто *Заяц* – вор», «Напрасно *Заяц* наш пытался оправдаться», «И где теперь ни появишься *Зайчишка*, / Все говорят: "Ну, как дела, Воришка?"» [Там же, с. 174]; Е.И. Аникеев «Лягушка» – «Взять *Зайца*. Прыгать он мастак. / Но сам каков! *Хвост, лапы, уши* – / Всё не на месте, всё не так» [Аникеев, 1976, с. 30-31]; В.Ф. Матвеев «Последняя надежда» – «У *Зайца* грустные глаза, ему живётся скверно: / – Сегодня даже дед Мазай приятель браконьера» [Матвеев, 1985, с. 95]; Е.М. Афанасьев «Приглашенье» – «Соседа *Зайца* Волк-сосед / Приглашает на обед: / Приходи – поберегу: / Будет *заячье рагу*» [Афанасьев, 1980, с. 20]; Е.И. Аникеев «Перемена мест» – «Лиса и Волк буквально затравили *зайцев*» [Аникеев, 1988, с. 114] и др.

2. Трусость, боязливость, пугливость – 14 (23%): С.В. Михалков «Наглый заяц» – «*Зайчишка* в страхе по лесу петляя, / В нору к Лисе с разбегу вдруг попал» [Михалков, 1984, с. 136]; Н.И. Фалеев «Заяц-обличитель» – «бумага от ветра шевельнулась в кустах... / Исчезла *заячья* отвага, / Объял его понятный страх» [Фалеев, 1905, №9, с. 6]; С.В. Смирнов «Грозный Заяц» – «– Что это – стал ты заикаться?! / – Да шёл и встретил

Волка, *братцы*» [Смирнов, 1979, с. 58]; С.В. Смирнов «Заячья тень» – «Во сне и то дрожала, / *Косому* подражала» [Там же, с. 89]; Д. Бедный «Бунтующие зайцы» – «... рядышком шелохнулась трава, <...> с пригорка задал тягу. / За ним все *зайцы*, кто куда» [Бедный, 1935, с. 7-8] и проч.

3. Хвастовство, наглость, стремление к славе – 7 (11,5%):

С.В. Михалков «Заяц во хмелю» – «– Да что мне Лев! – кричит. – Да мне ль его бояться!» [Михалков, 1984, с. 25, 26]; Н.И. Фалеев «Заяц-обличитель» – «Я – *Заяц*! Я – известный *либерал*! Консерватизм претит моим принципам... / Весь век я пеной бешеной плевал», «Я – *заяц* злой!» [Фалеев, 1905, №9, с. 6]; С.В. Смирнов «Грозный Заяц» – «...встретил Волка, *братцы*. / – А тот чего? / – Да ничего, / Удрал, чтоб я не съел его» [Смирнов, 1979, с. 58]; С.Е. Ванетик «Набрался духу» – «Я смолоду ещё таким, как ты, / Забавы ради отрывал хвосты! / Укоротил бы я тебя, бандита, / Да жаль, что закусил – нет аппетита!» [Ванетик, 1999, с. 27] и т.д.

4. Глупость, доверчивость, недалёковидность, недогадливость – 6

(9,8%): С.В. Михалков «Волк-дипломат» – «*Зайчишка* получил от Волка приглашение / Пожаловать к нему с супругой на банкет», «польщённый приглашением», «придумав громкий тост, предвидя угощение, / И, преисполненный почтения, / Явился *Заяц* к Волку на приём» [Михалков, 1984, с. 109]; Е.И. Аникеев «Лиса-вегетарианка» – «Из уст в уста пошло по всей округе, / Что стала травоядной Лиса», «*Зайчишка* ликовал: – Вот повезло нам, *братцы*» [Аникеев, 1988, с. 135-137]; Е.И. Аникеев «Нужный зверь» – «Я познакомился с огромным старым Волком», «Я пригласил его: он очень нужный зверь» [Там же, с. 49-50] и т.п.

5. Ложное бесстрашие (обычно в хмельном состоянии) – 4 (6,5%):

С.В. Михалков «Заяц во хмелю» – «Я как бы сам его не съел! / Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!», «Видали мы в лесах зверей почище львов, / От них и то летели ключья!...» [Михалков, с. 1984, с. 25-26]; Е.И. Аникеев «Нужный зверь» – «...*Заяц* охмелел и осмелел, / Да так, что Волку стал шептать на ухо, / Как он в него влюблён, / Его могуществом и силой

покорён» [Аникеев, 1988, с. 49-50]; Д. Бедный «Бунтующие зайцы» – «От смелых слов у всех кружилась голова» [Бедный, 1935, с. 7-8] и т.д.

6. Подхалимство, лицемерие, тщеславие – 2 (3,3%): Н.И. Полотай «Бессловесный Заяц» – «На травке развалясь, *Косой* мечтал: «И вдруг бы я ко Льву попал! / Неважно кем – секретарём, рассыльным! – / тут главное быть рядом с сильным», «Проходит день-другой, и *Заяц* в роли новой / за Львом носился по пятам», «тактики такой держаться стал: / молчать и всё держать в секрете!», *Друзья! Охотнички!* / Да я случайно здесь. / И чином не велик: простой *зайчишко* – секретаришко» [Полотай, 1977, 21-22]; С.В. Михалков «Заяц во хмелю» – «Весь хмель из головы у *Зайца* вышел вон! / Стал от беды искать спасенья он», «Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас. / Там лишнего хватил. Но все за Вас! / За Ваших львят! За Вашу Львицу! / Ну, как тут было не напиться?!», «Спасен был *хвастунишка* наш!» [Михалков, 1984, с. 25-26].

7. Болезненность, беспомощность – 2 (3,3%): С.В. Михалков «Заяц и черепаха» – «Свалила *Зайца* лихорадка. / Болеть, известно, как не сладко» [Михалков, 1984, с. 44-45]; С.В. Смирнов «Знакомая процедура» – «У *зайца* – фурункул», «*Косой* кое-как дохромал до Медведя. / Медведь адресует страдальца Кукушке, / Кукушка – Лягушке / И Мышке-норушке», «Гони *Зайца* дальше!» [Смирнов, 1979, с. 93].

8. Низкий социальный статус – 2 (3,3%): Е.И. Аникеев «Медведь и Крот» – «Всё не мог найти достойных кандидатов: <...> Отверг Медведь и *Зайца*» [Аникеев, 1988, с. 57-58]; Н.И. Полотай «Медовый случай» – «не *Заяц* просит, – сам Медведь» [Полотай, 1977, с. 35].

9. Зависть (от неумения добывать пищу честным путём) – 1 (1,6%): И. Батрак «Заяц и хомяк» – «Голодом терзаясь, / Искал на поле корму *заяц*», «Голодный *заяц* облизнулся: – / Я целый день гуляю натошак, / А ты уж с хлебом извернулся», «С тобой мы оба вне колхоза... / Но где достал ты эту рожь?», «Там урожай отрапортован, / Да хлеб не заскирдован, / И сам в открытый лезет рот...» [Батрак, 1935, с. 57-58].

10. Вредительство, неисполнение приказа – 1 (1,6%): Е.И. Аникеев «В зимней спячке» – «...тысячи деревьев умирают / Из-за того, что *зайцы* с них кору сдирают», «*зайцы* по лесу бродили той порой, / Питаясь безнаказанно корой», «Один из них наткнувшись на берёзу, / Где на сучке приказ висел, / Прочёл его и, плюнув на угрозу, / Спокойно съел» [Аникеев, 1988, с. 4-5].

11. Сердитость, злобность – 1 (1,6%): С.В. Михалков «Заяц и черепаха» – «Вот чёртов гребешок! Вот костяная дочь!», «Ну, наконец, пришла, – вздохнул больной. – Явилась!» [Михалков, 1984, с. 44-45].

12. Предательство – 1 (1,6%): Н.И. Полотай «Бессловесный Заяц» – «попались оба в сети», «За Льва я не в ответе. / Всё это – он! Всё – он! / Я сам тому свидетель. / И нынче не могу молчать!» [Полотай, 1977, с. 21-22].

13. Притворство – 1 (1,6%): С.В. Смирнов «Заяц-войка» – «Был за трусость осуждён, / Отсидел, вернулся он. / И трубит до неприличности. / Что он – жертва культа личности» [Смирнов, 1979, с. 88].

14. Неблагодарность – 1 (1,6%): С.В. Михалков «Заяц и черепаха» – «Попутал бес просить тебя помочь! / Куда же ты запропастилась? / Глоток воды, поди, уж сутки жду...» [Михалков, 1984, с. 44-45].

Среди общего числа басен с зооморфным образом *заяц* меньшая часть – 3 – реализует положительные характеристики, которые отличаются следующими приращёнными смыслами:

1. Храбрость, сноровка, смекалка, ум, сообразительность – 2 (67%): С.Е. Ванетик, «Набрался духу» – «Решил наш Заяц: "Хоть умру красиво"», «Набрался духу и сказал: – Сопляк! / *Зайчатинки* тебе? Как бы не так!» [Ванетик, 1999, с. 27]; Е.И. Аникеев «Наводнение» – «Что делать? Погибнут все звери в округе... / А если канаву прорыть до реки? – Подумал вдруг *Заяц*», «Дадим мы сраженье смертельным волнам» [Аникеев, 1988, с. 110-111].

2. Доброта, миролюбие – 1 (33%): С.В. Михалков «Слон, Заяц и Осёл» – «Мост должен лёгким быть! Всё, что легко, – прекрасно!» [Михалков, 1984, с. 84-85].

Как видно из приведённых примеров, текстовая семантика зооморфного образа *заяц* развивается по линиям разнонаправленной оценочности:

1) отрицательной оценочностью подчёркивается трусость, хвастовство, подхалимство, сердитость, глупость, зависть, вредительство, предательство и др. – 61 контекст;

2) положительная оценочность соответствует семантике доброты, храбрости, смекалки, сообразительности – 3 контекста.

Тексты басен писателей XX века, содержащие зооморфный образ *зайца*, наполнены разноплановыми приращёнными смыслами. Этот зооморфизм, сохраняя в целом присущие ему в русской языковой картине мира некоторые негативно-оценочные метафорические характеристики человека, отражённые в словарях, например трусость, в то же время приобретает новые характеристики:

1) отрицательные – хвастовство, наглость, ложное бесстрашие, подхалимство, лицемерие, тщеславие, глупость, доверчивость, недальновидность, недогадливость, болезненность, беспомощность, зависть, вредительство, сердитость, злобность, притворство, предательство, неблагодарность;

2) положительные – доброта, миролюбие, смекалка, ум, сообразительность.

Отмечено, что некоторые тексты содержат несколько качеств одновременно: либо только отрицательные – трусость и хвастовство; хвастовство, подхалимство и ложное бесстрашие; болезненность, неблагодарность и сердитость; глупость и трусость; подхалимство и предательство и т.д.; либо одновременно положительные и отрицательные: сообразительность и трусость; храбрость и хвастовство и др.

Таким образом, в сознании как отдельных авторов художественных сатирических текстов, так и в коллективном языковом сознании образ *зайца* символизирует, прежде всего, трусость и слабость, чаще всего заяц выступает в роли жертвы; положительные же характеристики подчёркивают в этом образе то, что такое маленькое животное, как заяц, способно иногда проявлять храбрость и смекалку, доброту и миролюбие.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Басня как исконный жанр литературного сатирического дискурса в XX веке сохраняет свойственную ей острую социальную направленность и нацеленность на осмеяние общественных недостатков и пороков личности.

Зооморфизмы, будучи ярким изобразительным средством, образованным с помощью метафорического переноса названий животных – зоонимов – на человека на основании реального или приписываемого ему свойства, активно используются баснописцами исследуемого периода, хотя и с разной степенью частотности.

Поскольку основой мировидения народа является национальный язык, то свидетельством вхождения зооморфизмов в языковую картину мира служат, прежде всего, переносные характеризующие значения зоонимов в составе русского литературного словаря. Каждая из словарных зоонимических метафор дополняется контекстуальными смыслами значимых фольклорных и литературных произведений, а также других прецедентных текстов, становясь единым подвижным семантическим образованием – зооморфным образом, известным в той или иной степени всем носителям русского языка и культуры.

Семантический аспект функционирования зооморфных образов в текстах басен XX века предполагает анализ их семантической структуры и выявление новых приращённых смыслов, которые реализуются писателями. Анализ материала показал значительный актуальный пласт зооморфизмов, употребляемых в сатирическом и юмористическом дискурсах, а также

позволил выявить определённые закономерности в формировании их текстовой семантики и развитии коннотативного потенциала.

Проведённый лексикографический анализ основных лексем (собака, волк, медведь, лиса, заяц), формирующих зооморфные образы в русском языке, позволил определить оценочные стереотипы зоонимов, выявить связанные с ними положительные или отрицательные признаки характеристики человека и выражаемые при этом коннотации, что в дальнейшем, при текстовом анализе басен, помогло рассмотреть специфику их семантической нюансировки в смеховом дискурсе и, в целом, в русской языковой картине мира. При её изучении мы опирались также на мифологию, фольклорные произведения (сказки, пословицы, поговорки), русские народные сравнения и фразеологизмы.

Тексты басен XX века обладают большим количеством как традиционных, так и авторских зооморфизмов, текстовая семантика которых, проявляющаяся в описании, поступках и речи персонажей-животных, является не собственно индивидуально-авторской, а отражающей часть русскоязычной образной картины мира. Так, Д. Бедный, используя традиционную семантику зооморфизмов, свойственную фольклорным сказкам, пословицам, поговоркам, в то же время обогащает сюжеты текстов новыми реалиями, актуальными для своего времени: *медведь* – правитель лесной округи, сатрап («Азбука»), *змея* – классовый враг («Ёж») и др. С.В. Михалков, считавшийся официально признанным баснописцем, в проблематику своих басен вводит порицание круга общественных пороков, типичных для середины XX столетия и подвергает осмеянию бюрократизм, подхалимаж, пустозвонство, приспособленчество, а кроме них – личные негативные качества, искореняемые в советском человеке: трусость, жадность, хитрость и т.д. Образы животных в его произведениях встречаются регулярно и семантическое их наполнение более разнообразно.

В ходе исследования квантитативным методом были определены пять наиболее частотных зооморфных образов, функционирующих в русских

баснях XX века: *собака* (84), *волк* (79), *медведь* (58), *лиса* (57), *заяц* (45). В процессе детального изучения содержательного наполнения этих образов установлено, что в рассмотренных басенных текстах исследуемого периода самым многоплановым и семантически разнообразным является зооморфный образ *собаки*, символизирующий не только отрицательные, но и положительные черты личности и особенности поведения человека.

Образы животных в баснях чаще содержат отрицательную коннотацию (359 контекстов – 85%), реже – положительную (43 контекста – 10%), в остальных случаях – неопределённую оценку (20 контекстов – 5%). И это также связано с традиционными воззрениями людей на мир: называя негативно оцениваемого человека именем того или иного животного, люди переносят на него собственные порицаемые качества, проецируя таким образом качества человека на анималистический мир. Например, образ *медведя*, который часто встречается в русских баснях, ассоциируется с начальником леса, однако не очень умным, *волк* – кровожадный хищник, способный нападать на более слабых животных, *лиса* обладает плутовством и хитростью, ради собственной выгоды она может обмануть любого зверя, *заяц* – трусливый, подвергающийся нападению со стороны более сильных животных, таких как лиса, волк и др., *лев* символизирует власть имущих особ над прочим мелким людом и т.д.

Басенные тексты, содержащие в себе истину, «скрытую в образах и мотивах», имеют особую задачу – на примере животных раскрыть характеры, присущие людям. И не просто раскрыть, но разоблачить и высмеять пороки и похвалить достоинства. Басенные зооморфизмы, благодаря своей лингвистической специфике (метафорической двуплановости, семантической ёмкости, эмоционально-экспрессивной окраске, национально-культурному колориту), дают богатый материал для изучения того содержания, которым они дополняют языковую картину мира и, вместе с тем, которое в ней отражают.

Представленные образы воплощаются в большом числе репрезентантов, которые разделены на несколько групп: наименования, синонимичные зооморфизму / частные названия; слова с зооморфным семантическим компонентом, среди которых наименования частей тела животного (соматизмы), его окраса/масти, названия жилища, обозначения животного по выполняемой им роли, функции по социальному статусу, должности зооморфизма; слова и словосочетания, характеризующие нрав и отличительные качества животного. Помимо однословных обозначений зооморфных образов в число их репрезентантов входят также устойчивые словосочетания, сравнительные обороты и т.д. Для некоторых зооморфных образов выделена группа, содержащая имена собственные (клички животных), несколько зооморфизмов имели отсылку к прецедентным именам или текстам и только одна группа – породы – свойственна зооморфному образу *собака*.

Проанализированные зооморфные образы в целом сохраняют присущие им в языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические значения; они также совпадают с традиционными фольклорными образами, однако в то же время обогащаются новыми смысловыми характеристиками, дополняющими каждый зооморфизм. Наибольшее число различных отрицательных характеристик обнаружено при семантическом анализе зооморфного образа *медведя*, а положительных – в образе *собаки*. Выявлены наиболее частотные характеристики басенных зооморфных образов: отрицательные – *злость, подхалимство, глупость, хитрость, высокомерие, болезненность, трусость*; положительные – *мудрость, доброта*.

В текстах басен зооморфные образы часто получают комплексные характеристики, соответствующие тому или иному персонажу, например, медведь – хороший начальник (*разумность, справедливость, доброта*); медведь – плохой начальник (*властолюбие, строгость, кровожадность, глупость, недальновидность* и т.д.).

Как правило, в зооморфных образах басен сочетаются традиционные характеристики: *волк* – кровожадный, *лиса* – хитрая, *заяц* – трусливый. Особенный интерес представляют в басенных текстах игровые трансформации традиционных качеств зооморфизмов: *трусливая лиса* и т.д.

Анализ исследуемого материала позволяет сделать вывод, что русские басни XX века, а именно зооморфные образы в них, имеют богатое и разнообразное семантическое наполнение, авторы текстов дополняют образы новыми индивидуально-авторскими смыслами, что находит отражение в языковой картине мира, а именно в её смеховой составляющей.

ГЛАВА 3. ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В РУССКОЙ ЭПИГРАММЕ XX ВЕКА

Третья глава посвящена анализу зооморфных образов в эпиграммах XX века. В ней рассматриваются семантические и прагматические особенности зооморфизмов в текстах исследуемого периода.

По нашим наблюдениям, в текстах русской эпиграммы XX века, в отличие от басни, зооморфизмы значительно менее частотны, а зооморфные образы в них менее цельны, объёмны, «полнокровны», они нередко используются как карикатурное изобразительное средство для придания объекту шаржирования сходства с тем или иным животным. При этом признак сходства может быть в известной степени случайным, внешним, например, имя человека, заметная черта его внешности, особенность поведения и т.д.

3.1 Зооморфизмы, актуальные для русской эпиграммы XX века: репрезентанты и особенности функционирования

Русская эпиграмма XX века продолжает традиции русской классической эпиграммы, сформировавшейся в пушкинскую эпоху. Тексты эпиграмм рассматриваемого периода отличаются актуальностью, злободневностью и остротой, они направлены в адрес критиков, известных и малоизвестных писателей, деятелей искусства, кино и других творческих профессий. Реже встречаются эпиграммы, написанные на конкретных государственных деятелей, что, видимо, связано с цензурой того времени.

Количественный анализ собранного материала подтверждает предположение о меньшей активности зооморфизмов в текстах эпиграммы XX века по сравнению с басенными текстами. В рассмотренных сборниках (см. Список используемых источников) нами было найдено 330 текстов эпиграмм писателей XX века, в которых используются зооморфные компоненты (по сравнению с баснями, где выявлено 680 текстов с зооморфными образами). Всего в картотеке исследования насчитывается 126

наименований различных животных, встретившихся в эпиграммах, тогда как в баснях – 214. Отмечено 340 случаев текстовых употреблений зооморфной лексики в эпиграммах исследуемого периода.

Представим зооморфизмы, найденные в текстах эпиграмм, в таблице 17 (с. 172), которая по тематическому принципу разделена на 7 групп, соответствующих систематизации животных: млекопитающие – 57 наименований, птицы – 28, рыбы – 7, насекомые – 16, пресмыкающиеся – 6, земноводные – 1, прочие – 11. Общее число млекопитающих составляет 186, птиц – 53, рыб – 12, насекомых – 52, пресмыкающихся – 20, земноводных – 1, прочих – 16.

Среди наименований млекопитающих зафиксированы следующие виды домашних животных: *собака, свинья, кот, корова, овца, баран, лошадь, осёл, козёл* и некоторые др.; к диким животным относятся: *волк, заяц, слон, лиса, обезьяна* и т.д. Из названий домашней птицы в эпиграммах встречаются слова: *курица, гусь, цыплята, петух, попугай, утка, утёнок*. Из группы наименований рыб наиболее употребительным в эпиграммах оказалось родовое обозначение *рыба*, тогда как имена видов использовались по одному разу: *акула, пескарь, салака, селёдка, кижуч, щука*.

Отметим группу наименований разнообразных насекомых, в которую вошли *муха, муравей, комар, пчела, стрекоза, бабочка* и т.д. Любопытна эпиграмма, в которой средствами языковой игры показана профессиональная деятельность адресата как процесс биологического метаморфоза: «*Бабочка из куколки выходила чинно. // Только раз из куколки выпорхнул мужчина*» (А. Раскин на С. Образцова).

Из числа земноводных встретилось только слово *лягушка* лишь в одном тексте.

В группу «прочих» включены наименования мифических, сказочных, фольклорных и других придуманных животных: *Пегас, Винни-пух, Чебурашка* и т.д. Авторы эпиграмм, используя эти слова, прибегают к приёму аллюзии, то есть отсылки читателя к прецедентному тексту.

Таблица 17. Зооморфизмы, функционирующие в русской эпиграмме XX века

Млекопитающие (57)	Птицы (28)	Рыбы (7)	Насекомые(16)	Пресмыкающиеся (6)	Земноводные (1)	Прочие (11)
Собака (26), Конь/Лошадь (21), Лев (13), Волк (11), Осёл (10), Заяц (6), Мышь (6), Свинья (6), Слон (6), Кошка (5), Лошадь (5), Лиса (4), Обезьяна (4), Овца (4), Бобр (3), Корова (3), Кот (3), Медведь (3), Серна (3), Баран (2), Бык (2), Верблюд (2), Вол (2), Ишак (2), Муравьед (2), Бегемот (1), Бизон (1), Боров (1), Волчица (1), Гиена (1), Горноста́й (1), Жираф (1), Кит (1), Кобыла (1), Козёл (1), Конёк (1), Кролик (1), Крольчиха (1), Крыса (1), Леопард (1), Лось (1), Мартышка (1), Мерин (1), Морж (1), Морской котик (1), Мул (1), Олень (1), Ослица (1), Скотина (1), Слониха (1), Соболь (1), Телёнок (1), Тигр (1), Тюлень (1), Хорёк (1), Шимпанзе (1), Ягненок (1)	Птица (10), Курица (7), Ворона (4), Соловей (3), Голубь (2), Гусь (2), Сова (2), Страус (2), Цыплята (2), Буревестник (1), Воробей (1), Голубка (1), Голубок (1), Дичь (1), Дрозд (1), Жаворонок (1), Зяблик (1), Коршун (1), Ласточка (1), Лебедь (1), Павлин (1), Петух (1), Попугай (1), Рябчик (1), Синица (1), Утка (1), Утёнок (1), Цапля (1)	Рыба (6), Акула (1), Пескарь (1), Салака (1), Селедка (1), Кижуч (1), Щука (1)	Муха (9), Муравей (8), Блоха (7), Клоп (7), Вошь (4), Комар (3), Пчела (3), Мошка (2), Стрекоза (2), Бабочка (1), Букашка (1), Жук (1), Мотылек (1), Мушка (1), Таракан (1), Тля (1)	Змея (11), Крокодил (3), Удав (2), Черепаха (2), Гадюка (1), Уж (1)	Лягушка (1)	Аме́ба (2), Паук (2), Чебурашка (2), Пегас (2), Червь (2), Кентавр (1), Медуза (1), Химера (1), Винни-Пух (1), Жар-птица (1), Чижик-пыжик (1)
Всего в текстах эпиграмм						
186	53	12	52	20	1	16

Как видно из приведённой таблицы, наименования высокоорганизованных животных в текстах эпиграмм используются чаще, видимо потому, что в национальной языковой картине мира их образы уже наделены определенными характеристиками и больше подходят для литературной карикатуры, какой является эпиграмма.

Общее число проанализированных текстов эпиграмм составило 82, контекстов – 86. Среди наиболее частотных зооморфизмов оказались следующие: *собака* – 26 текстов эпиграмм, *конь/лошадь* – 21, *лев* – 13, *волк* – 11, *змея* – 11. В последующих параграфах описывается контекстная семантика и прагматика данных зооморфных образов, их семантический анализ проводится на основе лексикографических источников, которые отражают общезыковую семантику имени животного, как в прямом номинативном значении, так и в переносном (метафорическом), характеризующем человека. Далее реконструируемый собирательный зооморфный образ дополняется семантикой включающих его фразеологизмов, устойчивых сравнений, русских народных сказок, пословиц и поговорок. Завершающим этапом реконструкции зооморфного образа становится наделение его чертами, карикатурно отмеченными в текстах рассмотренных эпиграмм.

В русских эпиграммах XX века применяются следующие механизмы прорисовки зооморфного образа:

1. Наличие в тексте слов с зооморфным компонентом, которые помогают понять, о каких животных идёт речь: *шипеть* – змея; *лаять*, *скулить* – собака, *клевать*, *щебетать* – птица и т.д. Эти зооморфные глаголы обозначают звуки, которые издаются не названным в тексте животным и приписываются адресату эпиграммы. Таким способом создаётся намёк на образное сравнение, поскольку глаголы «речи» животных представляют не только собственно действие, но и «сопутствующие ему обстоятельства, способ, цель, интенсивность и т.д.» [Брагарник-Станкевич, 2016, с. 41]. Активность подобных глаголов можно объяснить тем, что авторы текстов

используют их как экономное и яркое средство изображения деятельности адресата при помощи скрытого сравнения или намёка.

Зооморфный семантический компонент может привноситься в текст эпиграммы не только глаголами, но и словами других частей речи, называющими части тела животного (*рог, хвост, лапа, копыто*), его волосяной покров, окрас (*каурый, гривна*); места обитания животных (*конюшня, псарня*); отличительные качества/особенности животного (*густопсов, чистопороден*) и др.

2. Среди фонетических приёмов представления зооморфного образа отмечена звукопись, в частности, аллитерация – повторение согласных звуков: «Из букашек и лягушек, // *Мишек, мышек, мошек, мушек*» (В. Иванов на В. Бианки), которая граничит с паронимией – обыгрыванием частичного сходства звукового облика слов. Ещё пример такого обыгрывания: «Милый пёсик в пейсиках» (С. Давыдов «Собаке прозаика от собаки Давыдова»). По мнению В.З. Санникова, этот аспект тоже можно отнести к фонетике, так как в паронимии «чётко проявляется противопоставление гласных фонем согласным» [Санников, 2002, с. 53].

3. В эпиграммах с зооморфными образами встречаются также словообразовательные приёмы, такие, как *аббревиация* (ОБЭРИУтёнок, ЛЕФ, ЖиРАПП): «Явный ОБЭРИУтёнок, // Но далеко не гадкий» (Б. Брайнин на И. Иртеньева); «Он рыкает как лев, а всё выходит *ЛЕФ*» (В. Суслов на Н. Асеева); «Растёт, романтику развевая, // *Жиранп* из Удэге – Фадеев» (А. Архангельский на А. Фадеева). Выразительность этого приёма объясняется ещё и тем, что подобного рода аббревиатуры были очень распространены в первые годы советской власти.

4. К лексическим приёмам выражения авторского отношения к объекту шаржирования относятся синонимическое варьирование наименования животного. Например, применительно к собаке употребляются слова: *пёс, псина, шавка*: «Милый пёсик в пейсиках» (С. Давыдов «Собаке прозаика от собаки Давыдова»); «тявкнет *шавкою* в сатире» (М. Дудин на

М. Кежуна); «по всем статьям подходит к *пси́нам*» (Е. Воеводину), а применительно к лошади – *ко́нь, лоша́дь, мерин*: «Ваш *ко́нь* стремится в облака» (С. Маршак на А. Толстого); «Играет *лоша́дь*. Пожинает лавры» (А. Иванов на Е. Лебедева); «Какие *мери́ны* // Пасут теперь народ!» (В. Соловьёв).

5. В отдельную группу приёмов использования зооморфных образов можно выделить устойчивые словосочетания с зооморфизмами: *делать из мухи слона, вилять хвостом, троянский конь, морской волк*: «Что тридцать лет *из этой мухи* // Чуковский *делает слона*» (М. Пустынин на К. Чуковского); «Зачем мальчишка-показушник, // Опять *виляешь ты хвостом*» (В. Гафт на Е. Евтушенко); «*Троянский конь* // Российской демократии» (А. Мурай на Б. Ельцина); «*Старые морские волки* // Умеют выйти сухими из воды» (А. Архангельский на А. Новикова-Прибоя).

6. Частотной формой создания экспрессивности эпиграмм являются разнообразные формы *языковой игры* с использованием личного имени адресата. Эта игра может строиться на основе омофонии имени собственного и зоонима: «В прокуратуре осмелев, / Теперь в литературе *лев*» (М. Светлов на Л. Шейнина); «В пушнине значит многое и *соболь*, // В поэзии ж не всякий *Соболь* – лев» (Г. Соловьёв на М. Соболева).

В результате звукового сближения возможно рождение индивидуально-авторских паронимов и окказионализмов: «*Тля* бумагу *тлит*. // *Фля* бумагу – *флит*...» (А. Флиту); «На днях повстречал я *Чулаки*, <...> Как встретить кишечник *салаки*» (О. Тарутин на М. Чулаки); «Прослушал *Хряк* утиный "*кряк*" // И сытым басом с ходу *бряк*» (С. Смирнов).

Ярким прагматическим средством является каламбурное (по созвучию) обыгрывание фамилии объекта эпиграммы: «Наловили руки *Ватагина* – стаи птиц и зверей *ватаги нам*» (А. Раскин на В. Ватагина), «*макаки* <...> самец *Бетаки*» (В. Бетаки). Возможно также пародирование имени и отчества человека посредством клички животного – *Подлай Подлаич / Облай Облаич*: «На псарне стал *Облай Облаич!*» (А. Куприн на А. Толстого).

7. Созданию прагматической многоплановости образа способствует использование кличек животного, отсылающих к прецедентному тексту – *Бим*, *Муму*, *Баскервилей*: «Ему свою печаль поведал *Бим*» (В. Суслов на Г. Троепольского); «Она по уму – совсем как *Муму*» (С. Давыдов «Критикессе N»); «Конан-Дойль на этом деле // Съел собаку (*Баскервилей*)» (В. Вишневский «Создателям детективов»).

Таким образом, анализ собранного материала позволяет сделать вывод, что в лаконичных текстах эпиграммы, нацеленной на создание словесного шаржа в адрес известного человека, зооморфные единицы не создают полноценных метафорических образов, характеризующих изображаемую личность с позиции общественной морали. Они призваны подчеркнуть, выделить какую-либо одну яркую черту объекта изображения, связанную с его именем, внешностью, характером, поступками, общественной или профессиональной деятельностью. Эта подмеченная черта вербально обыгрывается автором текста с прагматической установкой пошутить, создать юмористическое произведение, которое, однако, может отличаться разной степенью оценочности, как положительной, так и отрицательной.

3.2 Зооморфный образ собаки

Зооморфный образ *собаки*, являющийся важным элементом национальной языковой картины мира, нашёл отражение не только в русских баснях XX века, но и в эпиграммах названного периода. Этот образ представлен наибольшим числом авторских употреблений, что повлияло на развитие семантических особенностей этого собирательного образа. Характеристики зооморфизма *собака* в общенациональной картине мира были подробно представлены в параграфе 2.2.

Эпиграммы, включающие зооморфный образ *собаки*, в количестве 26 текстов были обнаружены в следующих сборниках: В.Н. Суслов [1986], А.Г. Архангельский [1988], В.И. Гафт [2008; 2020], «Русская эпиграмма» [2000], «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» [2002], «Антология Сатиры

и Юмора XX века» [2005], «"Крокодил" всех времён и народов» [2007], журнал «Весёлый листок» [1947, №1(4)], журнал «Крокодил» [1986, №18].

Всего в этих сборниках было найдено 42 случая текстовых реализаций зооморфного образа посредством различных репрезентантов: *собака* (8), *собаки* (3), *пёс* (4), *съел собаку* (2), *бульдог* (2), *собачка* (1), *Бим* (1), *Муму* (1), *Баскервилей* (1), *вилять хвостом* (1), *псы* (1), *фокстерьер* (1), *охотничья порода* (1), *штиц* (1), *пудель* (1), *пёсик* (1), *псина* (1), *шавка* (1), *псарня* (1), *Облай Облаич* (1), *густопсов* (1), *чистопороден* (1), *лай* (1), *лаять* (1), *облаявшая* (1), *не обнюхавшись* (1), *долаялась* (1), *по-собачьи* (1).

Перечисленные репрезентанты представляют зооморфизм как прямо, так и опосредованно, обозначая не само животное, а что-либо имеющее к нему отношение (признак, объект, действие). Выделим основные группы репрезентантов зооморфного образа *собака*, функционирующие в текстах эпиграмм. Процентное соотношение высчитывается от общего числа единиц каждой группы.

1. Синонимичные наименования собаки (20), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Синонимы основного номинанта образа собаки в эпиграммах дифференцируют именуемый объект по разным основаниям: количеству, размеру, полу, особенностям поведения: *собака/собаки* – 11 (55%), *пёс/псы* – 5 (25%), *пёсик* – 1 (5%), *шавка* – 1 (5%), *псина* – 1 (5%), *собачка* – 1 (5%).

Синонимические ряды в эпиграммах, так же как и в баснях, служат для представления разных признаков репрезентанта. Так, зооморфизм *собака* в эпиграммах разных авторов показан как *служивый пёс, выполняющий свой долг* – «*собака* только выполняет долг» (Ф.Д. Кривин «Дистрофики»); *безостановочно лающая собака* – «*всё лаете, да на других*», «*облаявшая тех двоих*» (В.И. Гафт «Из писем»); *собака, способная укусить* – «*прежде, чем лапу // Бульдогу пожать...*» (Ю.Н. Кушак «Друзьям о друзьях»); *домашнее животное* – «*У попа была собака*» (С.А. Швецов на Б.Л. Пастернака).

2. Наименования породы собак или указание на породу (6):

бульдог – 2 (33,3%), *пудель* – 1 (16,6%), *фокстерьер* – 1 (16,6%), *шпиц* – 1 (16,6%), *охотничьей породы* – 1 (16,6%).

В отличие от использования наименований пород в басенных текстах авторы эпиграмм лишь указывают на породу, не наделяя её особым характером, а отмечая лишь отдельные черты, например, в эпigramме Н.Н. Вентцеля «Педагог» *Бульдог* показан как злобная собака, которая может укусить: «Не так был зол он, как *бульдог*» (Н.Н. Вентцель).

Образ *Пуделя* в эпigramме С.В. Смирнова «Пудель» содержит такие качества, как *высокомерие*, *тщеславие* и *глупость* – «Ты *Пудель*, // А стрижёшься подо Льва».

В эпigramме В.И. Гафта «Трое в лодке» *фокстерьер* отличается *умом* и *сообразительностью* – «зря *собачку* не считали», «рядом умный *фокстерьер*», «лишь *фокстерьеру* по зубам». Этот текст автор адресовал трём актёрам А.А. Миронову, М.М. Державину и А.А. Ширвиндту, которые снимались в фильме «Трое в лодке, не считая собаки». Возможно, В.И. Гафт хотел подчеркнуть значимость собаки не только в названии произведения, но и её роль в сюжете фильма.

Ещё в одной своей эпigramме В.И. Гафт использует наименование породы – *шпиц*. Он иронически обыгрывает роль И.С. Саввиной в фильме «Дама с собачкой», сравнивая её с маленькой собакой названной породы: «В Крыму гуляли две *собаки*: // Поменьше – *шпиц*, побольше – Ия».

А.Г. Архангельский, адресуя эпigramму М.М. Пришвину, воспевавшему в своих произведениях красоту русской природы, указывает на опыт и мудрость известного писателя – «несмотря на бороду и годы», но при этом подчёркивает чистоту его души и детскую наивность – «чистейшее дитя... *охотничьей породы*». И это понятно, ведь в числе множества животных, с любовью описанных анималистом, собаки изображались с особой симпатией.

3. Имена собственные (клички животного), отсылающие к прецедентному тексту (5): *Бим* – 1 (20%), *Муму* – 1 (20%), *Баскервилей* – 1

(20%); пародирующие имя-отчество человека: *Облай Облаич* – 1 (20%) либо докучную сказку «У попа была собака» – 1 (20%).

Имена собственные, такие, как *Бим* и *Муму*, отсылают читателя к прецедентным текстам. В эпиграмме В.Н. Сулова на Г.Н. Троепольского автор использует зооморфный образ *собаки*, чтобы оценить творческие способности писателя, ссылаясь при этом на самую популярную повесть «Белый Бим Чёрное ухо», которая помогла Г.Н. Троепольскому получить известность в широком кругу читателей.

В эпиграмме С.Д. Давыдова «Критикессе N» *Муму* приобретает качества *навязчивого* и *неумного* критика женского пола: «Она по уму – совсем как *Муму*, // Которая все же *долялась!*».

В. Вишневский в своей эпиграмме-обращении «Создателям детективов», используя образ собаки *Баскервилей*, критикует писателей и сравнивает их творчество с мастерством знаменитого Артура Конан Дойля, прославившегося благодаря своим детективам, одним из которых является «Собака Баскервилей»: «Конан-Дойль на этом деле // Съел собаку (*Баскервилей*)». В лаконичном тексте эпиграммы юмористически обыгрывается фразеологизм «собаку съесть (на чем-либо)», характеризующий человека умелого, искусного в каком-либо деле.

В эпиграмме А.И. Куприна на А.Н. Толстого обыгрывается имя и отчество адресата в сравнении с его великими однофамильцами Алексеем Константиновичем и Львом Николаевичем Толстыми. Автор, присваивая объекту эпиграммы уничижительное имя собаки *Подлай Подлаич*, выражает своё презрение адресату и резкое несогласие с возвращением А.Н. Толстого в послереволюционную Россию: «Он граф, но, честь и стыд презрев, // На псарне стал *Подлай Подлаич*». Стоит отметить, что эпиграмма, впервые опубликованная в 1928 году, была включена в два сборника, напечатанных в начале XXI века. Здесь текст эпиграммы в последних строках имеет несколько изменённый вид: «Он, стыд и честь свою презрев, // На псарне стал *Облай Облаич!*». Представляется, что текстовый вариант с личным

именем *Подлай Подлаич* имеет дополнительную экспрессивность, поскольку корень имени омофоничен слову *подлый*.

С.А. Швецов в эпиграмме на Б.Н. Пастернака использует известные слова докучной сказки и интерпретирует её, развивая новую сюжетную линию: «У попа была *собака*, // Обожала Пастернака...».

4. Слова с зооморфным семантическим компонентом (14) разнообразны по форме и включают существительные, глаголы, наречия и деепричастия, обозначающие действия, свойства, качества собаки: *лай* – 1 (7,1%), *лаять* – 1 (7,1%), *облаявшая* – 1 (7,1%), *долаялась* – 1 (7,1%), *не обнюхавшись* – 1 (7,1%), *по-собачьи* – 1 (7,1%). Все эти грамматические формы воспринимаются в текстах эпиграмм как штрихи, намеки на зооморфный образ собаки даже в тех случаях, когда в силу краткости данной текстовой формы этот образ не получает дальнейшего развития.

К этой же группе репрезентантов зооморфизма можно отнести **наименования части тела собаки**: *лапа* – 1 (7,1%), **слова, характеризующие её отличительные качества/особенности**: *густопсов* – 1 (7,1%), *чистопороден* – 1 (7,1%), а также слова, называющее **место обитания собак**: *псарня* – 1 (7,1%).

Употребляя краткие прилагательные *густопсов* и *чистопороден*, автор эпиграммы прибегает к скрытому образному сравнению, приписывая объекту эпиграммы характерные признаки породистой собаки, в конце текста автор усиливает отрицательный зооморфный образ уничижительным словом *псина*: «Он *густопсов*, *чистопороден*, – // По всем статьям подходит к *псинам*».

В упомянутой ранее эпиграмме А.И. Куприна на А.Н. Толстого автор использует слово «псарня», саркастически указывая на принадлежность адресата к семейству псовых: «на *псарне* стал *Подлай Подлаич*».

Особое место в этой группе занимают **устойчивые словосочетания и сравнительный оборот**: *съел собаку* – 2 (14,2%), *вилять хвостом* – 1 (7,1%), *как бульдог* – 1 (7,1%).

В некоторых эпиграммах писатели использовали фразеологические

обороты, которые связаны с образом собаки. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» приводятся следующие объяснения этих фразеологизмов: *Вилять хвостом. Прост. Пренебр.* 1. Прибегая к хитростям, уловкам, увиливать, уклоняться от чего-либо» [Фёдоров, 2008, с. 77]; *Собаку съел – на чём, в чём. Разг. Экспрес.* Имеет большой опыт; приобрёл навык, знания в чём-либо [Там же, с. 674]. В эпиграмме Н.Н. Вентцеля «Педагог» задействован несколько искаженный сравнительный оборот *как бульдог*. В «Большом словаре русских народных сравнений» представлено следующее значение сравнительного оборота *злой как собака: Неодобр.* Об очень злом, жестоком (в обращении с кем-либо) человеке [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 630].

Было замечено, что в представлении зооморфного образа *собаки* некоторые репрезентанты совпадают в текстах басен и в эпиграмм (см., например, породы собак, синонимы основного имени зооморфизма, клички собак, указания на прецедентные тексты), что свидетельствует об одинаковой, а именно сатирической, природе этого выразительного средства.

Итак, в 26 текстах эпиграмм встречается 28 разноплановых репрезентантов, номинирующих зооморфный образ *собаки*. Они разделены нами на следующие группы: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «собака»; породы или указание на породу; имена собственные (клички), отсылающие к прецедентному тексту; слова с зооморфным компонентом; слова, характеризующие отличительные качества/особенности собаки. Наиболее частотными являются синонимичные наименования собаки (*пёс, псина, шавка* и т.д.), поскольку они конкретизируют базовый зооморфизм. Новым в эпиграмме является пародирование имени и отчества человека посредством клички животного (*Подлай Подлаич / Облай Облаич*), наименование места обитания собак (*псарня*), краткие прилагательные, употребляемые для характеристики собаки (*густопсов, чистопороден*). Таким способом, перенося качества/особенности животного на человека,

авторы минимальными текстовыми средствами создают зооморфную характеристику адресата.

Поскольку в смеховых текстах характеристики человека обычно сопровождаются выраженной эмоциональной оценочностью и экспрессивностью, то можно считать, что зооморфизмы и производные от них единицы также реализуют в эпиграммах писателей разные прагматические функции.

1. Характеристика ситуации через привлечение прецедентной зооморфной аллюзии (7): В.Н. Суслов на Г.Н. Троепольского – «свою печаль поведал *Бим*. // С тех пор и нами он любим»; В.И. Гафт «Трое в лодке» (Миронову, Державину, Ширвиндту) – «зря *собачку* не считали», «что рядом умный *фокстерьер*», «лишь *фокстерьеру* по зубам»; В.И. Гафт «Из писем» – «гуляли две *собаки*», «всё *лаете*, да на других», «А кто же третья, та *собака*, // *Облаявшая* тех двоих»; С.Д. Давыдов «Критикессе N» – «Она по уму – совсем как *Муму*, // Которая всё же *долялась*»; В. Вишневский «Создателям детективов» – «Конан-Дойль на этом деле // *Съел собаку (Баскервилей)*»; С.А. Швецов на Б.Л. Пастернака – «У попа была *собака*, // Обожала Пастернака... // Поп её любил. // Но однажды этот *пёс* // Том Дудинцева принёс... // Поп её убил!» и т.д.

2. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (9): В.И. Гафт «Критику» – «как столб относится к *собакам*, // Так отношусь я к критикам-писакам»; А.И. Куприн на А.К. Толстого – «Он, стыд и честь свою презрев, // На *псарне* стал *Облай Облаич!*»; Ю.Н. Кушак «Друзьям о друзьях» – «*Собаки – друзья человека*. // Однако об этом не каждая знает *собака*. // И прежде, чем *лапу* // *Бульдогу* пожать, // Узнайте – не будет ли // Друг возражать...»; М.А. Дудин на Б.А. Кежуна – «тявкнет *шавкою* в сатире»; Ю. Алешковский «Заеденный безденежьем, лежу в ночлежке» – «Столько б юаней Юз-Фу, // сколько блох на бездомной *собаке*»; И.Р. Резник «Полиглотка» – «С любимым *псом* – по-человечьи, // С детьми и мужем – *по-собачьи*» и др.

3. Номинация объекта через зооморфный образ (6): Е.В. Воеводин – «Он *густопсов, чистопороден*, – // По всем статьям подходит к *псинам*»; М.А. Светлов «Автоэпиграмма» – «Человек *с лицом собаки* – // Что ты хочешь от меня»; И. Ринк на В. Назаренко «Род человеческий идёт от обезьян, // А Назаренко от своей *собаки!*»; С.Д. Давыдов «Собаке прозаика от собаки Давыдова» – «Милый *пёсик* в пейсиках», «Скромный ты, как проза твоего хозяина»; А.Г. Архангельский на М.М. Пришвина – «Чистейшее дитя... *охотничьей породы*» и т.д.

4. Характеристика человека при помощи приписанных ему физиологических особенностей животного (3): Ф.Д. Кривин «Дистрофики» – «Проворный *пёс*, а зайца не догнал», «Не взять *собаке* в толк. // Она ведь бегают не хуже... // *Собака* только выполняет долг, // А заяц в пятки вкладывает душу»; Ф.Д. Кривин – «Сказали оленю: «При виде врага // Всегда ты уходишь от драки. // Ведь ты же имеешь такие рога, // Каких не имеют *собаки*»; К.В. Ковальджи – «У *пса сторожевого* реакция на чужого: // С одинаковым *лаем* кидается на жулика и на Толстого...».

5. Характеристика объекта при помощи устойчивых словосочетаний зооморфной номинацией (3): Е.А. Евтушенко – «опять *виляешь ты хвостом*»; Я.А. Сашин на С.В. Михалкова – «Но басней не «*убил бобра*», // Хотя на баснях «*съел собаку*» и т.п.

6. Характеристика деятельности адресата, ассоциативно связанной с животными (2): В.И. Гафт на И.С. Саввину – «гуляли две *собаки*», «поменьше – *шпиц*, побольше – Ия» и т.д.

7. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств объекта через приписывание ему закреплённых в устойчивых сравнениях качеств животного (1): Н.Н. Вентцель «Педагог» – «Жил некий педагог. // Не так был зол он, как *бульдог*».

8. Приписывание качеств/особенностей одного животного другому при общей антропоцентричности использования зооморфизма (1):

С.В. Смирнов «Пудель» – «Вы – сущий Лев от гривы до хвоста!.. – // Лишь Лев сказал: – Послушай, голова, // Ты *Пудель*, // А стрижёшься подо Льва».

Анализ текстового материала показывает, что обобщённый зооморфный образ *собаки* дополняется в эпиграммах писателей следующими семантическими наращениями (см. Приложение 3), в большинстве своём сопровождающимися отрицательной оценочностью – 16 контекстов. Процентное соотношение высчитывается по отношению ко всем выявленным контекстам.

1. Пустозвонство, клевета – 5 (31,25%): В.И. Гафт «Критику» – «Как столб относится к *собакам*, // Так отношусь я к критикам-писакам» [Гафт, 2020, с. 282]; В.И. Гафт «Из писем» – «Всё *лаете*, да на других, // А кто же третья, та *собака*, // *Облаявшая* тех двоих?» [Там же, с. 372]; А.И. Куприн на А.Н. Толстого – «Он, стыд и честь свою презрев, // На *псарне* стал *Облай Облаич!*» [Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 176]; М.А. Дудин на Б.А. Кежуна – «То брякнет одою на лире, // То *тявкнет шавкою* в сатире, // То, как Булгарин, донесёт!» [XX век в эпиграммах», 2002, с. 400] и др.

2. Угодничество, лицемерие – 2 (12,5%): В.И. Гафт на Е.А. Евтушенко – «Зачем мальчишка-показушник, // Опять *виляешь ты хвостом?* [Гафт, 2008] и т.д.

3. Злость, грубость, агрессивность – 2 (12,5%): Н.Н. Вентцель, «Педагог» – «Жил некий педагог. // Не так был зол он, как *бульдоз*» [Русская эпиграмма, 2000, с. 235]; П. Хлестков «Б.П.» – «Окружён и растерзан собственными *псами...*» [Весёлый листок, 1947, № 1(4), с. 20].

4. Тщеславие, высокомерие – 1 (6,25%): С.В. Смирнов «Пудель» – «Ему шептали льстивые уста», «Ты *Пудель*, // А стрижёшься подо Льва» [«Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 168].

5. Глупость, недалёковидность – 1 (6,25%): С.А. Швецов на Б.Л. Пастернака – «У попа была *собака*, // Обожала Пастернака... // Поп её любил. // Но однажды этот *пёс* // Том Дудинцева принёс... // Поп её убил!» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 246].

6. Навязчивость – 1 (6,25%): С.Д. Давыдов «Критикессе N» – «И эдак меня, и так. // А за что – никак не пойму... // Вопит, мол, со мною замаялась! // Она по уму – совсем как *Муму*, // Которая все же *долаялась!*» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 102].

7. Наивность – 1 (6,25%): А.Г. Архангельский на М.М. Пришвина – «Он, несмотря на бороду и годы, // Чистейшее дитя... *охотничьей породы*» [Архангельский, 1988, с. 277].

8. Общеотрицательные характеристики – 3 (18,75%): М.А. Светлов «Автоэпиграмма» – «Человек *с лицом собаки* – // Что ты хочешь от меня?!» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 258]; И. Ринк на В. Назаренко – «У Назаренко есть один изъян: // Он, не *обнюхавшись*, на ближних лезет в драки. // Род человеческий идет от обезьян, // А Назаренко – от своей *собаки!*» [Там же, с. 228] и проч.

Среди общего числа эпиграмм, включающих зооморфный образ *собаки*, меньшая часть – 3 контекста – реализует положительные характеристики, которые содержат следующие семантические компоненты:

1. Ум, сообразительность – 1 (33,3%): В.И. Гафт «Трое в лодке» (Миронову, Державину, Ширвиндту) – «А зря *собачку* не считали, // Вам всем бы брать с неё пример», «рядом умный *фокстерьер*», «лишь *фокстерьеру* по зубам» [Гафт, 2008].

2. Чувство собственного достоинства – 1 (33,3%): Ю.Н. Кушак «Друзьям о друзьях» – «И прежде, чем *лапу Бульдогу* пожать, // Узнайте – не будет ли Друг возражать...» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 177].

3. Верность – 1 (33,3%): В.Н. Суслов на Г.Н. Троепольского – «Ему свою печаль поведал *Бим*. // С тех самых пор и нами он любим» [Суслов, 1986, с. 86].

Назовём также эпиграммы, в которых не выявлено чётких оценочных характеристик зооморфного образа *собаки* – 7 контекстов: Ф.Д. Кривин – «Ведь ты же имеешь такие рога, // Каких не имеют *собаки*» [Антология

Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 166]; Ю. Алешковский «Заеденный безденежьем, лежу в ночлежке» – «Столько б юаней Юз-Фу, // сколько блох на бездомной *собаке*» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 27] и др.

Таким образом, зооморфный образ *собаки* сохраняет в эпиграммах присущие ему в русской языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические характеристики человека (чаще негативно-оценочные): "злое животное, способное лаять и кусать", "животное с патологической преданностью, граничащей с услужливостью" и т.д., и в то же время приобретает новые характеризующие семы, чаще оценочно отрицательные: пустозвонство, угодничество, лицемерие, тщеславие, высокомерие, навязчивость, глупость и некоторые др., реже положительно оценочные: ум, сообразительность, чувство собственного достоинства и др. Следует отметить, что такие семантические признаки, как навязчивость и чувство собственного достоинства, не встречались в рассмотренных баснях XX века.

Репрезентанты из группы названий пород собак в отличие от тех же репрезентантов в басенных текстах не наделялись особым характером, а группа кличек животного, отсылающих к прецедентному тексту, по сравнению с баснями включает большее число единиц – 4 (*Бим, Муму* и др.).

Рассмотренный текстовый материал позволяет заключить, что в эпиграммах, содержащих зооморфный образ *собаки*, нередко используются различные приёмы языковой игры (обыгрывание значения фразеологизма, омофония имени собственного и нарицательного и др.), усиливающие смеховую прагматику текста. В то же время в значительной части произведений, называемых дружескими эпиграммами, авторы не ставили перед собой задачу высмеять и обличить недостатки объекта изображения, напротив, часто в юмористической шаржевой форме и с явной симпатией представляли его отличительные черты.

3.3 Зооморфный образ коня/лошади

Зооморфный образ *коня/лошади* является одним из важных образов в русской языковой картине мира. Конь в славянской традиции – мифологизированное священное животное, значительное место занимает этот образ и в фольклорных произведениях: русских народных сказках, пословицах, поговорках, песнях и т.д.

Рассмотрим репрезентацию лексем «конь», «лошадь» в толковых словарях современного русского языка (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре русского языка» слова «конь» и «лошадь» представлены как многозначные, совпадающие в основном своём значении: «Домашнее животное, ходящее в упряжи или под седлом». Производные значения этих лексем образованы метонимическим переносом имени животного на другие предметы по сходству формы: 'детская игрушка', 'шахматная фигура' и др. Переносные метафорические значения, характеризующие человека в данном словаре не зафиксированы [Ушаков, 1938, т. 2, стб. 93, 1457].

В «Словаре русского языка» в 4-х томах также представлены только номинативные значения данных зоонимов, оценочные же характеристики, имеющие отношение к человеку, здесь также отсутствуют [Евгеньева, 1986, т. 2, с. 98, 202].

В «Большом толковом словаре русского языка» второе значение слова «лошадь» толкуется по формуле, указывающей на использование слова для характеристики человека: «О ком-либо, обладающем какими-либо качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.)» [Кузнецов, 2000, с. 506]. Лексема «конь» имеет те же значения, что и в предыдущих словарях, добавляется лишь информация о коне как о спортивном инвентаре [Там же, с. 454].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» зоонимы «конь» и «лошадь» представлены как двузначные. В своих первичных лексико-семантических вариантах (ЛСВ) слова «конь» и

«лошадь» определяются как существительные соответственно мужского и женского рода, обозначающие одно и то же домашнее животное. Это прямое номинативное значение синонимичных зоонимов. В производных переносных значениях слово «лошадь» используется как метафорическая характеристика с пейоративной оценочностью, обусловленной семами 'крупная женщина', 'тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других'. Слово «конь» не имеет переносных характеризующих человека значений [Ефремова, 2001, т. 1, с. 805, 711].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод о том, что в русском языковом сознании синонимичные зоонимы «конь» и «лошадь» получили разное семантическое развитие. В лексеме «конь» активнее развивались метонимические значения, реализующие перенос имени с животного на предметы, похожие на него по форме. Тогда как лексема «лошадь» получила метафорические значения характеризующие человека сильного, работоспособного, много и напряженно работающего, а также крупную женщину. Все эти характеристики в речевом употреблении чаще имеют отрицательную эмоциональную оценочность.

В монографии Е.В. Дерюгина пишет, что словом «лошадь» обозначали животное низкое по своим характеристикам, не качественное, годное лишь на то, чтобы таскать телегу и чтобы на нём пахать. Словом «конь» обозначали лошадь высшего качества, боевую лошадь, скакуна. Подводя итог, автор указывает, что в концепте лошадь/конь «в диахронном пространстве национальной лингвокультуры обнаружены однозначно положительные ассоциации, возникающие у русского этноса при обращении к данному животному» [Дерюгина, 2011, с. 73].

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаются фразеологические словари, в которых активно представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *конь*.

Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» представлено 12 устойчивых словосочетаний, содержащих зооморфный образ коня, среди которых 3 используются с негативной оценочностью: *ни конному ни пешему; конь ещё не валялся; Авгиевы конюшни*; одно с положительной: *на коне*; остальные с нейтральной: *конский хвост; на коне или под конём; лесной конёк; морской конёк; на конь; стальной конь; что конь, что кобыла; по коням*.

И.В. Холманских отмечает: «Согласно верованиям древних славян, конь – символ добра и счастья» [Холманских, 2000, с. 81]. В диссертационной работе автора насчитывается 16 русских фразеологизмов с зооморфизмом «конь» и его синонимическими единицами (лошадь, кобыла, кляча, мерин). Разделим данные устойчивые словосочетания по группам: 1) много работающий человек: *работает как конь, работает как ломовая лошадь, вкалывает как лошадь*; 2) человек, отличающийся определёнными физическими данными: *сильный как лошадь, здоровый как конь, бежит как конь становой*; 3) человек, уставший от тяжёлой физической работы: *устал как лошадь, заморился как кобыла с базу, тащится как кляча*; 4) ассоциативные признаки животного, нашедшие отражения в образе человека: *дышать как загнанная лошадь; шарахается как пугливая лошадь; одет как конь на ярмарке*; 5) перенос свойств и качеств человека на животное: *врёт как сивый мерин, красивая как кобыла сивая*; 6) ввод в состав сравнительной части распространяющих элементов: *упрям как лошадь чухонская, глуп как пара купеческих лошадей*.

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается более 100 словоупотреблений единицы «лошадь» и более 80 – «конь» [Мокиенко, Никитина, 2008].

Представим зооморфный образ коня/лошади в русских народных сравнениях по материалам данного словаря, систематизировав эти устойчивые единицы в двух таблицах по признаку оценочности:

положительная, отрицательная и неопределённая (таблицы составлены в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 18. Образ коня в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (21)	Отрицательная оценочность (51)	Неопределённая оценочность (11)
<p>сильный как конь; бегать конём; дюжий (сильный, здоровый) как конь; бежать как конь становой; как ломовой конь; упорный как конь; спать точно (как) коней продал (продавши); идти (ходить) конём; конём летать; бегать (зикаться) как конь; бегать как конь незанузданой; бодриться как конь; вырасти как конь; здоровый как конь; идти (ходить) конь конём; конь конём; лютая как конь; ходить как конь на мази; не на конях, не заворотить; как коньё.</p>	<p>брыкаться (взбрыкиваться) как конь; грести как конь копытом; дышать как конь загнанный; дышать как конь на горку; как конь загнанный; пить как запалённый конь; работать (ломать) как конь; тащиться как старый конь; работать как конь и пить как волк; ржать как конь; топтаться словно конь оводливый; упрямый как конь с затоном; зазнёт так зазнёт, что на добром коне не объедешь (не увезёшь); ногти как у конёв копыта; вали конём!; Богачи что голубые кони: редко удаются; носиться как кони; Поповы дети (детки) что голубые кони: редко удаются; (баба, бабишка) как конь; буровить как конь; вкалывать как конь; глядеть как конь из-под дуги; Дворянский сын что ногайский конь: умирает, так хоть ногой дрягает; жрать как конь; как (что) конь; как конь плохой; лётать как конь; лобозить як бурый конь; (махать руками) как конь хлещется; Муж без жены что конь без узды; норовистый як конь; норовистый как (что) конь (что твой конь) затонливый; переть как конь; пить как конь; плечо мять как конь вымученный; понести как норовистый конь; ржать как конь ретивый; робить как конь; как норовитсый (необъезженный) конь; такая корова, что в окно глянет, конь прынет, на двор выйдет, три дня собака лает!; толстой как конь; хмылиться как конь; хотеть пить как конь; храпеть/захрапеть как конь в загоне; хрипеть (хрепать) как конь; Человек убог – что конь без ног; Елень быстра – не коню сестра; набухать как коню; зубы как у коня; ноги как у гнедого коня; тюкать как на коня; жениться как конями меняться.</p>	<p>(много кого, чего у кого) как у цыгана коней; дом конём; как с конём рядиться; крыша конём; завести как бондарский конь под обручами; Закон что конь: куда надо, туда и воротишь; лежать/лечь как конь; лететь как конь; Счастье не конь: хомута не наденешь (не взнуздаешь); Табак мочённый что конь лечённый: никуда не годится.</p>

Помимо образа коня в устойчивых сравнениях встречается репрезентант *лошадь*.

Таблица 19. Образ лошади в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (11)	Отрицательная оценочность (79)	Неопределённая оценочность (10)
<p>выносливый как лошадь; ломовая лошадь; здоров (здоровый) как лошадь; блестеть что лошадь; сильный как лошадь; здоров (здоровый) как лошадь; лошадка; бегать как ортынская лошадь; (крупный) как лошадь; шея как у лошадь-косяка; как лошадка; девка хороша как лошица.</p>	<p>как дикая лошадь; как норовистая лошадка; норовистая лошадь; глуп как пара купеческих лошадей; грызться как лошади у пустых ясель; дурее лошади; зубы как у лошади; лицо (физиономия) как у лошади; плакать как будто по любимой лошади; Поповы дочери (детки) что голубые лошади: редкая удаётся; стёгны как у лошади; узда дороже лошади; Упрямая баба пуще ртачливой лошади; бить/избить как ломовую лошадь; бороновать как лошадь; бояться как лошадь хомута; брыкнуть (лягнуть ногой) как лошадь; врать как лошадь; глуп как лошадь; как лошадь зарочная; дышать как загнанная (запалённая) лошадь; Жених (невеста) что лошадь: товар тёмный; жрать (есть) как лошадь; забить как слепую лошадь; здоров (здоровый) как ломовая лошадь; здоровенница как лошадь; как бенгальская лошадь; как загнанная (запалённая) лошадь; дышать как конь загнанный; как ленивая лошадь – что ударишь, то и уедешь; как ломовая лошадь; как лошадь; как лошадь вытрёпанная; как лошадь на свадьбе; как норовистая лошадь; как цирковая лошадь; Кобыла не лошадь, баба не человек; корова как лошадь; ломить как лошадь; нагружать/нагрузить как лошадь; взваливать/взвалить как на лошадь; нагружаться/нагрузиться как лошадь; нагруженный (нагружен, навьюченный, навьючен) как лошадь; напороться как лошадь; нивкаться как лошадь; носиться как лошадь; оскомыливаться ровно лошадь на овёс; отмахиваться как лошадь от комаров; пахать как лошадь; пить как лошадь; (ползти) как лошадь дрюбают; понести как норовистая лошадь; работать (вкалывать) как лошадь Пржевальского; работать как лошадь; распялить глаза как лошадь; реготать как лошадь; ржать как лошадь; сбегаться как лошадь; сопеть (пыхтеть) как загнанная лошадь; стебать/стебануть как лошадь леную; стоять как лошадь; стоять как скопанная лошадь; Счастье</p>	<p>как лошадно; спать будто лошадей продал; глаза как у лошади; Блоха с лошадь, а вошь с корову; загореть как лошадь карая; Карта не лошадь, к утру повезёт; Мужчина без женщины как лошадь без хвоста; оседлать как лошадь; скакать/поскакать (нести, мчаться) как лошадь; спать как пожарная лошадь; Счастье не лошадь: его не запряздёшь.</p>

	<p>не лошадь: не везёт по прямой дорожке, не слушается вожжей; Счастье не лошадь: хомут на него не оденешь; топтать (ступать ногами) как лошадь; упереться как лошадь; упрям (упрямый) как лошадь; упрям (упрямый) как чухонская лошадь (лошадь чухонская); упрямитесь/заупрямитесь (артачиться) заартачиться, упираться/упереться, взбрыкиваться/взбрыкнуться) как норовистая лошадь; устать как лошадь; фускать как лошадь; ходить как опоённая лошадь; ходить как спутанная (стреноженная) лошадь; храпеть/захрапеть как лошадь; худой (тощий) как цыганская лошадь; югать как лошадь; работать как лошадь; упрямый как лошадь чухонская.</p>	
--	--	--

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *конь/лошадь* или другими именованьями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию, связанную с этим животным. В положительной характеристике прослеживается сила и упорство коня, который отличается выносливостью и работоспособностью.

В русских пословицах и поговорках конь/лошадь оказывается незаменимым помощником в жизни русских людей. Рассмотрим в таблице 20 пословицы и поговорки, взятые из книги [Даниленко, 2017, с. 215].

Таблица 20. Образ коня/лошади в русских пословицах и поговорках

Положительные характеристики (18)	Отрицательные характеристики (8)
<p>Конь – не пахарь, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник; Конь живой и конь стальной – помощники в работе; Про трактор думай и про коня не забывай; Кнут коню не помощник; Резвого коня и волк не берёт; Быстрая лошадь скорее станет; Старый конь мимо не ступит; Старый конь борозды не испортит; Сердита кобыла на воз, а везёт его и в гору и под гору; И слепая лошадь везёт, коли зрячий на возу сидит; Красна ложка едком, а лошадь ездком; Бережёного коня и зверь в поле не берёт; От хозяйского</p>	<p>Заносчивого коня построже взнуздывают; Коней на переправе не меняют; Через силу и конь не тянет; Добрую лошадь одной рукой бей, другой слёзы вытирай; Не давай коню тощать – в дороге не станет; Тощей лошади и</p>

глаза и конь добреет; У хорошего хозяина нет плохой лошади; У хорошей артели все лошади в теле; Хорошая лошадь столько же ест, сколько и плохая; Сытому коню и овраг нипочём и гора – ровная дорога; Сытая лошадь меньше ест.	хвост в тягость; Песней коня не накормишь; Растолстевшая лошадь сбрасывает с себя седока.
---	---

Как можно заметить, образ *коня/лошади* в русских пословицах представлен чаще как носитель положительных характеристик. Отрицательно часто характеризуется жестокий хозяин: к лошади нужно относиться с заботой и уважением, тогда она будет верно ему служить. Не случайно О. Бичер отмечает, что «лошадь в пословицах выступает как образ трудолюбивый, податливый (очень сильна связь лошади с её хозяином), бесхитростный, но порой норовистый» [Бичер, 2016, с. 84]. Исследователь также указывает, что «конь – одно из самых почитаемых у славян животных» [Там же, с. 81], в пословицах и поговорках русского народа отмечается также, что лошади способны много есть: например, хорошая лошадь столько же ест, сколько и плохая.

В диссертационной работе О. Бичера нашли отражение следующие русские пословицы, не зафиксированные в книге В.П. Даниленко «Картина мира в пословицах русского народа»: 1) положительные характеристики образа *коня/лошадь*: *бурого коня за рекой примечают; деньгами коня не купишь; конь копытом сдачи даёт; конь мой, вся надежда моя; конь не выдаст, и враг не съест*; 2) отрицательные характеристики: *большая лошадь хозяину не ко двору: травы не достаёт; добр конь, да копыта отряхивает; казак голоден, а конь его сыт; конь тощей – хозяин скупой; коню не верь: кобылью голову найдёшь, ту и зануздай; на плотную лошадь овод валится; насколько убил клячу, настолько и уехал* [Бичер, 2016, с. 159-161].

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что лошадь (конь) «одно из самых мифологизированных животных», «в сказках конь выступает не только как атрибут положительного героя, но и как помощник (Сивка-Бурка)» (см. Приложение 1) [Лингвокультурологический словарь, 2004, с.

115]. Утверждается также, что конь/лошадь – быстрое, сильное, свободное и грациозное животное, которое зачастую воспринимается как рабочая сила, оно может издавать звуки (ржание), у него есть крупные зубы [Там же, с. 115].

В исследованиях славянской мифологии указывается, что конь – одно из наиболее мифологизированных священных животных. Конь – атрибут высших языческих богов (и христианских и святых) и одновременно хтоническое существо, связанное с культом плодородия и смертью. Соответственно конь наделялся способностью предвещать судьбу, прежде всего – смерть (например, смерть Вещего Олега от коня и распространённый мотив – конь предвещает смерть в бою своему хозяину). У южных славян покровителем коней считался святой Фёдор (Тодор) Тирон. Тодорова суббота – первая суббота Великого поста была конским праздником (конский великий день).

На Юрьев день в русских (в Рязанской губернии) делали «коня» (ряженого), на котором ездил пастух; на выгоне этот «конь» выступал в потешный бой с «конём» из другой деревни.

Среди семейных обрядов конь играл особую роль в свадебном: в русском средневековом свадебном обряде коня давали в качестве выкупа за невесту; коней и кобылиц, согласно «Домострою», привязывали у сенника (подклета), где молодые проводили первую брачную ночь.

Конь связан также со смертью и (как транспортное животное) с путешествием на «тот свет»; коня хоронили (сжигали) вместе с хозяином в языческие времена [Славянская мифология, 1995, с. 228-229].

В русских сказках о животных, по мнению В.Я. Проппа, «конь – гибридное существо, соединение лошади и птицы. Он крылат. Культурная роль птицы перешла к коню, когда человеком была приручена лошадь» [Пропп, 2000, с. 214]. Автор считает, для того, чтобы летать по воздуху, он должен иметь крылья. Вместе с тем его природа огненная: из ушей валит дым, из ноздрей сыплются искры и т.д. При этом функции коня весьма

разнообразны: во-первых, он переносит по воздуху героя за тридевять земель в иное царство; в дальнейшем он помогает герою победить змея; во-вторых, он мудрый, вещий, он верный друг и советчик героя.

В волшебной сказке «Кобылья голова» происходит чудесное превращение девочки, оставленной отцом по просьбе мачехи в лесу, в красавицу за то, что она откликнулась на просьбы кобыльей головы в отличие от своей сводной сестры, которая не смогла выполнить её наказов, за что стала беззубой старухой. В сказке также появляется конь с возом добра, который отвёз первую девочку домой.

В другой сказке «Сивка-бурка» конь превращает Ивана-дурака в молодца невиданной красоты. Кроме того, конь помог Ивану доскочить до окна Елены Прекрасной: он смог поцеловать царевну и снять с неё перстень. Иванушка-дурачок, благодаря своему коню, стал добрым молодцем. По словам В.П. Аникина, чудесный конь «оказывает незаменимую помощь герою» [Аникин, 1977, с. 54].

Иван, крестьянский сын, в сказке «Волшебный конь» покупает лошадь, худую и паршивую, однако после она превращается в богатырского коня и начинает служить Ивану. Лошадь даёт мудрые наказы своему хозяину и превращается сначала в сизокрылого орла, а затем в маленькую птичку. Иван смог получить доверие и уважение со стороны царя, он наградил его генеральским чином, несметной казной и женил на своей дочери.

Конь в сказке «Конь, скатерть и рожок» обладает чудесным превращением. Если ему сказать «Стой!» – конь рассыпается в серебро, а если «Но!» – серебро вновь обращается в коня.

В сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» чудесный конь, помогающий стрельцу, олицетворяет собой волшебную, служащую только правде, силу. Эта сила враждебна корысти и лжи [Аникин, 1977, с. 78].

Итак, в русских сказках образ *коня/лошади* обычно представлен с положительной стороны – конь помогает главному герою справиться с трудностями, даёт советы и одаривает серебром того, кто им владеет.

Таким образом, анализ материала из приведённых выше источников даёт основания полагать, что образ *коня/лошади* является важным элементом национальной языковой картины мира, в том числе в её метафорической составляющей, где персонаж конь/лошадь обладает волшебной силой, которая помогает тому, кто оказывается в трудной ситуации.

В итоговой таблице 21 сведены все значения зооморфного образа *коня/лошади*, выявленные при анализе указанных выше источников. Эти данные послужат основой при интерпретации эпиграммных реализаций зооморфизма *конь/лошадь*.

Таблица 21. Характеристика зооморфного образа *конь/лошадь* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Толковый словарь русского языка», 1938 [Т. 2, стб. 93, 1457]	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1986 [Т.2, с. 98, 202]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 454, 506]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 711, 805]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 115-119]
1. Крупное (непарнокопытное) домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т.п.	+	+	+	+	–
2. Быстрое, сильное, свободное и грациозное животное, с длинной гривой и хвостом.	–	–	–	–	+
3. Шахматная фигура с головой лошади.	+	+	+	+	–
4. Детская игрушка, изображающая лошадь.	+	–	–	–	–
5. Обитый кожей брус на подставках для гимнастических упражнений.	–	+	+	+	–
6. В речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи: лошадь (обычно о самце).	–	+	+	–	–

7. Конный экипаж (только мн.).	+	+	+	-	-
8. О ком-либо, обладающем какими-либо качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.).	+	-	-	-	-
9. Девушки или молодая женщина крупного телосложения, крепкая и сильная физически (лошадь, кобыла, кобылица).	-	-	-	+	+
10. Человек, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади или движения человека, в которых обнаруживается сходство с движениями этого животного.	-	-	-	-	+
11. Человек, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу жеребёнка) или любовь к свободе и обузданный нрав.	-	-	-	-	+

Зооморфный образ *коня/лошади* встречается в эпиграммах XX века довольно часто и занимает второе место после зооморфного образа *собаки*. При анализе мы опираемся на зооморфные характеристики, присущие ему по данным словарей, мифологии, сказок, пословиц и т.д.

Из общего числа проанализированных эпиграмм нами был извлечён 21 текст с зооморфным образом *конь/лошадь*, найденный в следующих сборниках: Б.Н. Брайнин [1983], А.Я. Рейжевский [1986], А.А. Иванов [2000], «Русская эпиграмма» [2000], «XX век в эпиграммах от А до Я» [2002],

«Антология Сатиры и Юмора XX века» [2005], «"Крокодил" всех времён и народов» [2007], В.И. Гафт [2008].

Данный зооморфизм представлен в виде следующих репрезентантов (26): *конь* (10), *лошадь* (3), *хвост* (2), *кентавр* (1), *конский череп* (1), *мерины* (1), *пасти* (1), *заржать* (1), *телега* (1), *извозчик* (1), *каурый* (1), *кнут* (1), *супонь* (1), *гривна* (1), *будённый* (1), *конный* (1), *кони* (1), *загон* (1), *копыто* (1), *конёк* (1), *скотина* (1), *конюшня* (1), *троянский конь* (1), *доходной* (1), *недоуздок* (1), *воз* (1).

Выделим основные группы репрезентантов зооморфизма *конь/лошадь*, функционирующие в текстах эпиграмм:

1. Синонимичные наименования коня/лошади (18), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные единицы. Синонимы основного номинанта образа коня/лошади текстах эпиграммы дифференцируют именуемый объект по разным основаниям: полу, количеству, размеру: *конь/кони* – 11 (61%), *лошадь* – 3 (17%), *кентавр* – 1 (5,5%), *мерины* – 1 (5,5%), *конёк* – 1 (5,5%), *скотина* – 1 (5,5%).

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (15) разнообразны по форме и включают глаголы и прилагательные, обозначающие действия, свойства, качества коня/лошади: *заржать* – 1 (6,6%), *доходной* – 1 (6,6%), *пасти* – 1 (6,6%), *будённый* – 1 (6,6%), *конный* – 1 (6,6%).

К этой группе относятся **обозначения частей тела животного (соматизмы), его волосяного покрова, окраса/масти**: *хвост* – 1 (6,6%), *конский череп* – 1 (6,6%), *гривна* – 1 (6,6%), *копыто* – 1 (6,6%), *каурый* – 1 (6,6%). А также **слова, называющие место обитания коней/лошадей**: *загон* – 1 (6,6%), *конюшня* – 1 (6,6%).

Особое место в этой группе занимают немногочисленные **устойчивые выражения**: *троянский конь* – 1 (6,6%), *я – не я и лошадь не моя* – 1 (6,6%) и **искажённая русская поговорка** – *не оказался б на коне* – 1 (6,6%).

3. Слова, напрямую относящиеся к рабочей деятельности коней/лошадей (6): *телега* – 1 (16,6%), *извозчик* – 1 (16,6%), *кнут* – 1 (16,6%), *супонь* – 1 (16,6%), *недоуздок* – 1 (16,6%), *воз* – 1 (16,6%).

Итак, в 21 тексте эпиграмм встречается 26 разноплановых репрезентантов, номинирующий зооморфный образ *коня/лошади*. Они разделены нами на следующие группы: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «конь/лошадь»; слова с зооморфным семантическим компонентом; слова, напрямую относящиеся к рабочей деятельности коней/лошадей. Наиболее частотной является группа синонимичных наименований коня/лошади (*конь, конёк, мерин* и т.д.), поскольку они конкретизируют базовый зооморфизм. Таким способом авторы эпиграмм указывают на характеристику адресата или ситуации, с которой связан адресуемый.

Зооморфизмы и производные от них единицы также реализуют в эпиграммах писателей разные прагматические функции:

1. Характеристика ситуации через привлечение прецедентной зооморфной аллюзии (12): Б.Г. Юдин на С. Есенина – «Будто от твоих стихов пытаюсь // Ускакать на розовом *коне*»; А.А. Иванов на Е.А. Лебедева – «Играет *лошадь*. // Пожинает лавры // Теперь ему завидуют *кентавры*»; Б.Н. Брайнин на Н.С. Михалкова – «Бесподобно синеокий, // Он гарцует на *коне*. // Но романс такой жестокий – // Так и хочется к "Родне"; А.Я. Рейжевский на Е.А. Лебедева – «Себя ничуть не изменяя, // Сыграв Ягу, сыграл *Коня*...»; Ю. Китаевич – «*Коня* на скаку остановит. // Но кто остановит меня?»; А.Я. Рейжевский на М.Ф. Шатрова – «Что "*Синие кони* на красной траве" – // Теперь эталон реализма»; Е.А. Долматовский на Б.А. Слуцкого – «Неплохо описав, как плыли *кони*... // Теперь, как лирик, он стоит в загоне, // И рвёт построжки, и *копытом* бьёт!»; С.Я. Маршак на А.Н. Толстого – «Ваш *конь* стремится в облака... // Но нынче сел туда ... Толстой, // Как на *доходного конька!*» и проч.

2. Характеристика объекта при помощи устойчивых выражений с зооморфной номинацией (6): Б.Н. Брайнин «Исторические стансы» – «И Пётр не оказался б на *коне*»; Б.Н. Брайнин на Е.А. Лебедева – «Мол, я – не я и *лошадь* не моя»; А.А. Мурай на Б.Н. Ельцина – «*Троянский конь* // Российской демократии»; А.Я. Рейжевский «Высшее существо» – «Примитивная *скотина* // не выносит никотина» и др.

3. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (3): Б.Г. Юдин на А.Т. Твардовского – «Всё-то он-то заприметил... // Супоросою хавронью // И каурого *коня* // Недоуздок, кнут с супонью...»; В.И. Гафт на И.П. Мирошниченко – «В *конском черепе* у дамы // Раздалось змеи шипенье, // Ну а «Кинопанорама» // Приняла это за пенье»; В.С. Соловьёв – «Какие *мерины* // Пасут теперь народ!».

4. Характеристика объекта при помощи игры слов с зооморфной номинацией (3): М.А. Дудин на Р.Г. Гамзатов – «Если б я имел *коня*, – // Был бы молодец. // Если б *конь* имел меня, – // Был бы мне...!»; Б.Н. Брайнин на С.М. Бытового – «Один рождён для жизни *конной*, // Другой – для жизни бытовой...» и т.д.

5. Номинация объекта через зооморфный образ (2): Д. Аминадо – «Если голубь до рассвета // На *конюшне* и проспал. // То наутро голубь этот // Всё же *лошадью* не стал» и т.п.

6. Характеристика человека при помощи приписанных ему физиологических особенностей животного (1): А. Сивицкий, Ю. Тимьянский «В мире животных» – «Мне *воз* тащить не хочется! // – Поведал *конь коню*. – Я лучше на *извозчика* «*Телегу*» сочиню!».

7. Характеристика объекта при помощи искажённого устойчивого словосочетания с зооморфной номинацией (1): В.В. Орлов «Крепчаем» – «Сначала нас имели в *хвост*, // Теперь – имеют в *хвост* и в *гривну*».

8. Характеристика объекта при помощи алогизма, связанного с зооморфным образом (1): О.Э. Мандельштам на П.Н. Васильев – «Мяукнул конь, и кот заржал – // Казак еврею подражал».

Зооморфный образ *коня/лошади* и его репрезентанты также реализуют в эпиграммах писателей разные семантические характеристики (см. Приложение 3), в большинстве случаев содержащие отрицательную оценочность – 12 контекстов.

1. Выгода, обман, уловка – 2 (16,6%): С.Я. Маршак на А.Н. Толстого – «Лет полтора над Невой // Ваш конь стремится в облака... // Но нынче сел туда ... Толстой, // Как на *доходного конька!* [XX век в эпиграммах, 2002, с. 322] и др.

2. Беспечность – 1 (8,3%): Б.Г. Юдин, «С. Есенин (на сверхноватора)» – «Будто от твоих стихов пытаюсь // Ускакать на *розовом коне*» ["Крокодил" всех времён и народов», 2007, с. 533].

3. Бездоказательность самооправдания – 1 (8,3%): Б.Н. Браинин «Е.А. Лебедеву (Исполнителю роли Холстомера)» – «Мол, я – не я и *лошадь* не моя» [Браинин, 1983, с. 74].

4. Бессилие, доверчивость – 1 (8,3%): В.В. Орлов «Крепчаем» – «К благополучью путь не прост, // Но мы крепчаем непрерывно: // Сначала нас имели в *хвост*, // Теперь – имеют в *хвост* и в *гривну...*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 410].

5. Подлость, клевета – 1 (8,3%): А. Сивицкий, Ю. Тимьянский «В мире животных» – «Мне *воз* тащить не хочется! – / Поведал *конь коню* // – Я лучше на извозчика // «*Телегу*» сочиню!» ["Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 462].

6. Притворство, коварство – 1 (8,3%): О.Э. Мандельштам на П.Н. Васильева «Дружеский экспромт в связи с кулуарными разговорами о том, что он находится под влиянием Мандельштама» – «Мяукнул *конь*, и кот *заржал* – // Казак еврею подражал» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 194].

7. Слабость, уязвимость – 1 (8,3%): А.Я. Рейжевский «Высшее существо» – «Примитивная *скотина* // Не выносит никотина» [Рейжевский, 1968, с. 184].

8. Безнаказанность, беззаконье – 1 (8,3%): В.С. Соловьёв – «Благонамеренный // И грустный анекдот! // Какие *мерины* // Пасут теперь народ!» [Русская эпиграмма, 2000, с. 232].

9. Своенравие, дерзость – 1 (8,3%): Е.А. Долматовский на Б.А. Слуцкого – «Неплохо описав, как плыли *кони*, // И объявив, что физикам почёт, // Теперь, как лирик, он стоит в *загоне*, / И рвёт постромки, и *копытом* бьёт!» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 300].

10. Общеотрицательные характеристики – 2 (16,6%): В.И. Гафт на И.П. Мирошниченко – «В *конском* черепе у дамы // Раздалось змеи шипенье...» [Гафт, 2008] и т.д.

Среди общего числа эпиграмм, включающих зооморфный образ *коня/лошади*, меньшая часть – 6 контекстов – реализует положительные характеристики, которые содержат следующие семантические особенности:

1. Успех, признание – 2 (33,3%): А.А. Иванов на Е.А. Лебедева – «Играет *лошадь*. // Пожинает лавры // Теперь ему завидуют *кентавры*» [Иванов, 2000, с. 203] и др.

2. Конь как признак деревенской жизни, помощник в хозяйстве – 2 (33,3%): Б.Н. Брайнин на С.М. Бытового – «Один рождён для жизни *конной*, // Другой – для жизни бытовой...» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 70] и т.п.

3. Сила – 1 (16,6%): Ю. Китаевич – «*Коня* на скаку остановит. // Но кто остановит меня?» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 153].

4. Свободолюбие – 1 (16,6%): С.Я. Маршак на А.Н. Толстого – «Ваш *конь* стремится в облака... // Но нынче сел туда ... Толстой, // Как на доходного *конька*!» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 322].

Выделим также эпиграммы, в которых не было выявлено чётких оценочных характеристик зооморфного образа *коня/лошади* – 4 контекста:

А.Я. Рейжевский на Е.А. Лебедева «К премьере спектакля «Холстомер» – «Себя ничуть не изменя, // Сыграв Ягу, сыграл *Коня*» [Рейжевский, 1986, с. 144]; Б.Н. Брайнин на Н.С. Михалкова – «Бесподобно синеокий, // Он гарцует на *коне...*» ["Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 212] и проч.

Таким образом, в ряде рассмотренных эпиграмм XX века отмечено, что авторы текстов обыгрывают существующие в языковой картине мира оценочные стереотипы коня/лошади, используя следующие значения: "о ком-либо, обладающем какими-либо качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.)", "тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других", наделяя данный образ силой, выносливостью, а также новыми чертами, не нашедшими отражения ни в словарях, ни во фразеологии, ни в других проанализированных источниках. Так, в сравнении с данными словарей, конь в эпиграммах остаётся: 1) крупным домашним животным, используемым для перевозки людей, грузов и т.п.; 2) воспринимается как рабочая сила.

Из преимущественно новых характеристик, не встречающихся в словарях, выделим следующие качества: беспечность, бездоказательность самооправдания, бессилие, доверчивость, подлость, клевета, притворство, коварство, слабость, уязвимость, безнаказанность, беззаконье, своеобразие, дерзость – отрицательные; успех, признание, сила, свободолюбие – положительные. Отметим также, что конь в XX веке воспринимается как признак деревенской жизни, помощник в хозяйстве и средство передвижения.

3.4 Зооморфный образ льва

Лев не является типичным для русской культуры зооморфным образом, не встречается в мифах и редок в фольклорных произведениях, однако в русском языковом сознании имя этого животного может употребляться для характеристики человека.

Рассмотрим репрезентацию лексемы «лев» в разных словарях (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре русского языка» слово «лев» в первом прямом значении имеет дефиницию: «крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, желтоватой окраски, с пышной гривой у самцов», которая обозначает биологический класс животного и называет отличительные признаки его внешнего вида. Второе значение сопровождается пометами *перен.*, *устар.*, *ирон.* и обозначает человека «законодателя мод, правил светского поведения, покорителя женских сердец» [Ушаков, 1938, т. 2, стб. 31]. Это переносное значение зоонима может считаться фразеологически связанным, так как обычно употребляется с определением «светский».

В «Словаре русского языка» в 4-х томах представлены те же два значения лексемы, причем производное, имеющее пометы *устар.* и *ирон.*, толкуется по формуле «О ком-, чем-либо», свидетельствующей о том, что оно квалифицируется составителями словаря как переносное и характеризующее: «О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующимся большим успехом у женщин» [Евгеньева, 1986, т. 2, с. 167].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова слово «лев» имеет пять значений, два из которых толкуются по указанной формуле: «2. *Разг.* О ком-либо отличающемся большой силой, храбростью, смелостью. 3. О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин. *Светский лев*». Ещё два значения, не нашедшие отражения в других словарях, представлены следующим образом: «одно из двенадцати созвездий Зодиака»; «о человеке, родившемся в конце июля – августе, когда солнце находится в созвездии Льва» [Кузнецов 2000, с. 488].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» слово «лев» является трёхзначным. Озаглавленная им словарная статья содержит прямое зоонимическое значение и два переносных. Слово во

втором значении характеризует человека, отличающегося силой и храбростью, а в третьем устаревшем обозначает мужчину, являющегося законодателем мод [Ефремова, 2001, т. 1, с. 774].

Обобщая словарные данные, можно сделать вывод, что из всех семантических компонентов исходного значения зоонима «лев» в переносном метафорическом значении, характеризующем человека, получили развитие семы 'сила', 'храбрость', 'смелость'. Кроме того, во всех словарях обнаружено устаревшее значение, применимое к мужчине – «о законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин».

Указанные выше характеристики зооморфного образа не нашли отражения во фразеологических словарях. Известно только одно устойчивое словосочетание – «львиная доля», которое первоначально употреблялось в значении «бóльшая, лучшая часть чего-либо, полученная по праву сильного», в дальнейшем это выражение приобрело более широкое значение – «бóльшая часть чего-либо».

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается около 25 употреблений со словом «лев» [Мокиенко, Никитина, 2008]. Представим образ льва в русских народных сравнениях по материалам данного словаря, систематизировав устойчивые единицы в таблице 22 по признаку оценочности: положительная, отрицательная и неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 22. Образ льва в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (8)	Отрицательная оценочность (10)	Неопределённая оценочность (4)
сильный (мощный, могучий) как лев; (храбрый, отважный, смелый, мужественный) как лев; защищать как лев (львом); работать как лев; сражаться (драться, бороться) как лев;	бросаться/броситься (наброситься, кинуться/кидаться) как лев; злой как лев; Не кидайся как лев на блевотину!; рычать (рыкать) как лев; свиреп как ураненный лев; страшен и грозен как лютый зверь лев; Живой пёс лучше мёртвого льва; смотреть (глядеть) как кролик на льва; чувствовать себя как в	большой (крупный) как лев; грива как у льва; зиять (зияет) как лев; следить (наблюдать) как лев.

защищать как лев; кони как львы; как львы.	логове у льва; Жить в обидах что со львом во рвинах (ровінах).	
--	--	--

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом «лев» в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию, связанную с этим животным. При положительной характеристике отмечаются такие качества, как смелость, отвага, сила и мощь.

В русских пословицах образ льва встречается крайне редко, однако этот зооморфизм всё же нашёл отражение в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 1989]. Представим образ льва в русских пословицах и поговорках по материалам данного словаря в таблице 23.

Таблица 23. Образ льва в русских пословицах и поговорках

Отрицательные характеристики (11)	Положительные характеристики (4)
Льва сонного не буди; Лев спит, а одним глазом видит (или: глядит); Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва; Живой пёс лучше мёртвого льва; Трусу и кошка львом кажется; Что кот проглотил, того и лев обратно не возьмёт; Для мыши кошка – лев; Обнаглевшая кошка и на льва бросится; Разумный неуч – словно лев на цепи; Из пасти льва добычу не вытащишь; Лев уже и львёнком грозен.	Лев мышей не давит. Орёл мух не ловит; Лев зверь всем зверям царь; Лев – самец то или самка – всё равно лев; Во льве и львице одна сила таится.

Как можно заметить, образ льва в русских пословицах представлен как носитель отрицательных и положительных характеристик. С одной стороны, лев считается сильным и властным животным, его боятся не только животные, но и люди, а с другой стороны, этой силой лев подчиняет себе остальных, он горд и красив, львица, как и лев, властна и могуча.

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что лев «не входит в число типичных мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека». Утверждается также, что лев не является типичным персонажем русского

фольклора [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 111] (см. Приложение 1).

Образ льва не нашёл отражение в мифологии, мы не встретили его трактовки ни в научном издании А.В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» (1997), ни в книге В.Я. Петрухина и Т.А. Агапкиной «Славянская мифология» (1995).

В русских народных и литературных сказках лев, в отличие от других животных, также встречается нечасто. В них лев – отважный зверь, но даже у такого сильного животного могут быть страхи, о чём свидетельствует сказка «Лев, щука и человек», в которой храбрый лев удивился, что щука испугалась человека и нырнула в воду, она обосновала это тем, что человек хитрый. Тогда лев решил проверить, так ли это, и пошёл искать человека. Встретив солдата с ружьём, лев решил съесть его, но солдат оказался умнее и попросил льва отойти от него, чтобы тот к нему сам в пасть прыгнул. Лев отошёл, а солдат выстрелил из ружья и потом саблей ему ухо отсёк. Испуганный лев побежал обратно к щуке, рассказал ей о встрече с человеком, а она только подтвердила, что хитёр человек.

Не менее интересен рассказ для детей Л.Н. Толстого «Лев и собачка», в котором повествуется о том, как в Лондоне показывали диких зверей и брали с посетителей не деньги, а собак или кошек на корм диким зверям. И вот однажды один человек принёс с улицы собачку, её кинули в клетку льву, но он не стал её есть. С тех пор собака и лев жили в одной клетке, они ели и играли вместе. Через год собака умерла, лев не смог перенести её смерти, и через шесть дней его не стало. Поскольку эта авторская история адресована детям, она, безусловно, вносит вклад в формирование общенациональной семантики зооморфного образа льва.

В русских баснях XX века образ льва не вошёл в пятерку наиболее частотных зооморфизмов, однако в басенных текстах этого периода представлены интересные, на наш взгляд, семантические приращения, которые находят отражение в ряде эпиграмм. Зооморфный образ *льва*

встречается в 39-ти текстах басен у следующих авторов: С.В. Смирнов, Н. Альтшуллер, Е.И. Аникеев, Д. Бедный, Н.И. Полотай, Е.М. Афанасьев, И. Батрак, С.В. Михалков. Лев в них представлен могучим зверем, который правит другими животными, и даже начальник-медведь вынужден подчиняться королю леса.

Например, в басне Е.И. Аникеева «Нештатная Синица» Медведь, как начальник, был на хорошем счету у Льва; в другой его басне «Крокодиловы слёзы» Кайман обращается за помощью ко Льву и тот не отказывает ему; в басне С.В. Михалкова «Орлы и Воробьи» показана сила и значимость Орлов и Львов: «Орлы и *Львы* не любят мелочиться!».

Помимо Медведя Льву также прислуживает и Лиса. Например, в басне Д. Бедного «Лев, Лиса и Олень» Лиса по приказу Льва своей хитростью заманивает Оленя к нему в логово, но первый раз ему удаётся сбежать, во второй же раз царь зверей расправляется со своей жертвой, а Лиса, пока Лев «глотал кишки да потроха», съела оленьи мозги. Когда же Лев начал их искать, мозгов уже не оказалось, тогда Лиса лукаво ответила: «Да разве ж могут быть мозги у дурака». В басне Е.И. Аникеева «Натюрморт» Лиса восхищается неумелым рисунком Льва: «Ах! Я сдержать не в силах чувства!». Лишь только Мушка Травяная смогла раскритиковать картину: «Таким искусством нечего хвалиться!», и Лев безжалостно раздавил Мушку: «... разве можно, чтобы Муха поучала *Льва*?!».

Лев может просить совет у Лисы, например в басне Е.И. Аникеева «Награда»: «*Лев* на совет призвал Лису». Он прислушивается к её мнению: «Идея-то верна!». В басне С.В. Михалкова «Без вины пострадавшие» показана вся сила и властность Льва, к чьему мнению прислушиваются остальные звери: «*Лев* был в чинах и в силе. / И перед ним, дыханье затая, / На задних лапках многие ходили». Лев был приглашён на концерт, где пели Соловей и Скворец, но, не дослушав пение, Лев покинул зал. Все сразу подумали, что ему не понравилось исполнение солистов, и даже Лиса обвинила птиц в неумении петь: «Певцы тому причиной! / Кто их назвал

«солистами лесов»? / Ни дикции, ни голосов!». Но оказалось, что причина была в другом: Лев морщился не от пения, а потому что «...он лишнего поел, / И тут как раз ему живот схватило!».

Льва, пожалуй, можно отнести к самым властным и могучим зверям, однако после Слона. Так, в басне Е.М. Афанасьева «Лев и Шакал» Слон сильнее Льва: «*Лев* в схватке уступив Слону, / Под бивнем дух последний испускал».

Львица в баснях, так же, как и Лев, проявляет властность. Например, в басне С.В. Смирнова «Законная она» говорится: «Грознее *Льва* / Его супруга – *Львица*». А в басне Е.М. Афанасьева «Ответ» она показана своенравной: «Куда опасней *Льва* Блоха, / Испортившая *Львице* настроенье!».

В достаточно комичном сюжете басни Д. Бедного «Осёл и Лев», казалось бы, великий царь зверей решает завести дружбу с Ослом: «*Льву*... Всё дозволено ему!». Он делает это для того, чтобы Осёл пугал всех в лесу своим «ослиным криком», и звери с испугу мчали туда, где притаился Лев. Такая хитрая задумка помогла *Льву* наесться вдоволь. А в басне Н.И. Полотая «Новый ход» Лев оказывается в комичной ситуации. Он проиграл в шахматы Ослу, сославшись на свой зёв. Осёл же испугался такого исхода: «Хватило же нахальства обыграть начальство!». Он просит Льва взять обратно ферзя, на что Лев, разозлившись, прогоняет его прочь.

Следует отметить, что Лев во многих баснях сталкивается по сюжету с Ослом. В некоторых отношениях они выступают как два противоположных персонажа: Лев как воплощение силы и значимости, Осёл – глупости и невежества. Так, в басне Е.М. Афанасьева «Неразумный Лев» царь зверей «хотел переспорить Осла», из-за чего ему потребовалась помощь медицины, потому что упрямого Осла невозможно переспорить.

Итак, басни XX века, содержащие зооморфный образ *льва*, дополняют и раскрывают сложившийся стереотип о льве как о могучем звере, сильном и бесстрашном. Используя данный образ, авторы обыгрывают закрепившиеся в языковой картине мира характеристики льва и дополняют их в новых

сюжетах. Показывая не только сильные, но слабые стороны Льва, авторы часто сопоставляют его с Ослом (см. басню «Лев и ярлык» С.В. Михалкова), приписывая Льву глупость, они также сохраняют сложившееся мнение о Льве, как о царе зверей, которого уважают и почитают другие животные (см. басню «Старый Лев» С.В. Михалкова).

Таким образом, семантический анализ басенных текстов даёт основания полагать, что образ льва ассоциируется у носителей русского языка с силой, отвагой, важностью, мощью и величием. Примечательно, что одни и те же свойства «львиной природы» в различных басенных сюжетах обретают противоположную по знаку оценочность: как положительную, так и отрицательную.

В итоговой таблице 24 сведены все значения зооморфного образа *лев*, выявленные при анализе указанных выше источников. Эти данные послужат основой при интерпретации семантических реализаций зооморфизма *лев* в текстах эпиграмм.

Таблица 24. Характеристика зооморфного образа *лев* по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Толковый словарь русского языка», 1938 [Т. 2, стб. 31]	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1986 [Т.2, с. 167]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 488]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 774]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 111-114]
1. Крупное хищное млекопитающее, семейства кошачьих, с короткой желтоватой шерстью и пышной гривой у самцов.	+	+	+	+	-
2. Крупное, сильное, смелое, опасное хищное животное, издающее грозный рык.	-	-	-	-	+
3. Тот, кто отличается огромной силой, храбростью и	-	-	+	+	-

смелостью.					
4. О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующимся большим успехом у женщин.	+	+	+	+	-
5. Скульптурное изображение этого животного на столбах ворот, на подъездах, на лестницах, а также изображение его на гербах.	+	-	-	-	-
6. О человеке, родившемся в конце июля – августе, когда солнце находится в созвездии Льва.	-	-	+	-	-
7. Человек, совершающий самоотверженные действия, в которых проявляется его сила и бесстрашие.	-	-	-	-	+
8. Грациозный, ловкий, хваткий и опасный человек.	-	-	-	-	+
9. Могущественный человек, возможно, обладающий властью и занимающий господствующее положение по отношению к другим людям.	-	-	-	-	+
10. Человек, у которого очень густые и пышные волосы.	-	-	-	-	+
11. Денежная единица Болгарии.	+	+	+	+	-
12. Денежный знак соответствующего достоинства.	-	-	-	+	-
13. Одно из двенадцати созвездий Зодиака.	-	-	+	-	-
14. Морской лев – морское животное семейства ушастых тюленей.	+	+	+	-	-

15. Муравьиный лев – похожее на стекозу насекомое, личинка которого поедает муравьёв.	+	-	-	-	-
---	---	---	---	---	---

Среди прочитанных эпиграмм было обнаружено 13 текстов, содержащих зооморфный образ *льва*, которые опубликованы в следующих сборниках: И.И. Игин [1969], С.Я. Маршак [1970], «Русская эпиграмма» [2000]. «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» [2002], «Антология Сатиры и Юмора XX века» [2005].

Данный зооморфизм представлен в виде следующих репрезентантов (8): *лев* (10), *львы* (4), *зверь* (1), *хвост* (1), *рычать* (1), *рвкнуть* (1), *рыкать* (1), *укротитель* (1).

Выделим основные группы репрезентантов зооморфизма *лев* функционирующие в текстах эпиграмм:

1. Синонимичные наименования (15): *лев/львы* – 14 (93%), *зверь* – 1 (7%).

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (5) разнообразны по форме и включают существительные и глаголы, обозначающие действия, свойства, качества льва: *рычать* – 1 (20%), *рвкнуть* – 1 (20%), *рыкать* – 1 (20%).

К этой же группе репрезентантов зооморфизма относится **наименование части тела** льва: *хвост* – 1 (20%), а также слово, обозначающее **специалиста по укрощению диких зверей**: *укротитель* – 1 (20%).

При помощи данных репрезентантов авторы эпиграмм дают характеристику адресату или описывают ситуацию, с которой связан адресуемый.

Зооморфизм *лев* и все репрезентирующие его единицы, будучи образными характеристиками адресата эпиграммы, реализуют также в эпиграммах писателей разные прагматические функции:

1. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (9): А.И. Куприн на А.Н. Толстого – «Он Алексей, но Николаич, // Он Николаич, но не *Лев...*»; У.Б. Радек на К.Е. Ворошилова – «Не лучше ль быть *хвостом у Льва* // Чем задницей у Сталина?»; Л. Молчанов на Л.В. Куклина – «Ни халявы, ни халвы // Не искали... // Ибо – *львы!*»; Г. Соловьёв на М.А. Соболя – «В пушнине значит многое и соболев, // В поэзии ж не всякий Соболев – *лев*»; С.Д. Давыдов на Л.В. Куклина и Л.И. Ошанина – «*Львы* – очень тонкая наука, / Их чтит по-разному народ»; С.Я. Маршак на А.Н. Толстого – «Алексей под видом *льва*. // Но «Петра» преодолев, // Сам теперь почти что Лев!; М.А. Светлов на Л.Р. Шейнин – «Теперь в литературе – *лев*»; А.Б. Раскин на Л.Р. Шейнина – «*Лев* на охоте! // Стар иль молод» и др.

2. Характеристика объекта при помощи игры слов (аббревиация, созвучие, омонимия) с зооморфной номинацией (3): на А.И. Безыменский на Н.Н. Асеева – «Он *рыкает*, как *лев*, а всё выходит ЛЕФ»; Д.С. Смойлов на Л.З. Копелева – «Ты всегда бываешь, Лев, // *Лев* / Не всегда бываешь, *Лев*, // Прав»; А.А. Иванов, А.Я. Рейжевский на М.Д. Львова – «Не выпускают *львов* без *укротителя*, // А Львова без *укротителя*».

3. Характеристика деятельности адресата ассоциативно связанной с животными (1): «Могучий *лев* испытывает страх / Перед неведомым...» (С.Я. Маршак).

Анализ собранного материала показывает, что зооморфный образ *льва* дополняется в эпиграммах писателей целым рядом семантических приращений (см. Приложение 3). Покажем контексты, семантизирующие отрицательные характеристики рассматриваемого зооморфного образа – 4:

1. Подлость в сравнении с благородством – 2 (50%): С.Д. Давыдов на Л.В. Куклина и Л.И. Ошанина – «*Львы* – очень тонкая наука, // Их чтит по-разному народ: // Вот Лев Ошанин – это сука, А Лев Куклин – наоборот!» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 185] и др.

2. Страх – 1 (25%): С.Я. Маршак – «Могучий *лев* испытывает страх // Перед неведомым...» [Маршак, 1970, с. 39].

3. Опасность (подчинение дрессировке) – 1 (25%): А.А. Иванов, А.Я. Рейжевский на М. Львова – «Не выпускают *львов* без *укротителя*, // А Львова... без укоротителя» [Игин, 1969, с. 120].

Среди общего числа эпиграмм, включающих зооморфный образ *льва*, 9 контекстов реализуют положительную характеристику, содержащуюся в следующих семантических компонентах:

1. Значимость, важность, сила, благородство – 5 (56%): Л. Молчанов на Л. Куклина – «Ни халывы, ни халвы // Не искали... // Ибо – *львы!*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 188]; Д. Смойлов на Л. Копелев «Ты всегда бываешь, Лев, // *Лев*» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 255] и т.д.

2. Талант, мощь, смелость, ловкость – 4 (44%): М.А. Светлов на Л.Р. Шейнина – «В прокуратуре осмелев, // Теперь в литературе – *лев*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 356]; С.Я. Маршак на А.Н. Толстого – «Алексей под видом *льва*», «Сам теперь почти что *Лев!*» [Там же, с. 322] и др.

Таким образом, рассмотренные эпиграммы XX века свидетельствуют о том, что авторы текстов большей частью обыгрывают существующие в языковой картине мира оценочные стереотипы льва, используя следующие значения зоонима: «о ком-либо отличающемся большой силой, храбростью, смелостью», «человек, совершающий самоотверженные действия, в которых проявляется его сила и бесстрашие». Авторы эпиграмм наделяют данный образ такими чертами, как отвага, ловкость, смелость, а также новыми качествами, не нашедшими отражения ни в толковых словарях, ни в сборниках устойчивых сравнений. Так, в соответствии с данными словарей, лев в эпиграммах остаётся: 1) крупным, сильным, смелым, опасным хищным животным, издающим грозный рык; 2) тем, кто отличается огромной силой, храбростью и т.п.; 3) могущественным человеком, возможно, обладающим

властью и занимающим господствующее положение по отношению к другим людям.

Из преимущественно новых характеристик, не встречающихся в словарях, выделим следующие качества: подлость, страх, боязнь опасности – отрицательные; значимость, благородство, мощь, талант – положительные.

Следует заметить, что в эпиграммах иногда обыгрывались имена адресатов, омонимичные наименованию зверя (Лев), и авторы текстов, пользуясь этим созвучием, приписывали шаржируемой личности качества могучего животного. Такие эпиграммы чаще всего писались не для того, чтобы высмеять или задеть адресата, а наоборот, для того чтобы высоко оценить его заслуги, поэтому в большинстве текстов (9 эпиграмм) образ льва – царя зверей – выражает положительную оценочность, тогда как только в четырёх – отрицательную.

3.5 Зооморфный образ волка

Зооморфный образ *волка*, так же как и образ *собаки*, встречается в русских баснях и эпиграммах XX века достаточно часто. Однако если собака занимает лидирующие позиции в этих текстах, то волк выходит на второй план, но это не снижает его значимости как в общей языковой картине мира, так и в смеховой её составляющей. При анализе мы опираемся на данные, взятые из толковых словарей, устойчивых выражений, фольклорных произведений и т.д. Так, характеристики зооморфного образа *волк* в общенациональной картине мира были представлены подробно в параграфе 2.3.

Из массива проанализированных нами эпиграмм извлечены 11 текстов с зооморфным образом *волк*, найденные в следующих сборниках: А.Б. Раскин [1959], А.Я. Рейжевский [1986], А.Г. Архангельский [1988], А.А. Иванов [2000], «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» [2002], «Антология Сатиры и Юмора XX века» [2005], «Русская эпиграмма» [2005], «"Крокодил" всех времён и народов» [2007].

Данный зооморфизм представлен в виде следующих репрезентантов (10): *морские волки* (1), *тамбовский волк* (1), *волчья стая* (1), *волчица* (1), *волки* (4), *волк* (3), *серый* (1), *воет* (1), *воют* (1), *рычит* (1).

Выделим основные группы репрезентантов зооморфного образа *волк*, функционирующие в текстах эпиграмм XX века:

1. Синонимичные/частные наименования волка (9). Синонимы основного номинанта образа волка в эпиграммах дифференцируют именуемый объект по разным основаниям: количеству, полу: *волк/волки* – 7 (78%), *волчица* – 1 (11%), *волчья стая* – 1 (11%).

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (6) разнообразны по форме и включают глаголы, обозначающие действия, свойства, качества волка: *воет/воют* – 2 (33%), *рычит* – 1 (16,7%).

Глаголы с зооморфным компонентом используются разными авторами для того, чтобы обозначить образ волка, который отличается от других животных своим характерным воем: например в эпиграмме А.А. Койранского – «*дико воет Эренбург*» автор подчёркивает особенность этого животного – дико выть, приписывая её адресату.

К этой группе относятся **прилагательные, характеризующие масть животного**: *серый* – 1 (16,7%).

В баснях и сказках исторически сложилась традиция называть волка «серым», возможно, в эпиграмме А.Я. Рейжевского на В.М. Пескова автор употребляет данный зооморфизм именно в связи с данными обстоятельствами: «*серый волк* его не понял».

Особое место в этой группе занимают **устойчивые словосочетания**: *морской волк* – 1 (16,7%), *тамбовский волк* – 1 (16,7%).

В некоторых эпиграммах авторы использовали фразеологические обороты, которые связаны с волком. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» приводится следующее объяснение: *морской волк* – *экспрес.* Бывалый, опытный моряк [Фёдоров, 2008, с. 88]; устойчивое выражение *тамбовский волк* появилось от крылатой фразы «Тамбовский

волк тебе товарищ», которая обозначает, что конкретного собеседника не считают товарищем. Одним из вариантов происхождения данной поговорки послужил фильм «Дело Румянцева», в котором герой, шофёр (артист Алексей Баталов), обращается к сотруднику правоохранительных органов: «Товарищ капитан...» и получает ответ: «Тамбовский волк тебе товарищ!». С тех пор фраза прочно вошла в современный русский язык.

Итак, в 11 текстах эпиграмм встречается 10 разноплановых репрезентантов, относящихся к зооморфному образу *волка*. Кроме того, было отмечено, что для передачи зооморфных признаков этого животного в ряде случаев были использованы те же группы репрезентантов, что и в баснях, например синонимы, дифференцированные по разным основаниям (*волк, волчица, волчья стая*), слова с зооморфным компонентом (*рычит, воет*), в которые включены прилагательное, характеризующее масть животного (*серый*), а также устойчивые сочетания, содержащие зооморфизм *волк* (*морской волк*). Таким способом авторы эпиграмм при помощи данных репрезентантов так или иначе указывают на характеристику, приписанную адресату текста.

Зооморфизмы и производные от них единицы реализуют в эпиграммах писателей разные прагматические функции:

1. Характеристика ситуации через привлечение прецедентной зооморфной аллюзии (3): А.Д. Балабуха на О.Н. Ларионову – «Ведь Ларионова – не «Киска», // Но своевольная *волчица!*»; А.Б. Раскин на Ф.И. Панфёрова – «Конец его «Раздумья» вызвал толки, – // Героя съели иль не съели *волки?* // И многие в раздумии твердят: // Пожалуй, съели... *Волки* всё съедят...» и др.

2. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (2): А.Б. Раскин на Г.Е. Рыклина – «Его герои дико голосят, // Шипят и *воют*, испускают стоны, // Ему исполнилось недавно шестьдесят, // Из коих семьдесят он пишет фельетоны»; М.А. Светлов на В.В. Ермилова, В.О. Перцова, К.Л. Зелинского – «Вдруг на

меня напала *волчья стая*... // Не испугался я. // На помощь звать не стал: // Прочёл им две статьи – *волков* и след пропал!».

3. Номинация объекта через зооморфный образ (3): «Тонек» на главного редактора Лениздата Д.Т. Хренкова – «То не *волк*, молодой и нахальный, // Ускользает от вольных стрелков, – То исчез, не устроив отвальной, // Равнодушный редактор Хренков»; А.А. Койранский – «*Дико воет Эренбург*» и т.д.

4. Характеристика объекта при помощи устойчивых выражений с зооморфной номинацией (2): Б.Н. Брайнин на В.М. Пескова – «Среди таёжных обиталищ // Он честно дружит со зверьём, // *Тамбовский волк* ему товарищ, – // В хорошем смысле, а не в "том"»; А.Г. Архангельский на А.С. Новикова-Прибоя – «Украшают книжные полки // Новикова-Прибоя почётные труды. // *Старые морские волки* // Умеют выйти сухими из воды».

5. Характеристика деятельности адресата, ассоциативно связанной с животными (1): А.А. Иванов на А.Д. Папанов – «Когда идёт мультфильм «Ну, погоди!» // И страшный *волк рычит* с телеэкранов, // Мне хочется сказать: ну, погляди, // Он просто шутит, это же Папанов!».

6. Характеристика человека при помощи приписанных ему физиологических особенностей животного (1): Ф.Д. Кривин – «Овцы ели, ели, ели – // До отвала, до победы, – // Так, что *волки* еле-еле // Дождались конца обеда. // И с таким же аппетитом // *Волки* ели, ели славно. // А теперь и овцы сыты, // А уж *волки* и подавно».

7. Ассоциативная связь с волком, осложнённая отсылкой к неким «третьим лицам» (1): А.Я. Рейжевский В.М. Песков – «Он храбро защищал *волков* // От пуль, капканов и силков, // И добротой людей он пронял! // ...Но *серый волк* его не понял».

Зооморфный образ *волка* и его репрезентанты также реализуют в эпиграммах писателей разные семантические характеристики, содержащиеся в большинстве случаев отрицательную оценочность – 13 контекстов (см. Приложение 3).

1. Кровожадность, хищность, коварство – 5 (38,4%): А.Б. Раскин на Ф.И. Панфёрова – «Героя съели иль не съели *волки?*», «Пожалуй, съели... *Волки* всё съедят...» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 245]; М.А. Светлов на В.В. Ермилова, В.О. Перцова, К.Л. Зелинского – «Вдруг на меня напала *волчья стая...*» [Там же, с. 126]; А.А. Иванов на А.Д. Папанова – «страшный *волк рычит* с телеэкранов» [Иванов, 2000, с. 207] и др.

2. Хитрость (явная и скрытая), притворство – 1 (7,7%): Ф.Д. Кривин – «Овцы ели, ели, ели – // До отвала, до победы, – // Так, что *волки* еле-еле // Дождались конца обеда» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 167].

3. Трусость – 1 (7,7%): М.А. Светлов на В.В. Ермилова, В.О. Перцова, К.Л. Зелинского – «Прочёл им две статьи – *волков* и след пропал! [XX век в эпиграммах, 2002, с. 126].

4. Своенравие – 1 (7,7%): А.Д. Балабуха на О.Н. Ларионову – «Ведь Ларионова – не "Киска", // Но своевольная *волчица!*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 194-195].

5. Неблагодарность – 1 (7,7%): А.Я. Рейжевский на В.М. Пескова – «Он храбро защищал *волков* // От пуль, капканов и силков», «И добротой людей он пронял! // ...Но *серый волк* его не понял» [Рейжевский, 1986, с. 80].

6. Нахальство, наглость – 1 (7,7%): «Тонек» на Д.Т. Хренкова – «То не *волк*, молодой и нахальный, // Ускользает от вольных стрелков» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 377].

7. Общеотрицательные характеристики – 3 (23%): Б.Н. Брайнин на В.М. Пескова – «Он честно дружит со зверьём, // *Тамбовский волк* ему товарищ, – // В хорошем смысле, а не в "том"» ["Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 213]; А.А. Койранский – «Дико *воет* Эренбург / Одобряет Инбер дичь его» [Русская эпиграмма], 2005, с. 315] и т.д.

Среди общего числа эпиграмм, включающих зооморфный образ *волка*, только одна эпиграмма реализует положительную характеристику, которая содержит следующие семантические компоненты: **опытность, сноровка** –

А.Г. Архангельский на А.С. Новикова-Прибоя – «Старые морские волки // Умеют выйти сухими из воды» [Архангельский, 1988, с. 307].

Таким образом, в ряде рассмотренных эпиграмм XX века отмечено, что авторы в большинстве текстов обыгрывают существующие в языковой картине мира оценочные стереотипы волка, которому присущи злость и кровожадность. Так, в сравнении с данными словарей, волк в эпиграммах остаётся: 1) диким хищным животным; 2) жестоким и беспощадным хищником; 3) угрюмым, недоброжелательным человеком; 4) тем, кто много испытал, привык к невзгодам, опасностям, искушён в каком-либо деле.

Волк, так же как и в баснях XX века, обладает хитростью, кровожадностью, трусостью. Из преимущественно новых характеристик, не встречающихся в словарях и в баснях XX века, выделим следующие качества: неблагодарность, нахальство, наглость и своеобразие. В нескольких эпиграммах образ волка был использован с недифференцированными общеотрицательными характеристиками.

3.6 Зооморфный образ змеи

Образ змеи, относящийся к числу древних мифологических образов, встречается в русских народных сказках, устойчивых сравнениях, пословицах и поговорках, а также в эпиграммах XX века.

Рассмотрим репрезентацию лексемы «змея» в толковых словарях (см. Приложение 1).

В «Толковом словаре русского языка» слово «змея» в первом значении обозначает «пресмыкающееся животное с длинным, извилистым чешуйчатым телом, длинным, раздвоенным на конце языком, часто с ядовитыми зубами (зоол.)». Эта дефиниция определяет прямое значение данного слова. Во втором значении, сопровождающемся пометами *перен.*, *разг.*, слово выражает метафорическую характеристику, направленную на человека – «коварный, ехидный, злой человек» [Ушаков, 1935, т. 1, стб.

1106]. Производное метафорическое значение получило развитие на основе семы 'ядовитый', переосмысленной как внутреннее качество человека.

В «Словаре русского языка» в 4-х томах представлено три значения лексемы, причём во втором значении, как и в предыдущем словаре, зооним обретает семантику оценочной характеристики, относящейся к человеку: 1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами; 2. О коварном, хитром, злом человеке [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 615].

В «Большом толковом словаре русского языка» слово «змея» представлено как двузначное: 1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног (обычно с ядовитыми железами в пасти); 2. О коварном, хитром, злом человеке. [Кузнецов, 2000, с. 367]. Здесь показан тот же семантический рост зоонима в образную зоонимическую характеристику личности.

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» приводятся два значения лексемы «змея»: в своём первичном лексико-семантическом варианте это слово имеет прямое номинативное значение и обозначает пресмыкающееся с длинным телом. Во втором значении зоонима, содержащем пейоративную оценку, слово является характеристикой человека, который обладает такими качествами, как коварство, хитрость и злость [Ефремова, 2001, т. 1, с. 557].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в русском языковом сознании семантика образа змеи развивалась избирательно: из всех элементов исходного значения лексемы в характеризующем значении, применяемом к человеку, нашли отражение семы 'коварный', 'ехидный', 'злой', 'хитрый'.

В монографии Е.В. Дерюгина относят к зооморфному образу змеи следующие семы – 'коварство', 'ядовитость', 'форма животного', которые формируются в языковом сознании русского этноса. Автор также указывает, что по данным БЭС змея – экваториальное созвездие, состоящее из двух

частей, разделённых созвездием Змееносца. Таким образом, данный зооним имеет сферы-мишени, проецируемые на человека, а также название, относящееся к небесным телам [Дерюгина, 2011, с. 102].

Следующим после толковых словарей источником выявления совокупной языковой семантики словесных образов считаются фразеологические словари, в которых представлены устойчивые выражения с зооморфным компонентом *змея*.

Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» представлено 8 устойчивых словосочетаний, содержащих зооморфный образ *змеи*, которые используются только с негативной оценочностью: *Змей-Горыныч, до зелёна змея, змея лютая, змея подколотная, зелёный змий, змий-искуситель, змеиная мудрость, отогреть змею на груди*.

И.В. Холманских отмечает, что зооним *змея*, «являясь общевидовым названием, выполняет функции базового стержня в классе пресмыкающихся» [Холманских, 2000, с. 124]. Автор утверждает, что формирование и функционирование рассматриваемого зообраза в компаративной фразеологии почти целиком основано на ложных представлениях о змее как о символе ядовитости, зла и коварства, истинных же качеств зачастую или не знали совсем, или связывали змею с церковной легендой о дьяволе-искусителе. Более древним и близким к истине является представление о змее как о символе здоровья.

В диссертационной работе И.В. Холманских представлено 13 русских фразеологизмов с зоонимом *змея*. Приведём примеры и разделим их на следующие группы: 1) лживый, хитрый человек: *юлит как змея, правды как у змеи ног, изворачивается как змея на сковородке, вертится как змея на кочке (диал. ирк.), завертелась как змея в мешку (диал. пск.)*; 2) человек, отличающийся мудростью: *мудрый как змей (змий)*. Кроме указанных признаков, автор также отмечает следующие: «вспыльчивый», «неприятный», «коварный», «с плохим характером», «постоянно занятый» [Холманских, 2000, с. 12].

В «Большом словаре русских народных сравнений» насчитывается более 100 употреблений со словом «змея» [Мокиенко, Никитина, 2008]. Представим зооморфный образ *змеи* в русских народных сравнениях по материалам данного словаря, систематизировав эти устойчивые единицы в таблице 25 по признаку оценочности: положительная, отрицательная и неопределённая (таблица составлена в соответствии с авторскими комментариями).

Таблица 25. Образ змеи в устойчивых сравнениях

Положительная оценочность (6)	Отрицательная оценочность (48)	Неопределённая оценочность (13)
<p>блестеть (сверкать, переливаться) как змея (змеёй); гибкий как змея; мудр (мудрый) как змея; проворный как змея; тонкая как змея; храбрая как змея.</p>	<p>взгляд как у змеи; глядеть что змея; облезать как змея; ползти как змея (змеёй); скользкий как змея; смотреть (глядеть) как змея (змеёй); шипеть как змея (змеёй, змеёю); шипучий как змея; ядовита как змея ползуча; как змеи; Как ног у змеи, так у плута концов не найдёшь; правды как у змеи ног: не найдёшь; вертеться как змея под вилами; виться как змея рябая в глазах; выскальзывать/выскользнуть как змея (змеёй); глядеть как змея из-за пазухи; (жена) во глаза глядит – что змея шипит; жена да муж – змея да уж; завертеться как змея в мешку; змея змеёй; идти/пройти (ходить/проходить) как змея (змеёй); извиваться как змея; как (словно, будто, прямо) змея; как змея подпазушна; как подколотная змея; Клевета как змея подкрадывается; коварный как змея подколотная; колготная как змея; (коса) что змея; крутиться (вертеться, выкручиваться) как змея на огне; лукав как змея; лютая как змея сипучая; метнуться как змея (змеёй); мотаться (метаться) как змея на огне; неуловим (неуловимый) как змея; приехать как змея на колеснице; приставать/пристать как змея; притаиться как змея подколотная; прост как свинья, а лукав как змея; (рыбина) как змея; сверкать/сверкнуть как змея чешуёй (чешуёю); сера что свинья, а зла что змея; сипеть (орать) как змея; сипеть как змея из-под колодины; скользить как змея (змеёй); коварный как змий; пьяный как змий; яко змий; раздавить как змия</p>	<p>кожа облезает как у змеи; длинный как змея; виться (извиваться) змеёй (как змея); обвиваться/обвиваться змеёй; свиваться/свитья (скручиваться/скрутиться) змеёй; стелиться змеёй; как серые змеи; шуршать как змеи шипят; (озеро) как змея; узкая как змея; уползать/уползт и как змея (змеёй); хвост как змея; развеиваться змеями.</p>

	спящего.	
--	----------	--

Как видим, приведённые в словаре устойчивые сравнения с зоонимом *змея* или другими именованиями этого животного в большинстве своём отличаются негативной оценочностью, поскольку включают прилагательные или глаголы с пейоративной семантикой либо в целом называют неприятную ситуацию, связанную с этим животным. В положительной характеристике прослеживается мудрость и храбрость, сила змеи, что, видимо, связано с представлением народов, живших в странах Азии и Африки о целебном её яде [Холманских, 2000, с. 124].

В русских пословицах змея попадает в разряд гадов из-за своей ядовитости, она также считается смертельным врагом человека. Покажем в таблице 26 пословицы, собранные в работе [Даниленко, 2017, с. 237].

Таблица 26. Образ змеи в русских пословицах и поговорках

Отрицательные характеристики (22)
Сколько змею не держать, а беды от неё ждать; Змея меняет шкуру, но не меняет натуру; Хоть змея и в новой коже, а сердце у неё тоже; Скинула змея кожу, да яд остался при ней; Змея один раз в год меняет шкуру, а предатель – каждый день; Глядит как змея из-за пазухи; Отогрел змею за пазухой; Попадья (сваха) лукавая – змея семиглавая; Выкормил змейку на свою шейку; Змея змею перешипела; Змею станешь бить – и та покручивается; Убив змею, надо повесить её на осину; У змеи ног, у плута концов не найдёшь; Змею обойдёшь, а от клеветы не уйдёшь; Лучшая из змей есть всё-таки змея; Змея кусает не для сытости, а ради лихости; Змея погибает, а яд выпускает; Змея свинью не кусает; Зол, что змея, а бессилён, как свинья; Прост как свинья, а лукав как змея; Змея агнца не рождает; Пригрел змейку, а она тебя за шейку.

Как видно из таблицы, образ *змеи* в русских пословицах представлен только как носитель отрицательных характеристик. Это связано с тем, что змея издавна считалась хищной, хладнокровной и опасной, люди боялись и остерегались её.

В «Лингвокультурологическом словаре» отмечается, что змея «относится к числу древнейших мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека, предмета, ситуации» [Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 79].

Утверждается также, что змея отражает основные характерные особенности гадов и сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, она ядовита, но в то же время целебна (см. Приложение 1).

Змей – персонаж славянской мифологии, в народной демонологии – злой дух. По народным представлениям, змей происходит от змеи, которая семь лет не слышала человеческого голоса, или из рыбы, когда ей исполнится сорок лет. Змея имеет вид покрытого панцирем огромного дракона с одной или несколькими головами и таким же количеством крыльев и когтей (см. Змей-Горыныч). Из пасти змея вырывается пламя, его полёт сопровождается гулом, громом, бурей. В народных верованиях змей имеет вид молнии, метеорита, летящих огней; птицы, чаще всего – орла. Змея можно изгнать шумом, звоном, битьём в колотушки. Он не сможет войти в дом, если над очагом повесить траву валериану или если во дворе есть чёрная собака, которую змеи очень боятся [Славянская мифология, 1995, с. 196-197].

По мнению А.В. Гуры, змея – один из наиболее многозначных и полифункциональных животных персонажей. С одной стороны, змея приносит зло, а с другой – способствует благополучию. Она отравляет и исцеляет, вызывает дождь и засуху, навлекает и отвращает град, убийство её расценивается как грех и в то же время сулит прощение грехов и т.д. [Гура, 1997, с. 277].

Змея и змею объединяет не только родственные названия, но и родственные мифологические представления. Символика змея в огромной степени вырастает из змеиной. С одной стороны, змей может пониматься иногда как просто змея, или как большая змея, или как мужская её разновидность, иногда как обычная змея, у которой выросли крылья. С другой – сама змея как животный персонаж наделяется целым рядом демонологических свойств, присутствующих и в образе змея. Таким образом, демонологические признаки присутствуют и в образе змеи, и в образе змея, однако у змеи они представлены в той же степени, что и у других животных, а у змея они преобладают. Именно это обстоятельство, а также

фантастичность облика змѣя как существа вымышленного, не имеющего, в отличие от змеи, реального соответствия в природе, и заставляет традиционно относить его к демонологическим персонажам [Гура, 1997, с. 277-278].

Образ змеи в русских народных сказках всегда имеет отрицательные характеристики. Герой в сказке часто вынужден вступать в схватку со змеёй (змѣем), чтобы одолеть её (его).

В волшебной сказке «Змей Горыныч» место обитания крылатого змѣя связано с горами. Уже само имя «Горыныч» как будто означает «живущий в горах». Однако, по справедливому замечанию В.П. Аникина, это не совсем так: «Связывая змея с горами и называя его Горынычем, народ первоначально имел в виду не горы в первом и точном современном смысле этого слова. "Горыныч" обозначает "обитающий вверху", не обязательно на горах, это слово могло означать и огонь, возникший в результате грозового удара в лесное дерево» [Аникин, 1977, с. 58-59].

В сказке «Иван – крестьянский сын и чудо-юдо» сказочный змей обладает множеством голов. Лишь на третий день Иван смог одолеть змѣя, отрезав ему огненный палец и все головы до единой. Но на этом борьба не закончилась, в заговор против Ивана вступают чудо-юдовы жены и мать – старая змеиха. Узнав об их коварном плане, он и его старшие братья, идя домой, встречают на своём пути ловушки со злодейками-змеями, однако Иван не дал братьям и себя обмануть и уничтожил змеюк.

В сказке «Царевна-змея» казак случайно поджѣг сено пеплом, в том пламени он увидел девушку, молящую о помощи. Чтоб спасти её, он сунул в огонь свою пику, а девушка обернулась змеёю и обвилась вокруг шеи казака. Казак испугался, но змея успокоила его, пообещав ему, что если он найдѣт оловянный зámок и проживѣт там семь лет, то будут счастливы. Так казак и поступил, и пророчество змеи исполнилось.

Аналогичная сказка «Волшебное кольцо» повествует о герое – Мартынке, который встретил на пути красную девицу. Как и в сказке

«Царевна-змея» девушка обернулась змеёю и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался, но змея успокоила его и отправила в тридешатое государство – в подземельное царство, где её батюшка царствует, и посоветовала ему не брать богатства от её отца, а попросить волшебное кольцо. И в этой сказке счастливый конец, герой Мартынка и красная девица вскоре сыграли свадьбу.

В другой сказке «Про глупого змея и умного солдата» говорится о солдате, который шёл с войны домой. Он решил остановиться и переночевать в маленькой деревушке. Ни в одной избе не откликались на его стук, тогда он вошёл в одну избу и увидел плачущего старика. Старик рассказал, что в этой деревне всех съел змей, а его до утра оставил. Солдат решил остаться и посмотреть на злодея. Прилетел утром змей, обрадовался, что теперь на завтрак не один, а два человека. Тогда солдат решил вступить с ним в диалог, и они начали мериться силой. Он смог перехитрить змея и спасти себя и старика. Так при помощи сноровки солдату удалось одолеть змея, больше он в деревню летать не стал.

Иван-царевич в сказке «Хрустальная гора» помог зверям разделить падаль, за что был награждён волшебной силой – превращаться в ясного сокола или муравья, когда ему будет нужно. Тогда полетел он в тридешатое государство служить государю. Иван смог одолеть змея, который прилетал в королевство, он разрезал ему туловище пополам. Так, в конце сказки царевич при помощи своей силы освободил царевну из хрустальной горы и привёл её к отцу.

Таким образом, анализ материала из приведённых выше источников даёт основания полагать, что образ змеи (змéя) в русских народных сказках наделяется волшебными свойствами – она (он) летает, имеет множество голов, из которых выходит пламя. Однако, кроме отрицательной характеристики, змея, возникающая из образа молодой девушки, даёт мудрые наказания главному герою, который её спасает. Из этого следует, что образ змеи

содержит не только пейоративную, но и мелиоративную характеристику (мудрость).

В итоговой таблице 27 сведены все значения зооморфного образа змея, выявленные при анализе указанных выше источников. Эти данные послужат основой при интерпретации эпиграммных реализаций зооморфизма змея.

Таблица 27. Характеристика зооморфного образа змея по данным словарей

Семантические компоненты (семы)	«Толковый словарь русского языка», 1935 [Т. 1, стб. 1106]	«Словарь русского языка» в 4-х томах, 1985 [Т. 1, с. 615]	«Большой толковый словарь русского языка, 2000 [с. 367]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка», 2001 [Т. 1, с. 557]	«Лингвокультурологический словарь», 2004 [с. 79-82]
1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами.	+	+	+	+	–
2. Коварный, ехидный, злой, хитрый человек, способный на предательство.	+	+	+	+	+
3. В знач. нареч. Образующий извивы, кольца, зигзаги.	–	+	+	–	–
4. Человек с недобрым, злобным отношением к окружающему миру.	–	–	–	–	+
5. Человек с поведением в определённых ситуациях, соотносимых с поведением змеи.	–	–	–	–	+
6. Внешность человека, предмета, чувства или ситуации, которые воспринимаются говорящим как зловещие и предвещающие опасность.	–	–	–	–	+
7. Ситуации, которые вызывают ассоциации с одной	–	–	–	–	+

из характерных особенностей змеи.					
8. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар.	-	-	-	-	+
9. Змее приписывается мудрость.	-	-	-	-	+
10. Змея может употребляться как синоним слову «жена».	-	-	-	-	+
11. Сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала.	-	-	-	-	+
12. Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает её оцепенение.	-	-	-	-	+
13. Убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (периодически сбрасывает кожу).	-	-	-	-	+
14. Змея ядовита и целебна.	-	-	-	-	+
15. Змея – и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку.	-	-	-	-	+

Зооморфный образ *змеи* встречается в эпиграммах XX века реже по сравнению с другими зооморфизмами и занимает пятое место после

зооморфного образа *волка*. При анализе мы опираемся на зооморфные характеристики, присущие ей по данным словарей, мифологии, русских народных сказок, пословиц и т.д.

Из общего числа проанализированных эпиграмм нами было извлечено 11 текстов с зооморфным образом *змеи*, найденные в следующих сборниках: А.Б. Раскин [1959], В.И. Гафт [2008], «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» [2002], «Антология Сатиры и Юмора XX века» [2005], «Русская эпиграмма» [2005], «"Крокодил" всех времён и народов» [2007].

Данный зооморфизм представлен в виде следующих репрезентантов (13): *змея* (3), *удава* (2), *змеиный яд* (2), *шипеть* (2), *ужален* (1), *пресмыкаться* (1), *уж* (1), *гадюка* (1), *жало* (1), *головка змеиная* (1), *кусать* (1), *змеи* (1), *шипенье* (1).

Выделим основные группы репрезентантов зооморфизма *змея*, функционирующие в текстах эпиграмм:

1. Синонимичные наименования змеи (7). Синонимы основного номинанта образа змеи в текстах эпиграмм дифференцируют именуемый объект по разным основаниям (количеству, полу, классификации): *змея/змеи* – 4 (57%), *удава* – 1 (14,3%), *уж* – 1 (14,3%), *гадюка* – 1 (14,3%).

2. Слова с зооморфным семантическим компонентом (9) разнообразны по форме и включают глаголы, существительное, кратное причастие, обозначающие действия, свойства, особенности змеи: *шипеть* – 2 (22,2%), *шипенье* – 1 (11,1%), *кусать* – 1 (11,1%), *пресмыкаться* – 1 (11,1%), *ужален* – 1 (11,1%).

К этой группе относятся **обозначения части тела животного** и того, что выпускает змея: *змеиный яд* – 2 (22,2%), *головка змеиная* – 1 (11,1%).

Итак, в 11 текстах эпиграмм встречается 13 разноплановых репрезентантов, номинирующих зооморфный образ *змеи*. Они разделены нами на следующие группы: наименования, входящие в синонимичный ряд с доминантой «змея» (*змея*, *удава*, *уж*); слова с зооморфным компонентом, включающие обозначения части тела змеи и того, что она выпускает

(ужален, змеиный яд). Наиболее частотной является последняя группа (*шипеть, пресмыкаться* и т.д.), поскольку слова с зооморфным семантическим компонентом отражают в обобщённом виде характеристики и/или особенности базового зооморфизма. Таким способом при помощи данных репрезентантов авторы эпиграмм указывают на характеристику адресата или ситуации, с которой связан адресуемый.

Зооморфизмы и производные от них единицы реализуют в эпиграммах писателей разные прагматические функции:

1. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (5): Л.В. Куклин на И.М. Хакамаду – «Да, Хакамада – не наяда: // И в ней на всех хватает яда!»; Е.Г. Полонская на В.А. Кочетова – «но вылечил его китайский врач *змеиным ядом*... // Больной здоров, как прежде: ест, *шипит, кусает*...»; А.Б. Раскин на Г.Е. Рыклина – «Его герои дико голосят, // *Шипят* и воют, испускают стоны»; В.И. Гафт на И.П. Мирошниченко – «В конском черепе у дамы // Раздалось *змеи шипенье*»; С. Есенин на Д. Бедного – «Достиг! Советские чины // Ему за это дали право // Носить расстрелянных штаны // И получать пайки *удава*».

2. Номинация объекта через зооморфный образ (2): В.С. Лихачёв – «Змею Буренин раздавить хотел, // Но был *ужален* ею в тело. // И что ж? Буренин здоров и цел, // *Змея* ж на месте околела»; Л.В. Куклин «Предостережение» – «Встречайте трезво год *Змеи*... // Вокруг сограждане твои, // И все способны *пресмыкаться*».

3. Характеристика деятельности адресата ассоциативно связанной с животными (2): Н.М. Олейников на Ч. Дарвина – «Он видел *головку змеиную* // И *рыбий* раздвоенный хвост»; Л.В. Куклин на Н.Н. Дроздова – «Друг *змей, пауков* и дроздов».

4. Характеристика объекта при помощи сравнительного оборота с зооморфной номинацией (1): Л.И. Ошанин – «Он свернулся, как *удав*, // *Переваривая* пищу».

5. Характеристика объекта при помощи игры слов с зооморфной номинацией (1): А. Сивицкий, Ю. Тимьянский «В мире животных» – «Ужа в объятиях держа, // *Гадюка* так его зажала, // Что тот пообещал, дрожа, // Впредь уважать её за *жалю*».

Зооморфный образ *змеи* и его репрезентанты также реализуют в эпиграммах писателей разные семантические характеристики (см. Приложение 3). Покажем контексты, семантизирующие выделенные отрицательные характеристики рассматриваемого зооморфного образа – 9.

1. Опасность, коварство – 3 (33,3%): Л.В. Куклин «Ирине Хакамаде в год Змеи» – «И в ней на всех хватает *яда*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 339]; А.Б. Раскин на Г.Е. Рыклина – «*Шипят* и воют, выпускают стоны» [Раскин, 1959, с. 124] и др.

2. Ненасытность, хищность – 2 (22,2%): Л.И. Ошанин – «Он свернулся, как *удав*, // Переваривая пищу» ["Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 404] и т.д.

3. Ядовитость – 2 (22,2%): В.С. Лихачёв – «*Змею* Буренин раздавить хотел, // Но был *ужален* ею в тело» [Русская эпиграмма, 2005, с. 279]; Е.Г. Полонская на В.А. Кочетов – «Но вылечил его китайский врач *змеиным ядом*... // Больной здоров, как прежде: ест, *шипит*, *кусают*...» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 178].

4. Угодничество, преклонение – 1 (11,1%): Л.В. Куклин, «Предостережение» – «Встречайте трезво год *Змеи* // Не стоит слишком увлекаться: // Вокруг – сограждане твои, // И все способны *пресмыкаться!*» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 406].

5. Слабость, беспомощность против силы – 1 (11,11%): А. Сивицкий, Ю. Тимьянский «В мире животных» – «Ужа в объятиях держа, // *Гадюка* так его зажала, // Что *уж* пообещал, дрожа, // Впредь уважать её за *жалю!*» ["Крокодил" всех времён и народов, 2007, с. 463].

Среди общего числа эпиграмм, включающих зооморфный образ *змеи*, лишь один текст реализует положительную характеристику, которая

содержит следующие семантические компоненты – **красота, изящество**: Н.М. Олейников на Ч. Дарвина – «Он видел *головку змеиную* // И рыбий раздвоенный хвост... // Был Дарвин известный учёный, // Но он красоты не имел» [Антология Сатиры и Юмора XX века, 2005, с. 211].

Выделим также эпиграмму, в которой не было выявлено чёткой оценочной характеристики зооморфного образа *змеи*: Л.В. Куклин на Н.Н. Дроздова – «Друг *змей*, пауков и дроздов» [XX век в эпиграммах, 2002, с. 113].

Таким образом, в ряде рассмотренных эпиграмм XX века отмечено, что авторы текстов обыгрывают существующие в языковой картине мира оценочные стереотипы змей, используя следующие значения: «о коварном, хитром, злом человеке», «ядовитость и целебность», наделяя данный образ следующими семантическими признаками 'опасность', 'коварство', 'злость', 'хищность', а также новыми чертами, не нашедшими отражения ни в словарях, ни во фразеологии, ни в других источниках. Так, в сравнении с данными словарей, змея в эпиграммах остаётся: 1) пресмыкающимся животным с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами; 2) *перен.* коварным, хитрым, злым человеком.

Из преимущественно новых характеристик, не встречающихся в словарях, выделим следующие качества: отрицательные – коварство, ненасытность, хищность, угодничество, преклонение, слабость, беспомощность; положительные – красота, изящество.

Это значит, что зооморфный образ *змеи* в эпиграммах служит не только для положительной характеристики адресата, но и для того, чтобы высмеять его или задеть, авторы текстов используют этот образ чаще в качестве средства отрицательной оценочности.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Русская эпиграмма XX века сохраняет и продолжает традиции классической эпиграммы, сформировавшиеся ещё в пушкинскую эпоху.

Остроумному осмеянию подвергаются недостатки в общественно-литературном движении, реже в общественно-политической жизни страны. Эпиграммы рассматриваемой эпохи также отражают эстетические тенденции. Многие тексты адресованы конкретным лицам в основном творческих профессий: писателям, учёным, критикам, актёрам, художникам, скульпторам и т.д.

Тексты русской эпиграммы XX века так же, как и басни исследуемого периода, обладают значительным корпусом зооморфных образов, в которых зачастую содержится отрицательная оценка, направленная на адресата. Хотя, по нашим наблюдениям, в отличие от басенного текста, в эпиграммах зооморфизмы менее частотны, а зооморфные образы в них менее цельны, объёмны, «полнокровны». Они нередко используются как карикатурное изобразительное средство для подчеркивания в объекте изображения элементов сходства с тем или иным животным. При этом признак сходства может быть в известной степени случайным, внешним – имя человека, заметная черта его внешности, особенности поведения и т.д.

Зооморфизмы в эпиграммах служат для характеристики личностных качеств адресата или определённых событий его жизни. Авторы такого вида смехового текста, используя зооморфизмы как средство характеристики персонажа, обыгрывают их устоявшиеся в языковой картине мира значения, дополняя при этом образы новыми контекстуальными смыслами, обогащающими социальные и индивидуально-личностные свойства зооморфных единиц.

Отличительной особенностью эпиграммы XX века является сближение её с басней, пародией и частушкой. Именно поэтому в некоторых сборниках можно встретить один и тот же текст, который может быть причислен и к басне, и к эпиграмме. Как правило, в такого рода текстах функционируют зооморфные образы, а адресат в них может отсутствовать, что является отличительной особенностью басни, в которой характеристики, присущие

«басенным животным»), нацелены на обличение общественных пороков, а не недостатков отдельных личностей.

В собранном материале тексты эпиграмм в основном имеют дружескую, комплиментарную направленность, в большинстве из них авторы не ставили перед собой задачу высмеять или оскорбить адресата, а скорее, наоборот, посредством юмора и добродушной иронии они попытались задеть его чувства, добродушно подшутить над ним. Большинство произведений этого жанра было написано по поводу юбилеев и других знаменательных событий в жизни адресатов и потому имело целью не резкую критику каких-либо их недостатков, а скорее мягкую иронию, шуточную похвалу, облеченную в юмористическую стихотворную форму, которая по прагматике близка к изобразительному жанру шаржа. Образ животного в каждом таком тексте – это не обличительно-сатирическая аллегория, он выполняет не функцию характеристики объекта по какому-либо отрицательному признаку; это, скорее, изобразительная метафора, создающая по-товарищески шаржированный образ адресата.

Семантический и прагматический аспекты функционирования зооморфных образов в эпиграммах XX века предполагают выявление новых смысловых элементов и семантических характеристик, свойственных данной эпохе. Проанализированный материал показал, насколько частотны (330 текстов) и актуальны зооморфизмы, употребляемые в этом смеховом тексте, а также как формируется их текстовая семантика и развивается коннотативный потенциал.

Квантитативным методом были определены пять наиболее частотных зооморфных образов, активно использующиеся в эпиграммах писателей XX века: *собака*, *конь/лошадь*, *лев*, *волк*, *змея*. Установлено, что наиболее частотным из них является зооморфизм *собака*, который был определён как самый многоплановый и семантически разнообразный и в баснях исследуемого периода. В этих двух смеховых жанрах образ названного

животного получил широкое семантическое развитие и обрёл разноплановые отрицательные и положительные коннотации.

Рассмотренные наиболее востребованные в эпиграммах образы животных имеют большое количество репрезентантов, разделённых нами на следующие группы: синонимичные наименования зооморфизма; слова с зооморфным семантическим компонентом: наименования частей тела животного (соматизмы), его окраса/масти, слова, называющие место обитания животных т.д.; слова, характеризующие отличительные качества/особенности зооморфизма и др. В число репрезентантов входят также устойчивые словосочетания и сравнительные обороты. Некоторые группы репрезентантов представляют лишь один зооморфный образ: имена собственные (клички животного), отсылающие к прецедентному тексту; наименования породы собак или указание на породу – зооморфизм *собака*; слова, напрямую относящиеся к трудовой деятельности зооморфизма – зооморфный образ *коня/лошади*.

Некоторые репрезентанты зооморфного образа *собаки* совпадают в рассмотренных нами смеховых текстах двух разных жанров (породы собак, синонимы основного имени зооморфизма, клички собак, указания на прецедентные тексты). Это значит, что данный зооморфный образ в эпиграммах и баснях можно считать в основе своей единым.

Зооморфные образы в текстах эпиграмм сохраняют свойственные им в языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические значения, направленные на человека; в основных своих характеристиках они связаны также с фольклорными образами, но в то же время обретают новые контекстуально обусловленные черты. Наибольшее число таких оригинальных отрицательно оценочных характеристик в эпиграммах приобрёл зооморфный образ *коня/лошади*, а положительных – зооморфизм *лев*. Среди наиболее частотных характеризующих компонентов семантики зооморфных образов в эпиграммах выделяется целый ряд отрицательных –

злость, подлость, угодничество, хищность, слабость, опасность; и лишь один положительный – *сила*.

Установлено также, что хотя зооморфные образы в эпиграммах могут сохранять традиционные черты, присущие им в баснях и фольклорных произведениях (волк – *кроважадность*, собака – *услужливость*), однако большинство зооморфизмов в эпиграммных текстах получает способность выражать несвойственные им сатирические характеристики как отрицательные: лев – *подлость, страх*, конь/лошадь – *выгода, беспечность, притворство* и т.д., волк – *своенравие, неблагодарность, нахальство*; так и положительные: змея – *красота, изящество*, лев – *значимость, талант*, конь/лошадь – *успех, свободолюбие*, собака – *чувство собственного достоинства*.

Анализ текстового материала позволяет сделать вывод, что зооморфные образы в русских эпиграммах XX века, по сравнению с басенными зооморфизмами, семантически более разнообразны и оригинальны, писатели привносят в них новые индивидуально-авторские смыслы (*змея* – *красота, изящество*, *волк* – *неблагодарность, нахальство*, *лев* – *талант* и др.). Адресуя тексты известным общественным деятелям, они при помощи зооморфизмов оценивают такие качества адресатов, как особенности характера, яркие черты личности, творческие искания и достижения. В ряде эпиграмм зооморфные образы служат для осмеяния каких-либо черт изображаемого субъекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая картина мира даёт определённое представление о мироздании, которое отражено в языковых значениях, хранящих в нашем сознании отражение предметов и явлений окружающей нас действительности. Язык в этом смысле является зеркалом культуры, так как благодаря ему формируется мировидение народа и выражаются все имеющиеся в коллективном сознании образы и смыслы (мифологические, фольклорные, религиозные и проч.).

Язык сохраняет сведения, которые накапливаются народом на протяжении всей его истории и, концентрируясь в языковых значениях лексем, воплощаются в мифах и фольклорных текстах: русских народных сказках, пословицах, поговорках; а также в устойчивых сравнениях и словосочетаниях. Поскольку своеобразие общезыковой и фольклорной семантики во многом обуславливает особенности построения языковой картины мира, ядерная часть которой отражена в национальном словаре, то в данном исследовании анализ зооморфных образов в русских баснях и эпиграммах XX века опирался на материалы толковых словарей, а также на сведения из сборников фольклорных произведений, содержащих традиционные народные представления о том или ином зооморфном образе. Изучение текстовых реализаций зооморфизмов на фоне их общезыковой и фольклорной семантики способствовало дополнению образов животных новыми характеристиками, не свойственными традиционным представлениям о них.

Ввиду того что смеховые тексты являются важным элементом в существовании «социума и каждого индивида» в диссертационном исследовании рассмотрена смеховая картина мира как отдельная область языковой картины мира. Смеховое интересно уже тем, что имеет собственную прагматику: будучи вторичным по отношению к серьёзному, оно направлено на такое его искажение, благодаря которому выявляются и сатирически отрицаются недостатки, поддающиеся исправлению.

Действительно, многие смеховые тексты дают основания полагать, что они нацелены на решение идеологических, политических, социальных проблем, отличающихся масштабностью тематики. Неотъемлемой составляющей смеховой картины мира является смеховой дискурс, включающий в себя сатирический дискурс, где объект, изображённый в общественно значимой ситуации, становится предметом жёсткой, обличительной насмешки, а также юмористический дискурс, в котором автор выражает добродушное отношение к объекту смеха.

В настоящем исследовании такие смеховые тексты, как басня и эпиграмма, отнесены к текстам-репрезентантам смеховой картины мира, включающим разные типы комического: сатиру, юмор, иронию, сарказм и т.д. При этом басни считаются жанром комического, представляющим собственно сатирический дискурс, а эпиграммы рассматриваются как бивалентный жанр комического, способный к выражению разной степени обличительности осмеяния и реализующийся как в сатирическом, так и в юмористическом дискурсах.

Русская басня XX века сохранила ранее свойственную ей актуальность. В текстах исследуемого периода авторы поднимают вечные проблемы добра и зла на новом, современном им социальном материале. Многие баснописцы откликались на важные события своего времени, а мораль их текстов нередко превращалась в агитационный призыв лозунгового характера. Несмотря на то что основополагающие характеристики басенного текста в советский период были сохранены, использование в них зооморфных образов во многом является новаторским, а их семантическая многоплановость даёт богатый материал для исследования.

Другой вид смехового текста – эпиграмма – также активно продолжает использоваться в XX веке и берёт на прицел такие явления действительности, которые раскрывают процессы общественно-литературной борьбы, развитие эстетических знаний и представлений эпохи. Эпиграмма этого периода обладает такими особенностями, как сближение её с басней и фельетоном,

пародией и частушкой. Авторы юмористически освещают исторические явления, дают комическую оценку конкретным событиям эпохи, адресуют тексты лицам творческих профессий, с прагматикой похвалы или уничижения шаржируют их характерные особенности, недостатки или достижения. Главным отличительным признаком текста эпиграммы является краткость и комическая острота, нередко создаваемая посредством языковой игры.

Зооморфные образы в языке, фольклоре и литературных произведениях выполняют особую изобразительную функцию – с их помощью отмечается та или иная характерная особенность личности человека и передаётся отношение к нему. Причём в художественном произведении семантика такого зооморфного образа многослойна и сложно организована: она включает и языковое значение зоонима как лексической единицы, и связанные с ним традиционно-культурные представления, отражённые в мифологии, фольклоре, классической литературе, фразеологии, а также наращенные, обусловленные авторским контекстом. В результате таких семантических наслоений *лиса* становится не просто хитрой, но также лицемерной, корыстолюбивой плутовкой, а традиционно злой и кровожадный *волк* обнаруживает черты простодушия и доверчивости (например, в сказке «Лиса и волк»). Обогащение семантики влечёт за собой изменение прагматики образа: изворотливость и ловкость лисы вызывает у читателя не только отрицательную оценку, но и восхищение, а волка при этом становится даже жалко.

Таким образом зооморфизмы, содержащиеся в русской басне и эпиграмме XX века, помимо эстетической выполняют культурологическую функцию: посредством метафорического переноса имени животного на человека и художественного развития образа в тексте произведения наращивается семантико-прагматическая составляющая зооморфного образа как элемента смеховой и шире – общеязыковой картины мира. В связи с этим зооморфные образы обогащают язык, с их помощью можно проследить

культурные особенности, присущие этносу, а также расширить представление о его многовековой истории.

В данной работе представлен семантический и прагматический аспекты функционирования зооморфизмов в смеховых текстах, а именно в русских баснях и эпиграммах XX века. Лексикографический анализ зооморфизмов, наиболее частотных в смеховых произведениях этих жанров, показал, что обретаемые зоонимами контекстуальные метафорические значения, направленные на характеристику персонажа, не всегда или не в полной мере отражены в словарных статьях: семантика басенных зооморфизмов шире и богаче общеязыкового значения зоонимов. Семантический анализ функционирования зооморфизмов в смеховом дискурсе предполагает выявление этих новых характеристик, не свойственных зоонимам в толковых словарях, мифологии, русских народных сказках, сравнениях, пословицах, поговорках и устойчивых словосочетаниях.

В ходе исследования было отмечено, что зооморфизмы в рассматриваемых смеховых текстах чаще носят отрицательную коннотацию, реже – положительную, что отвечает общей коммуникативной и эстетической цели произведений сатиры: высмеивать недостатки, обличать пороки отдельной личности или общества в целом.

В работе рассмотрено 323 текста басен, содержащих 422 контекста. В басенных текстах обнаружено пять зооморфных образов, получивших наибольшее число текстовых употреблений: *собака* – 84, *волк* – 79, *медведь* – 58, *лиса* – 57, *заяц* – 45. Общее число репрезентантов, определяющих зооморфный образ или имеющих к нему отношение, достигает 232 единиц. Количество отрицательных контекстов – 359 (85%), положительных – 43 (10%), нейтральных, не имеющих выраженной оценочности – 20 (5%).

Наибольшее число отрицательных характеристик получил зооморфный образ *волка* – 92 контекста, у этого же зооморфизма отмечено меньшее количество положительных характеристик – 2 контекста. Зооморфизмы *медведь* и *собака* получили самое большое количество разнообразных

семантических наращений, раскрывающих особые, не свойственные им в общеязыковых значениях характеристики.

Зооморфные образы в басенных текстах реализуются при помощи следующих репрезентантов, разделённых на несколько групп: наименования, синонимичные зооморфному образу (*собака, пёс, шавка*); имена собственные / клички животного (*Анфиса, Полкан, Топтыгин*); породы (*бульдог, мопс, овчарка*); слова с зооморфным семантическим компонентом (*лаять, выть, по-щенячьи*), наименования частей тела животного (*лапа, хвост, пасть*), его окрас/масть (*серый, рыжая*), названия жилища (*берлога, конура, будка*), именованя зооморфного персонажа по принадлежности к общественно-политическому течению (*либерал, революционер*), по должности персонажа (*секретарь, начальник, сторож*); отсылка к прецедентному тексту (*Моська*). В число репрезентантов также входят устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*вилять хвостом, рыльце в пушку, как кошка с собакой*) и т.д.

В эпиграммах выявлено пять наиболее частотных зооморфных образов: *собака* – 26 текстов, *конь/лошадь* – 21, *лев* – 13, *волк* – 11, *змея* – 11. Всего рассмотрено и проанализировано 82 текста, из которых выделено 86 разнообразных контекстов. Общее число репрезентантов составило 85 единиц различных наименований зооморфного образа. Количество отрицательных контекстов равно 54 (63%), положительных – 20 (23%), с неопределённой оценкой – 12 (14%).

Наибольшее число отрицательных характеристик воплощают следующие зооморфные образы: *собака* – 16 контекстов и *конь/лошадь* – 12 контекстов, меньшее количество отрицательных характеристик содержит зооморфизм *лев* – 4 контекста, этот образ отличается большим количеством положительных характеристик – 9 контекстов.

Зооморфные образы в эпиграммах так же, как в баснях, имеют большое количество репрезентантов, разделённых на следующие группы: синонимичные наименования зооморфизма (*конь, лошадь, мерин*); имена

собственные / клички животного, отсылающие к прецедентному тексту (*Бим, Муму*); наименования породы собак или указание на породу (*шпиц, пудель, охотничьей породы*); слова с зооморфным семантическим компонентом (*шипеть, рычать, по-собачьи*), наименования частей тела животного (*лапа, хвост*), его волосяной покров, окрас/масть (*гривна, каурый, серый*), слова, называющие место обитания животных (*псарня, конюшня, загон*), а также слова, характеризующие отличительные качества/особенности зооморфизма (*густопсов, чистопороден*); пародирование клички животного (*Облай Облаич*) и др. В число репрезентантов входят устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*морской волк, троянский конь, вилять хвостом*).

Прагматический аспект функционирования зооморфизмов особо рассматривается в таком смеховом тексте, как эпиграмма и включает анализ, во-первых, специфики функций зооморфизмов, и, во-вторых, особенностей контекстуальных механизмов метафорической персонификации адресата.

Прагматические возможности реализуются в тексте при помощи различных механизмов. Одним из таких механизмов является наличие в тексте глаголов с зооморфным компонентом, которые помогают понять, о каких животных идёт речь: *шипеть* – змея; *лаять* – собака, *щебетать* – птица и т.д. Эти зооморфные глаголы обозначают звуки, которые издаются не названным в тексте животным и приписываются адресату эпиграммы. Таким способом создаётся намёк на образное сравнение, поскольку глаголы «речи» животных представляют не только собственно действие, но и сопутствующие ему обстоятельства, способ, цель, интенсивность действия и т.д. Активность подобных глаголов можно объяснить тем, что авторы текстов используют их как экономное и яркое средство изображения деятельности адресата при помощи скрытого сравнения или намёка. Зооморфные глаголы позволяют художнику слова «одним мазком» создать двуплановость образа адресата краткого юмористического текста.

Среди фонетических приёмов представления зооморфного образа отмечены аллитерация – повторение согласных звуков и паронимия –

обыгрывание частичного сходства звукового облика слов («из букашек, мишек, мышек, мошек, мушек» и др.).

В эпиграммах с зооморфными образами встречаются также словообразовательные приёмы их презентации, например, аббревиация (ОБЭРИУтёнок, ЛЕФ, ЖиРАПП).

К лексическим приёмам выражения авторского отношения к объекту шаржирования относятся синонимическое варьирование наименования животного, например, применительно к собаке употребляются слова: *пёс, псина, шавка*; устойчивые словосочетания: *съел собаку, вилять хвостом, троянский конь, морской волк*.

Ярким прагматическим средством являются игровые приёмы использования слов в текстах с зооморфным компонентом, например, каламбурное (по созвучию) обыгрывание фамилии – «Наловили руки *Ватагина* – стаи птиц и зверей *ватаги нам*», «*макаки* <...> самец *Бетаки*» и проч.

Созданию прагматической многоплановости образа способствует использование имён собственных (кличек), отсылающих к прецедентному тексту – *Бим, Муму, Баскервилей*.

Ещё одним заметным способом выражения авторского отношения в тексте является пародирование имени и отчества человека посредством клички животного – *Подлай Подлаич / Облай Облаич*.

Итак, проведённое исследование зооморфных образов, представленных в баснях и эпиграммах XX века, позволило, во-первых, установить состав зооморфизмов, наиболее активных в сатирических текстах этих жанров; во-вторых, рассмотреть их контекстную семантику на фоне общеязыкового значения слов-зоонимов и представления об образах этих животных в национальной культуре; в-третьих, показать роль басенных и эпиграммных зооморфизмов в передаче авторского отношения к объекту изображения; в-четвертых, обнаружить новые семантические приращения зооморфизмов, дополняющие их национально-культурную образность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агапова С.Г. К проблеме разграничения понятий «дискурс» и «текст» / С.Г. Агапова // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. – С. 151-152.
2. Акаева Э.В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Акаева Элеонора Вячеславовна. – Омск, 2007. – 149 с.
3. Александрова Е.М. Языковая игра по правилам и без (на материале русского, английского и французского языков): монография / Е.М. Александрова. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 252 с.
4. Алексеев В.А. Оружием политической сатиры. – М.: Мысль, 1979. – 244 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко – М.: ФЛИНТА, 2019. – 232 с.
6. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Алещенко Елена Ивановна. – Волгоград, 2008. – 432 с.
7. Аникин В.П. Русская народная сказка. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
8. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. – М., 1986. С. 5-33.
9. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
10. Апресян Ю.Д. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. – С. 3-30.
11. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics. Vol. 9. № 2-3, 1985. – P. 289-317.

12. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская и др.: Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
13. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. – М.: Гослитиздат, 1957. – 185 с.
14. Артеменко Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретация) // Славянская народная культура и современный мир. – М.: Гос. Республиканский центр русского фольклора, 2003. – Вып. 5. – С. 7-21.
15. Артемьева Н.А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Артемьева Наталья Анатольевна. – Смоленск, 2012. – 23 с.
16. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
17. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
18. Аулов А.М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое // Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. – №1 (30), 2019. – С. 48-53.
19. Бабкин А.М. Идтоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. – Ленинград: Наука, 1979. – 230 с.
20. Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врага: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 141 с.
21. Барт Р. S/Z. Пер с фр. 2-е изд., испр. / Под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
22. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930-1950-е гг.). – М.: Языки славянских культур, 2008. – 1120 с.

23. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. – М.: Русские словари, 1997. – 737 с.
24. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
25. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории рус. лингвофилософии / Н.И. Безлепкин. – 2. изд., доп. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 268 с.
26. Бекмурзаева Ф.Ш. Анималистические ментальные образования ЛОШАДЬ / КОНЬ и HORSE / MARE в кросскультурных языковых картинах мира (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бекмурзаева Феруза Шухратовна. – Краснодар, 2021. – 331 с.
27. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Статьи и рецензии / Гл. ред. Н.Ф. Бельчиков. Т. 4. – М.: АН СССР, 1953. – 674 с.
28. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трёх томах. – М.: Гослитиздат, 1948. Т. 3. – 928 с.
29. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. – 314 с.
30. Биржакова Е.Э. Определение в толковом словаре слов, обозначающих животных // Лексикографический сборник. – М.: Издательство АН СССР. Отделение языка и литературы, 1957. – Вып. 2. – С. 74-80.
31. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Омер Бичер. – Смоленск, 2016. – 174 с.
32. Бойчевский В. Пути советской сатиры // Земля Советская. – 1931. – №1. – С. 143-149.
33. Болгова Е.В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Болгова Елена Викторовна. – Мурманск, 2021. – 254 с.

34. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Болдарева Елена Фёдоровна. – Волгоград, 2002. – 160 с.

35. Борев Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – 270 с.

36. Борев Ю.Б. О комическом. – М.: Гос. Изд-во «Искусство», 1957. – 232 с.

37. Брагарник-Станкевич О.С. Использование в речи метафорических аспектов зооморфических глаголов // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – №9. – С. 41-42.

38. Бруева Е.М. Лексика советской басни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1952. – 20 с.

39. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

40. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – Изд. 3-е. – Москва: Либриком, 2009. – 229 с.

41. Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Рус. яз., 1995. – 176 с.

42. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков; Пер. с англ. А.Д. Шмелёва; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Яз. Рус. культуры, 1999. – 780 с.

43. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Подучаевой. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.

44. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы /

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров / Под ред. и с послеслов. академика Ю.С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

45. Викулова В.В. Метафорическое моделирование смеховой ситуации в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Викулова Вера Викторовна. – Самара, 2011. – 199 с.

46. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям / В.В. Виноградов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 557 с.

47. Виноградова И.Ф. Языковые средства сатиры (на материале послевоенных произведений советских поэтов-сатириков): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.00.00 / Виноградова Инна Фёдоровна. – Харьков, 1956. – 15 с.

48. Войткова А.Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Войткова Анастасия Николаевна. – Иркутск, 2010. – 204 с.

49. Воложанина Ю.В. Структурно-семантические особенности английской классической эпиграммы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Воложанина Юлия Владимировна. – М., 2014. – 168 с.

50. Вулис А.З. В лаборатории смеха. – М.: Художественная литература, 1966. – 144 с.

51. Галявин А.С. Юмор и сатира в советской поэзии. – Ульяновск: Кн. изд-во, 1960. – 94 с.

52. Гоголь Н.В. О литературе: Избранные статьи и письма / Вступит. статья и примеч. Н. Богословского. – М.: Гослитиздат, 1952. – 331 с.

53. Громыко С.А. Русский политический дискурс начала XX века: на материале дискуссий в I Государственной Думе 1906 года: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Громыко Сергей Александрович. – Вологда, 2007. – 235 с.

54. Грушевская Т.М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект): дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Грушевская Татьяна Михайловна. – Краснодар, 2002. – 256 с.

55. Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: Лингвокультурологический словарь. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 200 с.

56. Гуляев Н.А. Теория литературы: Учебное пособие для филол. спец. пед. ин-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 271 с.

57. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / перев. с немец. яз. / В. фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

58. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / В. фон. Гумбольдт // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985а. – С. 370-381.

59. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. Серия «Традиционная духовная культура славян». – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

60. Гурова Е.К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А.Т. Аверченко: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Гурова Евгения Константиновна. – Москва, 2000. – 154 с.

61. Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа / В.П. Даниленко. – СПб.: Алетейя, 2017. – 373 с.

62. Даниленко В.П. Картина мира в сказках русского народа / В.П. Даниленко. – СПб.: Алетейя, 2017а. – 318 с.

63. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

64. Дерюгина Е.В. Репрезентация концептов с зооморфной номинацией в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: монография / Е.В. Дерюгина; Мичуринский гос. пед. институт. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2011. – 176 с.

65. Дземидок Б. О комическом: Пер. с польск. / Послесл. А. Зися. – М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
66. Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Смех: социофилософский анализ. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
67. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6-ти томах / Н.А. Добролюбов; Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского; Вступ. статья М. Клевенского. Т. 2. – Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1934.
68. Евнина Е.М. Франсуа Рабле. – М.: Гослитиздат, 1948. – 344 с.
69. Ершов Л.Ф. Сатира и современность. – М.: Современник, 1978. – 272 с.
70. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20-40-х годов. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1973. – 156 с.
71. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). – Ленинград: Наука, 1977. – 282 с.
72. Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза. – Москва-Ленинград: Худож. лит., 1966. – 296 с.
73. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: На материале немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Желтухина Марина Ростиславовна. – Волгоград, 2000. – 251 с.
74. Зазыкин В.И. О природе смеха: По материалам русского эротического фольклора. – М.: Ладомир, 2007. – 266 с.
75. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
76. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
77. Землякова Н.В. Устойчивые образные номинации человека: структурно-семантический и лексикографический аспекты: дис. ... канд.

филол. наук: 10.02.01 / Землякова Нинель Владимировна. – Краснодар, 2005. – 208 с.

78. Истомина А.Е. Фельетон как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Истомина Анна Евгеньевна. – Волгоград, 2008. – 192 с.

79. Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Казакова Диана Владимировна. – Красноярск, 2013. – 312 с.

80. Калашова А.С. Референциально-прагматические основания политического дискурса (на материале публичных выступлений Ф. Кастро): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калашова Анна Самвеловна. – Ставрополь, 2011. – 234 с.

81. Карам Р.А. Структура и семантика зоокомпозигов в русском языке (словообразовательный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карам Рахим Али. – Елец, 2010. – 206 с.

82. Карасёв Л.В. Философия смеха. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1996. – 224 с.

83. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

84. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

85. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

86. Керимова С.У. Эпиграммы В. Гафта: прагмалингвистический и идиостилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Керимова Сабина Усеиновна. – Ростов-на-Дону, 2020. – 193 с.

87. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: МГУ, 1997. – С. 276-339.

88. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киприянова Анна Александровна. – Краснодар, 1999. – 218 с.

89. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. – 236 с.

90. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 326 с.

91. Колмакова В.В. Зооморфизмы как показатель личных качеств человека / В.В. Колмакова, Ю.С. Буцыкина // Сборник статей XV Международной научно-практической конференции: в 4 частях. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 194-197.

92. Кондрашова О.В. Характеризующие существительные в современном русском языке (функционально-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ленинград, 1985. – 219 с.

93. Коншина С.Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коншина Светлана Геннадьевна. – М., 2006. – 195 с.

94. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... докт. культ. наук: 24.00.04 / Корнилов Олег Александрович. – М., 2000. – 460 с.

95. Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха // Движение языка. Сб. в честь 70-летия Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 277–325.

96. Красухин К.Г. Заметки об истоках комического // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2007. – С. 48-55.

97. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнение с человеком и зоометафоры: лексико-семантический анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Кубасова Анна Олеговна. – СПб., 2008. – 173 с.

98. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144-238.

99. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

100. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... док. культ. наук: 24.00.04 / Кулинич Марина Александровна. – Москва, 2000. – 35 с.

101. Курбанов И.А. Анализ зоосимволики в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Курбанов Ибрагим Алиевич. – Москва, 2000. – 437 с.

102. Кушлина О.Б. Жанровое своеобразие русской сатирической поэзии начала XX века (пародия, эпиграмма, басня): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кушлина Ольга Борисовна. – Москва, 1983. – 198 с.

103. Леонов И.С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Леонов Иван Сергеевич. – М., 2006. – 20 с.

104. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

105. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

106. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. – М.: Искусство, 1968. – 191 с.

107. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. – М.: Искусство, 1977. – 183 с.

108. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены: пер. с нем. И.Н. Буровой, М.А. Журинской. Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского и М.А. Хевеши. / Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 410 с.

109. Луначарский А.В. Собрание сочинений: В 8 т.: Литературоведение. Критика. Эстетика / глав. Ред. И.И. Анисимов и др.; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Т. 8. – М.: Худож. лит., 1967.
110. Любимова Т.Б. Комическое, его виды и жанры. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
111. Макаров С.М. Смех сквозь века: История смеха от трикстеров до Юрия Никулина / С.М. Макаров; Академия циркового искусства. – М.: ЛЕНАНД. – 256 с.
112. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. / В.А. Маслова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
113. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.
114. Метафора в языке и тексте: монография / В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др.; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
115. Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни (диахронический аспект исследования): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Микова Светлана Станиславовна. – М., 2011. – 205 с.
116. Миронюк Л.Ф. Семантико-типологическая характеристика славянских зооморфических глаголов / Л.Ф. Миронюк // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты / Днепрпетр. Гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. – Днепрпетровск: ДГУ, 1988. – 107 с.
117. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Михалёва Ольга Леонидовна. – Иркутск, 2004. – 289 с.

118. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
119. Мусийчук М.В. Когнитивные механизмы структуры комического: философско-методологические аспекты: дис. ... док. философ. наук: 09.00.01 / Мусийчук Мария Владимировна. – Новосибирск, 2012. – 365 с.
120. Несмеянов А.В. Текст эпиграммы в немецкой этнокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Несмеянов Алексей Владимирович. – СПб, 2007. – 233 с.
121. Николаев Д.П. Смех – оружие сатиры. – М.: Искусство, 1962. – 224 с.
122. Никулин И.О. Журнал «Крокодил» как бренд советской сатиры // Актуальные проблемы рекламы и связей с общественностью: концепции, техники, технологии. – 2016. – С. 108-113.
123. Никулин И.О. Советские сатирические периодические издания 1920-х годов: системные связи контента и типологических характеристик: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Никулин Игорь Олегович. – Краснодар, 2013. – 182 с.
124. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыцыковна. – Иркутск, 2000. – 162 с.
125. Озмитель Е.К. О сатире и юморе. Пособие для учителей. – Л.: Просвещение, 1973. – 192 с.
126. Озмитель Е.К. Советская сатира. Семинарий. Пособие для студентов. – Москва-Ленинград: Просвещение, 1964. – 260 с.
127. Осадчая Л.А. Риторическая природа художественного дискурса в повестях Н.В. Гоголя: «Миргород», «Петербургские повести»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Осадчая Людмила Алексеевна. – Барнаул, 2003. – 179 с.

128. Палкевич О.Я. Человек ироничный: Ирония как один из феноменов эгоцентрической направленности / О.Я. Палкевич // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: монография / под ред. Ю.М. Малиновича. – Москва-Иркутск: ИГЛУ, 2003. – С. 168-194.

129. Перлина Ю.Г. Композиционно-стилистическая структура эпиграммы как типа текста (на материале немецких эпиграмм 17-20 вв.): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Перлина Юлия Георгиевна. – Одесса, 1996. – 18 с.

130. Пименова М.В. Языковая картина мира: учеб. пособие / М.В. Пименова. – 5-е изд., доп. – М.: Флинта, 2019. – 106 с.

131. Пименова М.В., Пименов Е.А. Категории в языке и культуре (изучение ментальности посредством особенностей языка) / М.В. Пименова, Е.А. Пименов // Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. Типы категорий в языке. – Москва-Тамбов, 2010. – С. 129-137.

132. Пинский Л.Е. Юмор // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962-1978. Т. 8, 1975. – Стб. 1012-1018.

133. Писанова Т.В. Семантическая структура и функционально-коммуникативные свойства зооморфизмов испанского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Писанова Татьяна Васильевна. – Москва, 1989. – 225 с.

134. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 128 с.

135. Попченко И.В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Попченко Ирина Викторовна. – Волгоград, 2005. – 219 с.

136. Поспелов Г.Н. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 1978. – 350 с.

137. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира; отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–86.

138. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Москва: Лабиринт, 2007. – 248 с.
139. Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 560 с.
140. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
141. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976. – 183 с.
142. Пропп В.Я. Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
143. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М.: Наука, 1976а. – 326 с.
144. Путило А.О. Козьма Прутков в русской литературе первой половины XX века: рецепция образа и традиции творчества: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Путило Анна Олеговна. – Волгоград, 2018. – 251 с.
145. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
146. Русская сатира XIX – начала XX веков / Сост: Л. Плоткин, Н. Тотубалин / вступ. ст. Л. Плоткина. – М.: Государственное изд-во худож. лит-ры, 1960. – 732 с.
147. Рыбакова А.А. Экспрессивно-семантическая структура русской эпиграммы XVIII-XIX веков и её лексические, фразеологические средства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рыбакова Анна Александровна. – Армавир, 2009. – 195 с.
148. Рыжкина О.А. Зоонимические метафоры в русской и турецкой лингвокультурах / О.А. Рыжкина, С. Чакыроглу // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 18-26.

149. Рыжжина О.А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке: в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рыжжина Ольга Александровна. – Новосибирск, 1979. – 329 с.
150. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
151. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20-ти томах. Т. 16. – М.: Художественная литература, 1974.
152. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20-ти томах. Т. 18, кн. 2 / М.Е. Салтыков-Щедрин; Ред. коллегия: А.С. Бушмин, В.Я. Кирпотин; гл. ред. С.А. Макашин. – М.: Худож. лит., 1976.
153. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
154. Свионтковская С.В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Свионтковская Светлана Викторовна. – Пятигорск, 2000. – 225 с.
155. Сергеев В.Н. Зооморфизмы в языке и словаре // Современная русская лексикография. – Ленинград, 1981. – С. 64-72.
156. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
157. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская; Отв. ред. Д.Н. Шмелёв; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
158. Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. – М.: Издательский дом ЯСК, 2020. – 312 с.
159. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной и др. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
160. Словарь литературоведческих терминов / Ред. сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

161. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
162. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный компонент «страшное» в смеховой картине мира / Г.Г. Слышкин // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Индрик», 2007. – С. 454-464.
163. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Солнцева Наталья Владимировна. – Омск, 2004. – 221 с.
164. Степанов Н.С. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX - первой половины XX вв. – Винница: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 1999. – 281 с.
165. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35-73.
166. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
167. Степанов Н.Л. Мастерство Крылова-баснописца. – М.: Сов. писатель, 1956. – 290 с.
168. Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Степанова Наталья Юрьевна. – Коломна, 2009. – 213 с.
169. Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности / Н.Ф. Сумцов. – М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. – С. 69-84.
170. Сычѳв А.А. Природа смеха или Философия комического. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 176 с.

171. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований); отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.

172. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «языки русской культуры», 1996. – 284 с.

173. Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 95 с.

174. Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.10 / Тепляшина Алла Николаевна. – СПб., 2007. – 38 с.

175. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. Уч. пособие для студентов пед. институтов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 548 с.

176. Тихомирова В.А. Национально-специфическая характеристика интерпретаций традиционных басенных сюжетов (на материале русского, французского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Тихомирова Вероника Александровна. – Ярославль, 2007. – 24 с.

177. Ткачѳв П.И. «Сатиры злой звенящая строка...»: Природа смеха в памфлете. – Минск.: Изд-во БГУ, 1980. – 176 с.

178. Тон К.К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка (На материале произведений А.П. Чехова и М.М. Зощенко): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тон Куанг Кыонг. – Воронеж, 1997. – 150 с.

179. Троцкий С.А. Социальная природа смеха: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Троцкий Сергей Александрович. – СПб., 2006. – 173 с.

180. Тяпков С.Н. Комическое в литературной пародии: Тексты лекций / С.Н. Тяпков; Иван. гос. ун-т им. Первого в России Иван-Вознес. общегор. Совета рабочих депутатов. – Иваново: ИвГУ, 1987. – 54 с.

181. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Устуньер Ильяс. – Екатеринбург, 2004. – 172 с.

182. Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. – 2-е изд. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 360 с.

183. Фёдорова Н.В. Моделирование темпорально-таксисной структуры художественного дискурса (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Фёдорова Татьяна Владимировна. – Иркутск, 2004. – 198 с.

184. Феноменология власти в сатире / Под ред. В.В. Прозорова и И.В. Кабановой. – Саратов: «Наука», 2008. – 258 с.

185. Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Холманских Ирина Владимировна. – Тюмень, 2000. – 243 с.

186. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 137 с.

187. Цикушева И.В. Лингвостилистическая специфика комического в литературной сказке (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Цикушева Ирина Владимировна. – Майкоп, 2010. – 175 с.

188. Черванева В.А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) / В.А. Черванева, Е.Б. Артеменко. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – 184.

189. Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем: Учеб. пособие / М.И. Черемисина. – Новосибирск: НГУ, 1979. – 82 с.

190. Черкасова Е.В. Прагматика иронии и юмора: две грани комического / Е.В. Черкасова, М.Е. Макарова // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2017. – № 1 (4). – С. 147-151.

191. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти томах. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1949.
192. Шатрова Т.И. Языковая игра в текстах комической направленности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шатрова Татьяна Игоревна. – Тула, 2006. – 159 с.
193. Шведова Н.Ю. Русский язык: избранные работы / Н.Ю. Шведова. – М.: Яз. славян. культуры, 2005. – 639 с.
194. Шведчикова Т.В. Способы выражения пола в наименованиях животных в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шведчикова Тамара Витальевна. – Москва, 1998. – 176 с.
195. Шипилов В.А. Экспрессивно-оценочная двуплановость текста в русской басне как жанровой форме художественной речи: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шипилов Владимир Андреевич. – Орёл, 1992. – 26 с.
196. Шмелёв Д.Н. Избранные труды по русскому языку / Вступ. ст. Л.П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
197. Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной языковой личности. – 2-е. изд. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 152 с.
198. Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Щурина Юлия Васильевна. – Красноярск, 1997. – 155 с.
199. Эвентов И.С. «Остроумие схватывает противоречие» (О некоторых вопросах теории сатиры) / И. Эвентов // Вопросы литературы. – 1973. – №6. – С. 116-134.
200. Эльсберг Я.Е. Вопросы теории сатиры. – М.: Сов. писатель, 1957. – 428 с.
201. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
202. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 p.

Лексикографические источники

203. Большая российская энциклопедия. – М.: науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2015. Т. 29. – 768 с.
204. Большая русская энциклопедия. – М.: Изд-во «Большая русская энциклопедия», 2005. Т. 3. – 768 с.
205. Большой словарь русских народных сравнений / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
206. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
207. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2-е изд., стереотип.: в 2 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М.: Русский язык, 2001.
208. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53000 слов. – М.: ОНИКС 21 век, Мир и Образование, 2004. – 896 с.
209. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
210. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989.
211. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / под ред. И.С. Брилевой, Н.П. Вольской, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
212. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др. – Изд. 3-е, стер. – М.: Русский язык, 1985-1988.
213. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.

214. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

215. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

Источники материала

216. Альтшуллер Н. Мормышка. Сатира и юмор. – Рига: Лиесма, 1968. – 87 с.

217. Альтшуллер Н. Хоть верьте, хоть не верьте. – Рига: Латвийское госуд. Изд-во, 1960. – 95 с.

218. Аникеев Е.И. Тихая заводь. – Смоленск: Моск. рабочий, Смолен. отделение, 1988. – 143 с.

219. Аникеев Е.И. Ход конём. Басни. – М.: Моск. рабочий, 1982. – 79 с.

220. Аникеев Е.И. Холодный душ. Басни. – М.: Моск. рабочий, 1976. – 80 с.

221. Архангельский А.Г. Пародии. Эпиграммы / Вступ. статья сост. и примеч. Е. Ивановой; ил. Кукрыниксов. – М.: Худож. лит., 1988. – 349 с.

222. Афанасьев Е.М. Барсучья мозоль. – Ленинград: Лениздат, 1980. – 48 с.

223. Басни народов Советского Союза / В переводах Б. Тимофеева; Рис. В. Гальба. – Ленинград: Гос. изд-во дет. лит-ры министерства просвещения РСФСР, 1959. – 62 с.

224. Батрак И. Избранное: стихи и басни. – М.: Сов. писатель, 1958. – 95 с.

225. Батрак И. Обручи и клепки. Басни. – М., Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 32 с.

226. Батрак И. По следам жизни. Басни. – М.: Гослитиздат, 1935. – 61 с.

227. Бедный Д. Басни и сказки. / Иллюстр. М. Черемных – М.: Правда, 1945. – 56 с.

228. Бедный Д. Избранные басни и стихотворения. – М.: Детиздат, 1935. – 92 с.
229. Бедный Д. Избранные басни. – М.: Крестьянская газета, 1926. – 62 с.
230. Бедный Д. Избранные произведения / Вступ. ст. И. Эвентова. – М.: Правда, 1985. – 352 с.
231. Бедный Д. Сто басен / Рисунки Кукрыниксов. – М.: Сов. писатель, 1935а. – 440 с.
232. Браинин Б.Н. Прошу высечь. – М.: Сов. писатель, 1983. – 96 с.
233. Ванетик С.Е. Крутой диалог: Стихи, эпиграммы, пародии / Б-ка писателей Ставрополя для школьников. Изд. 1. – М.: Литературный фонд России, 1999. – 48 с.
234. Весёлый листок. – 1947. – №1 (4). – 38 с.
235. Гафт В.И. Сад забытых воспоминаний. – М.: Зебра Е, 2020. – 416 с.
236. Гафт В.И. Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы. – М.: Эксмо, 2008. – 336 с.
237. Двадцатый век в эпиграммах от А до Я. Из собрания Льва Куклина. Шаржи Игина И. и Мезенцева Д. / Сост., вступ. статья, сопроводительные статьи Куклина Л. – СПб.: Академический проект, 2002. – 456 с.
238. Зритель. – 1905. – № 7, 24 июля. – 16 с.
239. Зритель. – 1905. – № 9, 7 апреля. – 16 с.
240. Иванов А.А. Птичку жалко. – М.: Гамма Пресс 2000, Гамма-С.А., 2000. – 224 с.
241. Игин И.И., Рейжевский А.Я. В дружеском ключе. Шаржи и эпиграммы. – М.: Музыка, 1964. – 100 с.
242. Игин И.И. О двух концах... / И. Игин – шаржи. А. Иванов, А. Рейжевский – эпиграммы. – М.: Мол. гвардия, 1969. – 239 с.
243. Крокодил. – 1986. – №18, 18 июня. – 16 с.

244. «Крокодил» всех времён и народов. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 49. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
245. Маршак С.Я. Лирические эпиграммы. – М.: Сов. писатель, 1970. – 96 с.
246. Матвеев В.Ф. Озорная перемена: Юморески, басни, пародии. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1985. – 160 с.
247. Михалков С.В. Басни / Вступ. статья Е. Исаева. – М.: Худож. лит., 1984. – 190 с.
248. Полотай Н.И. Бурьян с корнем вырывать. Юмор и сатира. – Киев: Дніпро, 1977. – 200 с.
249. Раскин А.Б. Очерки и почерки. Пародии, фельетоны, эпиграммы. – М.: Сов. писатель, 1959. – 132 с.
250. Раскин А.Б. Это Я?.. / Шаржи – Кукрыниксы. А. Раскин – эпиграммы / Вступ. ст. З.С. Паперного. – М.: Искусство, 1968. – 102 с.
251. Рейжевский А.Я. Из записных книжек: эпиграммы и миниатюры разных лет. – М.: Сов. писатель, 1986. – 192 с.
252. Русская эпиграмма / Сост., вступ. статья Б. Евсеева. – М.: Эксмо, 2005. – 352 с.
253. Русская эпиграмма / Сост., вступ. статья и примеч. В. Васильева; худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 2000. – 318 с.
254. Смирнов С.В. Добро пожаловать... Пародии, шаржи, эпиграммы. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 96 с.
255. Смирнов С.В. Сатиричинки. Сатира и юмор. – М.: Сов. Россия, 1979. – 304 с.
256. Суслов В.Н. Лично известны. Сборник дружеских шаржей и эпиграмм. – Ленинград: Сов. писатель, 1986. – 96 с.
257. Эпиграмма. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 41. – М.: Эксмо, 2005. – 384 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Итоговые таблицы по результатам рассматриваемых зоонимов в словарных статьях

Таблица 1. Характеристика зооморфного образа *собака* по данным словарей

«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1988) [Т.4, с. 168]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 1224]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 2, с. 648]	«Толковый словарь современного русского языка» (Д.Н. Ушаков, 2013) [с. 636]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 152-155]
1. Домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере) и т.п.	1. Домашнее животное семейства псовых, родственное волку (используется человеком для охраны, охоты, езды в упряжке и т.п.	1. Домашнее животное собачьих, используемое для охраны, охоты и других целей	1. Род хищных млекопитающих. К собакам принадлежат волк, шакал, лисица и др.	1. Человек, настроенный злобно и агрессивно по отношению к другим.
2. <i>Прост.</i> Употребляется как бранное слово.	2. В составе названий хищных млекопитающих семейства псовых.	2. Меха, шкура такого животного	2. Четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущественно для охраны имущества, на охоте для отыскания и преследования зверя или птицы и т.д.	2. Преданный, верный человек, испытывающий сильное чувство привязанности к объекту своих чувств
3. Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо.	3. <i>Разг.</i> О злом, жестоком, грубом человеке.	3. <i>Разг.</i> Изделия из меха, шкуры такого животного.	3. <i>Перен.</i> Негодяй, презренный человек	3. Человек, в поведении которого проявляется «патологическая» преданность, граничащая с услужливостью, поклонением и подобострастием.

–	4. <i>Разг.</i> О знающем, ловком, искусном человеке в каком либо деле	4. <i>Разг.-сниж.:</i> Человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л., служащий кому-л., чему-л.	4. Употребляется вместо ругательств сукин сын, чёрт и т.п. (<i>прост. бран.</i>).	4. Покорный, готовый подчиняться человек.
–	5. <i>Употр.</i> При выражении одобрения, восхищения кем-либо.	5. <i>Разг.-сниж.</i> Злой, жестокий человек	–	5. Человек с очень хорошим обонянием; с обострённым чутьём, с хорошо развитой интуицией.
–	6. Как собака. Совершенно, совсем, очень сильно (устать, проголодаться, надоесть и т.п.)	6. Употр. как бранное слово.	–	6. Человек, не сидящий на месте, постоянно занятый, загруженный делами/работой.
–	7. Съесть собаку. Быть знатоком в каком-либо деле, иметь большой навык, опыт в чём-либо	–	–	–

Таблица 2. Характеристика зооморфного образа *волк* по данным словарей

«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1985) [Т. 1, с. 204]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 146]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 204]	«Толковый словарь современного русского языка» (Д.Н. Ушаков, 2013) [с. 69]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 64-66]
1. Хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке	1. Хищное животное семейства псовых. Стая волков. Степной волк. Матёрый, травленный волк (также разг.; о много испытавшем, привыкшем к невзгодам и опасностям человеку). Традиционный персонаж русского фольклора: в сказках о животных – сильный и	1. Дикое хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски.	1. Хищное животное, одного рода с собакой.	1. Жестокий и беспощадный хищник, признающий только силу.

	кровожадный, но далёкий, простоватый зверь; в волшебных сказках – животное-помощник.			
–	2. Разг. О человеке, искущённом в каком либо деле, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям»	2. Разг. Тот, кто много испытал, привык к невзгодам, опасностям, искущён в каком-либо деле.	2. Перен. Угрюмый, недоброжелательный человек»	2. Относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека
–	–	–	–	3. Очень голодный, способный поглотить большое количество еды человек.
–	–	–	–	4. Злой, жестокий, кровожадный человек.
–	–	–	–	5. Опытный, много испытавший, много знающий человек.
–	–	–	–	6. Гордый, независимый и свободолюбивый человек, отказывающийся подчиняться чьей-либо власти (ср. собака).
–	–	–	–	7. Человек, в поведении которого проявляются черты, характерные для волка.

Таблица 3. Характеристика зооморфного образа *медведь* по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1938) [Т. 2, стб. 170]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1986) [Т. 2, с. 242]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 528]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 846]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 120-
--	--	--	--	---

				122]
1. Большой хищный всеядный зверь с длинной шерстью.	1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. <i>Бурый медведь. Белый медведь.</i>	1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим, грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. <i>Бурый медведь. Белый медведь. Косолапый медведь.</i>	1. Крупное хищное всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью, телом и короткими ногами.	1. Крупный, неуклюжий зверь, чем-то похожий на огромного человека.
2. <i>Перен.</i> Неуклюжий, неповоротливый человек (разг. шутл.).	2. <i>Разг. Устар.</i> Мех этого животного, а также изделие из такого меха.	2. <i>Разг.</i> Мех этого животного. <i>Шуба из медведя.</i>	2. Мех, шкура такого животного.	2. Медведь связывается у русских с представлением о большой физической силе, лени (всю зиму проводит в спячке в своей берлоге и сосёт лапу), о неуклюжести и незлобности в сочетании с умением постоять за себя: рассерженный медведь способен смести все преграды одолеть любого противника.
3. Медвежий мех, одежда из медвежьего меха (<i>разг. устар.</i>).	3. <i>Разг.</i> О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке.	3. Традиционный персонаж русского фольклора – обычно простоватый, благодушный, способный помочь в каком-либо деле зверь; реже – злобный, мстительный.	3. <i>Разг.</i> Изделия из меха, шкуры такого животного.	3. Неуклюжий (как физически, так и нравственно) человек, непреднамеренно грубый и неделикатный.
–	4. О невоспитанном человеке. <i>Медведь на ухо наступил. Делить шкуру неубитого медведя</i>	4. <i>Разг.</i> О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. <i>Ну и навалился, вот уж медведь так медведь. На ногу мне наступил, медведь этакий.</i>	4. <i>Перен. разг.</i> Крупный, сильный, но грузный и неуклюжий человек, внешним видом и своими действиями напоминающий такое животное.	4. Неотёсанный человек, не умеющий вести себя, идущий напролом.
–	5. Смотреть (или глядеть)	–	5. Малокультурный,	5. Крупный, физически

	медведем – быть, казаться нелюдимым, угрюмым		невоспитанный, грубый человек.	сильный человек.
–	–	–	6. <i>Устар.</i> Кофе или чай с ромом, водкой и т.п.	6. Человек, отстраняющийся от какой-либо активной деятельности, не любящий покидать своё жилище.
–	–	–	7. Напиток или смесь вин с пряностями.	7. В русских сказках и авторских баснях медведь может представлять как жадный и недалёкий, он непреднамеренно неловок, груб, разрушает всё вокруг себя. При этом в волшебных сказках медведь, как правило, помощник главного героя.
–	–	–	8. <i>Устар.</i> Каток (дорожный, мельничный и т.п.).	–

Таблица 4. Характеристика зооморфного образа *лиса* по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1938) [Т. 2, стб. 68]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1986) [Т. 2, с. 186]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 498]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 792]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 114]
1. Хищное млекопитающее животное из семейства собачьих.	1. Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом, а также самка этого животного.	1. Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом; самка этого животного.	1. Хищное млекопитающее семейства псовых с пышным мехом и длинным пушистым хвостом; лисица; Самка такого животного.	1. Лиса – животное, покрытое рыжей шерстью, характерной чертой её внешнего облика является большой пушистый хвост.
2. <i>Перен.</i> Лыстец, хитрый	2. О хитром, льстивом	2. О хитром, льстивом	2. Мех, шкура такого	2. Лиса связана у русских

обманщик.	человеке.	человеке.	животного; <i>разг.</i> Изделия из меха, шкурки такого животного.	с представлением о хитрости, лукавстве, лъстивости, скрывающимися за внешней красотой и обаянием. Современные русские могут назвать лисой (лисом) хитрого человека (хитрость при этом часто сочетается со лъстивостью).
3. Воротник или верхняя одежда из лисьего меха (<i>разг.</i>).	3. Лиса Патрикеевна – 1) название лисы в русских народных сказках. 2) то же, что лиса (во 2 знач.).	3. <i>Разг.</i> Мех, шкура этого животного; изделие из него.	3. м. и ж. Хитрый, лукавый, лъстивый человек.	3. В русских сказках и авторских баснях лиса предстаёт хитрой, коварной и лъстивой, постоянно обманывающей тех, кто слабее.
4. Лиса Патрикеевна (<i>нар.-поэт.</i>) – название лисы в русских народных сказках. Лисой прикидываться (вертеться и т.п.; <i>простореч.</i>) – ласкаться с лукавой целью, подлизываться, льстить. Лис – (<i>обл. и устар.</i>) лисица-самец. Лисонька (или лисанька) (<i>нар.-поэт.</i>). Ласкательное к лиса.	4. Мех этого животного.	4. Традиционный персонаж русского фольклора – обычно хитрый, мстительный обманщик, ловко использующий простоту и недалёкость других.	–	4. В собственно русском фольклоре Лис (муж. род) не встречается, лиса всегда женского пола, у неё может быть имя (отчество) – Патрикеевна.
–	–	–	–	5. Под влиянием европейской культурной традиции у русских сложилось представление о лисе, которая может обладать не только хитростью, но и

				мудростью.
--	--	--	--	------------

Таблица 5. Характеристика зооморфного образа *заяц* по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1935) [Т. 1, стб. 1080]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1985) [Т. 1, с. 599]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 359]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 546]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 78, 79]
1. Млекопитающее из отряда грызунов.	1. Небольшой пугливый зверёк отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами.	1. Небольшой зверёк отряда грызунов с длинными задними ногами, длинными ушами и коротким хвостом.	1. Небольшой пугливый зверёк с длинными ушами и коротким хвостом.	1. Заяц – небольшой зверёк с длинными ушами, он линяет, меняет окраску в зависимости от времени года, летом он серый, зимой – белый.
2. мех этого животного.	2. мех этого животного.	2. мех этого животного.	2. мех, шкурка такого зверька.	2. Заяц связывается у русских с представлением о трусливости. Современные русские могут назвать зайцем или обращаться к образу зайца для характеристики: трусливого человека или человека, испытывающего непреодолимый страх в определённой ситуации.
3. Жаркое из этого животного.	3. <i>Разг.</i> То же, что и зайчик (во 2 знач.).	3. Традиционный персонаж русского фольклора – слабый, беззащитный, трусливый зверь.	3. То же, что: зайчатина.	3. В русских сказка и авторских баснях заяц предстаёт как а) слабый, безобидный, беззащитный и поэтому обижаемый теми, кто сильнее его; б) хвастун, похваляющийся своими

				несуществующими подвигами и поэтому зачастую оказывающийся в комическом положении.
4. <i>Разг.</i> Безбилетный пассажир. Тот, кто проникает куда-нибудь без билета, без права на вход (<i>разг.</i>).	4. <i>Разг.</i> Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-либо.	4. Зайчатина. Кушанье из неё.	4. <i>Разг.</i> Безбилетный пассажир, зритель и т.п.	4. Заяц несколько косит глазом, поэтому в сказках и авторских баснях его называют Косой.
–	–	5. <i>Разг.</i> Пассажир, не имеющий билета.	5. <i>Разг.</i> То же, что зайчик.	5. Заяц в народных представлениях связан с мужской эротической символикой, находящей отражение в игровом и свадебном обрядах.
–	–	6. В составе названий животных. <i>Земляной заяц. Морской заяц.</i>	–	6. Заяц – постоянный персонаж детского фольклора: игр, припевок, жеребьевок.
–	–	–	–	7. Заяц также связан с нечистой силой, наделяется демоническими свойствами; существует примета: заяц, перебежавший дорогу, сулит несчастье.

Таблица 6. Характеристика зооморфного образа *конь/лошадь* по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1938) [Т. 2, стб. 93, 1457]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1986) [Т. 2, с. 98, 202]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 506]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 711, 805]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 115-119]
1. Домашнее животное,	1. Крупное домашнее	1. Крупное домашнее	1. Крупное	1. Быстрое, сильное,

ходящее в упряжи или под седлом.	животное, используемое для перевозки людей, грузов и т.п.	животное, используемое для перевозки людей, грузов и т.п.	непарнокопытное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах.	свободное и грациозное животное, с длинной гривой и хвостом
2. Детская игрушка, изображающая лошадь.	2. Шахматная фигура с головой лошади.	2. <i>мн.</i> : лошади, -ей. О конном экипаже.	2. <i>перен.</i> <i>разг.-сниж.</i> Крупная женщина.	2. Воспринимается как рабочая сила (аналогично волу).
3. Шахматная фигура с изображением конской головы.	3. Обитый кожей брус на подставках для гимнастических упражнений.	3. <i>разг.-сниж.</i> О ком-либо, обладающем какими-либо качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.).	3. <i>разг.-сниж.</i> Тот, кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других.	3. Лошадь (конь) издаёт особые звуки – ржание (ржать как лошадь). У лошади (коня) крупные зубы (отсюда лошадиная улыбка).
4. <i>только мн.</i> Конный экипаж (<i>разг.</i>).	4. Лошадь (преимущественно о самце, в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи).	4. В речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи: лошадь (обычно о самце).	4. <i>перен.</i> Шахматная фигура с изображением головы лошади на высокой изогнутой шее.	4. Вид причёски – конский хвост.
5. Не в коня корм (<i>разг.</i>) – о чем-нибудь таком, чего кто-нибудь не в состоянии оценить, понять.	5. <i>Мн.ч.</i> (лошади, -ей). О конном экипаже.	5. Шахматная фигура с головой лошади.	5. <i>м.</i> Гимнастический снаряд в виде обитого мягким материалом бруса на четырёх выдвигаемых ножках.	5. Девушки или молодая женщина, крупного телосложения, крепкая и сильная физически (лошадь, кобыла, кобылица).
6. На конь (<i>воен.</i>) – кавалерийская команда для посадки на лошадей.	–	6. Обитый кожей брус на подставках для гимнастических упражнений.	–	6. Человек, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади или движения человека, в которых обнаруживается сходство с движениями этого животного.
–	–	–	–	7. Человек, в поведении которого проявляется радость от свободы

				движения (чаще обращения к образу <i>жеребёнка</i>) или любовь к свободе и обузданный нрав.
--	--	--	--	--

Таблица 7. Характеристика зооморфного образа *лев* по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1938) [Т. 2, стб. 31]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1986) [Т. 2, с. 167]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 488]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 774]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 111-114]
1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, желтоватой окраски, с пышной гривой у самцов.	1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, с короткой желтоватой шерстью и пышной гривой у самцов.	1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, с короткой желтоватой шерстью и пышной гривой у самцов.	1. Крупное хищное животное млекопитающее семейства кошачьих с короткой желтоватой шерстью и длинной пышной гривой у самцов.	1. Лев – царь зверей; крупное, сильное, смелое, опасное хищное животное, издающее грозный рык (<i>львиный рык</i> ; <i>рычать как лев</i>); животное с густой длинной гривой.
2. Скульптурное изображение этого животного на столбах ворот, на подъездах, на лестницах, а также изображение его на гербах.	2. <i>Устар.</i> и <i>ирон.</i> О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующимся большим успехом у женщин.	2. <i>Разг.</i> О ком-либо отличающемся большой силой, храбростью, смелостью.	2. <i>перен.</i> Тот, кто отличается огромной силой, храбростью и т. п.	2. Человек, совершающий самоотверженные действия, в которых проявляется его сила и бесстрашие.
3. <i>перен.</i> Законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец (<i>устар.</i> , <i>ирон.</i>).	3. Морской лев – морское животное семейства ушастых тюленей.	3. О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующимся большим успехом у женщин.	3. <i>перен.</i> <i>устар.</i> Законодатель мод и правил светского общества.	3. Грациозный, ловкий, хваткий и опасный человек.
4. Морской лев (<i>зоол.</i>) – морское ластоногое животное из породы ушастых тюленей.	4. Денежная единица Болгарии.	4. только ед. Одно из двенадцати созвездий Зодиака.	4. Основная денежная единица в Болгарии.	4. Могущественный человек, возможно, обладающий властью и занимающий господствующее

				положение по отношению к другим людям.
5. Муравьиный лев (<i>зоол.</i>) – похожее на стрекозу насекомое, личинка которого поедает муравьёв	–	5. О человеке, родившемся в конце июля – августе, когда солнце находится в созвездии Льва.	5. Денежный знак соответствующего достоинства.	5. Человек, у которого очень густые и пышные волосы.
6. Денежная единица в Болгарии.	–	6. Морской лев – морское животное семейства ушастых тюленей	–	–
–	–	7. Денежная единица Болгарии	–	–

Таблица 8. Характеристика зооморфного образа змея по данным словарей

«Толковый словарь русского языка» (Д.Н. Ушаков, 1935) [Т. 1, стб. 1106]	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1985) [Т. 1, с. 615]	«Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 367]	«Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 1, с. 557]	«Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, 2004) [с. 79-82]
1. Пресмыкающееся животное с длинным, извилистым чешуйчатым телом, длинным, раздвоенным на конце языком, часто с ядовитыми зубами (<i>зоол.</i>).	1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами.	1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног (обычно с ядовитыми железами в пасти).	1. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, покрытым чешуёй (обычно с ядовитыми зубами).	1. Коварный человек, способный на предательство, холодный, расчётливый.
2. Коварный, ехидный, злой человек (<i>разг.</i>).	2. О коварном, хитром, злом человеке.	2. О коварном, хитром, злом человеке.	2. <i>разг.</i> Коварный, хитрый, злой человек.	2. Человек с недобрым, злым отношением к окружающему миру.
3. Змея ужалила (так говорят, хотя у змеи жала, а кусает она зубами).	3. В знач. нареч. змеёй. Образую извивы, кольца, зигзаги.	3. Змеёй, змеёю; в знач. нареч. Образую извивы, зигзаги, кольцеобразно.	–	3. Человек с поведением в определённых ситуациях, соотносимых с поведением змеи.
–	–	–	–	4. Внешность человека, предмета, чувства или ситуации, которые

				воспринимаются говорящим как зловещие и предвещающие опасность.
–	–	–	–	5. Ситуации, которые вызывают ассоциации с одной из характерных особенностей змеи.
–	–	–	–	6. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар.
–	–	–	–	7. Змее приписывается мудрость.
–	–	–	–	8. Змея может употребляться как синоним слову «жена».
–	–	–	–	9. Сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала.
–	–	–	–	10. Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает её оцепенение.
–	–	–	–	11. Убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (периодически сбрасывает кожу).

–	–	–	–	12. Змея ядовита и целебна.
–	–	–	–	13. Змея – и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку.

Итоговые таблицы по результатам рассматриваемых зооморфных образов по данным «Лингвокультурологического словаря» (под. ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, 2004)

Таблица 9. Образ *собаки* по данным «Лингвокультурологического словаря»

Нетипичный персонаж русского фольклора, народных верований и религии	Образ собаки в национальной картине мира	Многоплановый образ, включающий в себя как положительные, так и отрицательные стороны	Современное представление русских об образе собаки, используемое для характеристики человека
1. Собака является нетипичным персонажем русского фольклора, однако встречается в русских народных сказках (напр.: «Репка», «Заячья избушка»), а также в авторских баснях (напр.: И.А. Крылов «Слон и Моська»).	1. Для русского народа собака – домашнее прирученное животное, древнейший и первый друг человека, помощник в охоте, сторож, проводник.	1. Она предана своему хозяину, очень привязана к нему, с трудом переносит с ним разлуку, тоскует.	1. Человек, настроенный злобно и агрессивно по отношению к другим (<i>злой как собака</i>).
2. Образ собаки не нашёл особого отражения в народных верованиях; однако известно поверье о том, что собака воеет к покойнику – может предвещать смерть.	2. Изначально (в деревнях) собака жила на улице, в будке (собачьем домике), сидела на цепи, охраняя дом хозяев.	2. Собаке часто приписываются человеческие способности мыслить и переживать: она всё понимает, как человек, только не может сказать.	2. Преданный, верный человек, испытывающий сильное чувство привязанности к объекту своих чувств (<i>как верный пёс</i>).
3. Согласно Библии, собака считается «нечистым» животным; слово пёс употребляется иносказательно для обозначения гонителей (Пс. XXII:16), лжеучителей (Ис: LVI: 11), нечистых людей (Мф. VII: 6) и язычников (Мф. XV: 27).	3. Бытующие представления о собаке основаны на наблюдении за поведением и повадками этого животного.	3. «Переживания» собаки отражает её взгляд: собачьи глаза грустные, всё понимающие, «говорящие» глаза.	3. Человек, в поведении которого проявляется «патологическая» преданность, граничащая с услужливостью, поклонением и подобоострастием (<i>смотреть в лицо собачьими глазами</i>).

–	–	4. Собака зависима, поко-рна, готова верно служить своему хозяину и пойти на всё ради него.	4. Покорный, готовый подчиняться человек; при этом может подразумеваться его заботность, затравленность, неспособность к сопротивлению (<i>как собака, которую бьёт хозяин, а она ему руки лижет</i>).
–	–	5. Собака может восприниматься русскими как злобное животное, которое может укусить, способно огрызаться и не спускает обиды. Она «брежлива», может безостановочно лаять.	5. Человек с очень хорошим обонянием; с обострённым чутьём, с хорошо развитой интуицией (« <i>А нюх, как у собаки, а глаз – как у орла</i> » (М/ф «По следам бременских музыкантов»)).
–	–	–	6. Человек, не сидящий на месте, постоянно занятый, загруженный делами/работой (<i>бегать как собака с утра до вечера</i>).

Таблица 10. Образ волка по данным «Лингвокультурологического словаря»

Образ Волка в русских сказках	Об образе волка в мире животных	Образ волка в русской языковой картине мира	Слова и выражения, связанные с волком в современном русском языке
1. В русских сказках о животных и авторских баснях волк предстаёт вечно голодным, глупым, жадным. Он часто становится жертвой обмана, например, со стороны лисы («Лиса и Волк»). При этом в русских волшебных сказках сохраняется образ мудрого волка, спутника и спасителя главного героя («Иван-царевич и Серый волк»), выступающего в качестве связующего звена между миром «своих» и чужих» (см. в тридевятом царстве, в тридевятом государстве).	1. Жестокий и беспощадный хищник, признающий только силу. Волки живут и охотятся стаями. С другой стороны, волк может связываться с представлением о независимой свободе (одиноким волк, цикл С.В. Высоцкого о волках).	1. Очень голодный, способный поглотить большое количество еды человек. 2. Злой, жестокий, кровожадный человек. 3. Опытный, много испытавший, много знающий человек. 4. Гордый, независимый и свободолюбивый человек, отказывающийся подчиняться чьей-либо власти (ср. собака). 5. Человек, в поведении которого проявляются черты, характерные для волка.	1. Волк в овечьей шкуре – жестокий, свирепый человек, притворяющийся кротким и безобидным. 2. Волком выть – тосковать, испытывая чувство безысходности. 3. Волчий билет – изначально так называлась «полугодовая отсрочка, выдаваемая приговорённым к ссылке преступникам, от которых общество отрекается» (В.И. Даль); в современном русском языке «иметь волчий билет» означает оказаться от общества за какое-либо антисоциальное действие (имевшее место или мнимое), отсутствие

			<p>возможности получить работу, учиться и т.п.</p> <p>4. Волчонок – подросток или слабый человек, вынужденный скрывать свою ненависть и злобу, он не наделён силой волка, но столь же злобен и агрессивен.</p> <p>5. Волчьи законы – нормы поведения, основанные на праве сильного совершать то, что ему вздумается, не считаясь ни с чем, кроме своих желаний.</p> <p>6. Морской волк – опытный, бывалый моряк.</p> <p>7. Смотреть волком – глядеть на кого-либо со злобой и агрессией.</p>
--	--	--	--

Таблица 11. Образ *медведя* по данным «Лингвокультурологического словаря»

Типичный персонаж русского фольклора	Образ медведя в национальной картине мира	Выражения, связанные с медведем
1. Тотемный зверь многих восточнославянских племён, постоянно встречается в русских сказках, упоминается в пословицах и поговорках.	1. Крупный, неуклюжий зверь, чем-то похожий на огромного человека. Медведь связывается у русских с представлением о большой физической силе, лени (всю зиму проводит в спячке в своей берлоге и сосёт лапу), о неуклюжести и незловивости в сочетании с умением постоять за себя: рассерженный медведь способен смести все преграды одолеть любого противника. Медведь – одно из популярных животных в русском цирке.	1. Медведь на ухо наступил – о человеке, совершенно лишённом музыкального слуха.
2. В русских сказках и авторских баснях медведь может представать как жадный и недалёкий, он часто становится жертвой обмана («Вершки и корешки», «Маша и медведь»); он непреднамеренно неловок, груб, разрушает всё вокруг себя («Теремок»). При этом в волшебных сказках медведь, как правило, помощник главного героя («Царевна-лягушка»).	2. Современные русские могут называть медведем или обращаться к образу медведя для характеристики: 1) неуклюжего (как физически, так и нравственно) человека, непреднамеренно грубого и неделикатного; человека неотёсанного, не умеющего вести себя, идущего напролом; 2) крупного, физически сильного человека; 3) человека, отстраняющегося от какой-либо активной деятельности, не любящего покидать своё жилище.	2. Медвежий угол – глухое, безлюдное, дикое место.
3. Медведь – единственное из животных-персонажей	3. Встречается в гербах многих русских городов, часто	3. Медвежья услуга – помощь,

русских сказок имеет полное человеческое имя – Михайло Иванович (Потапыч) Топтыгин. Такие имена, как Потапыч и Топтыгин, часто могут заменять само слово <i>медведь</i> . Последнее может также заменяться словом <i>косолапый</i> , что связано со своеобразной походкой медведя: его лапы при ходьбе обращены внутрь.	воспринимается как символ России вообще (медвежонок был символом олимпиады в Москве, медведь – символ политического движения «Единство», стоящего на позициях умеренного национального движения «Единство», стоящего на позициях умеренного национал-патриотизма.	настолько неумелая или неуклюжая, что приносит только неприятности тому, кому оказывается.
–	–	4. Сосать лапы – жить, не имея достаточных средств к существованию, довольствоваться минимумом; бесцельно терять время, бездельничать.

Таблица 12. Образ *лисы* по данным «Лингвокультурологического словаря»

Типичный персонаж русского фольклора и народных верований	Образ лисы в национальной картине мира	Современное представление русских об образе лисы, используемом для характеристики человека
1. Лиса относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека.	1. Лиса – животное, покрытое рыжей шерстью, характерной чертой её внешнего облика является большой пушистый хвост. Лиса связана у русских с представлением о хитрости, лукавстве, лести, скрывающимися за внешней красотой и обаянием.	1. Современные русские могут назвать лисой (лисом) или обращаться к образу лисы для характеристики: хитрого человека (хитрость при этом часто сочетается со лстивостью).
2. В русских сказках и авторских баснях лиса предстаёт хитрой, коварной и лстивой, постоянно обманывающей тех, кто слабее (сказки «Заячья избушка», «Колобок», басня И.А. Крылова «Ворона и лисица»).	–	–
3. В собственно русском фольклоре Лис (муж. род) не встречается, лиса всегда женского пола, у неё может быть имя (отчество) – Патрикеевна.	–	–
4. Под влиянием европейской культурной традиции у русских сложилось представление о лисе, которая может обладать не	–	–

только хитростью, но и мудростью.

Таблица 13. Образ *зайца* по данным «Лингвокультурологического словаря»

Типичный мифологический образ и персонаж русского фольклора	Образ зайца в национальной картине мира	Выражения, связанные с зайцем
1. В русских сказках и авторских баснях заяц предстаёт как а) слабый, безобидный, беззащитный и поэтому обижаемый теми, кто сильнее его («Заячья избушка»), б) хвастун, похваляющийся своими несуществующими подвигами и поэтому зачастую оказывающийся в комическом положении (С.В. Михалков «Заяц во хмелю»).	1. Заяц – небольшой зверёк с длинными ушами, он линяет, меняет окраску в зависимости от времени года, летом он серый, зимой – белый.	1. Ехать (быть) зайцем – ехать в общественном транспорте без билета.
2. Заяц несколько косит глазом, поэтому в сказках и авторских баснях его называют Косой.	2. Заяц связывается у русских с представлением о трусливости.	2. Путать следы, как заяц – предпринимать хитрые манёвры, чтобы уйти от преследования или скрыть что-либо; основано на наблюдении за зайцем, который, убегая от погони, может бегать кругами и путать следы.
3. Заяц в народных представлениях связан с мужской эротической символикой, находящей отражение в игровом и свадебном обрядах.	3. Современные русские могут назвать зайцем или обращаться к образу зайца для характеристики трусливого человека или человека, испытывающего непреодолимый страх в определённой ситуации.	–
4. Заяц – постоянный персонаж детского фольклора: игр, припевок, жеребьевок.	–	–
5. Заяц также связан с нечистой силой, наделяется демоническими свойствами; существует примета: заяц, перебежавший дорогу, сулит несчастье.	–	–

Таблица 14. Образ коня/лошади по данным «Лингвокультурологического словаря»

Типичный русский мифологический образ	Образ коня/лошади в национальной картине мира	Современное представление русских об образе коня/лошади, используемыми для характеристики человека
<p>1. Лошадь (конь) одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу этого конь воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет.</p>	<p>1. Конь, с одной стороны, – быстрое, сильное, свободное и грациозное животное, с длинной гривой и хвостом (вид причёски – конский хвост). Конь (лошадь) и особенно жеребёнок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично <i>волу</i>). Лошадь (конь) издаёт особые звуки – ржание (<i>ржать как лошадь</i>). У лошади (коня) крупные зубы (отсюда <i>лошадиная улыбка, лошадиная физиономия</i>).</p>	<p>1. Современные русские могут обращаться к образу лошади при характеристике: девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (лошадь, кобыла, кобылица; человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади; движений человека, в которых обнаруживается сходство с движениями этого животного; человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу <i>жеребёнка</i>) или любовь к свободе и обузданный нрав.</p>
<p>2. В сказках конь часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (Сивка-Бурка). Может предстать как вещее животное (напр.: песенный фольклор; а также легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Конь может нести и смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя («Повесть временных лет»; А.С. Пушкин, «Песнь о Вещем Олеге»). Вместе с тем конь и особенно всадник – герой или святой – выступают основными противниками змеи как воплощения зля (см. иконы «Чудо Георгия о змие». Конь белый</p>	<p>–</p>	<p>2. В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с лошадью и конём: Быть на коне – быть в выгодном положении; Гнать лошадей – торопиться, спешить; делать что-либо слишком быстро, второпях; Держать в узде – сдерживаться, ограничивать деятельность, контролировать; Жеребец – молодой человек (мужчина), сексуально активный, напористый, полный нерастратченной энергии; Закусить удила – проявлять немотивированное неоправданно-агрессивное упрямство, не слушая никаких аргументов и будучи не в состоянии адекватно воспринимать действительность; Конский хвост – особый вид причёски, в большей степени характерной для женщин, когда длинные волосы стягиваются на затылке резинкой или лентой; Ломовая лошадь – человек, способный работать больше «нормы» без особого вознаграждения и «вытянуть на себе»</p>

<p>или огненный – атрибут Ильи-Пророка, разьежающего по небу, соответственно, гром – топот копыт и ржание коней. Всадники Апокалипсиса появляются также на коне четырёх мастей (Откр. VI: 2-8). Конь может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конёк на крыше деревянного дома; см. также: А. Розенбаум, «Серый в яблоках конь»). От прежних магических представлений, связанных с конём (лошадью), сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу.</p>		<p>заведомо непосильную работу; восходит к представлению о породе лошадей-тяжеловозов; Лошадиная доза – слишком большая доза, превышающая «норму»; Лошадиная сила – мера измерения мощности двигателя; Работать (пахать), как лошадь – выполнять большую и, возможно, тяжёлую работу, не приносящую радости и вызывающую усталость; Рабочая лошадка – человек, много работающий и не требующий, как правило, особого вознаграждения за труд; Ржать (как лошадь) (<i>груб.</i>) – слишком громко смеяться; Словно вожжа под хвост попала (попадёт) – повести себя в определённой ситуации несдержанно и своенравно, не слушая аргументов и доводов разума; Старая кляча – непривлекательная, усталая женщина; может предполагаться, что она не способна выполнять какую-либо работу; Тёмная лошадка – человек неизвестный и потому, возможно, потенциально опасный, вызывающий настороженность.</p>
--	--	---

Таблица 15. Образ *льва* по данным «Лингвокультурологического словаря»

Нетипичный русский образ	Образ льва в национальной картине мира	Современное представление русских об образе льва, используемое для характеристики человека
<p>1. Не входит в число типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека.</p>	<p>1. Лев – царь зверей; крупное, сильное, смелое, опасное хищное животное, издающее грозный рык (<i>львиный рык; рычать как лев</i>); животное с густой длинной гривой.</p>	<p>1. Современные русские могут называть ЛЬВОМ (львицей) или обращаться к образу льва для характеристики:</p> <p>1) человека, совершающего самоотверженные действия, в которых проявляется его сила и бесстрашие (<i>сражаться как лев; бесстрашный как лев</i>), а также человека грациозного, ловкого, хваткого и опасного;</p> <p>2) могущественного человека, возможно, обладающего властью и занимающего господствующее положение по отношению к другим людям;</p> <p>3) человека, у которого очень густые и пышные волосы (<i>львиная грива</i>).</p>
<p>2. Не является типичным персонажем русского фольклора</p>	<p>–</p>	<p>2. В современном русском языке есть выражения, связанные со львом: Сунуть голову в пасть [ко]</p>

		<p>льву – пойти на опасное, рискованное дело; Львиная доля – самая большая часть чего-либо; Светский лев – вальяжный, дорого одетый, уверенный в себе человек; человек, который пользуется успехом в высшем свете; Светская львица – женщина, искущённая в светских делах и пользующаяся влиянием в свете, как правило, обольстительная и опасная.</p>
--	--	--

Таблица 16. Образ змеи по данным «Лингвокультурологического словаря»

Древний мифологический образ	Образ змеи в национальной картине мира	Современное представление русских об образе змеи, используемое для характеристики человека
<p>1. Змея относится к числу древнейших мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека, предмета, ситуации и т.д.</p>	<p>1. Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает её оцепенение.</p>	<p>1. Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике: коварного человека, способного на предательство, холодного, расчётливого; человека с недобрым, злобным отношением к окружающему миру; при этом может подразумеваться, что этот человек потенциально опасен, готов к нападению (<i>не язык, а змеиное жало; ну, зашипела, как змея</i>); называют человека по его поведению в определённых ситуациях, соотносимому с поведением змеи (змея гибка и изворотлива; обладает «способностью гипнотизировать» свою жертву); по внешности человека, предмета, чувства или ситуации, которые воспринимаются говорящим как зловещие и предвещающие опасность; по ситуациям, которые вызывают ассоциации с одной из характерных особенностей змеи.</p>
<p>2. Змея – один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала (<i>Жена да муж – змея да уж</i>); она ядовита и целебна. Змея – и нечистая тварь,</p>	<p>2. Бытует представление о необыкновенной живучести змеи: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык – жало (> жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издаёт звуки, похожие на шипенье.</p>	<p>2. В речи современных русских мужчин слово змея иногда может употребляться как синоним слову «жена» (простореч.), в этом случае оно, как правило, не имеет однозначной отрицательной оценки.</p>

<p>и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии змея выступает как олицетворение сатаны (Быт. III: 1 и след.; II Кор. XI: 3; Откр. XII: 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. X: 16), злобой (Мф. XXIII: 33), свирепостью (Пс. LVII: 5; Притч. XXIII: 32) и коварством (Быт. XLIX: 17). Однако отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.</p>		
<p>–</p>	<p>3. Под влиянием христианства змее приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (<i>пригрел змею на своей груди, змея подколотная</i>).</p>	<p>3. В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеёй. Змея подколотная – характеристика человека коварного, неблагодарного, опасного; при этом может подразумеваться, что этот человек способен совершать злонамеренные и таящие в себе неожиданную опасность поступки. Зелёный змий – персонификация алкоголя, алкогольной зависимости. Змей<змий>-искуситель – 1) характеристика человека, уговаривающего собеседника совершить какой-либо поступок, обещая вознаграждение и/или различные блага; 2) характеристика мужчины-соблазнителя; восходит к Библейскому дискурсу (сцена в раю). Мудрый <премудрый> змей; мудрый как змий – характеристика человека, отличающегося умом, владеющего особыми знаниями и т.д.; восходит к Библейским текстам («Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби», Лук. X: 16). Пригреть змею <гадюку> на груди – оказывать помощь, покровительство человеку коварному, считать его своим другом и испытывать вследствие его предательства глубочайшее разочарование.</p>
<p>–</p>	<p>4. Иногда змее приписывается мудрость (<i>«И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой»</i>, А.С. Пушкин).</p>	<p>–</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Итоговые таблицы по результатам Главы 2

Таблица 1. Доминантные признаки образа *собака* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«злость»	свирепость, агрессивность, сварливость, подлость (явная и скрытая), драчливость
2.	«высокомерие»	тщеславие, надменность, хвастовство, наглость
3.	«угодничество»	подхалимство, услужливость, лицемерие
4.	«наивность»	доверчивость, неопытность, недалководидность, глупость, невнимательность, рассеянность
5.	«трусость»	предательство
6.	«тунеядство»	попрошайничество, лень
7.	«пустозвонство»	клевета, ябедничество
8.	«завистливость»	завистливость (связанная с лицемерием)
9.	«расчётливость»	меркантильность, мелочность
10.	«храбрость»	самоотверженность, решительность, преданность
11.	«мудрость»	сообразительность, благоразумие, опыт
12.	«доброта»	дружелюбие, влюбчивость, восторженность

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «злость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Жучок и блоха», с. 157	Жучок	«Стал грозно лаять, злиться, бросаться на людей»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Руслан и Трезор», с. 153- 154	Руслан	«прорычал <i>Руслан</i> в ответ», «Осточертел мне белый свет!»
3.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Бешеный пёс», с. 32-33	Пёс	«взбесился <i>Пёс</i> цепной», «ядовитой брызгая слюной», «напал по-волчьи на телёнка», «одних загрыз, другим порвал бока», «на смерть ранил пастушонка», «захвачен лютый пёс», «бандит в тюрьме окреп», «известны нам суды такого рода»
4.	В.Ф. Матвеев, «Озорная перемена», 1985	«Раздумья ученика», с.97	Собаки	«одна укусила меня без лая, другая, облаяв, не укусила»
5.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Кот в почёте», с. 23-24	Пёс	«облаять норовит»
6.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Полкан», с. 36	Полкан	«критикует, не глядя на лица», «с пеной у рта облаял Овечку, Свинью и Кота», «бросался с рычаньем на робкую Утку»
7.	В.Ф. Матвеев «Озорная перемена», 1985	«Современная Моська», с. 98	Моська	«Она всё та же: мелочная, злая», «Её девиз – кусать исподтишка!»
8.	Н.И. Фалеев, ж-л «Зритель», 7 апреля, 1905, №9	«Полкан», с. 3	Полкан	«Вдруг стал вести себя – буквально, как буйан», «не проходило часа, чтоб лаем он прохожих не пугал», «зарычал злобней», «полон бешенства и злости»

9.	Н.И. Фалеев, ж-л «Зритель», 24 июля, 1905, №7	«Приятель», с. 8	Барбос	«попал на цепь ты поделом», «преступный пёс»
10.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Растущий Бобик», с. 39	Бобик	«Хотя был из дворян он вроде», «Вилял хвостом при всём народе, / Кусал – исподтишка»
11.	И. Батрак «По следам жизни»,	«Фабрикант и Собака», с. 47-48	Дог	«свирепый дог вскочил», «А если будешь злей, / Наверно станешь президентом»
12.	И. Батрак «По следам жизни»,	«Лиса и Собака», с. 20-21	Пёс	«устраивал скандал», «часто лисий хвост на зубы попадал», «сторожа такого неумолимого и злого»
13.	С.В Смирнов «Сатиричинки», 1979	«Конь и Шавка», с. 115	Шавка	«мечет, изрыгая пламя»
14.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Чёрный Пёс», с. 72-73	Чёрный Кобель	«Кошек гонял и с собаками дрался», «на детишек бросался»
15.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Лохматый Пёс», с. 39	Пёс	«Всех обдаёт потоком грязной брани», «облаив, цапнуть норовит»
16.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Роковой просчёт», с. 14	Барбос	«я лаял там, где надо бы лизать»
17.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Беспринципный Лев», с. 3	Собака, Шавка	«Превратился Лев в собаку: / Он пустился с Шавкой в драку»
18.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Пёс и кот», с. 52-53	Пёс	«Побить хотела тут же вора»
19.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Воробей и кот», с. 15-16	Псино-обормот	«Загрыз ли псино-обормот?»
20.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Жучка», с.21-22	Жучка	«Ну что ты лаешь на меня? – спросила Жучку Кошка»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «высокомерие»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Сомнительное бахвальство», с. 147	Жучка	«Ты угонись за мной», «Я нынче семерых под утро принесла»
2.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Порода», с. 23-24	Пёс	«скрывая в сердце злость», «За то, что ты – мужичья кость, / И должен чтить мою высокую породу!»
3.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Судьба Шавки», с. 24	Шавка	«Так и рвалась на всех напасть», «из всех её собачьих склок / Остался только... шерсти клок»
4.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Самомнение», с. 19	Пудель	«Лезет Пудель вон из кожи: / «Я не Лев, но... / Мы похожи»
5.	С.В. Смирнов «Сатиричинки», 1979	«Конь и Шавка», с. 115	Шавка	«он игнорирует меня и мечется всё время... под ногами!!!»

6.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Обмен любезностями», с. 171	Барбос	«съязвил <i>Барбос</i> », «– Учти, твой гений – не того-с»
7.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Пудель», с. 210	Пудель	«ему шептали льстивые слова», «Лишь Лев сказал: – Ты <i>Пудель</i> , а стрижешься подо Льва»
8.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Полкан и Щенок», с. 90	Щенок	«раздался надрывный лай», «...а мы чем хуже», «мы почему должны всё время ждать, пока его обслужат?!», «Да он, бездельник, уж давно не служит!», «поливал <i>Полкана</i> злой бранью»
9.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Щенок и Собака», с. 63-64	Щенок	« <i>Щенок</i> – «...на старших лает», «Рычит на мать и на отца!», «Дерётся с братьями и лает на людей»
10.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Федот, да не тот», с. 64-65	Гончий Пёс	«пошёл на пользу мой пример», «Щенком папаша восхищался»
11.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Моська и Слон», с. 67-68	Моська	«Воспоминанья <i>Моська</i> принесла, / О том, какой отважною была», «Вот только про Слона упомянуть забыла»
12.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Полкан», с. 36	Полкан	«любил похвалиться»
13.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Пудель», с. 24	Пудель	«подстригли <i>Пуделя</i> под Льва», «лаять перестал, с собаками не знался», «так <i>собакой</i> и остался»
14.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Нерешительный Осёл», с. 60-61	Пёс	«"– Не может гавкать он!" – пролаял <i>Пёс</i> »
15.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Моська на высоте», с. 17	Моська	«Пустоголова, дура дурой, / Вдруг <i>Моська</i> сделалась фигурой»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «угодничество»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Собака и Осёл», с. 157	Собака	«ходить на задних лапках», «как можно ласковой лизнуть его в лицо»
2.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Жучкин талант», с. 25	Жучка	«За себя на задних лапах может постоять»
3.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«О языке», с. 12	Пёс	«лизнул лишь пару рук», «Язык – мой друг»
4.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Болонка», с. 111-112	Болонка	«хвостом вилять, на задних лапках прыгать», «уничижительно склонив головку», «застыв в покорной стойке»
5.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Полкан и Шавка», с. 48	Шавка	«перед Хозяйкой вертит Шавочка хвостом», «лизает ей самозабвенно пятки», «как не любить её: нежна!»
6.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Шавка», с. 76- 77	Шавка	«Лишь свистнешь ей, <...> она уж бежит, / Виляет хвостом, и от счастья визжит, / И пялит нахально

				бесстыдные глазки / В надежде сорвать угощение и ласки»
7.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Кот в почёте», с. 23-24	Пёс	«хвостом виляя, кость протягивает, зазывает в будку», «ты для меня всегда желанный гость!»
8.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Бобик-подлиза», с. 22	Бобик	«стал превыше всех собак», «чихает, когда хозяин нюхает табак»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «наивность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Щенок и гадюка», с. 167	Щенок	«к ней несмышлёный подбежал <i>Щенок</i> », «так глупенький малыш бесславной смертью пал»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Мираж», 156	Щенок	«искал в любом мальчишке друга», « <i>хвостом</i> ему <i>виляя</i> », «подобострастно <i>лая</i> », «он грезил об <i>ошейнике, цепи, собачьей конуре</i> », «когда ж его мечта сбылась, он тихо стал <i>скулить</i> с утра и до утра»
3.	С.Е. Ванетик «Крутой диалог», 1999	«Ограбленный Трезор», с. 40	Трезор	«Караул, – завыл <i>Трезор</i> , – обокрали!», «Утащили поводок и намордник»
4.	Н. Альтшуллер «Мормышка»,	«Пёс и Кукла», с. 50	Пёс	«в зубах у Куклы очутился», «будешь знать, что значит с куклами играть»
5.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Осёл и Волкодав», с. 56-57	Бульдог	«Вообще, конечно, <i>Пёс</i> как <i>Пёс</i> : / И уши вроде бы и лапы – всё на месте», «по виду вроде ничего. / Но вот клыки его... <i>Того</i> »
6.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Грач», с. 72	Барбос	«Воробей тащил у <i>Пса</i> из миски картошку, хлеб и полсосиски», «другой проныра Воробей унёс его добычу из-под носа»
7.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Федот, да не тот», с. 64-65	Собака	«Пусть он лучше учится на льва!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «трусость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков, «Басни», 1984	«Полкан и Шавка», с. 29-30	Шавка	«от страха Шавка вся дрожит», «Не погубите!», «Я показать вам рада, где у реки пасётся стадо»
2.	В.Ф. Матвеев, «Озорная перемена», 1985	«Современная Моська», с. 98	Моська	«поджала хвост и на Слона не лает», «её девиз – кусать исподтишка»
3.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Болонка», с. 111-112	Болонка	«сидела в стороне молчком»
4.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Полкан», с. 36	Полкан	«хвост в страхе поджал правдолобец и – в будку»
5.	Е.И. Аникеев	«Лохматый	Пёс	«Опешил Пёс и в страхе хвост

	Холодный душ», 1976	Пёс», с. 39		поджал / И по-щенячьи завизжал»
--	------------------------	-------------	--	---------------------------------

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «тунеядство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Петух-болтун», 1954, с. 87	Пёс	«Вставайте, лодыри! Проснитесь, лежебоки! – Кричал Петух», « <i>Пёс</i> вздрагивал во сне и открывал глаза»
2.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Полкан и Осёл», с. 58-59	Жучка	«Так крепко спала, хоть ходи по хвосту!», «она заскулила и сразу – к Ослу», «Назавтра же <i>Жучка</i> вновь сладко спала»
3.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Шарик-Бобик», с. 124	Шарик- Бобик	«милее кров и пища, добытые глазами и хвостом»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «пустозвонство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Полкан- пустобрёх», с. 198	Полкан	«сидит и брешет», «Чем так бездарно пустобрешить, / Ты лучше гениально помолчи»
2.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Породистый брехун», с. 203	Сеттер	«только лает и лает на ветер»
3.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Щенок и Собака», 63-64	Собака	«молодёжь пошла не та!», «Вот мой <i>Щенок</i> – сопляк», «своего сынка всё грубияном кличешь», «Такой-сякой! Злодей!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «завистливость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Бродяга-Шавка», с. 24	Шавка	«взяла труды старателя-Вола, / Облаяла / И – дрянью назвала», «– Боюсь – его испортит... похвала»
2.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Вторая натура», с. 45	Трезор	«У кошки Мурки дом сгорел дотла», «О ужас! – произнёс он еле внятно. – / Сочувствую... / А – всё-таки... приятно»
3.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Односторонний критикан», с. 174	Мопс	«Мопс на Свинью воззрился косо: / – Ох, до чего же ты курноса!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «расчётливость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Джек и Жучка», с. 64	Джек	«лобызал ей трепетные ручки», «женился не на <i>Жучке</i> , / А на её удобной конуре»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Рай в шалаше», с. 84-85	Болонка	«предложение его пришлось <i>Болонке</i> по душе», «жить придётся в будке», «с каждым днём трудней,

				трудней любить», «лучше всё же... в тёплом доме!»
3.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Бульдог и Дворняжка», с. 84	Дворняж- ка	«не была в него ни капли влюблена», «что ни день, то два-три новых недостатка»

Общеотрицательная оценочность зооморфного образа *собака*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Д. Бедный «Избранные басни и стихи», 1935	«Кровное», с. 11-12	Псы	«Ах, <i>псы</i> , ах, подлецы»
2.	Д. Бедный «100 басен», 1935	«Сладкие мечты», с. 283-284	Псы	«У, <i>псы!</i> »
3.	Д. Бедный, «100 басен», 1935	«Пёс», с. 35-36	Пёс	«И как тебя на свет я породила, такого <i>пса?</i> », «на " <i>псе</i> " на бойню прокатился», «Так " <i>пёс</i> " не вылезал почти из хомута!»
4.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Макеев дар», с. 18-19	Пёс	«Так вот ты, <i>пёс</i> , каков!»
5.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Однако», с. 25	Собака	« <i>Собака</i> – друг человека. / Однако / Лучше, если друг не <i>собака</i> »

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «храбрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Полкан и Шавка», с. 29-30	«Полкан»	«я на себя возьму того, что покрупнее», «вцепился храбрый <i>пёс</i> зубами в волчью шею»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Пастух и блоха», с. 113-114	Сторожевой пёс	«Бесстрашный <i>пёс</i> вступил с волками в драку / И, выполнив свой долг, в неравном пал бою...»
3.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Волк правитель», с. 31-34	Собаки	« <i>Собаки</i> первыми накинулись на Волка»
4.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Наум», с. 28-29	Пёс	«заялял <i>пёс</i> », «служил я верно до сих пор», «не оставлю я поста / до окончания пятилетки»
5.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Селькор и Волк», с. 15	Псы	«– А как там <i>псы?</i> / – Надёжные вполне!»
6.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Болонка», с. 111-112	Боксёр	«среди других был самый бойкий», «И, как всегда, он первым начал речь, / Призвав всех бдительнее дом стеречь»
7.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Полкан и Шавка», с. 48	Полкан	« <i>Полкану</i> – кость», «охраняет сад и дом / и в погребке мешки и кадки»
8.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Бульдог и Дворняжка», с. 84	Бульдог	«от хулиганов спас Дворняжку»
9.	Е.И. Аникеев	«Полкан и	Полкан	«седому ветерану», «когда-то рану

	«Тихая заводь», 1988	Щенок», с. 90		он получил с волками в схватках боевых», «с той поры хромым остался»
10.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Федот, да не тот», с. 64-65	Гончий Пёс	«имел он грамоты, медали»
11.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Федот, да не тот», с. 64-65	Щенок	«гонялся за зайчишками в охоту», «Какой прекрасный экстерьер!», «Растёт сынишка смелым», «быть ему зайчатником умелым»
12.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Полкан и Осёл», с. 58-59	Полкан	«он ревностен был к своему ремеслу»
13.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Большая кость», с. 154-155	Волчок	«Волчок, придя в себя, ей вырвал полкрыла!»
14.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Пёс и Овцы», с. 38-39	Овчарка	«ни одной овцы не дал зарезать Волку!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «мудрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Руслан и Трезор», с. 153-154	Трезор	«Ты мог бы опытом с молодняком делиться», «поставил точку смелый пёс Трезор»
2.	Д. Бедный «Басни и сказки», 1945	«Лицедеи», с. 6-7	Барбос	«Врала ты, да не мне», «Где ж видано, <...> чтоб у сороки были зубы»
3.	С.Е. Ванетик «Крутой диалог», 1999	«Ограбленный Трезор», с. 40	Барбос-подзаборник	Удивился тут Барбос-подзаборник: / – Что там брать-то? Не сошёл ты с ума ли?»
4.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Кот Васька и Полкан», с. 30	Полкан	«Признаться, не дурён твой план», «– А вдруг два аппетита станут разгораться? / В два раза больше будет красть!»
5.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Болонка», с. 111-112	Овчарка	«– Считаю, что пора / Пьянчужек не пускать на территорию двора!»
6.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Мышь-пенсионерка», с. 54-55	Пёс	«И вроде бы робкой Мышь раньше была, / А ныне – смотри как смела!.. – / Тут Пёс удивился: / – Ты разве не слышала? / «Ведь Мышь-то на пенсию вышла!»
7.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Федот, да не тот», с. 64-65	Собака	«В ответ залаяла упрямо: / – Да как об этом ты подумать только мог?! / Сам от усталости не раз валился с ног / И хочешь милого сынулю / Заставить бегать до седин, поймать рискуя пулю! / Всю жизнь промучиться!»
8.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Про Щенка», с. 57-58	Щенок	«Старательно учился / И выучился он»
9.	С.В. Михалков	«Ку-ка-ре-ку», с.	Тихий пёс	«задал <...> вопрос»

	«Басни», 1984	88		
--	---------------	----	--	--

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «доброта»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Болонка», с. 111-112	Дворняга	«жить в дружбе», «не лаяться, не драться»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Рай в шалаше», с. 84-85	Дворняга	«нравилось в ней всё подряд»
3.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Бульдог и Дворняжка», с. 84	Бульдог	«он восхитился: "Как она стройна"»

Нейтральные характеристики зооморфного образа *собака*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Б.Н. Брайнин, «Прошу высечь», 1983	«Басня», с. 81	Бульдог	«Остались неохваченными басней... / Вот и напрасно!»
2.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Тень», с. 35	Псы	«На гитаре грохоча, / Псов сбивая с толку»
3.	С.В. Смирнов «Сатирички», 1979	«Зверюга-аноним», с. 91	Собака	«Докажет: "Се – Собака, А не Лев"»
4.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Осёл и Волкодав», с. 56-57	Овчарка	«Овчарка-то уволилась в субботу»
5.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Волк и Добряк», с. 53-54	Пёс	«То пса утащит»
6.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Счастливая Кошка», с. 7	Бульдог (Собака)	«Так кошка и стала женою Собаки», «Как кошка с собакой с тех пор и живут»
7.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«По настоянию Козла», с. 30-31	Щенок (Бобик)	«– Вот этот Бобик, – мрачно он сказал, мой силуэт, / Прошу простить за выраженье, / Бесстыдным способом на стенке набросал»

Таблица 2. Доминантные признаки образа *волк* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«кровожадность»	хищность, злость, свирепость, лютость, жестокость
2.	«хитрость»	хитрость (явная и скрытая), притворство, коварство, тактика, ухищрение, продуманность
3.	«подхалимство»	угодничество, услужливость, лицемерие, лживость, ханжество, лукавость, льстивость
4.	«неудачливость»	глупость, доверчивость
5.	«безнаказанность»	беззаконье

6.	«трусость»	испуг
7.	«высокомерие»	тщеславие, надменность, хвастовство, наглость, важность
8.	«воровство»	лиходейство
9.	«волк-начальник»	авторитет, сила, значимость, власть, тунеядство, неумение руководить подчинёнными или работать
10.	«честность»	порядочность
11.	«прозорливость»	рациональность

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «кровожадность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Приглашение», с. 20	Волк	«приходи – поберегу», «будет заячье рагу»
2.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Волчье хобби», с. 12	Волк	«– А те, скажи, овечки обе... / Кто их задрал?», «– Ах, овцы! Это ж просто хобби»
3.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Неразумные зайцы», с. 41	Волчья пасть	«Сообразили "на троих"... / С голодной <i>Волчьей пастью</i> »
4.	С.Е. Ванетик, «Крутой диалог», 1999	«Набрался духу», с. 27	Волк	«зубами шёлк», «от злой обиды заломило грудь»
5.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Перемена мест», с. 114	Волк	«Лиса и Волк буквально затравили зайцев»
6.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Жалоба», с. 15	Волки	« <i>Бандиты-волки</i> нам совсем житья не дали, / Мы гибнем, что ни день от их клыков»
7.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Невозможная статья», с. 123-124	Волк	«Спокон веков, к примеру, нету / Житья от <i>Волка</i> », «Зарезал двух он свиноматок, / Сиротками оставив поросёток»
8.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Волк и Савва», с. 51	Волк	« <i>Волк</i> повадился! Никак мне с ним не совладать!», «Устроили вокруг засады, / Чтоб душегуба кончить враз. / А <i>Волк</i> (поди ж ты) и не кажет глаз», «снова несколько овец пропало», « <i>Волк</i> ещё овечку положил»
9.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Волк и Добряк», с. 53-54	Волк	«Матёрый <i>Волк</i> повадился в село: / То Пса утащит, то зарежет Тёлку», «воспитателя задрал»
10.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Баран и Волки», с. 7-8	Волки; Волк	«Как окружили бедолагу <i>волки</i> », «сверкнул глазами <i>Волк</i> », «А сам ты разве – не закуска?»
11.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-травоед», с. 26-27	Волк	«Зарезал здесь овцу, задрал телёнка тут, / А там свалить коня не посчитал за труд»
12.	С.В. Михалков «Басни», 1984	Полкан и Шавка», с. 29-30	Волки	«Попали прямо в пасть к <i>волкам</i> », «повстречалась <i>волчья стая</i> », « <i>волки</i> двинулись за Шавкою гуськом», «посоветовались на <i>волчьем</i> языке», «на всякий случай»

				раньше Шавку съели»
13.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Ёж и Волк», с. 11-12	Волк	«Голодный волк / Искал себе добычу, / И мог бы уплети / Он сразу тушу бычьую», / Но волк был чопорный и гордый / Есть мошек не любил»
14.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Вол и Волк», 1932, с. 41-42	Волк	«подкараулил раз вола», «Напав исподтишка, / Ему поранил он бока, / Попортил хвост и у виска / Кровавых вырвал два куска»
15.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Пастухи», с. 82-83	Волк	«Не вы ль коня / Зарезали в трясине?», «За ваши прошлые грехи не то, что в пастухи, вам нужно бы давно... болтаться на осине»
16.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Волк-моралист», 1943, с. 212-213	Волк	«на редкость лютый волк в соседстве объявился», «убивал ягнят или телят», «свирепостью был обуян», «людям не давал покою», «охотился за детворой», «вошёл волк этот лютый в славу», «в пасти у него впрямь бивни, не клыки»
17.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Аппетитное враньё», 1913, с. 11-12	Волк	«Так это ты, подлец всё лаял без умолку?», «Ешь, живодёр, мальчика, коли поймал», «я себя сержу для аппетита!»
18.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Хозяева честные», с. 3-9	Волк	«волки всё живут давно уж не удоем, / А беспощаднейшим, бандитским, злым разбоем», «всё выжать норовят», «в ход пустив свои разбойные ухватки»
19.	В.Ф. Матвеев «Озорная перемена», 1985	«Высокое мнение», с. 102	Волк	«Волчью прыть умерьте, / Волк испугал меня до полусмерти»
20.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«По рассказу Волка», с. 77-82	Волк	«Говорит со злостью», «подумав, усмирил нервную систему», «Ну, пусть теперь мне зайцы попадутся!»
21.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Волки в няньках» с. 49	Волки	«Волкам Козляток нянчить оставляли: / Они у них не плакали, не ныли, не пищали... / Не успевали»
22.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Сердобольный Волк», с. 34-35	Волк	«на лугу соседнем съел... Телёнка»
23.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Козёл-филантроп», с. 42	Волки	«Докладчика сожрали волки»
24.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Козёл отпущения», с. 114	Волк	«Сказал Козёл, что в Волке – корень зла... / Начальник Волк немедля съел Козла»
25.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Волчья милость», с. 38	Волк	«Зубастый Волк Ягнёнка поберёт: / Схватил его не вдоль, а поперёк»
26.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Бобёр и Волк», с. 21	Серый Волк	«Не жди добра, / Коль Серый Волк сказал: – Люблю Бобра!»

27.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу»	Волк	«Проведав стороной, что волк бедняжку съел, / Надумал отомстить он волку-наглецу...»
28.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Волчье горе», с. 23	Волк	«вздыхает в сторону луны», «в селе овечки на запоре»
29.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«"Миротворцы" – хоть куда», с. 146	Волк	«нетрудно понять, что здесь будет за климат / И какую они резолюцию примут»
30.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», 1926, с. 77-78	Волк	«И волку приказал / Содрать с овцы тулуп»

Зооморфный образ волк с семантическим доминантным признаком «хитрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Кроткий Волк», с. 23	Волк	«тих и светел», «к овцам в завы стада метил»
2.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Резолюция», с. 22	Волк	«К зиме с барашка будет толк, / Пусть попасётся...»
3.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Волчье хобби», с. 12	Волк	«Питаюсь я одной травой», «Иметь могу же хобби я»
4.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Осёл и Волкодав», с. 56- 57	Волк	«вот клыки его...того», «отара начала хиреть, / Овечки – пропадать, а Пёс – жиреть», «Был Волкодав матерым Волком»
5.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Баран и Волки», с. 7-8	Волки	«обняли волки нежно работагу»
6.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Селькор и Волк», 1926, с. 14-15	Волк	«но если рассудить, то нам один конец: мне от железа, тебе же от обреза», «не лучше ль нам поладить», «во всём твоя была бы половина»
7.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Ёж и Волк», с. 11-12	Волк	«Вдруг мягким сделавшись, как шёлк, / Беседу мирную с ежом заводит волк», «Дай лапку мне, / И мы скрепим союз»
8.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Вол и Волк», с. 41-42	Волк	«Узнав о том, коварный волк / Решил, что выйдет, верно, толк», «В бараньей шкуре наконец / Он к ним пожаловал, стервец»
9.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», с. 77-78	Волк	«Волк на овцу / Глазами луп да луп. / – Что вижу я, сестра? / Мой на тебе тулуп!», «– И точно: одолжил / Отец твой или дед»
10.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Пастухи», с. 82- 83	Волк	«Решились в колхоз / Отправиться служить: / Пасти его овец, свиней и поросенок», «Вашу животинку мы окружим и лаской, и теплом», «дайте только для почину»
11.	Д. Бедный	«Волк и Овца»,	Волк	«Взмолился Волк», «Роднулечка-

	«Избранные произведения», 1985	с. 91-92		Овечка, остановись на два словечка! / Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу. / Ах, знаю, я – злодей, и нет мне оправдания!», «сжалишься в порыве сострадания над умирающим врагом!»
12.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«По рассказу Волка», с. 77-82	Серый Волк	«У леса <i>серый Волк</i> сидел, / Закатом любовался. / Сидел и мирно травку ел...»
13.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Шакаля миссия», с. 9	Волк	«конец, мол, прежнему разбою!», «нынче я о дружбе вою», «что они, что я – теперь друзья!»
14.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу»	Волк	«Эй, заяц, отвечай: овцу не ты ли съел?», «Хотя погибнешь ты, но нас спасёшь, сосед!», «И тотчас головой "преступник" выдан был», «Привычно для <i>волков</i> свою добычу рвать, / И зайцем им легко виновником назвать...»
15.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-травоед», с. 26-27	Волки	«всегда травили нас, <i>волков</i> , / И скверные про нас пускали толки», «А <i>волки</i> между тем давным-давно / Не могут видеть кровь, не могут слышать стоны, / На травку перешли и на зерно», «Ягнёнка одного-другого задерут, / Так только с целью самообороны»
16.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Волчья жалоба», с. 8	Серый Волк	«Обидно, что его любое дело разбойным промыслом зовут», «он Волк, конечно, но не в прежнем смысле: / и нрав сердечнее, великодушной мысли, / не зол, не груб, не душегуб», «назовём его по масти " <i>Серый</i> "»
17.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-дипломат», с. 109	Волк	«данный <i>Волк</i> , хоть не был гуманистом, / На зайцев не рычал, когда встречал, / Их не травил в лесу, не трогал в поле чистом, / На их поклон поклоном отвечал»
18.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Вывеска», 113-114	Волк	«я противник стойкий», «...но от перестройки / Нам не уйти, она не словеса!», «Ведь ныне, повстречавшись с Зайцем, / Его не смеем даже тронуть пальцем», «Однако дня буквально не проходит, / Чтоб заяц в том лесу бесследно не исчез»
19.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Волк и Добряк», с. 53-54	Волк	« <i>Волк</i> глядит скорее жалобно, чем грозно», «Три дня упрямый зверь крепился, / Но в рот травы не брал»
20.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-дипломат», 1957, с. 109	Волк	«подмигнул зубастым поварам»
21.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Принципиальна я критика», с. 31	Волки	«критиковали <i>Волки</i> / За... несъедобные иголки»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «подхалимство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Нахлебники», с.12-13	Бирюк	«– А ты, <i>бирюк!</i> Тож, видно, за друзьями? / – Угу, к нему управделами!»
2.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Волк и Лев», с. 91	Волк	«Пусть льстит тебе низкопоклонник», «В своих упрёках ты, конечно, был бы прав, / Когда бы сам овцу добыл ты честно!»
3.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Рыболовы», 1912, с. 31-32	Волк	«От ложного движенья тебя хочу я уберечь», «держись подальше ты от мухи! / Не то нарвёшься на крючок»
4.	Д. Бедный «Басни и сказки», 1945	«Опекуны», 1912, с. 3-4	Волк	« <i>Волк</i> лёгок на помине», «Хозяйке-кумушке привет», «А ты меня утешила когда? / За все последние года / Хоть пару ты промолвила словечек / Насчёт моих овечек?!»
5.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Сердобольный Волк», с. 34-35	Волк	«– Нет, жалко, не могу. / Не буду есть Мышонка!», «Подался от него сторонкой», «И на лугу соседнем съел... Телёнка»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «неудачливость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Д. Бедный «Избранные басни», 1926	«Волк правитель», с. 31-34	Волк	«Собаки первыми накинулись на <i>Волка</i> », «весь израненный, кривой, / Из бойни вырвался едва-едва живой», «И впрямь, начальства нет: весь люд перебесился», «Да будь вы прокляты, чтоб я когда-нибудь деревней править согласился!!»
2.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Ёж и Волк», 1926, с. 11-12	Волк	«Дать лапу и в твоей вдруг очутиться пасти, / Чтоб стал ты рвать меня на части, – / Себя глупее поищи»
3.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Вол и Волк», 1932, с. 41-42	Волк	«Принять согласны мы вполне, / Хотя баранов и <i>волков</i> / на рынке шкуры не в цене»
4.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Козёл и Волк», с. 33	Волк	«Как с неудачной ловли / <i>Волк</i> мимо проходил»
5.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Пастухи», 1926, с.82-83	Волк	«Проваливай отсель!»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «безнаказанность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Жалоба», с. 15	Волк	«Раз <i>Волк</i> ответственен за эти штуки <...>, ему и карты в руки», «И жалобой стал заниматься Волк, вот то-то вышел толк!»
2.	Е.И. Анিকেев	«Волк и Савва»,	Волк	«Но кто-то всё же разгадал загадку

	«Тихая заводь», 1988	с. 51		эту: / На <i>Волка</i> вся дурная слава, / А ест овец не <i>Волк</i> , а Савва»
3.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-травоед», 1945, с. 26-27	Волки	«И порешали судьи тут: / Дать <i>Волку</i> выговор и не лишать свободы», «А <i>волки</i> нападают до сих пор»
4.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Волчья жалоба», с. 8	Серый Волк	«На охоту ходит, как ходил, / овец всё так же душит...», «волчья всё ж осталась пасть»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «трусость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Д. Бедный «Басни и стихотворения», 1935	«Бунтующие зайцы», с. 7-8	Волк	«О бунте заячьем пошли повсюду толки», «хвосты поджали звери все, – / А больше всех, понятно, <i>Волки?!</i> »
2.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Селькор и Волк», 1926, с. 14-15	Волк	«Как жалко, что с тобой не по дороге мне», «И <i>волк</i> назад скорей попёр»
3.	С.Е. Ванетик, «Крутой диалог», 1999	«Набрался духу», с. 27	Волк	«от изумленья <i>Волк</i> оторопел / С ним общаться так никто не смел», «Ногою дрыгнул и – с копыт долгой», «Вот что с <i>Волками</i> делает испуг!»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «высокомерие»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Волк и Заяц», с. 28-29	Волчище	«На Зайца глядя свысока, / Он ждал привычных знаков уваженья, / Положенных ему по положенью», « <i>Волчище</i> аж присел: / – Ты что, Косой, вчистую окосел?! / Не видишь разве, кто идёт навстречу?», «Так почему ты не приветствуешь меня?! / Я непочтенья не прощаю!», «чувства чувствами, ну а почёт по чину!»
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Волк-хвостун», с. 10	Волк	«навсегда закреплены мои права. / Теперь всему я голова. / Решать все буду споры, и ссоры, и раздоры», «как судья над всеми и над всем, – хочу – помилую, хочу – и съем»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «воровство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и Крот», 57-58	Волк	« <i>Волк</i> <...> он мяслолюб и вор»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-травоед», 1945, с. 26-27	Волки	«Вожак воров и сам матёрый вор», « <i>Волк-живодёр</i> как избежать облавы ни старался, / А всё ж попался»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «волк-начальник»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Шакал на должности», с. 38-39	Волк	«Шакал, но занимает должность <i>Волка!</i> »
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Протекция», с. 57	Волк	«Шакал – мой друг и зять. – Писал Медведю <i>Волк</i> . – Ты прояви заботу: Возьми его в свою дубраву на работу», «Хоть сам Шакал и дрянь, да <i>Волку</i> зять!»
3.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Выборы», с. 117-118	Волк	«Недавно <i>Волку</i> первым дал отпор»
4.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Дутый авторитет», с. 77	Волк	«С ним дружбы ищет <i>Волк</i> »
5.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Волк-строитель», с. 46-47	Волк	«А чтобы надёжнее двигалось дело, / Прислали директором в «Бобростройтрест» / Бывалого, старого <i>Волка</i> », «Сидел одиноко директор под ёлкой, / Глядел, как валили бобры у реки деревья, и думал: «Кругом чужаки, / Не ищут со мной ни общенья, ни дружбы. / Нет, общего нам не найти языка: / Мне лес по душе – им дороже река»
6.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Самоотвод», с. 9	Волк	«Кому стеречь доверить мёд <...> <i>волку</i> это дело поручили», «эта должность мне не подойдёт – не ем я мёда»
7.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Невозможная статья», с. 123-124	Волк	«Лису вдруг представилось минутно, / Что он поставил в номер Кабана статью, / И <i>Волк</i> её читает... Уй-ю-ю, / Как сделалось бедняге неуютно!», «Вот-вот и минет год! А всё статья кабанья не идёт!»
8.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Волк и Бобёр», с. 31	Волк	«вызвал "на ковёр" Бобра. / С тех пор у <i>Волка</i> – два ковра»
9.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу» (Из башкирских басен)	Волк	«И спешно звери все сошлись в лесу густом. / <i>Волк</i> – председателем, лиса – секретарём...»

Общеотрицательная оценочность зооморфного образа *волк*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Наводнение», с. 110-111	Волк	«Ведь запросто может лишить головы!»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Пёс и овцы», с. 38	Волк	«И ни одной овцы не дал зарезать <i>Волку!</i> »

3.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Савва», с. 16	Волк	«На <i>Волка</i> списана поджаренная ярка!»
4.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Лев, Лиса и Олень», с. 85-87	Волк	« <i>Волк</i> , дескать, лют», «Лев хочет посадить теперь на царство <i>Волка</i> »
5.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Слепой», с. 89	Волчонок	«он мал ещё», «этого зверька на след пускать в овчарню»
6.	Б.Н. Брайнин «Прошу высесть», 1983	«Антибасни» (Другу-баснописцу), с. 66	Волк	«Обжора <i>Волк</i> – на снятии остатков», «Чтоб посадили <i>Волка</i> на диету»
7.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Зайцы», с. 27	Волк	«Чего ты к зайцам пристаёшь?»
8.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Бузотёры», с. 32-33	Волк	« <i>Волк</i> – он и впрямь свирепых правил»
9.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Грозный Заяц», с. 58	Волк	«– Чего это – стал ты заикаться?!», «встретил <i>Волка</i> , братцы»
10.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Мать-волчица», с. 140	Волчата	«малютки, но уже ворчат»
11.	И. Батрак «Обручи и клепки», 1926	«Осёл», с. 16-17	Волк	«Наверно, <i>Волк</i> его слимонил»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «честность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Осторожная Лиса», с. 42	Волк	«старый друг и родич <i>Волк</i> / Её тихонько лапой толк: / – Сама ты что ж виновных не назвала?»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «прозорливость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Козёл и Волк», 1931, с. 33	Волк	«Не ты меня бранишь, / А... место»

Нейтральные характеристики зооморфного образа *волк*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Волк на пенсии», с. 36	Волк	«слабее стал, старше»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь»,	«Нужный зверь», с. 50-51	Волк	«Я познакомился с огромным старым <i>Волком</i> », «Страшный! В

	1988			два обхвата холка!», «Да Волк-то ведь беззубый»
3.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Волк-дипломат», с. 37	Волк	«Давай не помнить зла!», «А сам вздохнул, что молодость прошла, / Что у него, увы, – вставные челюсти»
4.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Рождение оды», с. 13-14	Волк	«От баснописца не добьёшься толка, / Когда он лезет в лес, а сам боится волка»
5.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Съезд», с. 57-58	Волк	«О помощи нам некого просить, / Как только Волка пригласить»
6.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Притон», с. 119-120	Волк	«Судились овцы с волком...»
7.	Е.И. Аникеев Холодный душ», 1976	«Речной волк», с. 28	Речной волк	«Мне ль, речному волку»
8.	Б.Н. Браинин «Прошу высечь», 1983	«Заключительная мораль», с.67	Волк	«Ведь в том Кроте, Еноте и Коте / Легко узнаешь ты Жирафу, Льва и Волка»
9.	В.Ф. Матвеев «Озорная перемена», 1985	«Рыбный день», с. 93	Волк	«Пример с людей и Волку брать не лень – и у меня бывает рыбный день»

Таблица 3. Доминантные признаки образа *медведь* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«плохой начальник»	власть, сила, значимость, строгость, кровожадность, глупость, недалковидность, безграмотность, сердитость, взяточничество, корыстность, расчётливость, лень, хитрость, изворотливость, обман, важность
2.	«любитель полакомиться»	мёд, малина, петушок
3.	«плохой работник»	халатность, лень, алчность, нечестность
4.	«глупость»	недалковидность (несмотря на физическую силу)
5.	«подхалимство»	хвастовство, лицемерие
6.	«эгоистичность»	эгоизм
7.	«жестокость»	злость, агрессия, свирепость, властность
8.	«хитрость»	коварство
9.	«болезненность»	беспомощность
10.	«жадность»	прожорливость
11.	«самоуверенность»	высокомерие
12.	«воровство»	воровство
13.	«любитель алкоголя»	любитель алкоголя
14.	«хороший начальник»	разумность, справедливость, доброта
15.	«сила»	мощь
16.	«далковидность»	прозорливость, оправданная жёсткость
17.	«мудрость»	рациональность

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «плохой начальник»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
---	---------------------	----------------------	--------------	-----------

1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Слон-живописец», с. 21-22	Медведь	«На случай, если вдруг <i>Медведь</i> / Придёт картину посмотреть...»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Енот, да не тот», с. 19-20	Медведь	«Когда <i>Медведь</i> – и то семь дней приёма ждёт?»
3.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Медведь и Бобры», с. 37	Медведь	«Влез <i>Медведь</i> в директора», «...с той поры / Лапы там сосут бобры»
4.	Д. Бедный «100 басен», 1935	«Азбука», с. 11-12	Медведь	«Назначен был <i>медведь</i> весной / Правителем одной лесной Округи», « <i>Медведю</i> впрок пошло довольство даровое», «стал наш правитель толще вдвое», « <i>Топтыгин</i> всем лесным зверям / Пришёлся сразу не по нраву», «Да отродясь я никогда / Не видел грамотного зверя», «Впрямь, так ли грамота хитра, / Коль знают все её теперя?», «Мне не осилить всей науки», «я-де грамоте не враг», «с сутью я знаком»
5.	Д. Бедный «100 басен», 1935	«Голь», с.15-16	Мишутка	«Ба! Звери... воют... Вот те раз! / А как же, значит, мой приказ?», «ревёт правитель сам не свой, / Мотая гневно головой», «сам до них как доберусь, / Так никому не дам пощады!»
6.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Съезд», с. 57-58	Медведи	«волы, <...> произвели переворот», « <i>Медведи</i> , волки разбежались»
7.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», с.77-79	Медведь	«Пускай же нас <i>медведь</i> рассудит. / Как он положит, так и будет», «Зовёт свидетелей <i>медведь</i> » / (Чтоб славу добрую иметь, / Приходится улаживать законом), «Так я ж не глуп, / Чтоб потакать открыто беззаконью!», «волку приказал содрать с овцы тулуп»
8.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медовый случай», с. 35	Медведь	«не Заяц просит, – сам <i>Медведь</i> »
9.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и белки», 1. «Урожай». 2. «Ленивые белки» (двубасни), с. 128-129	Медведь	«– Загружай / Орехами все дупла до отвала! – / Ревел <i>Медведь</i> , энтузиазмом общим заражён...», «Тогда распорядился он / Орехи складывать на травку в кучи», « <i>Медведь</i> взревел: / – Не возражай!..», «Хоть и погнил во влажных кучах урожай, / Зато был собран до последнего орешка!»
10.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Жалоба», с. 15	Медведь	« <i>Медведю</i> овцы жалобу подали», «Одна надежда на тебя, ведь ты сильнее волков»
11.	Е.И. Аникеев	«Лиса-	Медведь	Слон, <...> <i>Медведю</i> самому и то

	«Тихая заводь», 1988	вегетарианка», 1. Лиса и Слон (двубасни), с. 135-136		намял бока!»
12.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Бобры и утки», 2. Виноватые бакланы», с. 131	Медведь	« <i>Медведь</i> смотрел на них сердито и сопел / И, наконец, расшвирипел: / – Ах, лодыри! Да я за это!», «Ох, полетело ж в этот день с бакланов пух-пера!»
13.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«В зимней спячке», с. 4-5	Медведь	«Советом принято постановление: / "Чтоб не было потравы леса, впредь / Строжайше зайцам запретить / К деревьям на два метра подходить". / И подписи: "Крот, Ёж, Барсук, <i>Медведь</i> ", «По нормам и берлогам разбрелись / С сознанием исполненного долга, / И в спячку улеглись / Надолго».
14.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Перемена мест», с. 114	Медведь	«– Да я их выгоню немедленно с работы! – / <i>Медведь</i> солидно пробасил», «На волчье место в лес назначили Лису, / А лисье дали Волку по <i>медвежьей</i> воле», « <i>Медведь</i> с тех пор во всех бумагах бойко / Строчит, что, мол, идёт активно перестройка»
15.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и Крот», с. 57-58	Медведь	«Стал голову ломать: "Кого б на базу сторожем послать?"», « <i>Медведь</i> в решениях не скорый, / Сидел и думал день и два, / Аж разболелась голова, / Аж похудел приятель наш <i>косматый</i> , / А всё не мог найти достойных кандидатов»
16.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Протекция», с. 57	Медведь	« <i>Медведь</i> , устроив пересчёт, / Увидел: птичек стало что-то больно уж не густо! / Лисе, конечно, тотчас же расчёт!», «Он проходимцам никогда не потакал», « <i>Топтыгин</i> уж разинув рот – Шакалу отказать», «Вздохнул <i>Медведь</i> : "Ну как не взять? / Хоть сам Шакал и дрянь, да Волку зять!"»
17.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Кроткая Змея», 20-21	Топтыгин	«Добряк <i>Топтыгин</i> , управляющий звериный, / Решил: "А он трудолюбив. И ведь неглуп". / Вот так Гадёныш вполз на пост бобриный. / Теперь он на <i>Медведя</i> точит зуб!»
18.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«По заслугам», с. 57	Медведь	« <i>Медведь</i> , начальник леса, / И подчинённых навещал, / Как говорится, не без интереса», «Лисе дал выговор... за превышение власти, / А Зайцу... Зайца съел»
19.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Нуль», с. 42-43	Медведь	«Куда смотрел <i>Медведь</i> ? / <i>Медведь</i> смотрел в отчёт», « <i>Медведю</i> тоже ведь в зачёт», «Всё это бдительность

				медвежью погасило»
20.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Медведь и болото», с. 59-60	Медведь	« <i>Медведь</i> был назначен начальником в лес, / И сразу в работу он по уши влез», «должность смотрителя он упразднил», «А нужно ль болото вообще?», «повинуясь начальника воле, / Канал кабаны прокопали», «И <i>Мишка</i> с почётом был вскоре... уволен. <...> за то, говорят, / Что лес без болота имеет разряд / Пониже...»
21.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Крот и Суслик», с. 53-54	Медведь	«Дошла и до <i>Медведя</i> весть», «"Что ж, опыт Суслика недурно изучить", – Решил <i>Медведь</i> », «Но это сделать (ох!) не просто! / Тем паче с высоты <i>топтыгинского</i> роста!», «"А мне-то ползать по земле с чего бы ради? – <i>Медведь</i> подумал. – Да и что увидишь там?..»
22.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Комар», с. 62-63	Медведь	« <i>Медведь</i> и тот поздравил Комаришку», «Ведь я ж <i>Медведь</i> , начальник твой!», «Комар в ответ <i>Медведю</i> в нос отважно впился!», «начальник <i>косопалый</i> / Хватил наотмашь Комаришку <i>лапой</i> : / – Хоть ты и контролёр, да знай, кого кусать!»
23.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Пятна», с. 64	Медведь	«– Подал мне Заяц заявленье, – / Басил <i>Медведь</i> , – что первого числа / Ты, Рыжая, его Зайчонка унесла», «Запятнан сам, а хочет доказать / Лисы виновность. Мерзкое явленье! / Да, надобно за это заявленье, / За клевету престрого Зайца наказать!»
24.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Нештатная синица», с. 60	Топтыгин	«Ведь лес-то посажен на бывшем болоте, / И числится он как болото в отчёте, / По штату там птиц не должно быть (увы!)»
25.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Шакал на должности», с. 38-39	Топтыгин	«Кого премировать, и стал решать леском», «Ну и <i>Топтыгина</i> , конечно, самого / Вписали в список наградной, как говорить с ходу!»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «любитель полакомиться»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Медвежий зарок», с. 45-46	Медведь	«Шмелиного отведал мёду. / Укусов бедному не счесть», «раскаялся и мёд зарёкся есть»
2.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу?», с. 50-52	Медведь	«Не я... Малиной я живу...»
3.	Н. Альтшуллер	«Медведь и его	Медведь	«недостатки больно сладки»

	«Мормышка», 1968	недостатки», с. 26		
4.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медовый случай», с. 35	Медведь	« <i>Топтыгин</i> ваш медок полижет, / <i>Медведю</i> станете вы ближе»
5.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Заячья статья», с. 103	Медведь	« <i>Медведь</i> же, секретарь, вписал абзац про мёд»
6.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«По заслугам», с. 57	Медведь	«Был лакомкой <i>Медведь</i> , начальник леса», «Особенно любил бывать <i>Топтыгин</i> у Лисицы, / Ведь тут полакомиться можно было петушком!»
7.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Нуль», с. 42-43	Медведь	« <i>Медведь</i> смотрел в отчёт, / Составленный так сладко и приятно»
8.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Выдра», с.56-57	Медведь	«Другого боюсь я, что пчёл / Ограбит сладёна, лишь дай ты ей волю»
9.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Малина», с. 22	Медведь	« <i>Медведь</i> повадился в малину. / Известно: был он лакомкой всегда / И любит издавна и мёд пчелиный, / И ягоды»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «плохой работник»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медведь и дуги», с. 34	Медведь	«Хотя <i>Медведю</i> и влетело от Крылова, / но дуги гнуть решил наш <i>Мишка</i> снова», «Уж не ошибся ль, <i>Миша</i> , ты? / Что это – дуги иль хомуты?», «Ни дать ни взять – капкан!», «Гони монету! / До ваших шей мне дела нету!»
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Вол и Конь», с. 25	Медведь	«Ну до чего ж ленив <i>Медведь</i> . / Ох, за халатность надо <i>Мишку</i> взгреть!», « <i>Мишке</i> мимо уха тот наказ», «да толк какой, / коли <i>Медведь</i> в берлоге спит зимой!»
3.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Жалоба», с. 15	Медведь	«Раз Волк ответственен за эти штуки, <...> то ему и карты в руки»
4.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Супонь», с. 72	Медведь	«Пришлось к <i>Медведю</i> на завод скакать бедняге / (<i>Топтыгин</i> издавна там делал хомуты)», «Товары эти / Положено пускать лишь по торговой сети, / Но так и быть – оформим всё потом – / Бери супонь! Да только... с хомутом!»
5.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Медведь и Дрозд», с. 58	Топтыгин	«Давно успели времена минуть, / Когда <i>медведи</i> не умели дуги гнуть», «Неужто ты не понимаешь, / Что матушку-природу убиваешь?!», «я за план несу ответ. / Мне до природы дела нет: / Не в нашем ведомстве природа!»

6.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Берлога», с. 62-63	Медведь	«Вот только актик подпиши-ка – / Берлогу принял, мол, такого-то я дня», « <i>Медведь</i> бумагу подмахнул / И захрапел... Проснулся – холодище! / Глядь – снегу нет на корневище!», « <i>Рычал Медведь</i> . – / В суд на тебя подам!», «Я акт приёмки покажу / И то, что сдал тебе берлогу, докажу!»
----	---	---------------------	---------	---

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «глупость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Помощь», с. 90	Медведь	« <i>Медведь</i> Кита корит», «Не знал бы я беды, / Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»
2.	С.Е. Ванетик, «Крутой диалог», 1999	«Медведь и мотылёк» (с английского), с. 29	Медведь	« <i>Медведь</i> сражался с мотыльком», «лапы опустил», «сел мотылёк ему на грудь. / Все потасовки прочь»
3.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Груша и Медведь», с. 26	Медведь; Потапыч	«дерево <i>облапив</i> , так его потряс, что груши градом наземь полетели»
4.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Жалоба», с. 15	Медведь	« <i>Медведь</i> был хоть силен, / Да не умён»
5.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и Крот», с. 57-58	Медведь	« <i>Медвежий</i> выбор был нелеп: / Хоть неподкупен Крот, да слеп»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «подхалимство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Дутый авторитет», 1952, с. 77	Медведь	«Тушканчика назвали вторым по силе зверем», « <i>Медведь</i> его зовёт на праздничный обед»
2.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Добрый», с. 94	Медведь	«А вообще, сказать не лицемера, / Добрей меня не сыщешь зверя»
3.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медведь и дуги», с. 34	Медведь	«– Да только взяться нам! Крутнём! Согнём! И – точка!..», «Всем хватит, всем я удружил! / Все силы положил!»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «эгоистичность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Орлы и воробьи», с. 165-166	Медведь	«Признаюсь откровенно, мы, <i>медведи</i> , / Таких нахлебников не стали бы терпеть!»
2.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Знакомая процедура», с. 93	Медведь	«Косой кое-как дохромал до <i>Медведя</i> », «все заняты делом»

3.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Малина», с. 22	Медведь	«Не только всю малину обдерёт, / Но весь малинник поломаёт!», «Наш ведь век малины хватит! / А после нас – так хоть потоп!»
----	---	-----------------	---------	---

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «жестокость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Рассказ Зайца про то, как он с Медведем в шахматы играл» (шутка), с. 52-53	Мишка	«...Сперва я выиграл коня, / А он как гаркнет на меня: – А ну-ка, ставь коня на место!», «А мне на это наплевать», «– Зачем тут слон?! Сними его. Он мне мешает!», «лапой угрожает», «Прищурил глаз, губу скривил!.. / Я уши лапками закрыл / И, под угрозой мата, сдался»
2.	И. Батрак «Обручи и клепки», 1926	«Осёл», с. 17	Медведь	« <i>Медведь</i> служил тюремщиком у Льва», «расправлялся круто он с волами и ослами», «известен был <i>Медведь</i> жестокими делами», «То правда, я дирал, но лошадей, / Да иногда людей»
3.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Добрый Медведь», с. 54	Медведь	« <i>Начальник леса</i> вмиг рассвирепел»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «хитрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	И. Батрак «Обручи и клепки», 1926	«Осёл», с. 17	Медведь	«смекнул <i>Медведь-плутяга</i> »
2.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Белка-заготовитель», с. 43-44	Медведь	«И заблестели хитрецей глаза»
3.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Супруги Топтыгины», с. 248	Топтыгины	«рожают <i>медвежат</i> , / Чтоб не платить "Бездетного" налога»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «болезненность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Осторожные птицы», с. 62-63	Топтыгин	« <i>Топтыгин</i> занемог: вскочил чиряк на шее», «Глаз не сомкнул больной всю ночь»
2.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Производственная травма», с. 32	Медведь	«Свезли <i>Медведя</i> к эскулапу: / Он отсосал на службе <i>лапу</i> »

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «жадность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Медвежий зарок», с. 45-46	Медведь	«Наш <i>Косолапый</i> , / Урча от жадности, залез в колоду лапой / И

				до тех пор держал открытой пасть, / Пока, бесстыжий, не наелся властью»
--	--	--	--	---

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «самоуверенность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Коза, Медведь и глухой Осёл», с. 37-38	Медведь	«Видать, Рогатая души во мне не чаёт!»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «воровство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Медведь и его недостатки», с. 26	Медведь	«Все с недостатками... Так создана природа. / Вздохнул <i>Медведь</i> , похитив бочку мёда»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «любитель алкоголя»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Медвежье оправданье», с. 141	Медведь	«Привлечён к суду <i>Медведь</i> », «Я – не я, / После возлияния»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «хороший начальник»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Выдра», с.56-57	Медведь	«К <i>Медведю</i> , начальнику леса, / Примчался взволнованный Заяц-повеса», «Ты некую Выдру в лесу повстречал», «Пошлю-ка я Выдру работать в реку. / Уж там-то ей не разгуляться!»
2.	Е.И. Анисеев «Ход конём», 1982	«Белка-заготовитель», с. 43-44	Медведь	« <i>Медведь</i> взглянул в отчёт привычно», «всё, что собрано сверх плана, это, брат, / Тебе принадлежит по праву»
3.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Добрый Медведь», с. 54	Медведь	«Немедленно тебя уволю... но / По собственному твоему желанию»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «сила»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Лисий вклад», с. 12-13	Медведь	«для стройки брёвна бы таскал»
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Груша и Медведь», с. 26	Потапыч	«Вредительскую душу я мигом укрошу!», «Набил я лапу в этом деле»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «дальновидность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Медведь и Змея», с. 90-91	Медведь	«Змеи немое пресмыкание / Не нравилось <i>Медведю</i> никогда», «...увидел ненароком, / Как, словно вор, тайком к ручью ползла Змея», «И вмиг разделавшись с пятнистым мерзким гадом, / <i>Медведь</i> расправил лапой труп Змеи», «Быть надо прямодушной!»

Зооморфный образ *медведь* с семантическим доминантным признаком «мудрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Мать...», с. 142	Седой Медведь	«Зачем ты своему зайчишке / Заткнула в уши по зелёной шишке, / Как это понимать?», « <i>Седой Медведь</i> спросил»

Нейтральная характеристика зооморфного образа *медведь*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Б.Н. Брайнин «Прошу высечь», 1983	«Басня», с. 81	Мишка	«А также <i>Мишка</i> , Мышка, Кошка... / Остались неохваченными басней... / Вот и напрасно»

Таблица 4. Доминантные признаки образа *лиса* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«хитрость»	изворотливость, обман, плутовство, корыстолюбие, умение поживиться, нечестность (нечестный труд), притворство, клевета, умение устроиться, ловкость, лицемерие, лукавость, льстивость
2.	«хищность»	кровожадность
3.	«подхалимство»	угодничество, услужливость
4.	«высокомерие»	надменность, критиканство, хвастовство
5.	«безнаказанность»	беззаконье
6.	«невыполнение обязанностей»	невыполнение обязанностей
7.	«трусость»	нежелание помочь
8.	«бессилие»	испуг
9.	«болезненность»	слабость
10.	«расчётливость»	меркантильность, корыстность
11.	«злость»	соперничество, бессильная агрессивность
12.	«ум»	прозорливость
13.	«осторожность»	предусмотрительность

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «хитрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анисеев «Тихая заводь», 1988	«Лиса-вегетарианка» 1. Лиса и Слон, 2. Как верёвочке	Лиса	«... на Слона туманно поглядела», «Вчера весь день косила / К зиме себе сенцо. / Так выбилась из силы», «Из уст в уста по всей округе, / Что

		ни виться... (двубасни) с. 135-136		стала травоядной <i>Лиса</i> », « <i>Лиса</i> же призывала всех / Питаться травкою. Мол, есть друг друга – грех», «выступила со статьёй в "Лесной газете" / Об опыте питания травой», «Однако ж глухари, как прежде, пропадали», «Увидали Сороки как-то спозаранку / <i>Лисицу</i> нашу – вегетарианку / Не с травой, зеленеющей в губах, / А с глухарём в зубах...»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Вывеска», с. 113-114	Лиса	«Но я бы всё в лесу оставила, как было, / А вывеску сменила...»
3.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Пятна», с. 64	Лиса	« <i>Лиса</i> изобразила удивленье: – / Да что ты! Ведь известно всем, / Что я мясного не терплю совсем. / Я обожаю блюда травяные!», « <i>Лиса</i> воскликнула. – Ишь обнаружил пятна. / Ах, лгун! И твой отец, и дед твой был лгуном!», «Кого ты слушаешь?! Ведь он же сам с пятном! – / И ткнула <i>лапой</i> Зайцу в уши», «Запятнан сам, а хочет доказать / <i>Лисы</i> виновность. Мерзкое явление!»
4.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Добрый Медведь», с. 54-55	Лиса	«Но добрели и до него однажды слухи / О прегрешениях <i>Рыжухи</i> », «Под суд негодницу! / И наказать нещадно! – / <i>Лиса</i> в истерику», « <i>Лисица</i> – пуще в слёзы», «... <i>Лиса</i> устроилась в соседней роще. / Дом у неё, быть может, и попроще, / Но шуба всё такая ж, на меху, / И <i>рыльце</i> , как и встарь, в пуху»
5.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Осторожная Лиса», с. 42	Лиса	«... я вас хочу призвать / Критиковать!», «Покритикуешь зверя тут, / А вдруг его да снова изберут?...»
6.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Травоядная Лиса», с. 49-50	Лиса	«Вчера весь день косила / К зиме себе сенцо. / Так выбилась из силы», «Я <i>травоядная</i> лиса! – / <i>Плутовка</i> взвизгнула», «Слон крепко <i>лапу</i> ей пожал: / Он травоядных уважал»
7.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Ноль», с. 42	Лиса	«Однако же <i>Лиса</i> недолго горевала. / В графе, которая посвящена была / Работе, ноль приплюсовала, / А где проступки отражались – отняла»
8.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Сознательный бобёр», с. 237	Лиса	« <i>Лиса</i> решила окрутить Бобра»
9.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Лис-лисовин», с. 131	Лис	« <i>Плут</i> . / С неба звёзд он не хватает, – / Ему и тут / Всего хватает»
10.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть	«Лисий вклад», с. 12-13	Лисонька	«А что бы, – говорит, – соседи, / Нам выстроить совместно дом? /

	не верьте», 1968			Ты, – обращается к Медведю, – / Для стройки брёвна бы таскал, / Бобёр пилил бы их, строгал, / А ёж свои бы гвозди дал»
11.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«"Бузотёры"»	Лиса	«Бог с ней, с <i>Лисой</i> , чего таиться – / <i>Плутовкою</i> была Лисица»
12.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медовый случай», с. 35	Лиса	«Вы дайте и спишите», «Ну, милые, – для вас же честь!», «Благое дело – мёд! / Медведь поймёт. / Ценить он дружбу может»
13.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Лиса-волшебница», с. 17	Лиса	«Ах, глупая! Успех / в моём наряде, / во внешности, в волшебном взгляде. / А что друзья?.. Друзей – / не сто имей – / а одного... на складе!»
14.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Лисицы», с. 33	Лисица	«Наивная! Ты веришь этой басне? / К чему, не знаю, пущена молва. / А я давно секретарём у Льва – / сытнее, денежней и безопасней»
15.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Лисий ход», с. 46	Лиса	«... <i>Лиса</i> дала совет: / – Тут надо изловчиться: / горластых посылай учиться, / зубастых – подлечиться; / того – туда, того – сюда, / причину ты найдёшь всегда: / то перевод, то выдвижение...»
16.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», 1926, с. 77-79	Лиса	«Позвольте сообщить, – / <i>Вертит лиса хвостом</i> , – / Подробно с делом сим / Лишь я одна знакома: / Случилось великим то постом, / Когда овечки мёрзли дома...»
17.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Съезд», 1922, с. 57-58	Лисонька	«Позвольте съезд мне провести», «И съезд на славу получился – / Лишь из одних баранов и ослов», «Уж так я занята работой деловой – / Не сплю, не ем... / Ох, труд опасный...», «О помощи нам некого просить, / Как только волка пригласить»
18.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу?», с. 50-52	Лиса	«И спешно звери все сошлись в лесу густом. / Волк – председателем, <i>лиса</i> – секретарём», « <i>Лисица</i> говорит, что кушает траву»
19.	Ян Райнис «Басни народов Советского Союза», 1959	«Поцелуй мира», с. 20	Лисица	«Ах, сосед! Ну, что за страхи? / Смело на землю спускайся! / Весть пришла: вражды нет больше! / Вечный мир настал отныне: / Будут в дружбе целоваться / Зверь лесной и зверь домашний...»
20.	Ян Райнис «Басни народов советского союза», 1959	«Лиса и Крот», с. 20	Лиса	« <i>Лиса</i> сказала: «Милый крот, / Скажи мне откровенно, / Зачем, дружок, так узок вход / Норы твоей подземной?»
21.	Ата Салих «Басни народов Советского	«Тигр и Лисица», с. 42-43	Лиса	«Забыла <i>лисица</i> дни тягостных бед: / Готов ежедневно ей сытный обед»

	Союза», 1959			
22.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Лисица и Бобёр», с. 23-24	Лиса	«Уж я ли не хитра! / Уж я ли не ловка к тому же? / Чем я своих подружек хуже? / Мне тоже при себе пора / Иметь Бобра!», «Знай вертит перед ним хвостом, / Знай, шепчет нежные слова», «Свою Бобриху бросил он», «Всё ей гулять бы да рядиться, / Я – в дом, она, <i>плутовка</i> , – в дверь»
23.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Голь», с. 15-16	Лиса	«Ах, кум, сказала всё, поверь. / Напрасно гневаться изволишь. / Кого молчать ты приневолишь? / Попригляделся б ты теперь, / Какой пошёл повсюду зверь: / Всё злая голь, не будь ей ладу! / Попробуй, сунься... усмирять. / Плевать ей на твою досаду. / Нет и не будет с нею сладу: / Ведь голи нечего терять!»
24.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Лев, Лиса и Олень», с. 85-87	Лиса	«Ах, всё равно я жду конца! / И без того уж я убита», «На, бей! От жизни мне равно не ждать уж толка: / Лев хочет посадить теперь на царство Волка, / Да, Волка, моего презлейшего врага!», «Олень, ты – жалкий трус: к кому ты шёл с опаской / К царю, который ждал – с отеческою лаской», «И новый царь зверей, / Принявши льстивые слова <i>Лисы</i> на веру, / Ввалился в львиную пещеру» «Покамест Лев глотал кишки да потроха, / <i>Лиса</i> ... мозгами закусил», «Что выдумал искать, ха-ха, мозги оленьи! / Да разве ж могут быть мозги у дурака»
25.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Лиса и Собака», с. 20	Лиса	«Облечена высоким правом / В курятнике / <i>Лиса</i> служила завом», «пёс устраивал скандал, / И часто <i>лисий хвост</i> / На зубы попадал», «чтоб избавиться / От сторожа такого / Неумолимого / И злого, / <i>Лиса</i> строчит / Послание слону: / «Я скоро ноги протяну», «От рук отбились куры / Им пёс разводит каламбуры, / А ночью дремлет на посту», « <i>Лисы</i> прошение... / Удовлетворить»
26.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Лисица и Кулак», с. 36-37	Лиса	«Она воображала живо, / Какая будет ей пожива»
27.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Без вины пострадавшие», с. 17-18	Лиса	« <i>Лиса</i> уж тут как тут: «Певцы тому причиной! / Кто их назвал "солистами лесов"? / Ни дикции, ни голосов!»
28.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Рыболовы», с. 31-32	Лиса	«Так делать нечего, себя <i>Лисичка</i> нудит / И куму шлёт привет»

29.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Ум», с. 94-95	Лиса	«Прости свою рабу, – / Лиса ответила лукаво»
-----	--	----------------	------	---

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «хищность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Протекция», с. 57	Лиса	«Она работала в лесу, где жили куропатки», «Лисаньки на куру падки», «птичек стало больно уж не густо»
2.	Е.И. Анিকেев «Холодный душ», 1976	«Добрый Медведь», с. 54- 55	Лиса	«Известно, <...>, / Что хищница башку / Не одному свернула петушку»
3.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«По заслугам», с. 57	Лисица	«Писал Зайчишка-ревизор, / Что от Лисицы птицам нет житья на свете»
4.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Профан- Тетеря», с. 209	Лиса	«В итоге от такого тет-а-тета / Нет ни Тетери, / Ни авторитета»
5.	Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль», 1980	«Любовь Лисицы», с. 23	Лисица	«Без ума от Петуха / За его... потроха»
6.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», 1926, с.77-79	Лиса	«Пойдут затем на блюдо: / <...>, Лисе – петух»
7.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Съезд», 1922, с. 57-58	Лисонька	«Меня бы подкрепить курятинкой живой»
8.	Ян Райнис «Басни народов Советского Союза», 1959	«Лиса и Крот», с. 20	Лиса	«Лиса сказала: «Милый крот, / Скажи мне откровенно, / Зачем, дружок, так узок вход / Норы твоей подземной?»
9.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Лиса и Собака», 1927, с. 20	Лиса	«Лиса же бродит натошак / И с жадностью глядит / В куриное оконце»
10.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Дутый авторитет», 1952, с. 77	Лиса	«Он пикнуть не успел – разбойница надела, / Его за шиворот взяла и съела»
11.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Лисица и Бобёр», 1945, с. 23-24	Лиса	«Лишь утки на уме у ней и куры: / То ужин – там, то здесь – обед!»
12.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Смелое предложение», 1958, с. 117-118	Лиса	«Что делать нам с Лисой! / Житья от Рыжей нет!», «Все те, кто крикают, кудахчут на дворе, / Все скоро будут там... У Лисоньки в норе!»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «подхалимство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и Крот», с. 57-58	Лис	«Лис? Подхалим»
2.	Е.И. Анিকেев «Ход конём»,	«Волк-строитель», с. 46-47	Лиса	«И вызвал к себе он Лису и Сороку», «Сотрудники старые

	1982			дорогие. / И слов им не нужно, достаточен жест»
3.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Награда», с. 55-56	Лиса	«Вот если Муха бы была такой, как Слон», «Лев на совет призвал Лису», «Она воскликнула: – О, выход прост! У Мухи ведь, как у Слона, глаза есть, хобот, хвост, / И голова, и туловище тоже. / Конечно, у неё поменьше рост, / Но всё же можно утверждать, что Слон и Муха схожи»
4.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Натюрморт», с. 31-32	Лиса	«Какая прелесть! Высший сорт! / Образчик высочайшего искусства! / Ах! Я сдержать не в силах чувства! – / Лиса воскликнула. И тут её глаза / Так выразительно наполнила слеза»
5.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медовый случай», с. 35	Лиса	«Медведь справляет юбилей. / Так вы по совести своей, / медку уж нацедите»
6.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Съезд», 1922, с. 57-58	Лисонька	«А лисонька уж тут: – Товарищи волю! / За ваши подвиги достойны вы хвалы, – / Лиса поёт эсером»
7.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Лисица и Кулак», 1931, с. 36-37	Лиса	«Жалела / Лиса о кулаке: – / Я сердцем по тебе, / Голубчик, изболела!», «А отчего я спину гну? / Всё из-за этих катавасий...»
8.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Нахлебники», 1926, с. 12-13	Лиса	«За барсом двинулись / Гиена, волк, лиса, – Куда ты, кумушка Анфиса? – Известно, милая, к нему секретарём»
9.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Без вины пострадавшие», 1945, с. 17-18	Лиса	На Льва всё время я смотрела – / Он возмущался то и дело! / Скандал! Позор!»
10.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Голь», 1913, с. 15-16	Лиса	«Был приказ – не выть? / – Был, Ваша Светлость, – как не быть? / Да вольнодумство, что зараза: / Никто не слушает приказа»
11.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Азбука», 1913, с. 11-12	Лиса	«Ваш Сясь! Осмелюсь доложить: / Зверям трудненько стало жить. / Они о вольностях мечтают. Все вольнодумцы искони, / Не зря завыли так они: / Они воззвания... читают...», «Я, чай, ты грамотна сама. / Покажь суть дела», «И кума Медведю азбуку подносит / – Тут, значит, буквы, Ваша Честь»
12.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Лев, Лиса и Олень», с. 85-87	Лиса	«Веленье нашего священного владыки», «Но делать нечего: приказ!»

Зооморфный образ лиса с семантическим доминантным признаком «высокомерие»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	И. Батрак	«Лиса и Рак»,	Лиса	«Решились они / Устроить

	«Избранные стихи и басни», 1958	1926, с. 75-76		перегонки», «Бежать пустилася <i>лисица</i> », «Летит <i>лиса</i> как птица, / <i>Хвост</i> по ветру пустив / И высунув язык», «Мой кладец всё равно!»
2.	Ата Салих «Басни народов Советского Союза», 1959	«Тигр и Лисица», с. 42-43	Лиса	«Никак не узнать <i>побирушку-лису</i> , – / Повсюду она возвестила в лесу», «– Теперь, словно тигр, я сильна и ловка / И мне на куланов охота легка», «А ну, собирайтесь скорее, друзья, / И станет ясна вам шноровка моя», «Бросилась смелым прыжком на осла! / Но тот нападение её отразил: / Лягнул он <i>лисицу</i> из всех своих сил»
3.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Ум», 1915, с. 94-95	Лиса	«Нашёл ты с кем равняться, право!», «Твои достоинства... Я знаю их сама! / Когда бы к ним ещё немножечко ума...»
4.	Д. Бедный «Басни и сказки», 1945	«Опекуны», 1912, с. 3-4	Лиса	«Я польщена, я очень рада... / Подумать: навестил меня премьер-министр!», «Но право, милый кум, ты в сане столь высоком / Стал плохо помнить о <i>куме</i> », «Хоть раз бы ты спросил: / «Как курочки твои, <i>кума</i> , живут на свете?...»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «безнаказанность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Перемена мест», с. 114	Лиса	« <i>Лиса</i> и Волк буквально затравили зайцев», « <i>Лису</i> освободили от работы в поле, / От руководства отстранён был Волк в лесу. / На волчье место в лес назначили <i>Лису</i> , / А <i>лисье</i> дали Волку по медвежьей воле»
2.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«По заслугам», с. 57	Лисица	« <i>Лисе</i> дал выговор... за превышение власти»
3.	Е.И. Анিকেев «Ход конём», 1982	«Ноль», с. 42	Лиса	«К тому ж успехи <i>лисьины</i> , понятно, / Медведю тоже ведь в зачёт»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «невыполнение обязанностей»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Протекция», с. 57	Лиса	« <i>Лисе</i> , конечно, тотчас же расчёт»
2.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Невозможная статья», с. 123-124	Лис	«И <i>Лису</i> вдруг представилось минутно, / Что он поставил в номер Кабана статью, / И Волк её читает... Уй-ю-ю, / Как сделалось бедняге неуютно!», «Дадим твою статью... /

				Но может быть... не скоро... / Сейчас возможностей, брат, нет... Ну в общем жди!», «Вот-вот / И минет год! / А всё статья кабанья не идёт! / Видать, возможностей всё нету»
--	--	--	--	---

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «трусость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Голь», с. 15-16	Лиса	«Ох, страх берёт»
2.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Ответ», с. 90	Лисицы	«Герои серые в тревоге / Молили о подмоге / <i>Лисиц</i> », «Помочь вам, – был ответ. – Нам это слышать лестно. / Покинув тихий наш овраг, / Охотно с вами в бой пошли бы мы совместно, / Когда б нам не было известно, / Кто – вы и кто – ваш враг»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «бессилие»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Наводнение», с. 110-111	Лисы	«Зайчишки и <i>лисы</i> метались в испуге»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «болезненность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Ата Салих «Басни народов Советского Союза», 1959	«Тигр и Лисица», с. 42-43	Лиса	«Была и худа, и всегда голодна», «Да что с тобой? Стала ты, видно, больной?», «Нигде пропитанья себе не найду», «Вконец исхудала, все рёбра видны!»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «расчётливость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Лисица и Бобёр», с. 23-24	Лиса	« <i>Лиса</i> заметила Бобра: / И в шубе у него довольно серебра, / И он один из тех Бобров, / Что из семейства мастеров»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «злость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Д. Бедный «Сто басен», 1935	«Рыболовы», с. 31-32	Лиса	« <i>Лиса</i> от бешенства трясётся», «А, серый чёрт!.. Так знай: ты больше мне не кум, / Подохнуть бы тебе от лихоманки!»

Игровые трансформации традиционного зооморфного образа *лиса*

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Лиса и Петух», с. 48	Лисица	« <i>Лисица</i> повстречала Петуха. / Уйти было хотела от греха, / Да в страхе за корягу зацепилась... / И очутилась / В брюхе Петуха»
2.	Д. Бедный «Избранные басни и стихотворения», 1935	«Бунтующие Зайцы», с. 7-8	Лиса	«О бунте заячьем пошли повсюду толки. / Не говоря уж о <i>Лисе</i> , / Теперь, поди, хвосты поджали звери все, – / А больше всех, понятно, Волки?!»
3.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Козёл-филантроп», с. 42	Лиса	«Пусть волк обнимется с ягнёнком, / Кот с мышкою, <i>лиса</i> с цыплёнком»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «ум»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Шакал на должности», с. 38-39	Лиса	«Как ни крути, как ни верти, / А премией его не обойти: / Шакал, но занимает должность волка»
2.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Добряк», с. 94	Лиса	«Ах, кум, – <i>Лиса</i> в ответ, – / Что мёртвые?! Я думаю другое: / Слух добрый о себе ты всюду б утвердил, / Когда б мертвецов ты менее щадил, / Но... Оставлял живых в покое!»

Зооморфный образ *лиса* с семантическим доминантным признаком «осторожность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Осторожная Лиса», с. 42	Лиса	«Сама ты что ж виновных не назвала? / – Боюсь, приятель, ошибиться, – Ответила ему <i>Лисица</i> »
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Волк-хвостун», с. 10	Лиса	«Хватило у тебя ума / бумагой похваляться. / Ты к пастухам не вздумай появляться, / у них на этот счёт короткий разговор, / я знаю их повадки: / пальнут!.. Забудешь показать и договор, – / скорей покажешь пятки»

Нейтральные характеристики зооморфного образа *лиса* (работник газеты, представитель правящей группы и др.)

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Моська и Слон», с. 67	Лис	«Решил редактор «Лесгазеты» <i>Лис</i> / Отметить, посвятив ему газетный лист: / – И хорошо бы в центр страницы / Воспоминанья дать самой вдовицы / Иль, может быть, кого, кто близок с ним был встарь»
2.	И. Батрак «Обручи и	«Осёл», с. 16-17	Лиса	«Но революция случилась в том лесу: / Льву голову снесли,

	клепки», 1926			повесили <i>Лису</i> , / Ну, словом, мужички устроили облаву / На славу»
3.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Наглый Заяц», с. 136	Лиса	«Зайчишка, в страхе по лесу петляя, / В нору к <i>Лисе</i> с разбегу вдруг попал», « <i>Лисицы</i> дома нет – в норе одни <i>лисята!</i> ..»

Таблица 5. Доминантные признаки образа *заяц* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«жертва»	гибель зайцев, браконьерство, съедение, порицание, клевета, критиканство, несправедливость, перестройка, хмельное состояние, жестокость
2.	«трусость»	боязливость, пугливость
3.	«хвастовство»	наглость, стремление к славе
4.	«глупость»	доверчивость, недалечность, недогадливость
5.	«ложное бесстрашие»	ложное бесстрашие (обычно в хмельном состоянии)
6.	«подхалимство»	лицемерие, тщеславие
7.	«болезненность»	беспомощность
8.	«низкий социальный статус»	низкий социальный статус
9.	«зависть»	зависть (от неумения добывать пищу честным путём)
10.	«вредительство»	неисполнение приказа
11.	«сердитость»	злость
12.	«предательство»	коварство
13.	«притворство»	лицемерие
14.	«неблагодарность»	неблагодарность
15.	«храбрость»	сноровка, смекалка, ум, сообразительность
16.	«доброта»	миролюбие

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «жертва»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Преступление без наказания», с. 85-86	Зайчишка; Зайцы	«Один я уцелел... Всех наших перебили...»
2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Дым без огня», с. 174	Заяц; Зайчишка	«Прошёл по лесу слух, что будто <i>Заяц</i> – вор», «Напрасно <i>Заяц</i> наш пытался оправдаться», «И где теперь ни появишься <i>Зайчишка</i> , / Все говорят: "Ну, как дела, <i>Воришка</i> ?"»
3.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Дутый авторитет», с. 77	Заяц	«Она его (<i>Тушканчика</i>) за <i>Зайца</i> приняла»
4.	Е.И. Анисеев «Холодный душ», 1976	«Пятна», с. 64	Зайчонок; Заяц	«Ты, Рыжая, его <i>Зайчонок</i> унесла», «Гляньте, кровяные / На морде пятна у <i>Лисицы</i> до сих пор», «Ведь он же сам с пятном! / И ткнула лапой <i>Зайцу</i> в уши», «Запятнан сам, а хочет доказать / <i>Лисы</i> виновность», «...надобно за это заявление / За клевету престрого <i>Зайца</i> наказать»
5.	Е.И. Анисеев «Холодный душ»,	«Лягушка», с. 30-31	Заяц	«Взять <i>Зайца</i> . Прыгать он мастак. / Но сам каков! Хвост, лапы, уши – /

	1976			Всё не на месте, всё не так»
6.	В.Ф. Матвеев «Озорная перемена», 1985	«Последняя надежда», с. 95	Заяц	«У <i>Зайца</i> грустные глаза, ему живётся скверно: / – Сегодня даже дед Мазай приятель браконьера»
7.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Неразумные Зайцы», с. 41	Зайцы	«Не соберут костей своих / Два друга по несчастью: / Сообразили "на троих"... / С голодной Волчьей пастью»
8.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Приглашенье», с. 20	Заяц	«Соседа <i>Зайца</i> Волк-сосед / Приглашает на обед: / Приходи – поберегу: / Будет <i>заячье рагу</i> »
9.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Зайцы», с. 27	Зайцы	«Чего ты к <i>Зайцам</i> пристаёшь? <...> Встал перед Волком Ёж»
10.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«По рассказу Волка», с. 77-82	Зайчище	«А перед ним... <i>Зайчище!</i> », «Глазища – как два дула»
11.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Вывеска», с.113-114	Заяц	«Ведь ныне, повстречавшись с <i>Зайцем</i> , / Его не смеем даже тронуть пальцем!», «Однако дня буквально не проходит, / Чтоб <i>заяц</i> в том лесу бесследно не исчез»
12.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Перемена мест», с. 114	Зайцы	«Лиса и Волк буквально затравили <i>зайцев</i> »
13.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Ноль», с. 42-43	Заяц	«А <i>Заяц</i> во хмелю к волкам на пир попал / Да и пропал»
14.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«По заслугам», с. 57	Заяц	«И вдруг прочёл Медведь статью в "Лесной газете", / Писал <i>Зайчишка-ревизор</i> , / Что от Лисицы птицам нет житья на свете», «Лисе дал выговор... за превышение власти», «А <i>Зайцу</i> ... <i>Зайца</i> съел»
15.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу» (Из башкирских басен), с. 50-52	Заяц	Эй, <i>заяц</i> , отвечай: овцу не ты ли съел?», «Напрасно <i>заяц</i> наш оправдываться стал, / Он что-то возражал, он что-то лепетал», «И тотчас головой "преступник" выдан был»
16.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Львиная шутка», с. 32	Заяц	«Лев <i>зайца</i> проглотил»
17.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Комар», с. 62-63	Зайка	«Растяпу <i>Зайку</i> / Схватил какой-то зверь»
18.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Заячья статья», с. 103	Русак	«В газету написал он о весне», «И вот статейка вышла в свет, / Но, кроме подписи, в ней <i>заячьего</i> нет»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «трусость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Наглый заяц», с. 136	Зайчишка	« <i>Зайчишка</i> в страхе по лесу петляя, / В нору к Лисе с разбегу вдруг попал»

2.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Преступление без наказания», с. 85-86	Косой	«От пяток до ушей дрожа», «Как лист осиновый дрожишь!», «Ещё сильнее <i>Косой</i> затрясся»
3.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Выдра», с. 56	Заяц-повеса; Косой	«Примчался взволнованный <i>Заяц-повеса</i> », « <i>Косой</i> встрепенулся»
4.	Н.И. Фалеев, ж-л «Зритель», №9, 1905	«Заяц-обличитель», с. 6	Заячья отвага	«бумага от ветра шевельнулась в кустах... / Исчезла <i>заячья</i> отвага, / Объял его понятный страх»
5.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Грозный Заяц», с. 58	Заяц	«Что это – стал ты заикайся?! / – Да шёл и встретил Волка, братцы»
6.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Заячья тень», с. 89	Косой	«Во сне и то дрожала, / <i>Косому</i> подражала»
7.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Заяц – лучше знает!», с. 90	Заяц	«...проводя всю жизнь в бегах», «Ох, брешет поговорка! / Клянусь, что правда есть в ногах»
8.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Рассказ Зайца про то, как он с Медведем в шахматы играл» (шутка), с. 52-53	Уши; лапки	«... он мне лапой угрожает», «Я уши лапками закрыл / И, под угрозой мата, сдался»
9.	Д. Бедный «Избранные произведения», 1985	«Ответ», с. 90	Зайцы	«У <i>зайцев</i> как-то шла война с орлами», «герои серые в тревоге молили о подмоге»
10.	Н. Альтшуллер «Мормышка», 1968	«Зайцы»	Зайцы	« <i>Зайцы</i> смылись»
11.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Наводнение», с. 110-111	Зайчишки	«Так что же выходит: умнее я Волка? / И как он на это посмотрит?», «Ведь запросто может лишиться головы», «Куда уж дерзать нам, зайчишкам простым?! / И в страхе забился подальше в кусты»
12.	И. Батрак «Избранные стихи и басни», 1958	«Лига зверей», с. 77-79	Зайка	«Злодеи спелись – дело худо! – У зайки захватило дух». – / Предвижу я, / Пойдут на блюдо: / Медведю – бык, / Лисе – петух». / Но побоялся молвить вслух»
13.	Мажит Гафури «Басни народов Советского Союза», 1959	«Кто съел овцу» (Из башкирских басен), с. 50-52	Глаза косит	«Кто это там, в углу, от страха побелел? / Кто там <i>глаза косит</i> ? Кто говорить не смел? / И почему дрожит: чего боится он?»
14.	Д. Бедный «Избранные басни и стихотворения», 1935	«Бунтующие зайцы», с. 7-8	Зайцы	«... рядышком шелохнулась трава, <...> с пригорка задал тягу. / За ним все <i>зайцы</i> , кто куда»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «хвостовство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Наглый заяц», с. 136	Косой	«"Опять не повезло!" – вздохнул наглец <i>Косой</i> . – / А я-то шёл сюда расправиться с Лисой!..»
2.	С.В. Михалков	«Заяц во	Заяц	«Да что мне Лев! – кричит. – Да мне

	«Басни», 1984	хмелю», с. 25-26		ль его бояться!»
3.	Н.И. Фалеев, ж-л «Зритель», 1905, №9	«Заяц-обличитель», с. 6	Заяц	«Я – Заяц! Я – известный либерал! Консерватизм претит моим принципам... / Весь век я пеной бешеной плевал», «Я – заяц злой!»
4.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Грозный Заяц», с. 58	Заяц	«...встретил Волка, братцы. / – А тот чего? / – Да ничего, / Удрал, чтоб я не съел его»
5.	Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте», 1968	«Рассказ Зайца про то, как он с Медведем в шахматы играл» (шутка), с. 52-53	Заяц	«пощёлкал <...> фигуры все его и пешки», «Как ринусь на него ферзём», «Медведь с одним лишь королём остался»
6.	С.Е. Ванетик «Крутой диалог», 1999	«Набрался духу», с. 27	Заяц	«Я смолоду ещё таким, как ты, / Забавы ради отрывал хвосты! / Укоротил бы я тебя, бандита, / Да жаль, что закусил – нет аппетита!»
7.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Наводнение», с. 110-111	Заяц	«Все жители леса узнают меня!»

Зооморфный образ заяц с семантическим доминантным признаком «глупость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Волк-дипломат», с. 109	Зайчишка; Заяц	«Зайчишка получил от Волка приглашение / Пожаловать к нему с супругой на банкет», «польщённый приглашением», «придумав громкий тост, предвидя угощение, / И, преисполненный почтения, / Явился Заяц к Волку на приём»
2.	Е.И. Аникеев «Холодный душ», 1976	«Выдра», с. 56	Заяц-повеса	«Примчался взволнованный Заяц-повеса», «Мне встретился странный, невиданный зверь! / Вначале я глянул: похож он на Лиса. / Потом присмотрелся – огромная Крыса!»
3.	Е.М. Афанасьев, «Барсучья мозоль», 1980	«Ответ автору», с. 28	Заяц	«Ну наломал ты с гривой дров: / Ведь гривы, знаешь, и ... у Львов! / Редактор Заяц. Будь здоров»
4.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Лиса-вегетарианка» 2. Как верёвочке не виться..., с. 135-137	Зайчишка	«Из уст в уста пошло по всей округе, / Что стала травоядной Лиса», «Зайчишка ликовал: – Вот повезло нам, братцы»
5.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Нужный зверь», с. 49-50	Заяц	«Я познакомился с огромным старым Волком», «Я пригласил его: он очень нужный зверь»
6.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Волк и Заяц», с. 28-29	Заяц	«А заяц ухом не повёл»

Зооморфный образ заяц с семантическим доминантным признаком «ложное бесстрашие»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков	«Заяц во хмелю»,	Заяц	«Я как бы сам его не съел! / Подать

	«Басни», 1984	с.25-26		его сюда! Пора с ним расчитаться!», «Видали мы в лесах зверей почище львов, / От них и то летели ключья!»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Нужный зверь», с. 49-50	Заяц	«... <i>Заяц</i> охмелел и осмелел, / Да так, что Волку стал шептать на ухо, / Как он в него влюблён, / Его могуществом и силой покорён»
3.	Е.И. Аникеев «Ход конём», 1982	«Волк и Заяц», с. 28-29	Заяц	«Мы не встречались до сегодняшнего дня, / И чувств я к вам, ну, никаких не ощущаю, / С чего б приветствовать мне вас? / Причины нету»
4.	Д. Бедный «Избранные басни и стихотворения», 1935	«Бунтующие зайцы», с. 7-8	Зайчишки	«Устроили совет. – «Житья нам, <i>братцы</i> , нет», «От смелых слов у всех кружилась голова»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «подхалимство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Заяц во хмелю», с.25-26	Заяц; Косой	«Весь хмель из головы у <i>Зайца</i> вышел вон! / Стал от беды искать спасенья он», «Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас. / Там лишнего хватил. Но все за Вас! / За Ваших львят! За Вашу <i>Львицу</i> ! / Ну, как тут было не напиться?!» / И, когти подобрав, Лев отпустил <i>Косого</i> . / Спасен был хвастунишка наш!
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Бессловесный Заяц», с. 21-22	Косой; Заяц; Зайчишко	«На травке развалясь, <i>Косой</i> мечтал: «И вдруг бы я ко <i>Льву</i> попал! / Неважно кем – секретарём, рассыльным! – / тут главное быть рядом с сильным», «Проходит день-другой, и <i>Заяц</i> в роли новой / за <i>Львом</i> носился по пятам», «тактики такой держаться стал: / молчать и всё держать в секрете!», Друзья! Охотнички! / Да я случайно здесь. / И чином не велик: простой <i>зайчишко</i> – секретаришко»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «болезненность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Заяц и черепаха», с. 44-45	Заяц	«Свалила <i>Зайца</i> лихорадка. / Болеть, известно, как не сладко»
2.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Знакомая процедура», с. 93	Косой; Заяц	«У <i>зайца</i> – фурункул», « <i>Косой</i> кое-как дохромал до <i>Медведя</i> . / <i>Медведь</i> адресует страдальца <i>Кукушке</i> , / <i>Кукушка</i> – <i>Лягушке</i> / И <i>Мышкенорушке</i> », «Гони <i>Зайца</i> дальше!»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «низкий социальный статус»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«Медведь и Крот», с. 57-58	Заяц	«Всё не мог найти достойных кандидатов: <...> Отверг Медведь и <i>Зайца</i> »
2.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Медовый случай», 35	Заяц	«не <i>Заяц</i> просит, – сам Медведь»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «зависть»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	И. Батрак «По следам жизни», 1935	«Заяц и хомяк», с. 57-58	Заяц	«Голодный <i>заяц</i> облизнулся: – / Я целый день гуляю натошак, / А ты уж с хлебом извернулся», «С тобой мы оба вне колхоза... / Но где достал ты эту рожь?», «Там урожай отпартован, / Да хлеб не заскирдован, / И сам в открытый лезет рот...»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «вредительство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Е.И. Анিকেев «Тихая заводь», 1988	«В зимней спячке», с. 4-5	Зайцы	«...тысячи деревьев умирают / Из-за того, что <i>зайцы</i> с них кору сдирают», « <i>зайцы</i> по лесу бродили той порой, / Питаясь безнаказанно корой», «Один из них наткнувшись на берёзу, / Где на сучке приказ висел, / Прочёл его и, плюнув на угрозу, / Спокойно съел»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «сердитость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Заяц и черепаха», с. 44-45	Заяц	«Вот чёртов гребешок! Вот костяная дочь!», «Ты что ругаешься?» – Трава зашевелилась. / «Ну, наконец, пришла, – вздохнул больной. – Явилась!»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «предательство»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезентант	Контексты
1.	Н.И. Полотай «Бурьян с корнем вырывать», 1977	«Бессловесный Заяц», с. 21-22	Заяц	«попались оба в сети», «За Льва я не в ответе. / Всё это – он! Всё – он! / Я сам тому свидетель. / И нынче не могу молчать!»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «притворство»

№	Автор, сборник,	Название басни,	Репрезен-	Контексты
---	-----------------	-----------------	-----------	-----------

	год	стр.	тант	
1.	С.В. Смирнов «Короткие басни», 1979	«Заяц-войка», с. 88	Заяц	«Был за трусость осуждён, / Отсидел, вернулся он. / И трубит до неприличности. / Что он – жертва культы личности»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «неблагодарность»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Заяц и черепаха», с. 44-45	Заяц	«Попутал бес просить тебя помочь! / Куда же ты запропастилась? / Глоток воды, поди, уж сутки жду...»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «храбрость»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.Е. Ванетик, «Крутой диалог», 1999	«Набрался духу», с. 27	Заяц; Зайчати- нка	«Решил наш <i>Заяц</i> : «Хоть умру красиво», «Набрался духу и сказал: – Сопляк! / <i>Зайчатинки</i> тебе? Как бы не так!»
2.	Е.И. Аникеев «Тихая заводь», 1988	«Наводнение», с. 110-111	Заяц	«Что делать? Погибнут все звери в округе... / А если канаву прорыть до реки? – Подумал вдруг <i>Заяц</i> », «Дадим мы сраженье смертельным волнам»

Зооморфный образ *заяц* с семантическим доминантным признаком «доброта»

№	Автор, сборник, год	Название басни, стр.	Репрезен- тант	Контексты
1.	С.В. Михалков «Басни», 1984	«Слон, Заяц и Осёл», с. 84-85	Заяц	«Нет! – <i>Заяц</i> возражал. – Быки? Бетон? Ужасно! / Мост должен лёгким быть! Всё, что легко, – прекрасно!»

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Итоговые таблицы по результатам Главы 3

Таблица 1. Доминантные признаки образа *собака* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«пустозвонство»	клевета
2.	«угодничество»	лицемерие
3.	«злость»	грубость, агрессивность
4.	«тщеславие»	высокомерие
5.	«глупость»	недальновидность
6.	«навязчивость»	назойливость
7.	«наивность»	непосредственность
8.	«ум»	сообразительность
9.	«чувство собственного достоинства»	достоинство
10.	«верность»	преданность

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «пустозвонство»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	В.И. Гафт, «Сад забытых воспоминаний», 2020, с. 282	«Критику»	Собаки	«Как столб относится к <i>собакам</i> , / Так отношусь я к критикам-писателям»
2.	В.И. Гафт, «Сад забытых воспоминаний», 2020, с. 372	«Из писем»	Собаки, лаеет, собака, облаившая	«В Крыму гуляли две <i>собаки</i> , / Всё это правда, а не враки», «Всё <i>лаеет</i> , да на других, / А кто же третья, та <i>собака</i> , / <i>Облаившая</i> тех двоих?»
3.	А.И. Куприн, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 176	А.Н. Толстой	Псарня, Облай, Облаич	«Он, стыд и честь свою презрев, / На <i>псарне</i> стал <i>Облай</i> <i>Облаич!</i> »
4.	К.В. Ковальджи, «XX век в эпиграммах», 2002, с.400	—	Сторожевой пёс, лай	«У <i>пса сторожевого</i> реакция на чужого: / С одинаковым <i>лаем</i> кидается на жулика и на Толстого...»
5.	М.А. Дудин, «XX век в эпиграммах», 2002, с.400	Б.А. Кежун	Шавка	«То брякнет одою на лире, / То твякнет <i>шавкою</i> в сатире, / То, как Булгарин, донесёт!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «угодничество»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	В.И. Гафт, «Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы», 2008	Е.А. Евтушенко	Виляешь хвостом	Зачем мальчишка-показушник, / Опять <i>виляешь</i> ты <i>хвостом</i> ?
2.	С.Д. Давыдов, «XX век в эпиграммах», 2002, с. 396	«Собаке прозаика от собаки Давыдова»	Пёсик	«Милый <i>пёсик</i> в пейсиках, / Твоя песня – пенсия!», «Тихий ты, как просьба, / Как школяр в экзамены, / Скромный ты, как проза /

				Твоего хозяина!»
--	--	--	--	------------------

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «злость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Н.Н. Вентцель, «Русская эпитаграмма», 2000, с. 235	«Педагог»	Бульдог	«Жил некий педагог. / Не так был зол он, как <i>бульдог</i> »
2.	Прокопий Хлестков, ж-л «Весёлый листок», 1947, № 1(4), с. 20	Б.П.	Псы	«Окружён и растерзан собственными <i>псами...</i> »

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «тщеславие»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контекст
1.	С.В. Смирнов, «"Крокодил" всех времён и народов», 2007, с. 168	«Пудель»	Пудель	«Ему шептали льстивые уста», «Ты <i>Пудель</i> , / А стрижёшься подо Льва»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «глупость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контекст
1.	С.А. Швецов, «XX век в эпитаграммах», 2002, с.246	Б.Л. Пастернак	Собака	«У попа была <i>собака</i> , / Обожала Пастернака... / Поп её любил. / Но однажды этот <i>пёс</i> / Том Дудинцева принёс... / Поп её убил!»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «навязчивость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контекст
1.	С.Д. Давыдов, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 102	«Критикессе N»	Муму, долаялась	«И эдак меня, и так. / А за что – никак не пойму... / Вопит, мол, со мною замаялась! / Она по уму – совсем как <i>Муму</i> , / Которая все же <i>долаялась!</i> »

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «наивность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контекст
1.	А.Г. Архангельский, «Пародии. Эпитаграммы», 1988, с. 277	М.М. Пришвин	Охотничья порода	«Он, несмотря на бороду и годы, / Чистейшее дитя... <i>охотничьей породы</i> »

Общеотрицательная оценочность зооморфного образа *собака*

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпитаграммы	Репрезентант	Контексты
1.	М.А. Светлов, «XX век в эпитаграммах»,	«Автоэпитаграмма»	Человек с лицом	«Человек с лицом <i>собаки</i> – / Что ты хочешь от меня?!»

	2002, с.258		собаки	
2.	И. Ринк, «XX век в эпиграммах», 2002, с.228	В. Назаренко	Собака	«У Назаренко есть один изъян: / Он, <i>не обнюхавшись</i> , на ближних лезет в драки. / Род человеческий идет от обезьян, / А Назаренко – от своей <i>собаки!</i> »
3.	В.И. Гафт, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 86	И. Саввина	Собаки, шпиц	«В Крыму гуляли две <i>собаки</i> : / Поменьше – <i>шпиц</i> , побольше – <i>Ия</i> »

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «ум»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	В.И. Гафт, «Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы», 2008	«Трое в лодке» (Миронову, Державину, Ширвиндту)	Собачка, фокстерьер	«А зря <i>собачку</i> не считали, / Вам всем бы брать с неё пример», «рядом умный <i>фокстерьер</i> », «лишь <i>фокстерьеру</i> по зубам»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «чувство собственного достоинства»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Ю.Н. Кушак, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 177	«Друзьям о друзьях»	Собаки, собака, бульдог	« <i>Собаки</i> – друзья человека», «Об этом не каждая знает <i>собака</i> », «И прежде, чем лапу <i>Бульдогу</i> пожать, / Узнайте – не будет ли Друг возражать...»

Зооморфный образ *собака* с семантическим доминантным признаком «верность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	В.Н. Суслов, «Лично известны», 1986, с. 86	Г.Н. Троепольский	Бим	«Ему свою печаль поведал <i>Бим</i> . / С тех самых пор и нами он любим»

Нейтральная характеристика зооморфного образа *собака*

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Я.А. Сашин, «XX век в эпиграммах», 2002, с.222	С.В. Михалков	Съел собаку	«...басней не «убил бобра», / Хотя на баснях «съел собаку»
2.	–	Е.В. Воеводин	густопсов, чистопороден, псины	«Он <i>густопсов</i> , <i>чистопороден</i> , – / По всем статьям подходит к <i>псинам!</i> »
3.	Ю. Алешковский, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 27	«Заеденный безденежьем, лежу в ночлежке»	Собака	«Столько б юаней Юз-Фу, / сколько блох на <i>бездомной собаке</i> »
4.	Ф.Д. Кривин, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 166	–	Собаки	«Сказали оленю: «При виде врага / Всегда ты уходишь от драки. / Ведь ты же имеешь такие рога, / Каких не имеют <i>собаки</i> »
5.	Ф.Д. Кривин,	«Дистрофики»	Пёс	«Проворный <i>пёс</i> , а зайца не

	«Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 166		(собака)	догнал», «Не взять <i>собаке</i> в толк. / Она ведь тоже бегают не хуже... / <i>Собака</i> только выполняет долг, / А заяц в пятки вкладывает душу»
6.	В. Вишневский, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 76	«Создателям детективов»	Съел собаку, Баскервилей	«Конан-Дойль на этом деле / Съел <i>собаку</i> (<i>Баскервилей</i>)»
7.	И.Р. Резник, «Крокодил», 1986, №18, с. 6	«Полиглотка»	Пёс; по-собачьи	«С любимым <i>псом</i> – по-человечьи, / С детьми и мужем – <i>по-собачьи</i> »

Таблица 2. Доминантные признаки образа *конь/лошадь* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«выгода»	обман, уловка
2.	«беспечность»	бездумность
3.	«бездоказательность самооправдания»	необоснованность
4.	«бессилие»	доверчивость
5.	«подлость»	клевета
6.	«притворство»	коварство
7.	«слабость»	уязвимость
8.	«безнаказанность»	беззаконье
9.	«своенравие»	дерзость
10.	«успех»	признание
11.	«помощь»	поддержка
12.	«сила»	мощь
13.	«свободолюбие»	вольнюлюбие

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «выгода»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	А.А. Мурай, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 205	Б.Н. Ельцин	Троянский конь	«Луча огонь, / Везде ловил симпатии / <i>Троянский конь</i> / Российской демократии»
2.	С.Я. Маршак, «XX век в эпиграммах», с. 322	А.Н. Толстой	Доходный конёк	«Лет полтора над Невой / Ваш конь стремится в облака... / Но нынче сел туда ... Толстой, / Как на доходного конька!»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «беспечность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Б.Г. Юдин, «"Крокодил" всех времён и народов», с. 533	С. Есенин (на свержноватора)	Конь	«Будто от твоих стихов пытаюсь / Ускакать на розовом <i>коне</i> »

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «бездоказательность самооправдания»

№	Автор, сборник,	Адресат/название	Репрезен-	Контекст
---	-----------------	------------------	-----------	----------

	год, стр.	эпиграммы	тант	
1.	Б.Н. Брайнин «Прошу высечь», с. 74	Е.А. Лебедеву (Исполнителю роли Холстомера)	Лошадь	«Мол, я – не я и <i>лошадь</i> не моя»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «бессилие»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	В.В. Орлов, «XX век в эпиграммах», с. 410	«Крепчаем»	Хвост, грива	«К благополучью путь не прост, / Но мы крепчаем непрерывно: / Сначала нас имели в <i>хвост</i> , / Теперь – имеют в <i>хвост</i> и в <i>гриву</i> ...»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «подлость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	А. Сивицкий, Ю. Тимьянский «"Крокодил" всех времен и народов», с. 462	«В мире животных»	Конь	«Мне воз тащить не хочется! – Поведал <i>конь коню</i> / – Я лучше на извозчика / «Телегу» сочиню!»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «притворство»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	О.Э. Мандельштам, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 194	П.Н. Васильев «Дружеский экспромт в связи с кулуарными разговорами о том, что он находится под влиянием Мандельштама»	Конь заржал	«Мякнул <i>конь</i> , и кот заржал – / Казак еврею подражал»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «слабость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	А.Я. Рейжевский «Из записных книжек», 1968, с. 184	«Высшее существо»	Скотина	«Примитивная <i>скотина</i> / Не выносит никотина»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком
«безнаказанность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	В.С. Соловьёв, «Русская эпиграмма», 2000, с. 232	–	Мерины	«Благонамеренный / И грустный анекдот! / Какие <i>мерины</i> / Пасут теперь народ!»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «своенравие»

№	Автор, сборник,	Адресат/название	Репрезен-	Контекст
---	-----------------	------------------	-----------	----------

	год, стр.	эпиграммы	тант	
1.	Е.А. Долматовский, «XX век в эпиграммах», с. 300	Б.А. Слуцкий	Кони загон копыта	«Неплохо описав, как плыли кони, / И объявив, что физикам почёт, / Теперь, как лирик, он стоит в загоне, / И рвёт постромки, и копытом бьёт!»

Общеотрицательная оценочность зооморфного образа *конь/лошадь*

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контексты
1.	М.А. Дудин, «XX век в эпиграммах», с. 84	Р.Г. Гамзатов	Конь	«Если б я имел коня, – / Был бы молодец / Если б конь имел меня, – / Был бы мне ...!»
2.	В.И. Гафт «Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы», 2008	И.П. Мирошниченко	Конский череп	«В конском черепе у дамы / Раздалось змеи шипенье...»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «успех»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контексты
1.	А.А. Иванов, «Птичку жалко», с. 203	Е.А. Лебедев	Лошадь	«Играет лошадь. / Пожинает лавры»
2.	Б.Н. Брайнин, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с.56	«Исторические стансы»	Конь	«И Петр не оказался б на коне»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «помощь»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контексты
1.	Б.Г. Юдин «"Крокодил" всех времен и народов», с. 534	А.Т. Твардовский (на сверхдеревен- ского пиита)	Каурый конь недоуздок кнут супонь	«Супоросою хавронью / И каурого коня / Недоуздок, кнут с супонью...»
2.	Б.Н. Брайнин, «XX век в эпиграммах», с. 70	С.М. Бытовой	Конный	«Один рождён для жизни конной, Другой – для жизни бытовой...»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком «сила»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
1.	Юлий Китаевич, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 153	–	Конь	«Коня на скаку остановит. / Но кто остановит меня?»

Зооморфный образ *конь/лошадь* с семантическим доминантным признаком
«свободолюбие»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезен- тант	Контекст
---	------------------------------	-------------------------------	-------------------	----------

1.	С.Я. Маршак, «XX век в эпиграммах», с. 322	А.Н. Толстой	Конь	«Ваш <i>конь</i> стремится в облака»
----	--	--------------	------	--------------------------------------

Нейтральные характеристики зооморфного образа *конь/лошадь*

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	А.Я. Рейжевский, «Из записных книжек», с. 144	Е.А. Лебедев «К премьере спектакля «Холстомер»	Конь	«Себя ничуть не изменя, / Сыграв Ягу, сыграл <i>Коня</i> »
2.	Дон Аминадо, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 119	–	Лошадь конюшня	«Если голубь до рассвета / На <i>конюшне</i> и проспал», «Всё же <i>лошадью</i> не стал»
3.	А.Я. Рейжевский «Из записных книжек», с. 112	М.Ф. Шатров	Кони	«"Синие <i>кони</i> на красной траве" – / Теперь эталон реализма»
4.	Б.Н. Брайнин «"Крокодил" всех времён и народов», с. 212	Н.С. Михалков	Конь	«Бесподобно синеокий, / Он гарцует на <i>коне</i> ...»

Таблица 3. Доминантные признаки образа *лев* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«подлость»	подлость в сравнении с благородством
2.	«страх»	испуг
3.	«опасность»	риск
4.	«значимость»	важность, сила, благородство
5.	«талант»	мощь, смелость, ловкость

Зооморфный образ *лев* с семантическим доминантным признаком «подлость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	С.Д. Давыдов, «XX век в эпиграммах», с. 185	Л.В. Куклин, Л.И. Ошанин	Львы	« <i>Львы</i> – очень тонкая наука, / Их чтит по-разному народ: / Вот Лев Ошанин – это сука, А Лев Куклин – наоборот!»
2.	Н. Глазков, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 88	Л.И. Ошанин, Л.А. Озеров	Львы	« <i>Львы</i> – очень тонкая наука, / Их чтит по-разному народ: / Вот Лев Ошанин – это сука, А Лев Озёров – наоборот!»

Зооморфный образ *лев* с семантическим доминантным признаком «страх»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	С.Я. Маршак «Лирические эпиграммы», 1970, с. 39	–	Лев	«Могучий <i>лев</i> испытывает страх / Перед неведомым...»

Зооморфный образ *лев* с семантическим доминантным признаком «опасность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
---	---------------------------	----------------------------	--------------	----------

1.	А.А. Иванов, А.Я. Рейжевский «... О двух концах», 1969, с. 120	Михаил Львов	Львы; укротитель	«Не выпускают <i>львов</i> без укротителя»
----	---	--------------	---------------------	--

Зооморфный образ *лев* с семантическим доминантным признаком «значимость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	А.И. Куприн, Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 176	А.Н. Толстой	Лев	«Он Алексей, но Николаич, / Он Николаич, но не <i>Лев</i> ...»
2.	У.Б. Радек, «Русская эпиграмма», 2000, с. 282	К.Е. Ворошилову, который в угоду Сталину назвал К.Б. Радика и его друзей «троцкистским охвостем», декабрь, 1925 года	Лев; хвост	«Не лучше ль быть <i>хвостом</i> у <i>Льва</i> / Чем задницей у Сталина?»
3.	Л. Молчанов, «XX век в эпиграммах», с. 188	Л.В. Куклин	Львы	«Ни халывы, ни халвы / Не искали... / Ибо – <i>львы!</i> »
4.	А.И. Безыменский «XX век в эпиграммах», с. 49	Н.Н. Асеев	Лев	«Он <i>рыкает</i> , как <i>лев</i> , а всё выходит ЛЕФ»
5.	Д. Смйлов, «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 255	Л. Копелев	Лев	«Ты всегда бываешь, Лев, / <i>Лев</i> »

Зооморфный образ *лев* с семантическим доминантным признаком «талант»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Г. Соловьёв, «XX век в эпиграммах», с. 303	М.А. Соболев	Лев	«В пушнине значит многое и соболев, / В поэзии ж не всякий Соболев – <i>лев</i> ...»
2.	С.Я. Маршак, «XX век в эпиграммах», с. 322	А.Н. Толстой	Лев	«Алексей под видом <i>льва</i> », «Сам теперь почти что <i>Лев!</i> »
3.	М.А. Светлов «XX век в эпиграммах», с. 356	Л.Р. Шейнин	Лев	«Теперь в литературе – <i>лев</i> »
4.	А.Б. Раскин, «XX век в эпиграммах», с. 357	Л.Р. Шейнин	Лев	<i>Лев</i> на охоте! / Стар иль молод»

Таблица 4. Доминантные признаки образа *волк* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«кровожадность»	хищность, коварство, злость
2.	«хитрость»	притворство
3.	«трусость»	страх
4.	«своенравие»	необузданность
5.	«неблагодарность»	напрасность

6.	«нахальство»	наглость
7.	«опытность»	сноровка

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «кровожадность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Феликс Кривин «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 167	–	Волки	«Волки ели, ели славно», «...и овцы сыты, / А уж волки и подавно»
2.	А.Б. Раскин «XX век в эпиграммах», с. 245	Ф.И. Панфёров	Волки	«Героя съели иль не съели волки?», «Пожалуй, съели... Волки всё съедят...»
3.	М.А. Светлов «XX век в эпиграммах», с. 126	В.В. Ермилов, В.О. Перцов, К.Л. Зелинский	Волчья стая	«Вдруг на меня напала волчья стая...»
4.	А.Я Рейжевский «Из записных книжек», 1986, с.80	В.М. Песков	Серый Волк	«Он храбро защищал волков / От пуль, капканов и силков», «...Но серый волк его не понял»
5.	А.А. Иванов «Птичку жалко», 2000, с. 207	А.Д. Папанов	Волк; рычит	«страшный волк рычит с телеэкранов»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «хитрость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Феликс Кривин «Антология Сатиры и Юмора XX века», с. 167	–	Волки	«Овцы ели, ели, ели – / До отвала, до победы, – / Так, что волки еле-еле / Дождались конца обеда»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «трусость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	М.А. Светлов «XX век в эпиграммах», с. 126	В.В. Ермилов, В.О. Перцов, К.Л. Зелинский	Волки	«Прочёл им две статьи – волков и след пропал!»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «своеобразие»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	А.Д. Балабуха «XX век в эпиграммах», с. 194-195	О.Н. Ларионова	Волчица	«Ведь Ларионова – не "Киска", / Но своевольная волчица!»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «неблагодарность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	А.Я Рейжевский «Из записных книжек», 1986, с.80	В.М. Песков	Волки	«Он храбро защищал волков / От пуль, капканов и силков», «И добротой людей он пронял! / ...Но серый волк его не понял»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «нахальство»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	«Тонек» «XX век в эпиграммах», с. 377	Д.Т. Хренков	Волк	«То не <i>волк</i> , молодой и нахальный, / Ускользает от вольных стрелков»

Общеотрицательная оценочность зооморфного образа *волк*

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Б.Н. Браинин «"Крокодил" всех времён и народов», с. 213	В.М. Песков	Тамбовский волк	«Он честно дружит со зверьём, / Тамбовский волк ему товарищ, – / В хорошем смысле, а не в "том"»
2.	А.Б. Раскин «Очерки и почерки», 1959, с.124	Г.Е. Рыклин	Воют	«Его герои дико голоса, / Шипят и воют, выпускают стоны»
3.	А.А. Койранский «Русская эпиграмма», 2005, с. 315	–	Воет	«Дико воет Эренбург»

Зооморфный образ *волк* с семантическим доминантным признаком «опытность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	А.Г. Архангельский «Пародии. Эпиграммы», с. 307	А.С. Новиков-Прибой	Морской волк	«Старые морские волки / Умеют выйти сухими из воды»

Таблица 5. Доминантные признаки образа *змея* и их семантические оттенки

№	Доминантные признаки	Семантические оттенки
1.	«опасность»	коварство, злость
2.	«ненасытность»	хищность
3.	«ядовитость»	лекарство – противоядие
4.	«угодничество»	преклонение
5.	«слабость»	беспомощность против силы
6.	«красота»	изящество

Зооморфный образ *змея* с семантическим доминантным признаком «опасность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Л.В. Куклин, «XX век в эпиграммах», 2002, с. 339	«Ирине Хакамаде в год Змеи»	Яд	«И в ней на всех хватает яда»
2.	А.Б. Раскин «Очерки и почерки», 1959, с. 124	Г.Е. Рыклин	Шипят	«Шипят и воют, выпускают стоны»
3.	В.И. Гафт, 2008	И.П. Мирошниченко	Змея; шипенье	«В конском черепе у дамы / Раздалось змеи шипенье»

Зооморфный образ змея с семантическим доминантным признаком «ненасытность»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	Л.И. Ошанин, «"Крокодил" всех времён и народов», 2007, с. 404	–	Удав	«Он свернулся, как удав, / Переваривая пищу»
2.	С. Чёрный	Д. Бедный	Удав	«И получать пайки удава»

Зооморфный образ змея с семантическим доминантным признаком «ядовитость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контексты
1.	В.С. Лихачёв, «Русская эпиграмма», 2005, с. 279, 1902	–	Змея; ужален	«Змею Буренин раздавить хотел, / Но был ужален ею в тело / И что ж? Буренин здоров и цел, Змея ж на месте околела»
2.	Е.Г. Полонская, «XX век в эпиграммах», 2002, с. 178	В.А. Кочетов	Змеиный яд; кусает	«Но вылечил его китайский врач змеиным ядом... / Больной здоров, как прежде: ест, шипит, кусает...»

Зооморфный образ змея с семантическим доминантным признаком «угодничество»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Л.В. Куклин, «XX век в эпиграммах», 2002, с. 406	«Предостережение»	Змея; пресмыкаться	«Встречайте трезво год Змеи / Не стоит слишком увлекаться: / Вокруг – сограждане твои, / И все способны пресмыкаться!»

Зооморфный образ змея с семантическим доминантным признаком «слабость»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	А. Сивицкий, Ю. Тимянский, «"Крокодил" всех времён и народов», 2007, с. 463	«В мире животных»	Уж; Гадюка; жало	«Ужа в объятиях держа, / Гадюка так его зажала, / Что уж пообещал, дрожа, / Впредь уважать её за жало!»

Зооморфный образ змея с семантическим доминантным признаком «красота»

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Н.М. Олейников, «Антология Сатиры и Юмора XX века», 2005, с. 211	Чарльз Дарвин	Головка змеиная	«Он видел головку змеиную / И рыбий раздвоенный хвост... / Был Дарвин известный учёный, Но он красоты не имел»

Нейтральная характеристика зооморфного образа змея

№	Автор, сборник, год, стр.	Адресат/название эпиграммы	Репрезентант	Контекст
1.	Л.В. Куклин, «XX век в эпиграммах», 2002, с. 113	Н.Н. Дроздов	Змеи	«Друг змей, пауков и дроздов»